Проза:
женский род

Ирина
КУДЕСОВА

ТАМ, ГДЕ ХОЧЕШЬ

Ирина КУДЕСОВА

ТАМ, ГДЕ ХОЧЕШЬ

Ирина КУДЕСОВА

ТАМ, ГДЕ ХОЧЕШЬ

Роман

Москва. «АСТ». «АСТРЕЛЬ»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К88

Оформление переплета *Ирина Сальникова*

Иллюстрации в тексте *Дмитрий Евтушенко*

Фото автора на переплете *Wilfried Gendarme*

Кудесова, И.А.

К88 Там, где хочешь : роман / Ирина Кудесова. — М. : АСТ : Астрель, 2011. — 411, [5] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-074556-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-36208-8 (ООО «Издательство Астрель»)

«Там, где хочешь» — третий роман Ирины Кудесовой, прозаика, переводчика, журналиста телеканала «Россия» во Франции.

Марина, молодая художница из провинциального городка, приехала в Париж — написать его крыши и улочки, выучиться на дизайнера... и, возможно, найти любовь. Парижская жизнь, как карусель, уносит ее от семейных скандалов и неустроенности, из ресторана на Елисейских Полях в бедные эмигрантские районы, от одного мужчины к другому, от полного отчаяния — к внезапной надежде...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 31.05.11. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ № 4897.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-074556-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-36208-8 (ООО «Издательство Астрель»)

© Кудесова И.А.
© ООО «Издательство Астрель»

Ты наверняка знаешь это. С тобой случалось, или случилось хоть раз.

Или случится, и ты узнаешь.

Это — радость. Но только не настоящая, не та, которую можно вдохнуть, задержать в легких; пропитаться ею, чтобы она проникла в каждую клетку, — нет. Это — другая отрада, хроменькая, воображением вытканная: ты умеешь исчезать оттуда, где быть не хочешь, где тебе не надо. Из этого дня, часа, из этой минуты ты делаешь шаг в свой придуманный мир, и тебя здесь больше нет.

Тебя нет, когда пьяный отец швыряет в раковину сковородку, оборачивается, хватает со стола батон колбасы: «Жрете мое?» Ты не шевелишься, ты пустое место, незадвинутый стул, тебя здесь нет.

Тебя нет, когда сосед больно прижимает спиной к перилам и водит небритой мордой по лицу, — ты задерживаешь дыхание, опускаешь веки. Тебя нет.

Тебя нет, когда плачет мама. Отец называет ее потаскухой и пытается ударить. Это повторяется так часто, что в тебе уже нет возмущения — одна усталость. Мама — добровольная пленница, что теперь. Когда-нибудь тебя здесь и вправду не будет, жаль маму.

Когда-нибудь ты будешь там, где хочешь, с тем, с кем хочешь.

Ирина Кудесова

Поначалу, конечно, ты все напутаешь. Выскочишь из камерного кошмара замуж, прочь, в тепло, в тишину. Не найдешь тепла, помаешься и влюбишься в рядового поганца. Оно останется с тобой, воспоминание: утро, темно-желтая штора с пятнышком посередине, муж — безликая тяжесть — втискивает твое тело в матрас, дышит в лицо сонным ртом. Ты цепляешься взглядом за пятнышко на шторе, хочется закричать. У тебя не получается это: «Меня здесь нет». И вдруг — чудесное решение: не рваться из тела, закрыть глаза и вообразить поганца (в то время — героя). Мир сразу переворачивается, как стеклышки в калейдоскопе. Бряк! — и нет ни запаха, ни пятна на шторе, ни шторы, ни квартиры мужниных родителей, ни этой высотки на окраине, ни четырех лет брака, ни тебя самой. Есть радость. Только радость, ничего больше. Помнишь?

А может, ты помнишь другое — когда сзади на шею ложится рука и ласково, смеясь, треплет твои волосы. Да, рука смеется, и тебе неловко. Ты живешь с тем, с кем хочешь, ты больше не бежишь никуда, ты прибежала. Тебе не нужна чужая веселая рука.

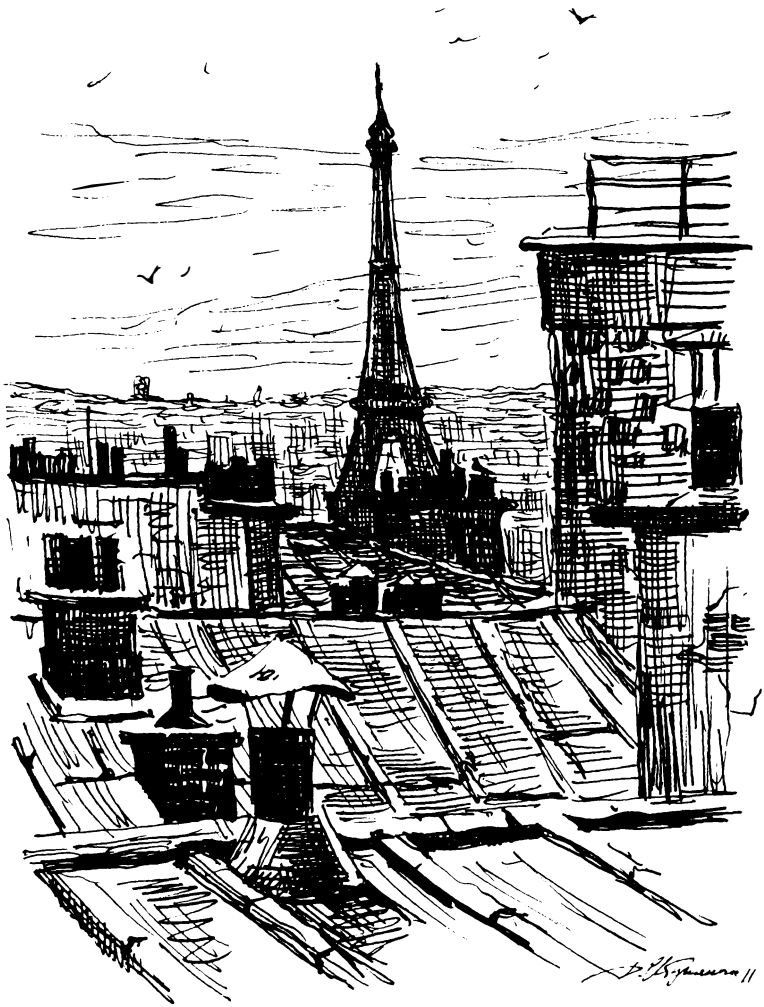
Ветер полощет край навеса кафе, тебе зябко и хочется поскорее домой.

Но ты вернешься только под утро. Будешь стучать в закрытую изнутри дверь; соседка высунет мордочку, поведет усиками и спрячется, дзинькнув дверной цепочкой. Дома ты станешь клясться, что «ничего не было». Это правда. Но и неправда, потому что была — радость. Радость, которую можно вдохнуть, задержать в легких; пропитаться ею, и она разобьется на тысячи маленьких радостей. Они проникнут в каждую клетку, закрутятся в них, как собака, обживающая подстилку, угомонятся, улягутся, задремлют. Они не уйдут, ты не позволишь им уйти. Проснувшись, обнаружишь эсэмэску, четыре слова, — и собачонки в клетках очнутся, растявкаются: ты здесь.

Наконец-то ты здесь, и хочется жить.

I

TERRA

1

Дурочка, наслушалась французских шлягеров шестидесятых. «Хочу жить, жить. Хочу, чтобы меня любили». Кто ж ей жить-то мешает? Все это нытье «про любовь» — результат безделья. Доказано учеными: любви в природе нет — только химия организма. Если есть что-то стоящее, так это когда тебе с человеком хорошо. Говорил ей — мне с тобой хорошо. А может, и не говорил. Но ясно ведь.

2

Семнадцатый этаж. В пропасти на парковке копошатся микробоскопические людишки, выгружают из багажника запасы еды. Вдалеке дергается в галогенной судороге синяя «о» вывески супермаркета *"Carrefour"*. На небе вздулась туча — вот-вот треснет.

Марина отходит от окна. Стоило ехать в Париж, чтобы жить в скверном квартале загородом, в окружении «носатых».

— Ко́рто!

Корто шнурует кроссовки. Он по вечерам бегает. Восемь километров, даже когда лень. Сила духа.

Марина вертит в руках корзинку для фруктов.

— Я тебе сигналю, ты сожрал последнее яблоко!

Корто берется за ручку двери:

— А я сигналю, что неплохо бы заняться едой, если желаешь увидеть вожделенный мульт. Правда, я не уверен, что буду смотреть на этих японских страшил с нездоровой ориентацией.

«Киносеансы» проходят за ужином, чтобы процесс потребления пищи был наполнен смыслом.

— Ты скачал «Утэну»!

Дверь захлопывается.

— Спасибо, Корто.

Визиты в кинотеатр редки, как зубы у старушки. Зачем тащиться в город и платить кровные, когда из Интернета развлекаловку можно гигабайтами сливать? И пускай полиция выясняет, кто там фильмы качает, — для этого процесса хитроумный Корто приспособил компьютер на работе. Там за главного жадобистый старикашка по прозвищу Тибидох. Тибидоха зовут Жаном, и он смахивает на Хоттабыча — сейчас как дернет из бороды волос, прошепчет: «Трах-тибидох, свались повод не заплатить работничкам!» И наверняка дергает: в конторе то одна «финансовая неурядица», то другая. Вот только Корто Тибидоху на компьютер шпиона установил, документацию считывать. И шпион докладывает: врет старый пень напропалую. Так что привет ему от французской интернет-полиции.

Марина вываливает на стол две куриные ноги, намертво смерзшиеся валетом. Никакой возни: плеснул водицы на сковородку, натер лапы солью, накрыл крышкой и туши. А пока тушится — сядешь с альбомчиком у окошка, рисуешь *mex*, совсем из другого мира.

3

В Корто Марина едва не втрескалась по Интернету. У нее на счету лежала сумма — не то чтобы кругленькая, но достаточная для обучения компьютерному дизайну в стране галлов. Теплым весенним вечером Марина бродила по Сети, подыскивала школу и наткнулась на форум русских во Франции, где с Корто и познакомилась. Там же ей посоветовали учебу — в центре Парижа, на рю де Риволи. «Работу после найдешь легко» — это значит, можно не возвращаться на славную улицу Десятой Пятилетки в Новочебоксарске, к обвешанным детьми разве-

денным подружкам, пожизненно пьяному отцу и матушке, об одном мечтающей – чтобы в жизнь дочери въехал осеменитель (ясно, не на белой кобыле, ну хоть на ишаке, «что уж теперь, в ее-то возрасте»).

Да, понравилась эта фраза: «Работу найдешь легко».

Поначалу переписка с Корто выглядела безобидно. Человек, проживший в стране десять лет, давал бытовые советы новичку. Потом – доверительный оборот: выясняется, что Корто полтора года как расстался с подружкой, американкой, обретающейся в Лондоне. Интернет-знакомства утешения не принесли: «всё дуры попадались»; две, правда, связно беседы вели, но на поверку (встреча на Сен-Мишеле в кафе) обе оказались «форменными кикиморами». Травмированный Корто положил виртуальным шашням конец. «Бедненький...» – Марина почти рассиропилась, но тут ее корреспондент перестал писать.

4

– Идентифицируешь «носатую» из конца коридора? Толстая такая, – Корто стягивает кроссовки.

«Носатые» – это африканцы. Незлобивое прозвище родилось путем примитивного словотворчества. Маринин знакомый, Бернар, – пассивный борец за «чистоту французского народа» – называет выходцев из Южной Африки не иначе как «негро». Втихую, чтобы в пятак не получить («негро» – вроде как «макака» по степени обидности). А на верлане, языке парижских улиц, начало и конец слова меняют местами: чужих с толку сбивают. По тому же принципу бернаровское «негро» превратилось у Марины в «гроне», а *"gros nez"* в переводе с французского – «большие носы».

– Ты про мадам Кейта?

– В лифте с ней ехал. Помнишь, она деда в коляске регулярно в парк вывозила? Чтобы к земле привыкал?

– Ну?

– Всё. Ласты склеил.

Циник Корто. Смерть для него — не повод для кислой мины. Он считает, что мы как собаки — пришли в мир побегать, понюхать, пожрать, лапу у столба задрать. И сдохнуть. Заявил Тибидоху: «У меня дома бабка никак не помрет».

Дома — это в Казахстане, в Алма-Ате. Лет семь он туда не наведывался. Марина с его матушкой водит электронные беседы: жалко ее, сын пишет только по делу. «Корто, черкни слово матери». — «Новостей нет». — «Да не новости ей нужны, а ты...» Бесполезно.

Если бы в свое время Корто не выпал из переписки, ничего бы у них не вышло. На «сю-сю» он органически не способен, атрофия — а кроме слов, чем еще чувства подогревать на дистанции?

Так что судьба им была оказаться в этом невеселом пригороде, в двадцатиметровой муниципальной квартирке с видом на парковку.

5

В начале была учеба. Приехал из Алма-Аты в Москву, рискнул, замахнулся на биофак МГУ. Армия недосчиталась очередного обормота.

Жили втроем в одной комнате — Шурик Макаров, Жека Полойко и он, Корто, который никаким Корто тогда не звался, а звался Денисом Сельяновым. Общага научила спать под орущий телевизор, под гитарное треньканье изучать особенности строения крокодильего глаза, караулить картошку на этапе варки (полусырую выловят и сожрут). Лопали ее изо дня в день с кефиром: денег не водилось, а подрабатывать было некогда — учебы через край. Какие уж там девушки.

Потом — аспирантура и слушок: двум лучшим светит стажировка во Франции, но эти двое должны изъясняться по-французски. Корто выбрал в сообщники Шурика Макарова.

Вставали в шесть и зубрили. Париж или Алма-Ата. При таком раскладе и в четыре утра подскочишь.

6

Их было несколько, острых воспоминаний юности.

Одно — восьмой класс, лучшая подруга Анька живет с отцом: мамы четыре года как нет. Марине нравится Анькин отец — она влюбилась бы в него, так, понарошку, но уж больно стар: сорок пять лет. Не шутка, если тебе четырнадцать. И непонятно, что делать с этой теплой волной внутри, когда раздается стук в дверь Анькиной комнаты, и — «Сюрпри-из!»: подружкин отец стоит на пороге с подносом, у них такой черный расписанный под палех поднос, а на нем два стакана апельсинового сока и горка бутербродов. «Поклюйте, пташки-болтушки...» Никто не просил, сам сделал и принес.

И вот воспоминание: Марина собирается домой, натягивает курточку, за окном тьма, осень. Анькин отец вызывается проводить, ныряет в пальто, шарф наматывает одной рукой: готов! Анька смеется: «Пап, ботинки забыл надеть!» Они выходят на улицу, голодный ветер набрасывается на них, Марина ежится. «Э, так дело не пойдет...» — Анькин отец снимает пальто и накидывает его Марине на плечи. «А как же вы, Владимир Семенович?» — «У меня под свитером броня, — стягивает шарф, обматывает Марине шею. — Я вообще панголин. А ты обещай одеваться, а не дурить».

— Кто вы?

— Панголин. И не простой, а морозоустойчивый.

Марина смеется, в коконе пальто тепло.

— Не знаешь? Это такие зверюги, покрыты чешуей, муравьями питаются. Ты в курсе, какие муравьи юркие? Нет? За ними не угонишься. Жевать каждого некогда, поэтому панголин отрастил зубы в животе. Наглотается муравьев, и на боковую. А зубы в брюхе — хрусть, хрусть, хрусть...

— Правда?

Поскорее бы дойти, никакой он не панголин, Анькин отец, замерзнет запросто... И опять же — никто его не просил, снял пальто и отдал. От этого — растерянность и благодарность. Хо-

чется что-то для него сделать, а не знаешь что, только семенишь торопливо. Эту тяжесть пальто на плечах она и запомнила. Ерунда, да? Ее отцу такой жест никогда в голову бы не пришел.

7

Когда Корто из переписки внезапно исчез, что обидно, на форуме он по-прежнему оставлял язвительные замечания. Нет, этот тип не был героем ее романа (кому охота жить с морским ежом). Но «еж» будил любопытство: ничего про себя не рассказывал, подписывался ником Корто Мальтез, таинственности напускал.

По приезде во Францию Марина отправилась на собирушку форумчан. В парке Со под Парижем.

Парк поразил размахом и выстриженными лужайками. Еще понравилась скульптура оленя — «мои рога, мое богатство».

Народ сидел на траве, запивал красным вином принесенную из дома всячину.

Она никого здесь не знала, никто не знал ее. Вино казалось слишком терпким, пластиковый стаканчик помялся под пальцами. Заговаривать с ней не спешили, сиди гадай: тот? этот? — фотографию Корто не присылал.

Да только не было его на лужайке парка. Кого спрашивала — пожимали плечами: Корто Мальтез — личность загадочная, на тусовки не ходит, да и вроде как в Нанте живет.

8

Поначалу поселили в отеле — окна выходили во двор школы стюардесс (юг Франции, Экс-ан-Прованс, конец лета). Сельянов и Макаров то и дело выметались на балкон с голым торсом; Макаров по утрам демонстративно тягал гантели, чудесным образом подобранные на помойке. Стюардессы перешептывались, хихикали, но условного знака ни одна не подала. Знакомство с женскими прелестями у Корто опять было отложено.

Познакомился он с ними, уже перебравшись в Бордо: девушку – на год старше и на все десять опытнее – звали Марго, приехала она из пригорода Бостона, учиться. К роману с русским аспирантом Марго отнеслась безответственно и, отправившись на недельку в Италию, наставила ему рога (подробно расписала в дневнике). Сдалась под напором страстного *ragazzo*. На то они и «рагаццо», чтобы рога наставлять.

Корто дневничок изучил, ломая глаза об американский сленг, и смолчал. Марго не знала, что русский аспирант способен на многое, если речь идет об отмщении. Знаменитую историю про котов он ей не рассказывал. Иначе не раскидывала бы она свои дневники.

9

Второе острое воспоминание юности – когда отец обнаружил ее рисунки. Марина рисовала на полях тетради, на черновиках – дома никто этому значения не придавал. Отец любил повторять: «На детях гениев природа отдыхает». Гением был он. Правда, непризнанным.

У него имелась даже персональная мастерская в Чебоксарах. Но имени он не сделал. Люто ненавидел Глазунова и Шилова; вообще, всем известным художникам дал прозвание «нежить». Нежитью номер один считался «прохиндей» Никас Сафронов, рисовавший президентов.

– А слабо ему Ельцина с собачьей головой изобразить? Слабо! Потому что нежить.

– Пап, ты просто завидуешь, – как-то не выдержала Марина. Противно наблюдать, как из человека злоба пузырится.

Чтоб он завидовал? Да ему по барабану, кто там что малюет!

Свои опыты Марина только маме показывала. Та говорила: «Мне нравится, но не вышло бы как в истории про бездарного артиста...» Марина бездарной себя не ощущала и все больше задумывалась о художественной школе.

А однажды она увлеклась мангой.

Поначалу перерисовывала из японского сборника комиксов миленьких персонажей с выразительными глазами на пол-лица, потом начала придумывать истории. Такую пачку листов и обнаружил отец.

Сперва он не понял, что это Маринино художество. Ей бы промолчать — может, и обошлось бы. Так ведь нет, сказала, гордость распирала — самой же нравилось.

Это воспоминание она не трогала. Оно лежало глубоко внутри: не видать, только тяжесть чувствуется. Листы отец изорвал так, что склеивать было глупо.

10

Марина сидела на каменной скамейке парка Со, одна. Зачем она пришла сюда? Ностальгии пока не появилось, и «маленькой России» не хотелось. Хотелось в чужом мире пожить, наудивляться.

Солнце было незлое, почти осеннее. Марина подставила ему лицо, думала о чем-то. Вдруг вспомнила, что забыла на лужайке шейный платок. Побрела назад.

Какой-то парнишка протянул ей стаканчик — все с тем же вином. Посидеть пять минут на траве для приличия и — домой. «Дома» странная диспозиция: два «брата-акробата», актер и фотограф. Актер красив, как ангел, работы нет, есть девушка, певица, — иногда остается ночевать. Фотограф тоже ничего, но водит то одну, то другую. Марину поселили в шестиметровой детской, больше похожей на чулан. Она ныряет в кровать и выключает свет, когда в ночи звякает ключ в замке: фотограф наверняка с кралей, лучше сделать вид, что сон свалил. Приятель Анькиного отца попросил фотографа приютить Марину, пока она жилье не найдет, и тот сделал доброе дело, так что нечего «отсвечивать».

Рядом на траву опустился тип в майке с надписью по-английски: «Я не общаюсь с идиотами. Подумай, прежде чем ко мне обратиться».

— Как настроение?

– Я лучше помолчу, – Марина кинула красноречивый взгляд на майку.

Хмыкнул:

– Откуда такая неуверенность в себе?

– Скорее, склонность все подвергать сомнению. Даже собственные способности.

– Наукой занимаешься?

– Не. Рисую...

– Вот как. Ник на форуме у тебя какой?

– Клелия.

– А я – Корто Мальтез.

11

Думал, она все еще в Новочебоксарске, эта Клелия. Переписка странно оборвалась. Написал ей – не ответила. Подождал, написал снова. Опять не ответила. На форуме появлялась. Решил: не хочет – не надо.

– Что это ты депеши слать перестал?

Хорошенькая. Худая, длинные рыжеватые волосы. Сидит, щурится на солнце. На радужке глаза будто золотые капельки разбросаны. Такую бы мне.

– Никогда не поверю, что два письма подряд не дошли.

– Корто, клянусь тебе...

– Клянись-клянись. Я, видишь ли, тоже все подвергаю сомнению.

Договорились прогуляться вечером по набережной Сены.

12

«Ильэвёню лётан дэкатедралё-о-о-о!» – всякий раз всплывало, когда она выходила из дома и сталкивалась взглядом с собором Сакре-Кёр. Построенный в девятнадцатом веке, он отношения к мюзиклу *"Notre Dame de Paris"* не имел, но оказался первой «катедралью», увиденной Мариной в Париже. На холм,

к собору, она поднималась каждый день. Пускай Сакре-Кёр называют самым уродливым храмом французской столицы – он улыбался ей. Рисуешь его – быстро, в карандаше, переворачиваешь рисунок – и своды превращаются в улыбки.

Радость вертелась повсюду – Марина едва успевала зарисовывать: окно, увитое плющом, бабулька с бантом на шее и с болонкой на вязаном поводке, девчонка на роликах – упала на лавку, вытянула ноги, запрокинула голову, замерла.

И так легко было. За десять минут вклеили в паспорт розовую бумажку – годовой вид на жительство, деньги еще оставались, жилье какое-никакое имелось. И был Париж, от которого она – не первая – потеряла голову, но не столько из-за того, что он прекрасен, сколько потому, что в воздухе пахло радостью. И хотелось рисовать!

А занесло ее сюда из-за мюзикла *"Notre Dame de Paris"*. Она – недолго – жила в Москве, работала моделью в художественной школе, и в нее влюбился мальчишка-студент. Подкараулил после занятий: «Простите... Можно вас... вам... я... я хотел вам спеть». Держал в руках гитару. Пожала плечом: «Здесь?» Кивнул. Села на ступеньку. Мальчишка пристроился ниже, начал струны перебирать, комичная ситуация, но смеяться некому. И прозвучало: «Боль...»

Эта музыка показалась ей смутно знакомой.

Боль –
Эсмеральды волосы черны, как смоль.
Боже мой, когда она танцует, сколь
Похожа на голубку, что сейчас вспорхнет.
О, эта боль меня, наверное, убьет.

Вот тело то, что я готов обожествить.
Чего еще у Богоматери просить?
Коль
В нее посмеет кинуть камень лицемер,
Ему не избежать проклятия химер!

О, Люцифер,
Сильней любых прекрасных грез
Мечта коснуться Эсмеральдиных волос!*

Точно — это же «Белль» из мюзикла *"Notre Dame de Paris"*. Только у мальчишки не «белль», а «боль»... Ему, верно, несладко.

Боль —
Я не ведаю, взялась она отколь:
Сердце будто режут поперек и вдоль!
О, Дьявол, слышишь, этим телом не глаголь —
Давно чужда уже земная мне юдоль.

Она — сам грех, о, мне желать ее доколь?
Ведь эта плоть мне — как на свежей ране соль.
Столь
Прекрасен, но притом трагичен образ сей,
Как будто крест она несет за всех людей...

О, Матерь Божья,
Коль судьба мне — согрешить,
Открыть мне сердце Эсмеральды разреши.

Это она, Марина — Эсмеральда? Да нет у нее сердца — после истории с Вадимом осколки, и те вымела. И не несла она крест за людей, она свой персональный еле тащила. Мальчишке же не сердце ее нужно, а то, про что поет, — нагляделся обнаженки.

Боль...
Ее черных глаз сиянье манит столь!
Телу этому быть девственным доколь —

* Здесь и далее стихотворения в переводе И.Кудесовой.

Когда движенье бедер каждого пьянит?
Под юбкой этой будто целый рай сокрыт!

Любимая, ты мое тело не неволь,
Пока я мужа твоего не принял роль.
Сколь
Глуп человек, что над собой возьмет контроль,
Ее увидев, и загасит эту боль!

О, Флер-де-Лис,
Недорога мне честь, и в срок
Сорву любви я Эсмеральдиной цветок.

Она смотрела на склонившуюся над струнами голову — пробор посередине, длинные светлые кудри. У него этих эсмеральд еще вагон будет.

В музыкальном ларьке купила диск с мюзиклом.

13

Дома Марина к телефону не приближается — братья не нанялись оплачивать русское «бла-бла». Но выход есть: телефонная будка возле дома. Покупай карточку и торчи столбиком на глазах у честного народа.

Кроме мамы и Ани, некому и звонить. Когда уезжала, Анькин отец дал несколько телефончиков «парижан» — старых знакомых, превратившихся в незнакомых. Но мало ли. Любой контакт полезен.

По приезде Марина остановилась в дешевеньком отеле: взобралась по скрипучей винтовой лестнице на самый верх, открыла перекошенную дверь. За дверью оказалась комнатка, совсем маленькая, стены — вот глупость! — выкрашены фиолетовой краской: ощущение, что ты попала в табакерку... И не Марина ты вовсе, а щепотка табака — сейчас раздвинется потолок, гигантские пальцы нырнут в комнату: где там моя по-

нюшка? — схватят, засунут в огромный нос, ноздря как пещера, да еще и мохнатая, щекотно и противно, замечешься, запутаешься в волосинах — скорей бы чихнул!

Нет, лучше не воображать такие ужасы. Отдернула занавеску и застыла: за окном были крыши. Серые крыши, прошитые на стыках; долгие алюминиевые удавы, оголодавшие без ливней; высохшие дождевые желобки; короткие столбики каминных труб — стайки замерших на задних лапах сусликов: «Кто там, кто там?» Ее первый парижский рисунок: алюминиевые удавы и кирпичные суслики, тушью.

Знакомым Анькиного отца Марина наоставляла сообщения на автоответчиках. Дозвонилась до одного господина — он сбежал во Францию в советское время, жил в Париже непонятно на что, то есть понятно — на дотации. «Проныра, — отрекомендовал его Анькин отец, — может научить житейской мудрости, в чужой стране оно полезно». Проныра согласился встретиться, но пришлось ехать к нему на окраину, там и гуляли. Потом он надумал выдвинуться в город — в его Бобини неинтересно гулять оказалось. Господин проскочил в метро без билета, прилепившись к Марине и обманув безмозглый турникет. «Это тоже из науки выживать!» — прокомментировал. Прошлись по Большим бульварам, *Grands Boulevards* — приятно бродить не одной. Завернули в забегаловку, господин заказал себе сэндвич, покосился на Марину и попросил второй. Марина поблагодарила. Господин ссыпал сдачу в карман и заметил, что во Франции каждый сам за себя платит. Марина засуетилась, но господин досадливо махнул рукой: что уж теперь. Марина еще раз поблагодарила. Расхотелось есть сэндвич и гулять тоже расхотелось. Через полчаса она сказала, что ей пора, и господин спустился вместе с ней в метро, а там снова прилепился сзади, мороча голову турникету.

Никто из «обзвоненных» не появился. Тем приятнее было увидеться с Корто.

На встречу Марина приехала пораньше, чтобы успеть сообщить Аньке: таинственный Корто Мальтез изловлен, что-то в нем

есть, «попытаюсь погрызть орешек». И — короткий звонок маме: в школу приняли, там у входа лежит усатый бегемот из папье-маше, учеба начинается через три недели. Из телефонной будки отлично просматривается место встречи: фонтан, где архангел Михаил без сантиментов расправляется с драконом.

14

Предложил ей встретиться на Сен-Мишеле, у фонтана Влюбленных. Никто не влюблен, но фонтан располагает к романтическому настрою. Хотя он оказался бессилен, когда на встречу заявились кикиморы из Интернета. Сейчас другое. Мечтательная провинциалка, художница с солнечными глазами — все ей интересно, живая, смешливая. Подумал и погладил белую рубашку.

15

— Они посмотрели твои рисунки?

— Ну конечно, мам. С моим французским мне оставалось только картинками брать...

— Понравилось им?

Мама трогательная такая. Приняли же... Хотя за деньги чего не бывает.

— Марин, помнишь, я говорила про бездарного актера и его маму? Не просто так. Твой отец заносчивый, потому что его перехвалили в молодости. Он себя вторым Модильяни возомнил. Я ему: «Ты алкаш», а он в ответ: «Гениальный алкаш».

Мама любит пережевывать одни и те же истории. Это не из-за потери памяти, просто у нее в жизни ничего нового не происходит.

Мама жалуется на отца, потом спрашивает, красив ли Париж и не обижают ли ее девочку фотограф и актер.

— Мам, тут чудесно... Жаль, гулять не с кем. — Марина подумала про Корто и улыбнулась.

Маму волновать нельзя — никаких намеков на возможного претендента. Когда вопрос с Францией решился, мама забыла про ишака и размечталась о белой кобыле. В Париже ведь все кавалеры конные. Так что слово выронишь — покоя не жди.

— А твой квартирный хозяин к тебе интереса не проявляет?

— Фотограф?

Это контрольный вопрос. На представителей творческих профессий у мамы аллергия. У нее один уже есть дома, храпит на диване, наорался на ведущего программы «Апокриф», нежитью обозвал, непонятно за что, видимо, по инерции.

Мама переводит тему:

— Кстати, ты помнишь эту историю про бездарного актера?

Марина не успевает открыть рот.

— Ну, его на премьере освистали, режиссер рвет волосы, а актер счастливый такой... Режиссер кричит: «Чему радуешься? Провалили спектакль!» Актер пожимает плечом и отвечает с блаженной улыбкой: «Маме понравилось...» Понимаешь, почему я тебя стараюсь не хвалить?

Марина заметила знакомый силуэт — и ей радостно стало. Просто смотреть на этого Корто было радостно.

16

К набережной пришвартованы кораблики — внутри темно. Скользящие огни обливают их светом, гонят тени из-под моста, — жирненькие речные трамвайчики ползут, утыканные довольными личиками. Под ногами — булыжники, и в ложбинки между ними неудобно соскальзывает каблук.

— Послушай, Корто...

— Вообще-то, я Денис. Корто — одна сотая от Дениса.

Гонки теней по стене набережной, по крупным белым камням.

— Я ж только с этой одной сотой знакома. К ней и обращаюсь...

— Хоть знаешь, кто такой Корто Мальтез?

Герой знаменитого во Франции итальянского комикса, авантюрист и красавчик, исколесивший полмира в поисках приключений, Корто Мальтез «жил» в начале прошлого века. «Знался» с Распутиным, Германом Гессе, Джеком Лондоном и даже Иосифом Джугашвили. Любимец женщин.

— На твоем месте я давно уже сделал бы выводы.

— Не примазывайся к чужим подвигам...

Поднялись в старый город, в узкие улочки.

— Улица Кота, Который Ловит Рыбу, шестнадцатый век. По легенде, тут в таверне обретался недюжинного ума котяра. В свободное время он ходил на рыбалку, добычу волок хозяевам. Всем бы такого кота. Хотя я котов... не очень.

— А ты бульон из них пробовал?..

Протопали еще немного.

— Это самое старое дерево в Париже. А напротив — самая старая церковь, бедного святого Жюльена.

Дерево того и гляди рухнет. А церковь какая-то не впечатляющая.

Марина отстает на пару шагов, смотрит Денису в спину. Белая рубашка, брюки. Не заинтересовался бы — притащился б в майке «про идиотов» и драных джинсах.

— Улица Жит-лё-Кёр, девятнадцатый век. Почему так названа, есть идеи?

— *"Cœur"*... «сердце»... Какая-то любовная история?

Походка развинченная, руки-в-карманы. Начинает нравиться. Сильно.

— Это лирика, художница. Реальность банальна — название пошло от Жиля лё Кё, что в то время означало «Повар Жиль». Кстати, о еде. Погрызть ничего не хочешь? Приглашаю.

17

Оккупировали столик на улице. Взяли по кроличьей лапе: не разорительно.

Клелия. Пальчики серебром унизаны. Кивнул:

– Можно посмотреть?

Протянула правую руку, растопырила пальцы. Сжал их:

– Попалась.

Вырываться не стала, повела плечом, подцепила на вилку картошину:

– Как есть-то будешь?

– Без ножа. Ну его, этикет этот.

Молчали с минуту, жевали. Она первая начала:

– Тебе здесь не одиноко?

Кролика ковырять неудобно, отпустил ее.

– Обычно вопрос формулируется иначе. А именно: «Ты не думал вернуться?» Я отвечаю, что идея блестящая.

Они все, кого «с большой земли» ветром заносит, спрашивают. Медом у них там на Руси намазано, что ли? Но тут – удивленный взгляд:

– Я совсем не о том... Просто страна-то чужая, хоть и красивая.

Хорош аргумент: красивая. Удобная, да. И без азиатской дикости.

– Спустя десять лет не такая и чужая. – Помолчал. – Можно подумать, Казахстан родной. Из этого «родного» уже полтора миллиона русских драпануло – с тех пор как у казахов национальное самосознание проснулось, и оказалось, что со сна у него плохое расположение духа.

Улыбнулась, вроде как с понимающим видом:

– Достали их колонизаторы...

Не ей казахов защищать, точно.

– У меня отец строитель, проектировщик. Говорит, мы урюкам страну с нуля выстроили, а теперь они себя пупами земли возомнили. Однажды он это объяснил местному косоглазому министру, когда – недолго – в его за́мах ходил.

– А тот?

– Уволил.

Кролик что надо. Опять помолчали. Клелия поежилась:

– А я вот боюсь, что мне будет одиноко.

проще. Все то же — бегаешь, работу вынюхиваешь, жилье ищешь, с регистрацией головная боль. Один плюс: они тоже по-русски говорят, москвичи.

— Но я хоть английский там выучила.

— Не пришло в голову, что курсы французского полезнее?

— О Франции я тогда не мечтала. И были это не курсы, а частные уроки с обалденной теткой.

— Какое совпадение. Я тоже «инглиш» выучил благодаря «теткам». На одной по дури чуть не подженился.

Смеется. Свяжешься с таким, развяжешься и в категорию теток попадешь...

Тарелки унесли, но рюмки остались. В каждой отражается веселая гирлянда из цветных огоньков, которой увито деревце в кадке. Там, где у рюмки выпуклость, огонек растекается яркой лужицей.

— Что ты за вино взял?

— «Кот де Бержерак».

— А говорил, не будем о котах...

Хмыкнул.

— Вообще-то, я по винам не специалист. Пью только за компанию и для проформы.

— Да... Не пьет, не курит, с дамами не балуется. Идеальный кандидат в мужья.

Ухмыльнулся:

— Муж — это тот, который с рогами?

Ну и характер.

— Денис, с рогами — это баран.

— Вот-вот. Он самый.

Молчали, смотрели друг на друга. Фыркнул наконец:

— Не верю я вашей сестре.

И откуда-то изнутри — зачем, к чему? — «Поверишь». Многих; наверно, оттолкнуло это — ухмылка, прохладца. А ей, Марине, они как позывные. *SOS*. Потянуться через стол, взять в ладонь его пальцы — как он сделал час назад. Но поди решись.

19

Принцип хоть и воровской, но верный: «Не верь, не бойся, не проси». Люди, которые чего-то стоят, так и живут.

Просить — это как при всех штаны стянуть. Получил то, что заработал, чужого не надо. А если сам не клянчишь, то и просьбы других тебе как вода с утки. Не пробирают.

Бояться можешь, сколько хочешь, — это физиологическая реакция. Но никому страха не показывай. Сожрут.

Что до доверия — какое уж оно между выживающими особями. Про доверие к девицам лучше вообще помолчать. Ищет девица разнообразия — поздно или рано. Обычно рано.

Ищет, а потом дневники свои разбрасывает. А что делаешь ты? Ты не берешь ее вещи, не выкидываешь на лестницу: ей, студентке, некуда идти. И не то чтобы ты ее жалеешь, просто ты оглушен, просто она первая, и как-то не приходило в голову, что будет вторая. И ведь все хорошо складывалось, почему спустя три месяца отношений надо завалиться в койку с прохожим? Этот итальяшка — она писала — по-английски ни бе, ни ме, по-французски тоже ни кукареку. Одни ручонки шаловливые в ход идут. Достаточно оказалось: сиганула к нему под одеяло.

Через пару лет до помолвки дошло, купил ей кольцо — с маленькими, но брильянтами. Поехали в пригород Бостона с родителями знакомиться. Америка не очень понравилась. Родители — тоже.

Зачем он тогда в это ввязался? Чужая культура, не европейская, чужая. Улыбки, за которыми — прислушайся — расслышишь: «Чего она вцепилась в этого русского? Еще и коммунист, наверно». Хоть тресни, но не верилось в искренность всех этих слов — о том, что семейство спало и видело, как бы посетить «эту страну... да, загадочную страну Россию!» Но что подогревало — было в таком повороте событий нечто немыслимое. Мог он подумать в конце восьмидесятых, сторожа варящуюся картошку на общажной кухне, что переедет в Штаты? Французский вид на жительство он каждый год продлевал — не заце-

пишься за работу, попросят из страны. Так что был смысл простить Марго историю с макаронником.

Вернее, не простить. Отложить вендетту до худших времен.

20

Топали по городу, время шло к полуночи. Кролик варился себе в животе. Из-под ног выбегали тени, вытягивались — длинные головы, долгие руки, узкие плечи.

— Модильяни...

— О чем ты?

Кивнула на тротуар:

— Как на картинах Модильяни.

— Он был конченый алкоголик.

— Корто, ну картины-то от этого не проигрывают.

— Алкоголик и итальянец. Сочетание хуже некуда.

— Корто, он был еврей.

Ехидное:

— Итальянский!

Помолчали. Марина хмыкнула:

— Хорошо, что он не был котом. Переходим?

Перебежали дорогу на красный; мостик, и за ним — вот он, собор Нотр-Дам, чудесно подсвеченный.

— А я ведь из-за мюзикла *"Notre Dame de Paris"* сюда сорвалась. В Москве слушала его сутками, пропиталась насквозь. Сказала себе — буду жить там, где...

— ...где стра-а-асти бушуют, — Корто «романтически» закатил глаза.

— Ничего ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь. Текст-то слушала? Про толпу варваров у врат Парижа, из-за которых крышка всем? Как там: «Мы чужие, нелегалы, просим убежища... Нас тут скоро будет десять, сто тысяч! Миллионы! Мир изменится...» Это же чистая политика.

Напротив собора каменные скамьи вьются простеньким лабиринтом. О политике Марине ну совсем не хочется говорить.

— Интересно, тут можно лежать?

Корто садится:

— Вались. Голову разрешаю на колени положить. Ввиду особой благосклонности.

— Экое счастье привалило...

Лежишь, смотришь на собор. Фигуры на фасаде отбрасывают непроглядные тени. Одна тень метнулась, истаяла — птице не спится.

Приятно держать голову у него на коленях.

— Слушай, Корто, а что ты такой ерепенистый?

— Это из-за бабки, наверное.

— Гены...

— Да не потому. Все детство с ней воевал — она учиться заставляла и по дому шуршать. А я на волю в пампасы рвался. Однажды она придумала, как меня заарканить. Купила аккордеон. Мне следовало развивать музыкальные способности, которых кот наплакал.

— Не будем о котах...

— Нет, правда, аккордеон был моим кошмаром. Я выдавливал из него звуки и прислушивался к тому, как мальчишки во дворе играют. А бабка сидела рядом и контролировала мои потуги. Натерпелся... С тех пор никому не позволяю давить на себя.

Марина оторвалась от созерцания подстриженного куста, высунувшего непослушную ветку над скамьей — листочки сочные, щекастые, — подняла глаза:

— Я разве давлю?

Хмыкнул:

— У вашей сестры обычно голова полупустая, так что нет, не давишь.

Не успела ответить — взял руку, переплел пальцы:

— Теперь не отпущу.

Бедный Корто. Заложник своего характера. Отогреть такого — как было бы чудно.

21

Как было бы чудно, если бы наперед знать — кто отогреется, а кто обнаглеет. Отец обнаглел. Когда мама замуж за него выходила, он был весь такой в искусстве, одинокий пес (на волка не тянул), скромняга. Мазню его никто не покупал, он и не гавкал. Жил в мастерской, плохо отапливаемой (самое время отогревать), питал тельце кое-как, футболка на нем трогательно так болталась, по рассказам мамы.

Ну мама и притащила его на свою голову домой, где жила с бабушкой. После рождения Марины совместная жизнь молодых не задалась, отец захватил одну комнату из двух и начал держать оборону. Холодильник был поделен — не дай бог с его полки колбасу взять.

За коммунальные услуги и телефон он не платил, мотивируя это тем, что мама с бабушкой не платят за свет в мастерской. Ютились втроем в одной комнате, к отцу заходить разрешалось исключительно в целях уборки. Он так и говорил, отправляясь к своей матери в деревню: «Ко мне — чтобы ни ногой, понятно? На кровати не спать, ни к чему не прикасаться». А дальше задумчивое: «Но окна и полы у меня вымойте».

В раннем детстве Марина знала — у отца случится «инфарт», если его нервировать. Потому что «инфарт» — вещь наследственная, а у бабушки, его мамы, *это* уже было. Ну и еще потому, что гении долго не живут, а пока живут, ходят по острию ножа. Очень он Высоцкого любил цитировать. Если мама замечала вслух, что из кошелька пять рублей пропали, в ответ несся крик: «Терпенье, психопаты и кликуши! Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души!» «Еще бы, коли душа в пятках...» — бросала мама. Трусоват был отец.

Из той же оперы: затаится за дверцей холодильника и ну подъедать, что плохо лежит. У самого полка пустая, там или батон колбасы, или ничего. Бабушка на него шикнет, а он хватает ножик, сует ей в руки, вопя: «И нож — в него! Но счастлив он висеть на острие, зарезанный за то, что был опасен!»

И этот постоянный ор в квартире, все Маринино детство. Или он орет, или телевизор из его комнаты. Идет в туалет, звук — на максимум, дверь — нараспашку (комнатная). Новости ему надо слушать, вести с полей страны или другую советскую муть. И попробуй звук уменьши — такой ор из сортира, что лучше уж вести с полей.

Это годами длится, бесконечное безумие. На просьбу помочь по дому — шипенье: я полотно три на три метра пишу, а вы нервы треплете! Мне покой нужен, вдохновение! У меня сердце! Шедевр свой он два года как «пишет», под слоем пыли не видать, что намалевано. Сердце же проверять отказывался наотрез, но мама оттащила-таки его к кардиологу. Результат обследования: здоров, пахать на нем можно. Вышел из клиники злой: врачи — дебилы, двоечники, человека в предынфарктном состоянии от нормального не отличают. Надо коньяка хлебнуть, разволнуешься тут с этими недоумками в халатах, сердце не выдержит.

В девяностые его картины пошли. Появились заказчики, платили прилично. Маму, как других инженеров на заводе, сократили, и она попала в полную зависимость от отца. Хамил безбожно, упивался властью, деньги давал, но самый минимум — остальное пропивал с дружками. Марине не перепадало. К дочери он был равнодушен: живет себе — и живет. Он вообще мало к чему был неравнодушен.

Когда денежная волна ушла, мать он содержать перестал, но хамство никуда не делось. Только бóльшая злость и нытье добавились.

Самое забавное, что маме все завидовали — какой у вас чудный муж. Обходительный, предупредительный, а еще и талант! С чужими он был душка — никогда не догадаешься, что, едва в дом шагнет, мат и злоба из него — наперегонки.

Марина улыбнулась: Корто совсем не такой. Ни во что не играет, ничего из себя не строит. Честный бука. Наверняка отогреется.

22

После Нотр-Дам повез ее на Трокадеро смотреть на Эйфелеву башню, подсвеченную. Такая туристическая романтика.

В машине пристегиваться не хотела, ну, российские штучки. Принялась рассказывать про подругу Аню: та однажды обкурилась до поросячьего состояния, и ей в Новочебоксарске Корто Мальтез привиделся.

— Ты мне перестал писать, и мы голову ломали — почему. Решили, что тебя твоя американка обратно охмурила.

Глаза веселые, в золотых искорках, легкая она такая. Динамо или нет?

— Да, это самое логичное предположение.

Приткнуть машину возле башни надежд никаких. До утра крутиться можно.

— Анька познакомилась с рокером — голова бритая, весь в наколках, — и он потащил ее в компанию, где они курнули. Там он в дурманном мареве признается: «Я едва не женился на американке». И Аньку осеняет: «Это же Корто Мальтез!»

— Телепортировался из Парижа в Новочебоксарск. О, глазам не верю. Есть место. Паркуемся. Прямо знак свыше.

— Ты веришь в знаки свыше?

— Нет.

23

А вот она верит. В знаки, в совпадения, в случайные встречи, в то, что мироздание разговаривает с тобой, а ты не слышишь — ну разверни трубочку ушей, ну поверь, что к тебе оно обращается, хлопает по плечу, как умеет, чем может, — ты ж не просто человечек, ты частичка его, клеточка, в которой живет радость. В каждом живет радость, только порой она засыпает, а то и впадает в кому... но пока она тут, мироздание улыбается тебе, ты ему интересен. Радость всегда интересна, потому что она живая. В тебе жизнь, и мир говорит с тобой. «Не ходи туда», — дождь льет как из ведра; «Простудишься, будешь сидеть

дома, изводить горы носовых платков, не попадешь на выставку любимого художника», — в ботинках начинает хлюпать; «Не ходи, не ходи, вернись домой — уцелеешь», — машина обливает тебя водой из лужи, ты злишься и возвращаешься. Ты не пойдешь туда, куда идти незачем, где нет пищи для твоей радости. Но не о тебе заботится мироздание, а о себе, ему не нужна клеточка с сонной радостью.

А дома — опрокинутая котом ваза, выпавшие гвоздики. Ты зачарованно остановишься. Натянешь шерстяные носки, возьмешь альбом и примешься рисовать историю — как цветы искали свободы. Рисунок назовешь «Побег», черной тушью красные гвоздики, радость оживет в тебе, как хорошо, что ты не пошла на эту пустую вечеринку.

Мироздание хлопает тебя по плечу — ты оглядываешься: никого. Да здесь оно, просто самого главного глазами не увидишь, еще Лис сказал, ты же помнишь.

Конечно, можно не верить в знаки, ни во что не верить. Если так удобнее...

24

Марина забралась на широкий каменный парапет. Башня теплым таким светом залита.

— Смотри, прожектор... на самой верхушке...

Белый луч бежит по темному небу. Корто провожает его взглядом:

— При хорошей погоде на восемьдесят километров бьет.

— А зачем?

— Надо ж переводить деньги налогоплательщиков.

Луч катится по небу назад. Красиво.

Молчание. Корто стоит совсем близко.

— А почему — Клелия?

Спросил наконец. Интерес проявил.

— Это героиня фильма «Верность», ее Софи Марсо играет... не смотрел?

— Нет. Ну и название... — Облокотился на парапет. — О чем там речь? Не иначе как о верности.

— Да.

— Ох уж эти сказки, ох уж эти сказочники...

Смешной, строит из себя разочарованного. Повернулась к нему, смотрели глаза в глаза. У него в очках две маленькие Эйфелевы башни отражались. Не отрывая взгляда, бросил насмешливо:

— Ну и кто там кому был верен?

25

На этот фильм ее отвел Витя, бывший муж. Шесть лет как разошлись, но раз в полгода он появлялся — на день рождения и на годовщину свадьбы. Цветы приносил. Мама называла это психбольницей (слово «дурдом» ей не нравится). И еще она говорила, что Вите «пора уняться». Витя уняться не мог по той простой причине, что был творческой личностью, художником, хоть и с маленькой буквы («Еще один на нашу голову!» — это мама). И ему, опять же по маминому выражению, требовалось «выпендриваться». Он и на развод с цветами явился. Психбольница!

На самом деле у Вити с головой было все в порядке, просто мама не знала. Так вышло, что после четырех лет брака с Мариной он увлекся художницей-абстракционисткой (пятна). Милена покорила слабохарактерного Виктора своей «экспрессией». Процесс живописания проходил впечатляюще: сперва Милена медитировала перед холстом, а следом набрасывалась на него, как голодный кот на сосиску, и начинала тыкать кистями.

Пока Милена тыкала, а Витя развешивал слюни, Марина томилась по одному поганцу, отчаянно мучаясь — признаться... не признаться: сперва поганцу, в то время герою, а затем и Вите. И покончить с законным сексом.

Витя повинился первым, Марина вздохнула свободно и ужасно обиделась. Все-таки неприятно. Про героя-поганца не проговорилась, но не потому что просчитала цветочную выгоду на будущие годы, а просто не сказала, и всё. Да и говорить-то было

нечего. После Витиного бегства она провела с героем ночь любви и поняла, что иногда лучше фантазировать. Потому что фантазией ее бог не обделил.

Витя вскорости вернулся, какой-то сдувшийся, в пятнах (самое время на это указать). Поговорили и остались друзьями. Но чувство вины продолжало гнать Виктора в цветочную лавку.

В тот раз он цветов не принес, но позвал в кино. Сказал — фильм новый вышел, французский — «про тебя». Марине нравилась Софи Марсо.

26

Когда два года без подружки, начинаешь заводиться от всякой ерунды. Смотрели глаза в глаза, у нее за спиной башня начала перемигиваться — не попробовать ли?.. Ну не захочет — и ладно. По ней не поймешь, глазки черные, омут. Да еще очки мешают — один раз уже приключился несчастный случай, когда с гречанкой на похожем парапете миловались. Улетели очочки в пропасть, только стеклами сверкнули. Леший с ними, приятно тогда было с Марго расплатиться, хоть и с опозданием. Предпочел бы это сделать с итальянкой, для полного равновесия, но не попалась итальянка.

Романтическое со-созерцание затянулось, надо действовать, а тут не поймешь, что к чему.

— Героиня, Клелия, выходит замуж за хорошего человека, из приличной семьи. Он ее старше. Она его... уважает. И однажды она встречает молодого обормота, влюбляется...

— И наставляет рога хорошему человеку.

Свесила ноги с парапета, прикусила улыбку:

— Нет.

27

С Марго закончилось банально. Она отучилась, уехала в Америку. Звонил ей, прикидывали — когда съезжаться и брачеваться.

Время шло. Звонки стали реже. Потом прекратились. Денис перебрался из Бордо в Париж.

В Париже появилась другая американка — Сью. Не нравились Денису француженки.

Сью занималась менеджментом, покупала себе сумочки по цене... по чудовищной цене. Проходя мимо витрины на пляс де Вож, останавливалась и задумчиво глядела на золотой браслет. И Денис, не придумавший ничего лучше как биологию в лицее преподавать, со своей зарплатой учителя «чувствовал себя мужчиной». Нет, от ложной идеи «мужик платит» он давно и легко отказался, проживаючи в стране равных возможностей, но все равно было не по себе.

Сью жила в Лондоне, променяв на него Нью-Йорк. Ездили друг к другу.

У Сью была квартира на последнем этаже с видом на крыши. Денис любил устроиться на балконе ввечеру, заткнуть уши джазом, смотреть на закат. Очень красивые закаты у Сью за окном дефилировали.

Свободное от менеджеровских трудов время Сью проводила в приятных компаниях. Денису они приятными не казались — в трубку гаркали определенно мужеским голосом: *"Yes!"* На просьбу позвать Сью следовало любопытствующее: *"Who are you?"* — там были явно навеселе. Затем трубка орала в пустоту: *"Su-u-ue! It's your Russian!* — и снисходительно продолжала: — *How are you, Denis? I'm her friend... just a friend, don't worry!"*

В дружбу между полами Денис не верил. Тем более в пьяную дружбу. Но со Сью, когда она не скандалила, не капризничала и не пила, было мило. К тому же с ней удавалось путешествовать. За себя Денис еще мог платить, но двоих — будь с ним студенточка типа Марго — не потянул бы. Правда, со Сью другая проблема была — не хотела она ни про кемпинги ничего слышать, ни про дешевые отели.

После недели на пляже во Флориде махнули в ее родной Нью-Йорк.

Оттуда Денис позвонил Марго – спустя три года после распоследнего поцелуя в парижском аэропорту Шарль де Голль. Марго села в машину и приехала из своего бостонского пригорода.

28

– Про тебя фильм, – повторил Витя, толкнув дверь в кинозал. И когда сели: – Ты как эта Клелия. Любишь не тех. И ты не с теми, кого любишь. И верна не тем.

В зале никого – будний день.

– Ты был не тем?

– Тем. Но ты мне верна не была.

Ничего себе заявление.

– Что ты мелешь.

Витя оживился, заерзал.

– Помнишь, когда мы последний раз сексом занимались?

Марина пожала плечом:

– Лет шесть назад.

Витя огляделся и понизил голос:

– Ничего ты не помнишь. Это было утро. Ты смотрела в сторону, в окно. На занавеску.

– И что?

– А то, что у тебя на лбу всё было написано.

Марина сделала страшные глаза:

– Что – всё?

Виктор кинул косой взгляд на лысого, усевшегося прямо перед ними.

– Не хотелось тебе со мной.

– Это измена?

Виктор не отвечал. Лысый достал мобильный, начал тыкать в кнопки. Марина подумала, что незачем было идти сюда. Виктор опять покосился на лысого:

– А про того, другого, я знал.

Интересно откуда.

— У нас ничего не было — пока ты к Милене Пятнистой не ушел.

— Было.

Не оправдываться же теперь.

— У тебя с ним было... Ментально.

Марина засмеялась:

— Витька, ты зануда.

Лысый оглянулся и отвернулся. Виктор потянул Марину в конец ряда. Сели.

— Я же говорю, Маринка, — любишь ты не тех. Я знал, что он — не тот.

Тогда бы и сказал, умник. Сколько нервов было истрепано на пустом месте! Впрочем, разве она поверила бы?

— А я не знала. Совсем не знала, что он «не тот». Но поначалу никогда не знаешь.

И тут Витя надулся, на индюка стал похож.

— Не знала, так и шла бы к нему и не играла бы в верную жену. Ты в точности как эта Клелия, вот увидишь.

Ага, и сейчас у нее, а не у него два раза в год разбухало бы чувство вины.

— Наверно, у меня были обязательства перед тобой... Нет?

Витя резко сдулся, даже погрустнел как-то.

— Нет. Просто ты не умеешь определять приоритеты. Всегда найдется то, что мешает сделать шаг. Жалость. Страх. Сомнения. И потому ты вечно не с теми, кого любишь.

29

Денис вдруг обнял ее, глаза с башенками приблизились... Ей нравились его холодок, его насмешливость, дикарство. Его панцирь — доспехи, за которыми — мальчишка, может, и не знающий ласки. Настоящей ласки.

— Корто...

Марина нырнула пальцами в черные волосы — они у него мягкие, оказывается.

Улыбнулся, снял очки.

30

С Марго Денис договорился встретиться в знаменитом *"Hard Rock cafe"* на Бродвее. Сью в известность не поставил, сказал, пошел прогуляться.

В *"Hard Rock cafe"* сел у барной стойки, заказал кофе. В стекле стойки разливались голубыми лужицами отражения ламп, гроздьями свисавших с потолка. По экрану — перед носом — носились патлатые рокеры. Музыка раздражала. Но Марго такую любила.

Зачем он затеял все это? Так. Посмотреть, на что она стала похожа... крепенькая Марго, этакое полуспелое яблоко — в которое приятно зубы — хрясть! — вонзить. Волосы, наверно, уже до попы отрастила. Это была ее козырная карта — волосы.

И еще он хотел, чтобы она кольцо отдала — то, которое он — ей, когда обручились. С маленькими, но брильянтиками. Нормальные люди кольца в таких случаях возвращают.

— *Hi!*

Марго стояла, держа перед собой розовую сумку. Пялился в экран, не заметил, как она подошла. А не заметить было трудно. Денису вдруг стало смешно.

31

У двери (второй этаж, по деревянной лестнице винтом) остановились. Четыре утра.

— Спасибо, Корто. Прости, не могу пригласить. Братья спят.

Неловко: покормил, выгулял, домой отвез — и даже на чай не зовут.

Лампочка погасла. Марина потянулась к выключателю, Денис поймал ее руку.

Он стоял лицом к свету, сочившемуся сквозь окно. При этом мягком освещении он был особенно хорош. Марина улыбнулась. Между прочим, на любую не бросается: рассказывал — со смеху умрешь, — как на днях завернул соседку-марокканку... Не уследили за ней ее строгого нрава братья-мусуль-

мане, и она беззастенчиво крутила хвостом, столкнувшись с Корто в парадном. Он с пробежки возвращался — весь такой мужикастый... У этой Азизы из джинсов вовсю торчали кружевные стринги, а из пупка вывешивалось кольцо, как у племенного быка. Красотку подвел предательский герпес, подмигивавший из-под толстого слоя помады. Корто прикинул и решил, что лучше не надо, а то выйдет как на плакате сталинских времен, где поникший тюльпан сопровождает подпись: «Случайная связь промелькнет, как зарница. А после, быть может, болезнь и больница». Ну их, зарницы и больницы.

Стояли на лестнице, смотрели друг на друга. По лицу у Дениса пробежала дорожка света от фар.

— Корто, ну если только кофе на кухне тихой сапой.

— Поехали ко мне.

32

Кольцо Марго не вернула.

Посидели минут сорок, новостями поделились. И как-то это оказалось неинтересно: ни слушать, ни рассказывать. Денис сослался на дела и был таков.

Шел по Бродвею... Вот сглупил бы, женившись на Марго. За три года ее так разнесло на гамбургерах, что ей бы откормленный бегемот позавидовал. А волосы она срезала.

То ли дело Сью.

Как пишут в романах, он еще не знал, что через полгода отправится со Сью в Тунис, валяться на песочке, — и она прилюдно закатит истерику, ибо гостиница, им забронированная, будет недостаточно звездной. Отдых Денис портить не станет, а, разъезжаясь — он в Париж, она в Лондон, — скажет, что кончено. Надоело. Сью не поверит, потом начнет плакать. Из Лондона несколько раз позвонит. Но это ни к чему будет.

После наступит пауза. Интернет-знакомства, никуда не ведущие. Затем эта Клелия.

Очень хочется Клелию.

33

Брат-актер выходит из душа: голый торс с зачатками мышц, такая художественная астения. Полотенце на бедрах — салатового цвета.

— Доброе утро.

Марина кивает, улыбается. Актер движется дальше по коридору. Сегодня тут его певица ночевала, поэтому утро начинается в час дня.

— Флоран...

Актер оглядывается, прядь волос картинно падает на лицо.

— Флоран, я познакомилась с одним человеком...

Актер понимающе поджимает губы. На днях посоветовал: заведи роман с французом, язык на подушке хорошо учится.

— Скоро заговоришь по-французски, я так понимаю.

— Нет...

Брови у Флорана выписывают вопросительную дугу, по горизонтали, конечно.

— Он русский.

Флоран закатывает глаза:

— Мало тебе их было в России? А чем занимается?

— Ничем. Он биолог, по черепахам специалист. Работы нет.

Флоран разводит руками — что поделаешь! — и исчезает в своей комнате. Марина идет в душ. Она сама только встала.

До шести утра сидели на лестнице — говорили, целовались. А день выплывал за окном, серенькое предосеннее утро.

34

Домой приехал в полседьмого, лег — час не мог заснуть.

Это было непохоже на прошлые истории. Клелия оказалась неглупа и пленительно смешлива, но помимо этого что-то сближало с ней. Какая-то она была... родная, что ли. Понял вдруг — потому что русская. У него не случалось русских подружек. Только сейчас осознал, какие они все-таки чужие были — Марго и Сью. А эта — своя.

Всё общее — кот Матроскин, который «еще и на машинке умеет», нелюбовь к опусам Лимонова, и как же она забавно изобразила набравшегося Ельцина... Он всё шарахался от соотечественничков с их совдеповским менталитетом, как кот от пылесоса. А вот и не лезет он у нее из ушей, менталитет этот.

Условились вечером двинуть в кино. Недавно вышел фильм Альмодовара, про корриду. Думал скачать его, но можно и на большом экране посмотреть. Процесс охмурения как-никак.

35

Ждала его, как и вчера, на Сен-Мишеле. Под козырьком сувенирной лавки перебирала фотографии с видами Парижа — черно-белые, под старину. Лил дождь, Корто опаздывал. Разглядывала медные Эйфелевы башенки, майки «Ай лав Пэрис», брелки с головой Наполеона, пестрые газовые шарфики.

Поймал за запястье. Поцеловал в губы — ни здрасьте, ни привет. Видимо, дал понять: право уже получено и он об этом не забыл.

Прыгнули в машину, поехали в *"Forum des Halles"*.

У входа Корто кивнул — идем вон на тот фильм.

На афише — два строгих женских лица. Голубое и красное. *"Parle avec elle"* — «Говори с ней». Хорошее название. Но мог бы и спросить, не против ли она. Впрочем, на какой фильм ни пойди — понятно пока немного. Поэтому все равно.

36

Вот так живешь себе, черепах кормишь, на биофоруме до хрипоты споришь с каким-нибудь идиотом, несущим чепуху про кровообращение у змей, вечером пробежишься до приятной усталъцы, нажаришь картохи с куском мяса, посмотришь приятный фильмец — вроде бы что еще надо. Надо, конечно, да неохота шарманку заводить. А тут в кои-то веки вылез куда-то, у барышни рядом ручка тонкая, взял ее, в темноте, ручку эту,

и оттого нечто такое похожее на радость внутри образовалось. Химия организма, но приятно. Если и в этот раз домой попросится, наверно, не стоит продолжать. Все должно быть честно, бабское набивание цены очень дешево выглядит.

37

Героини фильма, танцовщица и тореадорша, лежат в коме (так уж получилось), а два влюбленных испанских немачо разражаются перед ними монологами. Идея такова, что женский мозг — темный лес с волками, может, бедняжки всё слышат, надо с ними беседовать.

Обычно бывает наоборот: ты говоришь, а он — будто в коме.

Интересно, Корто какой?

Только с Анькой получалось по-настоящему говорить — часами перебирать, разглядывать сомнения, надежды, радости, страхи. И понимать — ну кто тебе ближе? Она — твое второе «я», а ты — ее. Ты не одна. За это многое вынесешь — насмешки чужих и сальности отца. «Мужика на вас нет! Вы чем друг в друга тыкаетесь? Огурцами?» — это когда пьян. А был трезв — по Анькиному отцу прохаживался, которого «персонально не принимал»: «Бабу свою до могилы довел, из-под юбок не вылезает... знаем мы таких... вот, воспитал шлюшку». Жену, умершую от рака, Анькин отец любил так, что много лет один оставался. И друзей у него было море, хоть и не малевал он «шедевров». Это отца и раздражало.

Когда решили с Анькой жить вместе, Владимир Семенович ни словом не обидел. Не позволил себе в другую жизнь соваться. Он как раз ушел жить к женщине. А Марина к Ане переехала. Говорила насмешникам: «Я люблю не пол, а человека».

Что от тех лет осталось? Дружба.

Осталось ожидание, что встретишь того, с кем сможешь говорить.

Говорить и находиться близко. Потому что просто говорить можно по-прежнему с Анькой, но с ней навсегда уже далеко.

Марина оторвала взгляд от экрана, покосилась на Корто. Как быть-то? Тянуть коня за копыта, опять попроситься домой, строить из себя цитадель?

Фильм закончился, но дождик все моросил. Корто раскрыл зонт; взяла его под руку. А если он исчезнет, как тогда из переписки? Марокканка в кружевных трусищах не дремлет. Да и к братьям не хочется. Хочется с Корто.

Завернули в переулок, где перед кино кое-как бросили машину, опаздывали.

— Уф. Я все гадал, увезут в «собачник» или не увезут.

Дверцу мог бы и открыть в порыве галантности. Но не открыл — весь такой естественный-небезобразный.

Уютно в этом стареньком «пежо». На лобовом стекле — щедро рассыпанные капли. Дворники вздрагивают, бегут, топча их.

Молчание. Денис поворачивается к Марине и смотрит, едва улыбаясь. Но только — едва: если откажут, чтобы лишнего не наулыбать.

И Марина вдруг вспоминает про Вадима.

38

Есть те, с которыми такое происходит. Марина как раз из них. Называйте это слабостью, пожалуйста. Слабость: страх потерять того, кто тебе небезразличен. На пустом месте потерять.

Три года назад Марина жила с Вадимом, математиком, переквалифицировавшимся в бизнесмены. По вечерам строили планы — как в люди выбираться. Вадим купил квартиру в Москве, на стадии строительства, и оно подходило к концу. Марина искала возможность податься иллюстратором в столичное издательство. И в один не сказать прекрасный вечер Вадим домой не вернулся. Марина провела жуткую ночь, названивая на выключенный мобильный, а наутро Вадим позвонил сам и заявил, что он про нее «в курсе». Всё. Перезванивать было — мартышкин труд: абонент недоступен. Через трое бессонных суток Марина посла-

ла эсэмэску, что переезжает к родителям, ключ в почтовом ящике. На следующий день Вадим взял трубку домашнего телефона. «Тебя видели сама знаешь с кем и где». Она не знала.

— Может, с Витькой?

— Голову не морочь. Впрочем, это уже неважно.

Подружки диагностировали: происки бывшей супруги. Ту особенно заедали московские перспективы. «Супругу на сене» можно понять, хотя и не хочется.

Марина просила — давай встретимся. Однажды согласился, но перезвонил, отказался. Она явилась к нему домой. Никого не было: села на ступеньку и стала ждать. Около одиннадцати вечера из лифта вышел мрачного вида парень и вставил ключ в замок Вадимовой двери. На удивленный вопрос ответил, что снимает квартиру с прошлой недели, хозяин переехал в Москву.

Она и ломанулась в столицу, ошалев. Только спустя год выяснилось, зачем на нее эти мучения свалились. Слухи прикатились, что Вадим доигрался в бизнес — убили. Так что, похоже, это Бог уберег ее от худших страданий.

После Марина ни с кем не встречалась — не хотелось.

А вот возьмет Корто и завтра уже не позвонит.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Дворники трындят по лобовому стеклу.

Марина отводит глаза:

— У меня нет с собой зубной щетки.

— Найдем.

Машина выезжает из переулка на улицу Риволи.

39

Кто ни придет, все первым делом бросаются на тортил смотреть. Тортилы, две своенравные *trachemus scripta elegans*, черепахи с красными висками с берегов Миссисипи, обретаются в двухметровом аквариуме — прилипнут рыльцами к стеклу, гребут ластами, пялятся на человеков. Пальцем стукнешь перед носом — разевают пасти: обычный аттракцион.

– Корто, что-то они не реагируют...

– Сдохли позавчера.

Круглые глаза.

– Завтра будешь им стучать, спят уже. Они, вообще, злобные. – Открыл окно, в комнату потекла теплая ночь. – Эти две девицы еще нас переживут. Не до всех это сразу доходит: заведут животину, а она растет, как на дрожжах, место ей нужно, мясо подавай, и такая перспектива лет на пятьдесят. Хозяева помаются и радостно отпускают «на природу». А там она – настоящий терминатор. Зубы увидишь – поймешь.

Снял рубашку, Клелия отвернулась. Может, жалеет, что поехала.

Подошел сзади, обнял.

– А тебе если надоедят, что делать будешь? – Оглянулась. – А как быстро тебе всё надоедает?

Вот это «по-ихнему», по-женски. Полшага сделала на чужую территорию и уже норовит ее под контроль взять. «Скажи только, что тебе со мной надоест! Ты еще настоящего терминатора не видел».

– Это памятные тортилы. Надоесть не могут.

– А-а...

Когда ездили со Сью во Флориду, очень все приятно протекало. Сью разомлела, начала совместные планы строить. Весьма трогательно. Потом – Нью-Йорк и бесславно закончившееся рандеву с Марго, после которого броуновское движение по Бродвею привело к суетливому китайцу, из-под полы торговавшему флоридскими черепахами, этими самыми *trachemus scripta elegans*. Торговлю ими в Штатах запретили: чудовищ расплодилось на фермах до ряби в глазах. В Европу уже года три как их ввозить нельзя... решил рискнуть – давно хотелось себе этого зверя. Китаец приоткрыл пластиковый короб: там горка насыпана из панцирей с двухфранковую монету, выбирай. Вступило в голову жест сделать – купить двух, одну Сью подарить. Черепахи-то *флоридские* – будет память о таких душевных каникулах. В какой-то степени – вечная память...

Сью прямо передернуло: «Эти твари вымахивают до четверти метра и двух килограммов!» Ну да, в неволе. А на природе — все сорок сантиметров выжимают при весе в восемь кэгэ, с такой мясоедкой шутки плохи...

Пришлось обеих красоток себе забрать. Тогда неясно было, дамы они или как, а хотелось девиц — они крупнее. Так и вышло, теперь захапали площадь в квартирке.

Интересно, как завтра с Клелией быть? Учеба у нее пока не началась, «вся твоя». А вот это лишнее.

40

Шла по Елисейским Полям, моросило; держала одолженный Корто зонт. Утром сказал — у тебя, наверно, дела в городе?.. Ну да, еще какие. Довез до Елисейских и уехал. Шесть вечера. Идти некуда.

Прощайте прогулки по набережной и походы в кино. Теперь ждать — позвонит или нет. Наверно, нет.

41

Началась учеба: все на французском, ничего не понятно; возникает здоровая паника. В этой дорогущей школе принимают всех, за деньги-то, достаточно два слова на собеседовании связать. И вот изучай теперь на чужом языке компьютерные дизайн и рекламу. По счастью, в группе нашлась добрая душа — после занятий Марьон пересказывала Марине изученное, разжевывая фразы до состояния кашицы. Марина возносила Марьон благодарения, задаваясь вопросом, выдержит ли та более недели.

Вскоре некоторые слова стали различимы в мутном потоке преподавательской речи — «графика», «стратегия рекламы», «маркетинговая идея», «фотошоп», «иллюстратор», «флэш», «логотип», «марка»... Марина сидела по вечерам с учебником французского, мечтая поскорее освободить Марьон от сеансов

самоистязания. И жилье искала: штудировала газету частных объявлений. Безрезультатно: являясь по адресам, обнаруживала хвост страждущих, вьющийся по лестнице до вожделенной норы. Выбирали не ее, студенточку.

Это длилось недели две, потом брат-фотограф объявил: каникулы кончились, теперь по выходным тут будет обретаться его сын — не в браке рожденный, но признанный, а это значит, что Марине следует освободить помещение. Угол-то ей выделен в шестиметровой детской, и это не тот случай, когда в тесноте, да не в обиде.

42

В тот раз отвез ее на Елисейские, сам домой поехал, читать: на одном биологическом форуме выложили книженцию любопытную про хамелеонов. Позвонил ей через день, вечером. Все думал, может, не стоит — мало ли где она. И с кем. Оказалось — нет, дома язык зубрит. Решил не дергать. Спустя три дня снова набрал — предложил встретиться. Она в слезы ударилась. Странный народ женщины.

Потом учеба началась, и не только у нее — вернулись с каникул лицеисты-двоечники, которые с биологией не в ладах. Частные уроки — работенка не напряжная, это не с указкой у доски стоять. Отстоял свое: гражданство французское получил, сразу из лицея и уволился. Теперь хоть всю жизнь учи маленьких дебилов и налоги не плати с этого: в Казахстан не вышлют, баста. Пять лет назад в парижский лицей занесло от безнадеги — не просчитал, когда увольнялся из «Систюд натюр», что за биологом, к тому же черепашником, работа не погонится. Сколько раз жалел, что из Бордо уехал! Да ладно, надоело с начальником препираться и рулить по лесным ухабам до лаборатории.

Несколько раз привозил Клелию к себе, но ей по утрам в школу, из-под Парижа не наездишься. Вообще-то, с ней хорошо, могла бы и почаще оставаться.

Потом позвонила вся в расстроенных чувствах: фотограф дал от ворот поворот. Спросила, можно ли перекантоваться в черепашьем царстве. Ответил, что тортилы согласны.

43

Не очень-то и хотелось туда ехать, в этот Нуази-лё-Сек. Выглянула у Корто в окно — ахнула: вот тебе и Франция... Высотки как в Новочебоксарске, серые такие. Вышли — возле дома с десяток африканцев в штанах мешком, в темных очках рэп слушают. Корто перехватил взгляд, усмехнулся: «Да эти смирные. А вот на соседней улице наркоту продают, знаю, в каком подъезде». Спросила — почему в Париж не переедешь? Здесь у него жилье муниципальное почти даром, парк под боком — бегать, машину есть где ставить, воздух чистый, а в Париже вонь. Подумал, добавил: «Слышала про Везинэ или Сан-Мор? Скатайся туда на экскурсию, поймешь, что толстые кошельки живут в пригородах».

Корто — он как его черепахи. Если в мордочку по стеклу ногтем не стучать, кусаться не станет. У него полно дел под панцирем, некогда к другим приставать. Авось удастся уживаться на двадцати квадратах... но жилье стоит искать — иначе может кончиться высадкой на Елисейских Полях: с зубной щеткой в одной руке и тапками в другой.

44

В школе учеба набирала обороты с чудовищной скоростью. Немудрено: Марину взяли сразу на третий курс, с ее дипломом художественного училища. Как грибочки, росли домашние задания по веб-дизайну. Денис выделил ей угол за аквариумом, где поставил небольшой стол с пузатыми ножками. Он как раз ездил к лоботрясу в престижный пригород и заметил около одного дома утварь на выброс. Возле утвари вился озабоченный дедок в спортивном костюме. Денис тормознул машину напротив и, высунув-

шись из окна, стал внимательно смотреть на деда. Дед засуетился, схватил три плетеных стула, нанизанных друг на друга, и потащил прочь, кинув печальный взгляд на пузатоногий столик, слишком тяжелый.

На столике Марина поселила ноутбук и одноухого глиняного осла, утерявшего свой нескромный орган слуха при переезде. Осла подарил Вадим, звавший ее буридановой ослинкой — потому что выбирать всегда было для нее мучением.

Бродила по коврику мышкой, иногда скашивала глаза в сторону Корто. Видела его нечетко сквозь толщу воды в аквариуме. Застрял в Интернете. Он постоянно что-то изучает, прямо мания — недаром мозги под науку заточены. Брала лист бумаги, набрасывала профиль. Не получалось, переходила на тортил.

— Чего ты их никак не назовешь?

— Чести много.

— А я уже придумала: Тора и Тила.

— Мясца им подкинь.

Кухни нет, есть угол отгороженный.

— Идите сюда... цып-цып-цып... кусочек — Торочке, кусочек — Тилочке... Денис, я вот думаю, работу мне надо поискать. У меня право на двадцать часов в неделю.

— Поищи. — Не отрываясь от компьютера.

Вот такой он, Корто. Но догадывалась, на что шла.

— Может, подашь идею? Ты же здесь десять лет живешь, а не я.

Встал, пошел в кухонный угол, налил себе апельсинового сока.

— С твоим уровнем языка я бы пока не рыпался. Ну разве в магазин... и то... Но если ты им приплатишь, может, возьмут.

— Корто, прекрати, у меня деньги на исходе... А есть тут русские магазины?

Допил сок, сполоснул чашку.

— Попробуй в русский книжник сунуться.

45

Она здесь осталась. Так естественно это получилось.

На кровати ей было выделено место у окна, и перед сном она смотрела на луну, как та ползет черепахой, пока за рамки окна не выползет.

В постели он был, скорее, хорош — даже не то чтобы хорош, а деликатен. Это так не вязалось с его манерой нахальной себя вести. В ту ночь она держала его за запястье, слушала ровное дыхание, разглядывала скобочку месяца, думая как раз об этом: что ни в жизнь не догадаешься, глядя на человека, каким он может быть, когда из-под панциря выбирается, весь такой помятый и пугливый. И ласковый.

Ей казалось, что он спит. Прозвучало неожиданно:

— Знаешь, я ведь всё говорю себе: «Она не выдержит».

Денис смотрел в потолок.

— Но если до сих пор терпишь, значит, все-таки... — запнулся, — ты все-таки меня любишь.

Видать, колоссальное усилие совершил, чтобы это «любишь» произнести.

Марина приподнялась, положила руку ему на щеку, улыбнулась.

— Люблю.

— Я... тоже.

Спрятал лицо у нее в сгибе локтя.

46

Марина спускалась под землю на «Риволи» и выныривала на «Бастилии». Русский книжный магазин «Глоб» принял ее в кассирши-продавщицы-советовальщицы — не на двадцать часов в неделю, а все ж лучше, чем ничего. Произошло это по чистой случайности: ей отказали, но на выходе она столкнулась с хозяином, его попутным ветром закинуло, когда он мчался из Брюсселя в Нью-Йорк. Поговорили о живописи... Словом, повезло.

Хотя что значит повезло... Теперь она была в курсе русских событий в Париже, всяких литературных встреч и выставок; в магазин в основном соотечественники заглядывали. То есть никакой языковой практики и погружения в среду. По счастью, в школе удавалось говорить — правда, всё больше с Марьон, да по учебе.

Купила путеводитель, бродила по городу, делала зарисовки. Как-то шла по мощеной улочке, остановилась: почти стемнело, окно на втором этаже, в обрамлении белых ставней, было наполнено мягким светом, и оттуда текли звуки пианино. Играли безупречно. Марина провела рукой по шершавой стене дома — ему, наверно, лет двести. Она любила эту стену, это окно, эту музыку.

С Денисом мирно сосуществовали, кормили Тору и Тилу, смотрели по вечерам фильмы из Интернета. Марина понемногу стала интересоваться французской политикой — Корто подучил. Он нет-нет да и принимался кусать президента. Особенно свирепствовал, словив штраф за несанкционированную парковку.

— Кому я там мешал, в тупике? Знаешь, куда мои деньги пойдут? В Елисейский. Ширак ж надо обеды закатывать.

Да, вот это — мои. Мои деньги. Моя квартира. Моя машина. Мой пузатоногий столик.

Показывая фотографию высотки, где жили:

— Вон мои окна.

Съездили в Во-ле-Виконт: парк стриженый, дворец, статуи — чудное воскресенье получилось. Корто надумал матушке позвонить:

— Я тут скатался в одно приятное место...

Это обижало.

— Денис, ты в курсе, что такое местоимение существует — мы?

Пялится в компьютер — пойди пойми, слушает или нет.

— Денис! Я с тобой говорю! Корто!

— Что? — отрывается от экрана, одолжение делает. Такое ощущение, будто он за стеной.

— Ты эгоист, Корто.

Уйти в свой угол, за аквариум.

Он смотрит сквозь толщу воды:

— Сколько будет один плюс один?

Сколько... два, а может, даже три. Произнесла как-то, когда луна в окне прогуливалась: «А если... ребенок?» Нет, нет, нет, это было лишнее, почувствовала сразу, бросила вдогонку: «Не сейчас».

Тогда отмолчался. А теперь сам себе ответил:

— Один плюс один будет один плюс один.

С тех пор как Вадима потеряла — одна. Эту стену не пробьешь.

47

В кармане пиджака нащупал бумажонку — билет на фильм Альмодовара, тот самый. Памятный. Крупными буквами: «Говори с ней».

И верно, с ней надо говорить.

Надо выслушивать новости — что у нее в школе, в книжнике, с подружками, со страхами, с надеждами. Про надежды еще послушал бы — позитив как-никак. Остальное — ни к чему, мусор ежедневной жизни.

Приходится фильтровать.

Ну неинтересно, что им там задали, — почему надо трагедию разводить и кричать об одиночестве вдвоем? Ей же никто не навязывает научные статьи по биологии.

Правда, на этот раз она сама не желает разговаривать.

Началось с ерунды. Спрашивает: «Почему ты матушку не вывезешь? Хоть ненадолго». Ответил как есть:

— У меня там бабка никак не помрет. Проследить некому.

Сам по себе вопрос дурацкий.

— Да, и куда ты предлагаешь ее положить? Между нами?

Помолчала, опять затянула:

— Значит, мне мою маму придется в отель селить, если что...

— Ну будь она лет на тридцать помоложе, ее можно было бы и между нами.

С тех пор говорить не желает.

48

Прохожие шагали вдоль витрины книжного и исчезали: люди, которых уже никогда не увидишь. Там, на улице, тёк декабрь, то и дело проливался дождь, и это казалось почти волшебством: дождь в декабре. Люди спешили мимо, в магазине было пусто.

Один, кутаясь в шарф, без зонта, пробежал, вернулся, толкнул дверь. Показала ему знаками: от себя! Влетел — похож на промокшего воробья.

— *C'est la librairie russe?*

Бродил между книг, ежился. Промок.

— Вам подсказать что-нибудь?

— Нет, я только начал учить русский... — И опять поежился. Неожиданно для себя предложила:

— Может, чаю? Вы замерзли...

Посмотрел удивленно.

— Нет-нет, спасибо, я пойду уже. Спасибо.

Потоптался.

— Вы не знаете никого, кому нужна комната? Я живу недалеко, на бульваре Ришар-Ленуар... Хотел сдать одну из трех... Вы не знаете никого, нет?

— Знаю.

49

Собиралась домой, когда позвонил Корто и сказал, что едет с урока мимо книжника. «Если заканчиваешь, могу подхватить». То есть «если задерживаешься, проезжаю *мимо*».

Это он после ссоры внимательным был.

Незаметно так получилось: стал отца напоминать. Нет, не хам и не алкоголик. Но и тепла от него — крохи. Живет по сво-

им законам, делает, что пожелается *ему*. Альтруизм в его представлении — от недостатка серого вещества в черепушке. Он так и говорит: «Люди выживают, остальное лирика». А когда ты чай себе делаешь, это что, тоже выживание — не предложить другому, лишнего движения не сделать? «Другой — не инвалид, сам в состоянии в чашку заварки плеснуть». Отец, правда, еще дальше пошел — чайник общий, значит, сидим обиженно перед телевизором (дверь в комнату распахнута, чтобы было обиду видать): что, забыли про меня? нет? так несите сюда! Корто не таков, но с ним также холодно.

И это: работу не ищет, о будущем не задумывается. Как что-то строить с тем, кто живет сам по себе?

Слов теплых вообще не знает. Пускай бы забалтывал, кружил голову. Ведь не веришь уже в нормальные отношения, после всех-то ошибок. Но это неверие, возможно, — просто стена из картонных кирпичей. Ее поливай тепленькой водичкой, так она осядет, сомнется, а за ней — ты живая. Ну сказал бы слово ласковое — стенка на ладан дышит... Нет, молчит, сюсюкать — это не к нему: он «мужик», ему стыдно.

Впереди — коридор красных светофоров. Остановились. Самое трудное — произнести первую фразу в тишине.

— Хотелось бы... мне хотелось бы знать, что нас ждет.

— Ты насчет ужина? Ничего не ждет — я сегодня весь день *out*.

Раздражаешься, и слова сами с языка спрыгивают.

— Можно подумать, когда ты *in*, оно иначе. Тебя не попросишь — ты не пошевелишься.

— Это сцена?

— Нет, Корто. Просто я ухожу от тебя.

50

Какая патетика.

— Интересно, куда это ты собралась.

— Покупатель комнату предложил.

— А! Экие у вас покупатели любезные.

Правда или нет? Вообще-то, Клелия врать не умеет.

— Молодой мускулистый покупатель?

— Раньше надо было ревновать, Корто.

— Да я разве ревную.

А если действительно — уйдет?

Выехали за город.

Молчали.

Мимо пролетали указатели.

— Денис, мы куда-нибудь с тобой движемся? Или это все пустое?

— Я двигаюсь в направлении Нуази. Ты тоже.

Она была похожа на взлохмаченного зверька, которого загнали в угол.

До дома — ни слова.

51

Сел за компьютер. Она улеглась на кровать, замерла.

Прошло полчаса.

— Денис, поговори со мной.

Повернулся: сидит на кровати вся такая несчастная. Сказал — как мог мягче:

— О чем?

— Денис, я правда могу съехать сейчас. И это все, — повела рукой, — к чему оно было...

— Ну ты же сама решила за всех.

Вот чего хочет? Никак чтобы упрашивал остаться. Чтобы обещал горы золотые. Слова нужны, только слова. А в Париже ей и в самом деле лучше будет: и вставать позже, и гуляй хоть до ночи.

Она молчала.

Вернулся к компьютеру. На форуме любопытная дискуссия шла о регенерации у змей — но не до того стало. Бежал глазами по строчкам, думал: что делать?

Слышал, как она слезла с кровати, стянула рубашку, джинсы. Пошла в ванную.

А если она просто к кому-то переехать надумала? Такая нормальная женская выходка.

52

Забралась под одеяло, завела будильник. Только десять часов, ну и ладно, лучше уж заснуть, и всё. Корто прилип к своему биофоруму. Помрет — завещает компьютер вместо камня могильного поставить. Хоть бы ухом повел — нет, читает какую-нибудь гнусь о размножении пауков.

Сделать усилие. Надо сделать усилие, собрать вещи. Потом легче станет.

Комната, что предлагает «мокрый воробушек», — уникальный шанс: кто тебе угол сдаст при таких доходах? На эту комнату придется поработать, но оно лучше, чем так прозябать.

Прозябать, зябнуть.

— Мне с тобой холодно, Денис. Холодно.

Мимо.

Выключил компьютер, встал. Ушел в ванную. Никак сном забыться собрался.

Пройдет время, и все это сном покажется: его руки, губы, живот, в который утыкаешься носом и фырчишь. Тортилы. Луна. Лягушка в короне на кафеле ванной. Большая черно-белая фотография Рут Оркин на стене над кроватью — «Американка в Италии»: растянешься на брюхе, подопрешь ладонями подбородок, разглядываешь ее.

Слышала, как он выключил воду, как открыл дверь, вошел в комнату. Лежала, отвернувшись к луне. Вернее, к тучам, за которыми она бродила. Опять шел дождь.

53

Сперва не поняла — что это. Шмурыгнул — вроде как насморк у него. Ведь не было.

Прислушалась — опять еле слышное: шмур. Повернулась — темно, не видно ничего.

Тишина.

Поколебалась, положила руку ему на щеку. Щека мокрая.

— Денис... Денис... миленький, не надо этого.

Шмур — уже громче. Разве можно было подумать?

— Денис... Ну что ты, что ты.

— Не хочу... чтобы ты уезжала.

И такая радость сразу — как ведро теплой воды сверху опрокинули.

— Денис... я не уеду. Если не хочешь — я не уеду.

Повернулся, уткнулся носом в сгиб локтя, нос мокрый, щекотно.

— Тебе там лучше будет.

Наверно, там действительно было бы лучше. Ну что ж теперь.

Взяла в ладони его лицо, стала целовать. И — всё, будто с листа белого.

54

За окном — серые мокрые крыши, черепичного цвета столбики каминных труб. Напоминают первые дни в парижском отеле, в фиолетовой табакерке. Трубы-суслики, алюминиевые скаты крыш, прошитые на сгибах железными стежками. Под окном — желобок со стоячей водой, в нем запруда из листьев (каким ветром их сюда донесло?).

— Марьон, у тебя здесь, наверно, метров десять...

— Восемь с половиной.

Одна стена косая, другая обходит каминную трубу: стукнешь — пустота аукается.

— Зато не мансарда, и окно большое. А еще хорошо, что мебель хозяйская.

Мебель: раскладной диванчик, стол, стул к нему. Подобие шкафа. Карликовый холодильник, плитка (на ней — одинокая кастрюлька). Еще антресоли имеются. Душ, туалет — на лестничной клетке, не дай бог ключ от них затерять в ответственный момент.

— Хотелось бы что-нибудь поприличнее, но гарант нужен, аванс. Я все деньги в учебу вбухала. Родители помогли бы, да я не буду просить.

— Почему?

— Марина, мне уже двадцать семь, стыдно! В России отмечают Рождество?

— Да, через две недели.

Марьон встает прямо в ботинках на кровать, запускает руку в чемодан, поглядывающий с антресолей.

— А у нас как назло сегодня. Лечь бы и заснуть — нет, надо к предкам ехать.

Из чемодана вытягивается за рукав блузка.

— Тьфу, мятая. — Марьон зевает три раза подряд. — Соседка у меня полоумная — на нее иногда находит, и она среди ночи врубает музыку, на стук в дверь не реагирует. Спать невозможно.

— У меня есть для тебя вариант.

55

Марина шла по пустому городу. Рождество. Первое ее Рождество в Париже: маленький кинотеатр с подсвеченными афишами, застегнутый железной гармошкой жалюзи; высоченная елка перед Нотр-Дам, с огоньками, на которые никто не любуется; порыв холодного ветра. Серо... будто собрали все краски в городе, сложили в гигантский чемодан и закинули на невидимые антресоли.

На днях в русском магазине купила рождественский подарок — матрешку. Откроешь упрямое деревянное тельце, сунешь нос — там запах стружки и свежей краски. Подарок предназначался «мокрому воробушку».

Он пригласил отмечать Рождество, и Марина обрадовалась: совсем они с Корто нигде не бывают. Потом сообразила: никуда Денис не пойдет. У него аллергия на религиозные праздники: «Двадцать первый век, а они всё лбом об пол бьют». На вопрос:

«Много гостей будет?» Воробушек смущенно ответил: «Нет, не очень». И пропустил к кассе покупателя. Марина выбила чек за очередного Бушкова. Покупатель забрал книгу, не сказав спасибо.

— Не очень — это сколько?

Воробушек вздохнул.

— Это я... и может быть, вы.

56

Она перестала рисовать. Нет, она рисовала для школы. Но на себя сил не оставалось. Учила французский до одурения: когда закрываешь книгу и не помнишь, что внутри.

Но это все жило в ней. Ее радость, она спала, просто спала. Глаз едва цеплялся за то, отчего в пальцах зуд начинался раньше без карандаша... Два дедочка на террасе кафе за круглым столиком, береты набекрень. Окно с толстенным котом: брюхо лежит на раме, и кот кажется прямоугольным. Деревце, проросшее в трещине на стене дома. Каменный лев, которому на голову кто-то напялил полосатый колпак. Она замечала и проходила мимо. Будто бы спала.

Будто бы спала, пробегая — руки в карманы куртки — по выстуженным улочкам. Но этот город по-прежнему внушал ей удивление. Не то чтобы она любила его — больше: ей было хорошо с ним, было радостно. Любовь может уйти, радость — она в тебе, с тобой. Город казался огромным пазлом, и в нем жила маленькая ячейка: Марина. Чужеродная ячейка... которую город принял, удочерил. Денис от комментария не удержался: «Он тебя примет, когда налоги начнешь платить, а так ты ему даром не сдалась». Ну хорошо. Может, это она его приняла. И это он встал в ячейку ее воображаемого пазла. Какая разница.

Какая разница, и пускай она сейчас не рисует. Это просто усталость.

57

Подходила к Воробушкову дому, когда зазвонил мобильный.

— Анька?!

— У меня семнадцать минут на карточке...

За двухмесячную вечность, что не созванивались, подруга успела съехаться со своим рокером — он оказался покладистым, хозяйственным и ужасно сексуальным.

— Маринка, Коля в постели — это что-то! Тут в запале шарахнул по стене кулаком, и рухнула полка с книгами! Нет, не на голову. Что у тебя?

Рассказала, торопясь, — про школу, про город. И конечно, про Корто.

Если маме — только хорошее, то Аньке можно говорить все.

— Чуть было не ушла от него. Но...

В ночь, когда с листа белого начали, Корто поведал ей — про американок, что не были по-настоящему близкими, про свои страхи: не защитишься от женщины холодком — потом слишком хлопотно ранки зализывать.

— Я подумала: показать ему, что бывает по-другому...

— Маринка, ты влипла. — Анька начала заводиться. — Да! Связалась с незрелым мужиком, такие, хоть сто лет на ветке провисят, не созреют — ни до семьи, ни до того, чтобы ответственность на себя взять. Хоть за что-то! — Анька не давала и слово вставить. — А ты, значит, решила ему доказать, что не все бабы — суки? И сколько лет ты на это угробишь?

Повисла тишина, утекли семнадцать минут.

58

Воробушка звали Альберто. Был он наполовину испанец, наполовину итальянец, но всю сознательную жизнь прожил во Франции. По-испански говорил с легким акцентом, а по-итальянски только и мог, что воскликнуть: *"Mamma mia!"* — так, ради смеха.

Его «мамма» была испанкой, но не стройной танцовщицей с красной розой в волосах цвета воронова крыла, а обычной поварихой, замученной кредитом на квартиру. Флорентине перевалило за тридцать, когда она встретила итальянца, что лишил ее наконец девственности, шепча всякие слова и не предохраняясь. После выяснилось, что красавчик женат, с двумя детьми, банальная история. Но вот что не банально: Флорентина вырастила сына в любви к отцу, чей след простыл, когда Альберто был на стадии эмбриона. Ей казалось, что это будет так прекрасно: блудный отец вернется однажды, все осознав, а тут его ждут верная подруга и сын, готовый за папу хоть в воду, хоть в огонь, хоть в трубу медную. Исходя из только ей ведомых соображений, Флорентина перебралась из Сарагосы в Париж. Маленький Альберто всем рассказывал: мама много работает, потому что у нее кредит, она купила квартиру на бульваре Ришар-Ленуар.

— Вернулся папа?

Сидели на кухне, пили чай с молоком, заедали «мадленками». К празднику Воробушек не подготовился: разносолами не пахло, да и ответный подарок он вручил Марине после того, как исчез в комнате минут на пять. Появился со шкатулкой из соломки, немножко пыльной. На дне было проштамповано: «Сделано в Белоруссии».

— Нет, я сам к нему в Италию поехал.

Говорили на смеси английского с французским; иногда Воробушек щеголял русскими словами.

— У меня оказалось пятеро братьев. Пиат! — Перешел Воробушек на русский, демонстрируя ладонь с растопыренными пальцами.

И эти растопыренные братья дали Воробушку понять, что нечего зариться на наследство — своих жаждущих хватает, «да и кто сказал, что ты не аферист?».

Отца Воробушек тоже видел. Обычный тип, таких в пивнушках у барной стойки в шесть вечера лопатой грести можно.

— Хочу взять женщину с ребенком, чтобы, — Воробушек сосредоточился, — рибионок ест отец.

Ах, вот чего он русский учит. Правильное направление взял: таких пол-России — в ассортименте.

— Нашел кого-то уже?

Воробушек вздохнул.

— Нашел. Теперь не знаю, что делать.

Задумался, опустив «мадленку» в чай. Она размякла и истаяла. Спохватился, принялся ложкой вылавливать набрякшие крошки. Вылавливал и рассказывал. Марина вдруг подумала, что Воробушку повезло. Все детство восхищался воображаемым отцом — вместо того чтобы наблюдать реального: его безразличие, его хамство. Да, бывает и иначе, но у других.

59

— Темная история. Познакомился с девицей по Интернету, приехал к ней в Могилёв отмечать Новый год, прошлый. Подарочков навез.

— Тут не дарят на Новый год подарки, — Корто постучал по стеклу аквариума ногтем. Тила подплыла и ощерилась.

— Ну не ехать же с пустыми руками. И вот его встречают на вокзале — Ольга, с которой он переписывался, ее подруга и брат подруги Лёва.

— Лёва из Могилёва...

— Лёва оказался ключевым персонажем. Они отвезли Альберто на съемную квартиру — хрущевка, последний этаж. В конуре этой холод собачий. Забрали гостинцы и плату за неделю постоя, обещали назавтра город показывать. Альберто ночь промерз в мечтах об Ольге. Она вроде ничего так была. А на следующий день никто не явился. Телефона нет, мобильный он не взял, на роуминге решил сэкономить. В холодильнике шаром покати. А ключи они ему забыли оставить. В шесть вечера Альберто вышел на охоту.

– Голод не тетка!

– Да он все мучился – дверь не захлопнешь, а всю наличку тащить во тьму страшно. Где еду покупать – непонятно, по-русски он только «спассиба» говорить умел, да и местными «зайчиками» не успел обзавестись.

– И тут входит Лёва с фуа-гра и цветами.

Комментарии Корто отпускал с насмешливым видом, как если бы рад был, что Воробушек попал в переплет. Не мог простить ему обладание комнатой на съём.

– Нет. Все гораздо хуже. Альберто потерялся. Потому что все дома были похожи.

– Жуть.

Марине расхотелось рассказывать про Воробушковы злоключения. Про то, как он два часа метался по морозу, оторопев от ужаса; про то, как Ольга не появлялась – «заболела»; про то, как тридцать первого декабря в одиннадцать вечера Лёва свалился к кукующему в холодном гнезде Воробушку и потащил его на пьянку, где никто не говорил ни по-французски, ни по-английски, а одна пятидесятилетняя баба всю ночь жалась к нему своими полусдувшимися буферами.

– Лёва пас Альберто до последнего, на самолет проводил. Ольга так и не выздоровела.

– Может, к Лёве надо было присмотреться?

Своего безразличия Корто не скрывал.

– В общем, Ольга опять письма пишет. Оказалось, Лёва был не подругиным братом, а ее собственным и из ревности не пустил к Воробушку, под замок посадил, а она...

– К кому не пустил?!

– Ну понимаешь... – Марина замялась, – Альберто на мокрого воробушка похож...

Уходя, спросила Альберто: «Знаешь, как будет по-русски *"little sparrow"*?» Разучивали на пороге: «ворошек», «вобушек», «во...шек»...

Такой одинокий хороший человечек.

60

Марина перезвонила Ане через два дня — нехотя. Они привыкли делиться всем, они болели друг за друга. Но сейчас Марина не хотела, чтобы за нее болели. Чтобы говорили, будто есть что-то нездоровое в ее нынешних отношениях. И потому она принялась заговаривать зубы, расспрашивать: как у рокера отношения с Аниной дочкой, где живут, едут ли в Германию.

Аня долго снимала неуютную однушку, работала допоздна, дочку Варю не успевала из сада забирать, и за ней ходила соседка, пожилая женщина. А еще Аня учила немецкий — собиралась в Германию, по еврейской линии. Тоскливо было на химзаводе пробирками верховодить. Ну и встретила Колю, рокера, и не такой уж он оказался и рокер. Дочку ее как свою принял. Коля не хотел в Германию, и Аня расхотела.

Простая милая картинка: парк «Ельниковская роща», осень, Варя прыгает с лавочки — очень она любит на руки прыгать, — рокер Коля в трикотажной шапчонке ловит ее, и никаких его татуировок не видать, домашний такой, обнимает Варю, и Аня смотрит на них, улыбаясь. Ручное теплое счастье, тяжеленькое, как если бы кролика в руках держать.

Желтая листва и осеннее солнце.

Можно позавидовать. Вот только ей, Марине, не нужны никакие кролики.

61

После Вадима — нет, правда не нужны.

Больше того — хочется поджать губы, растянуть в знающей улыбочке: уф, меня-то минула чаша сия... Слава те господи. Еще этой головной боли не хватало — счастья.

Зачем обретать то, что можешь потерять?

Прошло время, когда хотелось — обретать, когда не думалось о последствиях. И Марина изобрела фразу: «Зачем мне джип, его могут стукнуть или свистнуть. Я уж лучше пешочком».

«Пешочком»: тебе ничего не надо, ни джипа, ни тепла. Ни будущего. Как же ты потом без своего кролика...

Ничто навечно не сохранишь.

Аня сокрушалась: Вадим не подумал, что человека покалечит, иди к психоаналитику, останешься старой девой с такими заскоками.

— Дева я уже никакая, — отмахивалась Марина. — И никто меня не калечил.

Наоборот, она только сильнее стала.

Теперь это было ее силой — неверие. Не веришь, что с кем-то может сложиться, — не воображаешь ничего и не просишь. Свобода от пустых ожиданий. А с ней — сила.

Сильной она себе нравилась. Сильной и никому не нужной.

Потом появился Корто. Корто, который тоже не верил и не обольщался. И от ожиданий был свободен еще больше, чем она. Потому что она, где-то ну совсем в глубине, ждала чего-то. Нужной хотелось быть, иначе зачем это все.

Нет, о недавнем разговоре Аня не забыла.

— Ань, пойми, ему хорошо со мной...

— Не хорошо, а удобно — улавливаешь разницу? — Аня мыла тарелки, гремела посудой. — Ты просто его устраиваешь.

Но ведь это тоже значит — нужна?

Лучше умолчать о вчерашнем: купили пиццу навынос, и, когда Марина резала горячую ароматную лепешку, Денис откинулся на подушку, наблюдая: «Ты для меня самый подходящий вариант».

— Думаешь, он готов с тобой что-то строить?

Марина не отвечала. Аня добавила осторожно:

— Он тебе хоть сказал, что любит?

Конечно, еще давно. Вернее, сказала она, а он ответил: «Я тоже».

— «Я тоже»? Он заявил «я тоже»? Ни на что больше не хватило?

Малоприятное занятие — защищать свою радость от подруги, которая желает тебе добра всеми печенками.

— Марина, ему ничего не нужно, разве не видишь? У него один плюс один не будет равно трем!

Нет, это сейчас не равно, просто рано пока. Когда ночью втиснула ему в ухо: «Денис, а если...» — смолчал, но будто сквозняком протянуло. Другая сбежала бы? Ну и дурочка была бы. На то и время людям дается, чтобы незаметно так друг к другу привязаться, что потом топор об узел обломаешь.

62

Не знал он еще таких отношений. Мало того что приятно дома на родном языке говорить — с Маринкой многому учишься... Легкости. Согласию. Или — как там? — доверию. Хотя все равно никому, как себе, не доверишься. Даже если цели общие. Ибо цели бывают только свои, с чьими-то временно совпадающие. Но все же.

А еще мило, что подружка не чужда искусства. Жаль, от рисуночков профита ноль.

Она как собачонка — подойдет, прижмется, носом в шею сопит. Живая-теплая. Взамен на ласку ничего не просит. Только до поры это. Вот уже попыталась сбежать. И правильно сделала. Да ведь каждый за себя, не отпустил.

63

Альберто лежал на кровати, слушал, как дождик постукивает в ставни. С поездки в Могилёв прошел год. Сколько раз Ольга просила снова приехать или — лучше — выслать приглашение и деньги на самолет. (У нее ни гроша, библиотекарша, ее брат содержит, Лёва.) Но никак Альберто не мог переварить новогоднюю историю. Когда ехали в аэропорт, остановились на светофоре, Лёва что-то вспомнил, говорит: «Гивми» — и на сумку сзади указывает. За неделю Альберто научился разбирать Лёвин, с позволения сказать, английский, ему на таком и Ольга писала, это у них, видимо, семейное. Протянул сумку Лёве:

"Na!" (Выучил: *"Na!"* говорят, когда дают что-то; кошмарное воспоминание: новогодняя ночь, тетка в цветастом платье сидит впритирку, тычет ему в набитый рот куском: *"Na! Yesh!"* — mamma mia...) Лева порылся в сумке, вытащил шкатулку из соломки: «Ольгас презент!» — загорелся зеленый свет, поехали. Альберто выдавил *"thanks"*, но не понял, зачем Ольга передала ему шкатулку. Если туда только винтики складывать.

Вчера приходила Марина, выслушала, сказала: да разве не видишь, не то это. Он и сам знал, что — не то. И, зная, накопал девиц на сайтах знакомств, некоторые на Новый год к себе звали, другие в Париж порывались. Но он всех отфутболил, придумал эту комбинацию с Прагой. Послал Ольге денег через «Вестерн юнион», отель в Праге заказал, на окраине ввиду кусачих цен. Собирался туда на машине ехать. И вот сегодня пришло от Ольги письмо: не получается выбраться в Чехию, их президент Лукашенко свирепствует, незамужним выход перекрыт. Сперва окрысился на этого Лукашенку, бросился искать телефон белорусского посольства в Париже, потом остыл. Может, никакого и не президента это рук дело, а Лёвины происки. Или не Лёвины, а самой Ольги. Аферистка, деньги-то взяла. А про президента Лукашенку Лёва говорил, что им очень даже народ доволен, все сыты, не то что в соседней Молдавии, где Лукашенки нет. Сделали из него черта на Западе, а он что отец родной. Вывод: Ольге веры — никакой. Второй раз она его динамит, хватит.

Да только как теперь с праздниками быть? Проситься к подружкам поздно: виза нужна. И пригласить не пригласишь — та же проблема с визой. Придется дома куковать. Вот так: до сорока пяти дожил, пойти не к кому. Хорошо еще Рождество с Мариной встретил. Она приятная и по-английски прилично говорит. Про бойфренда своего рассказывала. Тоже ведь бестолковая: жалуется, что одиноко ей с ним, а того, с кем неодиноко будет, не ищет, от комнаты отказалась. Ей кажется, что у них «эксклюзивные отношения», чуть со стула не упал. Тип, который, кроме себя, никого не видит и ни с кем, кроме двух

черепах, не общается, вдруг к ней привязался. Ее это трогает, и у нее чувство ответственности за него расцвело. Наверно, надо в Сарагосу на Новый год поехать, маму проведать. Не хотел ее сдавать в дом для стариков, но как иначе — не нанимать же сиделку к лежачей на круглые сутки. Мать в Париж возвращаться не желает, да и слава богу, ему-то каково было бы в лазарете жить. Она уже в полубеспамятном состоянии, а там у нее подружки, в стариковском доме, тоже беспамятные, полное совпадение интересов. Ольге написать, что все кончено, привет Лукашенке, и — в Сарагосу. Какая глупость вышла.

64

Марьон не выдержала — эта дура соседка опять в два ночи музыку врубила. Стучать бесполезно. Красотка живет тут не первый месяц, а Марьон ее еще не видела. Консьержка сказала, что меломанка — танцовщица, в кабаре ноги задирает, чуть ли не в «Мулен Руж». Наверняка после трудовой ночи нюхнет чего-нибудь и лежит кайфует. Работай у нее звонок — можно было бы ей кайф подпортить, нажать кнопку и держать до победного. Марьон влезла в джинсы и вышла в коридор.

Шарахнула по двери, кулака не пожалела. На удивление, соседка сразу открыла, глаза зареванные. Молоденькая, лет двадцати. Смотрели друг на друга пару секунд, и вдруг жаль девчонку стало. Стряслось у нее, видимо, что-то. Может, потому и музыку врубила, чтобы... заглушить в себе это. Кто знает. Хотела предложить ей помощь, начала:

— Я ваша соседка...

Девчонка стушевалась, вдохнула воздуха, пролила на выдохе:

— Простите, я выключу музыку. Простите.

Марьон еле успела бросить: «Все в порядке?» — и дверь закрылась, только в щель плеснуло тихое: «Да». Ни «спасибо», ничего, просто — да.

Ну да, так да. Музыка оборвалась.

Марьон вернулась к себе, забралась под одеяло. Постояльца она сюда нашла, согласен снимать по-черному; к Альберто можно перебираться после праздников. Сегодня ездила смотреть: большая комната, светлая, мебель есть — живи не хочу. И сам Альберто приятный. Похож на птичку, не поймешь на какую. Наверно, дамский любимец — у теток при виде таких материнский инстинкт разыгрывается.

Марьон провалилась в сон в тишине.

65

Зимней сессии в школе не было, впрочем, как и летней, — защищаешь свой проект, и всё. Непохоже на учебу в вузе, плюс выяснилось, что диплом платной школы практически не котируется. А семь тысяч евро уплыли.

— Не паникуй, — Денис достал из корзинки яблоко — очень он яблоки любил, — с тебя работодатель знания спросит, а не корочку. Учись.

Задания разрешалось выполнять на английском, но финальный проект Марина надеялась по-французски изобразить. Привычка учить языки у нее была: после инглиша она разучивала немецкий за компанию с Аней и даже на японский однажды замахнулась — ничего не вышло, но ощущение причастности к тайне осталось.

Кстати, сейчас она корпела над «рекламной кампанией» для Японии. Духи *"L'air du Temps"* от *Nina Ricci*: как если бы японцы про них не знали, отстали от цивилизации.

Тишина. Марина пялится в экран, разглядывая изящный флакон с двумя голубками. В голове пусто. Требуются слоган, плакат, брошюрка и план презентации. Срок — вторая неделя января. Десять дней на всё про всё.

Из-за аквариума доносится:

— Я тебе слоган придумал: «Налетай, косоглазые!»

— Не смешно, Корто.

— Ох, не люблю азиатов...

Никак не мог он забыть стычку восьмилетней давности: возвращался во Францию, и казахи на таможне...

— Заявили: не отдашь все бабки — опоздаешь на самолет. Русский, да с французским видом на жительство, — мимо этого они пройти не могли. Я б с ними обошелся, как мой папашка с министром, но тогда точно не улетел бы...

— Корто, не отвлекай.

Давно хотела такое сказать — а то обычно ей рот затыкают, мол, мешаешь изучать пищеварительный процесс у гадюк.

Курс разделили на четыре группы, у каждой — свой парфюм. Кроме *"L'air du Temps"* («Дух времени», дословно — «Воздух времени»), названия были вымышленные: «Поток времени», «Пламя времени» и «Почва времени». Четыре стихии, кто не понял — воздух, вода, огонь, земля.

— Корто, а что мы делаем на Новый год?

— Понятия не имею. К Макарову таскаться мне надоело. Там русские собираются — напьются, песни орут под гитару. Курят. — Денис перекосил физиономию.

— А давай в Испанию двинем?

Оторвался от компьютера, ткнул пальцем в дужку очков на переносице:

— У тебя пара тысяч евро завалялась?

На всё — сразу нет, не разобравшись.

— Воробушек едет на машине в Сарагосу, у него там квартира.

— И что в этой Сарагосе делать?

От упрямства Корто есть прок: она работу сдаст вовремя.

Как собрать воедино эти манящие словечки: «древесный шлейф из кедра, мускуса, сандала и амбры, нотки бергамота, палисандра и пряной гвоздики»? Плюс дурацкие голубки, грязная птица. Нет, не получается творить по заказу. Слоган не выдумывается, в голове одно банальное *"Express your personality"*. Но банальности, кстати, никого не пугают: в подмогу раздали рекламный текст. Там что-то про «провоцирующую гармонию совершенных запахов, абсолютную гармонию, что возникает при

фатальном взаимопритяжении мужчины и женщины». И в ней «нет ни логики, ни здравого смысла, как и вообще в современных отношениях»... Того и глядишь – мозги сварятся, ни здравого смысла не останется, ничего, одна провоцирующая гармония. Поехать бы голову проветрить.

– Скажи своему Воробью, что бензин пополам оплачиваем.

66

– Да это у вас в столицу не рвутся! А в России существует понятие глухой провинции.

– Как я хотел бы там жить! – Воробушек вел машину, Марина угнездилась на переднем сиденье, а сзади развалился Денис, в дискуссии участия не принимавший.

«Хотел бы там жить»... Забавные они, иностранцы. А еще у них проблемы с дикцией возникают, когда речь о наших городищах заходит.

– Если бы я влюбился в твою подругу Катью, запросто поехал бы к ней в Но... в Нова...

– В Новочебоксарск.

– Нова...барсакс. Это далеко от Сибири?

Воробушек выяснил, что у Марины есть знакомая, которая непрочь обзавестись добрым молодцем. А то что-то все злые попадаются.

– Воробушек, Катью устроил бы бульвар Ришар-Ленуар, поверь.

Денис гоготнул. Альберто пожал плечами:

– Вы что, не любите свой город?

Нет, ну кто ж его не любит. Полжизни там прожито (вторая половина – в Чебоксарах: художественное училище, замужняя жизнь с чужими родителями, незамужняя – с канувшим бизнесменом), никому дурного слова сказать про Новочебоксарск не разрешается. Другое дело, что окна квартиры на химзавод выходят, а снизу машины – жжух! жжух! (правда, это как музыка). Летом иной раз просыпаешься от запаха се-

ры или хлорки — а нечего с открытыми окнами спать! Город был построен во имя и в честь химзавода, и всякий, кто сюда ехал, знал, что селиться надо с подветренной стороны. Либо не селиться вообще. Либо помалкивать.

Как-то разом все опостылело: работа, к живописи отношения не имеющая, подъезд родительского дома, остановка автобуса, идущего до Чебоксар, магазин на углу улицы, хамство отца, лужа разливанная возле аптеки, мамино нытье про осеменителя на ишаке и еще — ощущение одиночества, постоянных потерь. Вернее, настоящая потеря была одна — Вадим. Но страшно на всю жизнь стало.

— Воробушек, ну захотелось мне уехать. Твоя мама перебралась в Париж из Сарагосы, некоторые из Казахстана удрали (Корто расселся как барин и делает вид, что не слушает), а сколько в России тех, что в Москву подались! Почему мне-то нельзя?

Воробушек покосился на Марину.

— Кажется, я... — оглянулся: Денис, как сказать по-английски: *"Je l'ai piqué au vif"*?

— Воробей говорит, что наступил тебе на мозоль.

Корто ведет себя с напускной небрежностью. Ей это даже нравится. Но и неловко. Воробушек, наверно, думает — попал, пять суток в обществе нахала.

— Скажи ему, нет у меня никаких мозолей. Просто я не хочу туда возвращаться.

67

Воробушек направил колеса в Дордонь — там в деревушке ждала ночевка.

— Я же каменщик, вот и построил себе дом.

Гнездо было свито Воробушком собственнокрыльно — строителей он прогнал в шею: оказались пройдохами.

— У вас такое бывает?

Воробушек взъерошился:

— Я на них в суд подал!

За три года строительства Альберто полюбил мирную провинциальную жизнь, хоть и скучал. Походы в суд между замешиванием бетона и приумножением мировых запасов стружки были даже похожи на культурную программу.

В новоиспеченном доме Воробушек не задержался: полетел в Париж. Оставалось найти невесту с «рибионком», сдать квартиру и счастливо зажить «на земле». Здесь, на окраине деревушки Сен-Фуа-де-Лонга, можно с Жилем Мартеном трюфели искать, а еще завести голубятню, дело веселое.

— Воробушек! Ты же в Новочебоксарск порывался!

— Нет... Катья сюда приедет... Увидишь, это рай... Я просто так сказал про Новабаркаск.

Всю дорогу — нет да и спросит про Катю. Огорчился, что у Марины нет фотографии.

Корто, конечно, смолчать не мог:

— Альберто, ты в курсе, сколько во Франции развод стоит?

— Да, но я не хочу...

— Она, глядишь, у тебя еще полдома оттяпает.

— Так я ж... контракт заключу...

— Ты русских не знаешь... любой контракт обойдут.

Воробушек пугается. Денис хохочет:

— Ладно, ладно, хорошего адвоката наймешь!

Воробушек бросает отчаянный взгляд на Марину, но тут выплывает указатель на Бордо. Денис оживляется:

— Надо к черепашникам на обратном пути заглянуть. Альберто, я там три года в лаборатории оттрубил...

Бордо так Бордо. Воробушку на работу не спешить: он на бирже труда время от времени отмечается, и дело с концом. Каменщиком вкалывать неохота, лучше уж скромнехонько жить на доходы от сдачи загородной резиденции.

Жильцы хорошие, вот на праздники уехали и разрешили хозяину переночевать.

Дом с круглой башенкой на въезде в деревню. Следом — другая башенка, квадратная. Альберто ловит Маринин взгляд:

— Это голубятни.

С заднего сиденья — ехидный голос:

— Они тут не только лягушек, они еще и голубей жрут.

Марина оглядывается:

— Корто, при Воробушке мы не говорим по-русски.

— Я стих придумал: «Воробей жрет голубей».

Марина поворачивается к Альберто:

— Это правда, что вы голубей едите?

— Конечно. А вы разве нет?

Сзади — голос (уже по-английски):

— Голуби — отрава. У них нет желчного пузыря, и весь *shit* идет в мясо.

Альберто кивает:

— Но вкусно... И у них помет ценный.

Денис фыркает.

— Я правду говорю! — обижается Альберто. — Это удобрение для виноградников! Неплохой источник дохода... Его даже в брачный контракт вписывали. — И Марине: — Знаешь, что в Средние века во Франции только феодалам позволялось строить голубятни?

— Нет.

— А после революции разрешили всем, и на голубей началась повальная мода.

На седьмом часу езды Корто перестал делать вид, что любуется пейзажами на трассе.

— Ага, а потом явились немцы и запретили грязную птицу. Французы прятали голубей и тряслись: курлыкнет какой идиот не вовремя или нет...

— Воробушек, это правда?

— Не знаю... Но на голубятню могу вас сводить.

Денис демонстративно кашляет, закатывает глаза.

— Ой, нет! Это без меня. Удобрения для виноградников слишком сладко благоухают.

Альберто с Мариной переглядываются. «Я предупреждала, что он ерепенистый. Но хороший». — «Да уж. Молчу».

«Пежо» выезжает к двухэтажному каменному дому с фасадом, увитым лысыми стеблями: летом тут и правда зеленый райек. Из соседней калитки выходит невысокая женщина, Альберто высовывается в окно, выпаливает:

— Мадам Мартен! Здрасьте! Как вы? Можно к вам через полчасика? — и подняв стекло: — Там кормят.

Машина тормозит, распахиваются дверцы. На улице градусов четырнадцать (конец декабря!)... Марина хлопает в ладоши, взбегает на крыльцо:

— Какой чудный дом!

Будет время, когда другая взбежит по ступенькам... Альберто улыбается, достает ключи из-под лестницы:

— Ну что, пьем кофе и идем знакомиться со свиньей?

Денис кивает на дом напротив:

— Ты про соседку?

К счастью, возле калитки уже никого нет.

68

— *Groin-groin! Groin! Groin!*

Это Альберто хрюкает. Звучит так: «груэн-груэн!» — и кажется, что Воробушек издевается над свиньей.

— Корто, слышишь как французы наше «хрю-хрю» коверкают?!

Денис не реагирует — черепашникам звонит.

— *Groin! Groin!*

Свинья размером с питбуля, страдающего ожирением, лежит на диване; розовеющее сквозь редкую шерсть брюхо растеклось мягонькой лужицей, усыпанной пупырышками. Вспоминается рисунок в детской книжке: пляж, свинья в купальнике — сверху донизу ряд зеленых лифчиков. Марина осторожно трогает копытце: ребристое, раздвоенное, такие у чертиков рисуют. Свинья приоткрывает глаз. Мало ли что.

Альберто мочалит в пальцах свиное ухо.

— *Groin-groin!*

Свинья на «груэны» не реагирует. Двуногий развоображался, будто у него есть пятак, ну что теперь. А вот когда двуногий принялся за ухом чесать... за это можно все отдать.

— Видишь, шерсть на загривке дыбит? Кайфует. Еще любит, когда ей за передними ногами чешут...

Свинья — на верху блаженства. Даже кажется, что она улыбается.

Подходит мадам Мартен.

— Мы любим, когда нам вот тут массажик... — Мадам Мартен собирает в складку кожу возле рыльца, сверху. Свинья издает тихий протяжный хрюк, его можно было бы назвать сладострастным, но слишком уж слово несвиное. — И брюшко, мы обожаем, когда чешут брюшко... — Мадам Мартен начесывает свинье живот, и та полуобморочно закатывает глаза, а заднюю ногу приподнимает, чтобы всюду доступ был.

Мадам Мартен обращается к Марине:

— Животика коснешься — она сразу на бок валится!

Марина улыбается:

— Можно нос потрогать?

Свиной пятак влажный и прохладный, черный, с бледной кляксой посередине, затекающей в две внушительного размера ноздри. Из ноздрей — воздух: туда-сюда, туда-сюда, всю жизнь бы так пролежать на диване, и чтобы чеса-а-али...

— Ай! Он мохнатый...

Пятак покрыт редкой шерсткой.

— А как же. — Мадам Мартен чешет как заводная пузо в пупырышках. — Это рыльце нас кормит...

Марина не успевает спросить — что значит «кормит». Денис сообщает:

— Дозвонился до Матьё. Будет ждать меня четвертого января в лаборатории. Интересно посмотреть, как они там.

«Меня».

— Ты нас-то возьмешь? Или на трассе высадишь?

А собирались пораньше домой вернуться, проект для школы — на нуле. Вечно Корто только о себе думает, взяли в доро-

гу шесть яблок, четыре сточил, как червяк, на заднем сиденье. У него принцип: «Кому надо, тот возьмет. А кто забыл взять — пускай таблетки для памяти пьет».

— Я хотела бы поговорить насчет Марго, — мадам Мартен кивает на свинью.

— Марго? Ее зовут Марго?! — Денис хохочет, и Марине неловко.

Мадам Мартен смущается:

— Мы ее в честь королевы Марго назвали. Мой муж — большой любитель истории...

Денис отмахивается:

— Да нет, у меня личное.

Он вспоминает нью-йоркское *"Hard Rock cafe"*, куда потащился, можно сказать, рассентиментальничавшись. Марго, тянувшая на сотню кило, стояла перед ним, сжимая пухлыми руками розовую сумку: пальцы с красным лаком и врезавшиеся в них два золотых кольца. Она и правда смахивала на...

Альберто кинул недовольный взгляд на Дениса:

— Так что насчет свинки, мадам Мартен?

— Мы собрались в Нормандию к дочери. Третьего вернемся. Приютите Маргошу?

69

— Я со свиньей сидеть не буду, — Денис голоса не понижает. Альберто подталкивает его к калитке: сказал мадам Мартен, что домой понадобилось. Согласился взять Марго и понял, что русского друга надо срочно эвакуировать.

— Денис, я тебе все объясню...

— Нечего объяснять, какая, к чертям, свинья — мы в Испанию едем.

Альберто убегает вперед, чтобы Денис еще чего-нибудь не сказал. Кто знает, каковы слуховые возможности у мадам Мартен.

— Эй, меня подождите! — кричит Марина с порога.

И когда все оказались на кухне:

– Она решила, что мы сюда на Новый год приехали...

– В эту дыру?! – Денис, сунув руки в карманы, прохаживается из угла в угол.

Альберто опускается на лавку. И лавку, и стол – своими руками сделал, хоть бы кто похвалил А как дырой называть единственное место на земле, где он гнездо свил, – это пожалуйста.

– Воробушек, а если сказать, что мы бы рады выручить, но едем в Сарагосу? Тебе же маму повидать надо, – это Марина.

Альберто встал, сел.

– Я не могу. Не могу признаться, что мама в Испании.

– И давно она от французского правосудия скрывается?

– Не смешно, Корто, – отмахивается Марина. Воробушек того и гляди расхочет путешествовать в компании типа, который не умеет ни общаться, ни на компромисс идти.

Воробушек трет пальцем след от горячей чашки на столе. Денис останавливается:

– Шкафчик сам смастерил?

– Сам! Всё сам! Вот, например...

– Альберто, давай я твою машину возьму, а ты со свиньей посидишь?

Неловкая пауза, Денис взрывается смехом. Альберто отводит глаза:

– Я уже обещал маме... Она ждет...

Денис мрачнеет.

– То есть я буду сидеть в дыре со свиньей, а ты поедешь развлекаться?

Марина дует губы:

– Корто! Опять «я» да «я»!

Альберто уныло пялится в окно. Кто думал, что так все повернется, глупее некуда. Ну не мог он отказать мадам Мартен, и оправдываться желания нет. Всю жизнь оправдывался перед всеми, хватит.

Денис без спроса идет осматривать дом. Альберто возвращается к пятну на столе. Вывести можно – подраишь кусочком

— Э-э-э? — мсье Мартен снова сел. — Да говорят, у трюфеля в запахе некая нотка есть... ну так пахнет хряк, когда размножаться надумает.

— И что, удается ее оттащить? — присоединяется к разговору Денис. — Вдвоем оттаскиваете?

Он смеется, и Марине немножко неловко.

Но мсье Мартен, кажется, не заметил фамильярности.

— Знаете, как хрюшек учат, чтобы они трюфели не ели? Съест — в пятак дают, а он у них крайне чувствительный. Быстро запоминает, что к чему. Кстати, итальянцы коз на это дело подряжают.

— Козам по рогам дают, — это опять Денис.

— Итальянцы? — вмешивается Альберто. — Мои сородичи? Не слышал.

Мадам Мартен ставит на стол тарелку с кружочками фуагра и бадейку с салатом.

— Да, на Сардинии. — Мсье Мартен потирает руки. — Садитесь, садитесь. Не к столу будет сказано, мы трюфельки еще и благодаря мухам находим. Вьются над грибницей, одуревшие.

Мадам Мартен нахваливает салат, «Перигорский». С утиной печенкой и орешками. Но Денис мысль не потерял:

— Вы всякий раз уверены, что это грибница, а не что-то другое?..

С этими простыми людьми он не церемонился.

Мсье Мартен захохотал.

— Э, нет, мой русский друг, сожалею... Шутка не удалась — ведь это особенная муха. Она над грибницей яйца откладывает, чтобы личинки добрались до гриба, отъелись там и окуклились. Мушата вылупляются и роятся: на солнце столбик хорошо виден...

Альберто задумчиво тыкал вилкой в лист салата. Лист не накалывался.

— В Италии... родственники меня угощали белым трюфелем из Пьемонта. Я заикнулся про наш перигорский, — Альберто кивнул на корзинку, — а они засмеялись: «Что-что? Этот черный уродец?»

— Уродец? — мсье Мартен закашлялся: хлебные крошки пошли не в то горло. Мадам Мартен подскочила, но он замахал руками — покашлять спокойно и то не дадут. Потер глаза (слезы выступили): — Да наш трюфель черным бриллиантом называют! Знаете легенду?

71

«Взрослая» кровать в доме наблюдалась одна, но широкая. Альберто заикнулся, что Марину лучше положить в серединку, чтобы ей теплее было. Денис буркнул:

— У тебя гормональная буря на почве воздержания?

Альберто обиделся, ушел в душ и непонятно что там делал, вода не лилась.

Денис и не думал раскаиваться.

— Их трюфельная запеканка — одно название. Просто яйца держат вместе с грибами — запах трюфелей сквозь скорлупу проникает.

— Там что-то было в запеканке, мелко наструганное.

— Ничего подобного. Гриб дорогой, на продажу.

— Да уж, Корто, ты точно не угостил бы. Почто Воробушка обидел?

— Воробей к тебе клеился, — хмыкнул.

— Да это для тепла! Боже, ты еще и ревнивый...

Тут пришел Альберто, с деловым видом перешагнул через лежащих и забился в угол. Марина хотела ему что-нибудь позитивное сказать, да не придумала что. Свет погас, и комната упала в непроглядную темноту, а она, Марина, — в прошлое. Так живо представилось: она все еще в Новочебоксарске, ходит в гости к Ане, где зимой холодно, а летом жарко, и они пьют чай в комнате на ковре, потому что в кухне царят неистребимые тараканы, длинные и рыжие. У нее в ушах стоит отцовский мат и мамино «Рот закрой!», она по-прежнему работает в обувном магазине, копит деньги на побег. Он с ней — ненавистный любимый город, парк «Ельниковская роща», куда она

водит Варю кататься на пони, песчаный берег Волги, к концу лета порастающий под водой илом, сосновый лес, где зимой так тихо. А здесь... будто она не она, а другая Марина. Как будто кино смотришь.

72

Как кино, как сон: богом забытый пятачок Франции (ни почты, ни даже булочной нет, надо в соседнюю деревеньку ехать), рядом Корто, в Париже ждет учеба, сегодня попробовала трюфель, завтра — вперед, в Испанию. А не загляни Альберто в книжник, не было бы ни свиньи, ни Испании, ни трюфеля. Как зыбко все в жизни. Не пойди она на собирушку в парке Со, не было бы Корто. Не брось ей Вадим на счет несколько тысяч евро — на отца любовалась бы, а не на Нотр-Дам. Тоже — случай, чужие деньги. Хотя не бывает случайного.

Мартены уедут в шесть утра, собаку с собой возьмут. Для Марго дали топчанчик, предупредили — может нахулиганить, держите ее в кухне. Она неуемная — то сдернет скатерть со стола во время обеда, то спрячется в пододеяльнике (семейство на грани нервного срыва бегает по окрестностям, срывая голос), однажды подсунула в сумку гостье, чопорной даме из Тулузы, голову креветки (хозяева целую миску насыпали), и мадам через два дня достала в ювелирном магазине портмоне с ароматной полутушкой...

Весь вечер смеялись. Мсье Мартен изображал, как любопытная Марго забрела в чулан, где стоял тазик с клеем. Выбежала: пятак проклеен и стремительно засыхает. Пятаку вообще достается: сажает мадам Мартен рассаду в пластиковые бутылки со срезанным горлышком, отвернется — пятак уже в пластике, хрюкает утробно, застрял. Ну и в порядке вещей нагадить в доме и радостно ускакать с целлофаном на пятаке, приготовленным для несимпатичной горки.

Денис не смолчал:

— Альберто, твоя идея — приютить свинью. Так что ты и будешь за ней убирать.

И это – при хозяевах.

Воробушек ответил, что будет убирать с удовольствием. И приветливо посмотрел на мадам Мартен.

– Да вы к ней привяжетесь! – мадам Мартен начала озабоченно собирать тарелки: Марине показалось, что всем стало не по себе. Всем, кроме Корто.

Разрядила обстановку сама Марго. Вошла, оглядела компанию и закружилась на месте. Так собака за хвостом гоняется. Мсье Мартен делано всплеснул руками:

– Маргоша!

Свинья остановилась, посмотрела на него и принялась крутиться снова, издавая странные звуки, как бы рычание. Мсье Мартен махнул рукой:

– Она Анри копирует. Бегает вдоль забора, дыбит шерсть и лает на прохожих.

– Лает?

– Ну да. Наверно, думает, что они с Анри – оба собаки. Когда мы ее взяли, крохой, эти двое всегда спали вместе. Марго вскарабкивалась на пса, он не возражал. Сейчас она весит пятьдесят кило, но по-прежнему норовит на него взгромоздиться! Как дело к сиесте, Анри изображает, что у него дела появились.

Марго подвернула копытце, замерла, слушая. Мсье Мартен подмигнул Марине:

– Смотрите!

Марго сразу сообразила, что к чему: играть будем. Хозяин взялся нарезать круги вокруг стола, осталось рвануть за ним, тявкая и пытаясь просунуть голову ему между ног. Да, вот такая интересная игра.

Мсье Мартен упал на стул, переводя дыхание:

– Ну все, все, Маргоша...

Марго недовольно хрюкнула, потопталась и направилась в сторону дремавшего Анри. Пес вскочил и отправился попить. Что-то внезапно захотелось.

– Будете ее выводить в лес – Альберто, ты знаешь, за пригорок, – держите на поводке. Этот свин, – мсье Мартен поче-

сал Марго брюхо, и она рухнула на бок, — носится, как торпеда. Устроит гонки с машиной, еще под колеса сунется.

Да... не знают добрые люди, что едва они — за порог, эти отморозки посадят свинью в свой 205-й «пежо» и укатят. А если и правда с Марго что-нибудь случится?

Марина размышляла об этом, когда услышала, что по дому кто-то бродит.

73

Они были такие разные — Корто и Воробушек. Воробушек — простодушный, беззлобный, хоть и немного прижимистый, и Корто — ни словечка в простоте, ни движения мизинца без интереса, пускай и не жадюга. У Воробушка на все да, у Корто — нет. Так и в ту ночь было, когда Марина узнала, что такое онеметь от ужаса: хочешь крикнуть, а крик не идет.

Кто-то тихо ходил по дому, Марина прислушивалась: может, это на улице? Разбудишь Корто — разворчится. Потом дверь медленно открылась, и в комнату вошло одеяло. Марина оцепенела. Одеяло постояло и ломанулось на кровать. Сдохнуть от страха можно.

Можно сдохнуть, а можно и сообразить, что это Марго — замерзла или заскучала. Втиснулась в ложбинку между Альберто и Денисом — тот попытался выпихнуть хавронью, да ее не сдвинешь. Марина принялась канючить:

— Корто, у нее стресс, давай оставим, места полно...

— Я со свиньей спать не буду.

— Она чистая! Мы ей копыта помыли.

— *Da*, — отозвался Альберто. Он тоже был на стороне свиньи.

— Корто, она впадет в депрессию! Мы должны ее сдать Мартенам в сохранности.

— Сейчас *я* впаду в депрессию, — Денис выбрался из-под одеяла. — У вас тут, погляжу, полное согласие.

Вышел в коридор, Марина крикнула:

— Ты куда?

— Куда, в детскую. Буду спать в карликовой кровати.

— Он утром не разогнется, — озабоченно констатировал Воробушек и почесал Марго брюхо. Марго шумно вздохнула. Марина умилилась и тоже почесала Марго.

— Что будем делать с Денисом?

Альберто пожал плечом:

— По-моему, он очень упрямый.

Молчали, чесали Марго брюхо, пару раз руками столкнулись. После каждый определил свою зону начеса, чтобы не было двусмысленности. Марина незаметно заснула — с легким чувством вины. Ей приснилась фея из перигорской легенды, которую рассказал мсье Мартен. У феи были копытца, и она твердила: «Копытца не только у чертей, не только у чертей!» — и совала Марине пергамент, где значилось: «Копыта растут у тех, кто ест трюфели». Весь сон Марина промучилась — была ли трюфельная стружка в запеканке или яйца с трюфелями просто рядом лежали...

74

Утро: в постели — ни Альберто, ни Марго. Марина выходит на кухню — там сидит мрачный Денис и пьет кофе. Вид у него помятый. Поискала глазами чайник:

— Ну ты как?

Повел плечом:

— Думал, заклинит в форме бакса. Кровать в длину полтора метра.

Марина берет с полки пузатую чашку в виде клубничины.

— А не надо было артачиться.

— Не хотел вам с Воробьем мешать.

Ревнует... приятно.

— Между нами Марго лежала!

— Вообще-то я имел в виду, что не хотел мешать чесать свинью. Не знаю, что ты себе навоображала...

Дверь распахнулась, Альберто вошел, с ним вкатилась прохладная волна.

— Сотворил для Марго лежбище на заднем сиденье. Будь она побольше, одному пришлось бы путешествовать в багажнике.

Воробушек простил Корто. Не умел злобиться.

75

Это нахлынуло и не отступало. Все началось — нет, не когда он увидел свой дом или вошел к Мартенам, а — как легенду про фею упомянули, он ведь ее от Вероники услышал. У Мартена те же интонации, что и у дочери. Вспомнилось сразу, махом: кругом строительный мусор, ведро с белой краской стоит, доски вдоль стены, и посередине комнаты — кровать: остов сам выпилил, лаком покрыл, матрас по размеру заказал — Вероника хотела большую, говорила, у нее в семье сплошные двойни, нужно место, чтобы с маленькими спать.

Лежали, укрывшись пледом, за окном, как сейчас, ветер деревце терроризировал. И Вероника (тогда еще ласковая была) положила голову рядышком, лица не видно, но можно в волосы ей дышать, и стала рассказывать о том, как однажды возле лесничьего домика в Перигоре остановилась старая женщина, усталая, в сбитых башмаках, и попросила у лесника еды. Лесник еле сводил концы с концами, и весь его ужин в тот день составляла одна большая картофелина. Он как раз готовился достать ее из золы. Достал и протянул старушке. А старушка, понятно, была феей: тест леснику устроила. И поскольку лесник оказался на высоте, превратила картофелину в нечто черное, как вороново крыло, и душистое, как роза, словом, в трюфель. Приказала хорошенько перекопать сад при лесничьем домике, обернулась искрой и истаяла, дабы избежать дискуссии.

Лесник повиновался. Возле сторожки накопал видимо-невидимо трюфелей и не придумал ничего лучше, чем принести их в дар своему кюре («боялся отравиться», прокомментировал Денис). Кюре передал диковинные грибы канонику, потом они перешли к епископу, а от епископа — к папе. Отважный папа съел.

Шутки в сторону, на самом деле все трюфель попробовали и потянулись к леснику за грибами. Лесник быстро озолотился, а где деньги, там и женщины. Женился, дети пошли. Когда он умер, грибная поляна к отпрыскам перешла. Те того и ждали: в одночасье собрали вещички — безумный отец не хотел из лесной сторожки выезжать! — а драгоценный сад высокой стеной огородили, охрану поставили. Понастроили замков, в каретах разъезжали, а сердце свое — тут Вероника приподнялась, повернулась, ее лицо оказалось совсем близко, — на замок закрыли. И однажды к ним обратилась старая женщина, попросила милостыню, а они приказали слугам ее побить, так, для смеха. Можно догадаться, что это за старушка была. Грибов у сторожки не стало, разбросала их фея по всему Перигору: собирайте, кто хотите! А сыновей лесника она превратила в свиней, при запахе трюфеля готовых рыть землю до остервенения.

Чертова легенда — все вспомнилось, нахлынуло — головы не высунуть, воздуха не глотнуть. Денис ляпнул про «гормональную бурю» — был повод уйти, закрыться в ванной, сесть на низкую табуретку — ребенок у жильцов на нее встает, чтобы до крана дотянуться, — и начать мусолить старое, а зачем, самому непонятно. Мартены, деликатные люди, ни словом о Веронике не обмолвились. Единственное — «к дочери хотим съездить». Сам дурак, спросил, как она.

Когда Вероника зашла попрощаться — не смолчал, принялся что-то выяснять, удержать хотел. И напросился, она резко так сказала: «Тебе на месте лесника ничего не светило бы! Ты картофелиной не поделился бы». Два года прошло с тех пор.

Спросил: «Как там Вероника?» — мадам Мартен поколебалась и ответила: «Двойню родила три месяца назад... — покосилась на Марину: — А ты, Альберто, не один?» Кивнул. Пусть думают, что хотят. Не рассказывать же про два года поисков, галопирование по сайтам знакомств в поисках русской жены, Веронике назло. Она как-то бросила: «Тебя только русская потерпит». У Марины подружка Катья — умница и замуж непрочь — может, получится с ней? Как было бы славно, сил нет одному.

76

Решили, что Марина сядет назад к Марго — Денису животину доверять нельзя. У Мартенов за домом нашлась свиная лесенка — широкая доска со ступеньками, по которой хавронья обычно топала в отсек за задним сиденьем.

Альберто надел на Марго шлейку, натянул поводок — уперлась копытцами, бычится. Денис вышел из дома:

— Давай ее закинем внутрь, и все дела.

Золотое правило — свинью на руки не брать! А если и брать, то умеючи. Она ж легкая добыча для хищника, у нее в крови страх, что сзади подкрадутся и — хвать за холку. Нервы у свиньи ни к черту, поэтому схватил (руки под брюхо не просовывать!), прижал к себе и ждешь, когда биться перестанет. Целая наука. «Давай закинем!» А свинье потом нашатырь в пятак совать.

Марина всех спасла. Села в машину, тянет Маргоше морковку. И та — цок, цок — взобралась как миленькая по лестнице.

Поехали, боль потихоньку притуплялась: Вероника, ее глаза, ее руки, Вероника, Вероника. За окном мелькали виноградники, в них бродило холодное южное солнце, дорога бежала к Атлантике. Марго хрюкала как заводная. Подумал: не забыл ли ее одежку? Она зимой расхаживает в фиолетовом пальтишке для *minipigs*, Мартены из Америки выписали. Давно не навещал маму.

— Указатель на Бержерак! Воробушек, это оттуда Сирано?

— Наверно.

Денис хмыкает:

— Не знаете ничего. Сирано из подпарижского Бержерака.

Этот Денис типичный ученый сухарь: все знает, над всеми посмеивается. Что Марина в нем нашла, непонятно... Мартены уже добрались до Нормандии.

Там серь и зимний дождь, в Нормандии.

Там, в Нормандии, живет Вероника — из ее окна, в дальнем далеке, виден остров Сен-Мишель и замок. Может, в эту минуту внедорожник Мартенов тормозит у подъезда, Анри выпрыги-

вает, мчится к дереву, задирает лапу. Мартены поднимаются на пятый этаж. Дверь открывается. Вероникино лицо.

Какой он был идиот.

77

Внедорожник останавливается, Вероника выходит из дома. Она переехала к другу (расписываться не стали, но детей он признал). Дом — два этажа, лужайка, и позади — садик с лавочкой, все, как ей хотелось. Пускай отсюда Сен-Мишель не виден. Зато летом проснешься и — босыми ногами — на травку. Это сейчас, зимой, — серо, дорожки мокрые, темные, но лето-то вернется.

Навстречу Веронике несется Анри, подпрыгивает, достает языком ей до уха и мчится по гравию — шух, шух, шух — к молоденькому деревцу, задирая лапу на бегу.

Вероника удивляется: «Дельпар приютил-таки Марго?» Мсье Дельпар, сосед-зануда, никогда не отказывает сразу, тянет-тянет, а потом придумает пустячную причину, и только его и видели. «Дельпар? Да...» — мама неопределенно кивает, она торопится малышек увидеть. А вечером нехотя признается, что Дельпар сказался больным, но Альберто спас — приехал «с русской девушкой и приятелем».

Вероника кидает белье в машинку, оглядывается:

— Он был с русской?

Мама кивает. Вероника фыркает.

78

Пересекли испанскую границу, тормознули у кафе. Денис предложил привязать Марго у входа, как собаку. Воробушек руками замахал: свинью не то что привязывать, ее нельзя даже отпускать гулять в шлейке или пальтишке: зацепится за что-нибудь, запаникует, захолонет ей сердце от животного ужаса...

— И отбросит свинья копыта. (Это Денис, по-русски.)

— Корто, прекрати.

— Что он сказал? — Воробушек косится на Марину. И догадавшись: — Да, она может умереть с перепугу... Нервы... И не берите горячий шоколад. Только кофе. Кортадо.

С чашечкой усевшись у окна, Марина открыла альбом, набросала: белое видавшее виды авто, рядом человечек со свиньей на поводке. Человечек смотрит куда-то, а свинья чешет бок о металлическую оградку.

79

— Альберто, почему ты эту хату не сдаешь?

Денис прошелся по комнатам — все новое. Гостиная перетекает в кухню. Над обеденным столом — репродукция Ботеро: трое играют в карты, два типа в костюмах и шляпах и с ними голая проигравшаяся толстуха.

— Я не могу ее сдать, она мамина. — Альберто вздыхает.. — Ремонт для нее сделал, все сам. Тут такое было... Вон та стена — еле закрасил — почернела от пожара... у мамы на плите полыхнуло. Она годами жила так... Когда она вернется...

— А она вернется?

Не впервые Денис неделикатно задает деликатный вопрос и смотрит так спокойно. Будто нет для него таинства чувств человеческих, все просто: жизнь — смерть, есть — нет. Данность, без оценки.

— Я не знаю... но квартиру сдавать не могу.

«Не знаю...» — покривил душой. Не вернется она. Кому здесь за ней ухаживать? Понимая это, три года назад поехал в город за стройматериалами для дома и дал в Интернете объявление: «Сдается трешка в центре Сарагосы, 70 кв. м, в идеальном состоянии». Вероника возмутилась: «Ты мать уже похоронил?!» Пришлось опять тащиться в город и рвать объявление в виртуальные клочки. Вероника дня три сквозь зубы разговаривала. Для нее это — жлобство. А дом ему на что строить?

Назавтра, тридцать первого декабря, Альберто встал раньше всех и поехал к маме.

Марго хрюкала, пока он не скормил ей три яблока, огурец и снова три яблока. Мешок свиного корма остался в багажнике.

Вышел на улицу: все было знакомым и таким ненужным.

80

– Марго перекопала клумбу!

Это беда Мартенов номер один: ничего не посадишь, свин, как маленький трактор, боронит все, что смахивает на огород.

– К тому же она обнаружила дуб.

Беда Мартенов номер два: в декабре, когда трюфельный сезон начинается, в их дубовом царстве море желудей. И Марго напрочь об «охоте» забывает...

– Воробушек, ты ей все яблоки скормил утром, Корто недоволен.

– Он когда-нибудь бывает доволен?

Альберто заявился какой-то нервный. Весь день отсутствовал, а Марина хотела с ним разносолов накупить к Новому году. За разносолами отправился Корто: набрал баночной всячины в лавке на соседней улице. Джентльменский набор: маринованные грибы, соленые огурцы, горошек и компот...

Альберто заглянул в кухню, посмотрел на полупустой стол и закрылся в ванной. Марго его появление проспала и теперь пыталась просунуть пятак в щель под дверью. Обиделся он, что ничего не готово? Из дома прихватили две бутылки вина, три – сидра и банку фуа-гра. Отмечать есть с чем.

Денис валялся на диване с книжицей Бориса Виана.

Из кухни был виден кирпичный дом с замысловатыми балкончиками; к нему примыкал белый навес с красной каймой по краю и нарисованными ножницами: *"Pelukeria"*. Парикмахерская сегодня работала полдня – заглатывала лахудр, выплевывала красоток. Теперь на пустынной улочке горели фонари. Окна прятались за жалюзи, темные, скучные. Только в одном виднелась наряженная елка, две девчоночки гонялись друг за

дружкой: то исчезали, то появлялись, одинаково одетые, в кремовых платьицах, наверно, двойняшки.

— Это все, что вы купили?

Альберто стоял у стола с растерянным видом.

— А вот такие мы неприспособленные к жизни, — Марина отошла от окна. — Как мама?

Воробушек благодарно кивнул.

— Спасибо, нормально. Я... прошу прощения... мне надо было после этого пройтись.

— Воспитывала? — Денис отрезал себе кусок колбасы.

— Вроде того, — Альберто перевел разговор: — Что-то Марго не хрюкает с голодухи. Корм остался в багажнике, она должна хрюкать.

— Свинья должна лишь три вещи, — изрек Денис. — Построить хлев, вырастить поросенка и посадить дуб. Видишь в углу мешок? Пришлось ей перейти на подножный корм. Желуди! А где у тебя рюмки? Скоро двенадцать.

И тут Альберто занервничал:

— Вы не купили виноград?

В Новый год по испанской традиции надо с каждым ударом колокола съедать по виноградине. Двенадцать ударов, двенадцать ягод, двенадцать счастливых месяцев.

— А если седьмой ягодой подавишься, значит, в июле тебе хана, — это Денис.

Чокнулись бокалами, Марго сидра в плошку плеснули: сунулась пятаком, попятилась, чихнула. Она, крохой, этим пятаком пузыри пускала в надувном бассейне у Мартенов во дворе. Мадам Мартен ее с ложечки йогуртами кормила, идиллия... Зачем он мусолит эти воспоминания? Новый год наступил, баста, новая жизнь. Да ведь все из-за матери, она только о Веронике и говорила, ждет не дождется внуков, двойняшек. До сих пор не признался ей, что расстались, это бы ее добило. Два года лжи... Благо прилетел, соврал, улетел. Но теперь мать вообразила, что у него проблемы с деторождением. «Обещай, что проверишься». Пообещал.

Марина лопает фуа-гра, как паштет.

— Постой, солью, крупной солью надо посыпать... Сейчас...

Полез в шкаф. Там среди приправ круглая коробочка деревянная из-под карамелек. Десять лет ему было, когда они в доме завелись. А выжила эта коробочка потому, что мама в ней соль из Геранды держала. Карамельки, кстати, из тех же краев, на соленом масле сварены.

— Воробушек, она не испортилась?

Объяснил, что соль серая не от старости, а из-за глины, из которой она полезности впитывает. Соль кристаллизуется на дне специальных прудов, и ее такими деревянными штуковинами — полушвабра, полулопата — сгребают. Марина тронула кончиком языка и поморщилась.

Коробочки с каштановой карамелью, у которой вкус детства, привозил Мартен — ухаживал за матерью, а она, бестолковая, упрямилась. Сидела бы сейчас в собственном доме в перигорской деревеньке, с милым стариканом, свиньей и собакой, а не валялась бы на койке в сарагосском доме для престарелых. Все из-за чертового итальянца, папаши. Когда от любви теряют голову, то это уже дурь, а не любовь.

81

— Альберто, не хочешь прогуляться? Только час ночи!

Прогуливаться с Денисом желания нет. Указал направление к главной площади, к местной Нотр-Дам, она же Нуэстра Сеньора дель Пилар, план выдал, не потеряются.

Шаги на лестнице стихли. Марго дремала на диване. Почесал ее, подошел к окну — посмотреть, куда пошли. Недалеко грохнула петарда, потом другая.

Стоял, смотрел в темноту. У парикмахерской навес провисает, в нем всякий сор. Выше — окно: две девчоночки в кремовых платьях, на одно личико, сонные, ковыряют ложками что-то на тарелках. Близняшки.

Вернулся к столу, к коробке из-под карамелек. На крышке тетка подбоченилась, с шиньоном. Толстая — видать, от сладко-

го; на палку опирается. Куст и домишко с голубятней. Тридцать с лишним лет коробочке.

Мать поварихой в Париже работала, по частным домам. Трюфели ей поставлял перекупщик — а брал он их у Мартена. И однажды мать с Мартеном познакомились. С тех пор Мартен зарядил в Париж из Перигора — раз в три недели приезжал. Сопротивление его, видимо, только раззадоривало. Из Геранды, куда ездил по делам, возил соль да карамельки. Протянет коробочку и говорит: «Привет от Атлантики». В десять лет так хотелось эту загадочную Атлантику увидеть!

И однажды Флорентина разрешила Жилю Мартену забрать сына в Перигор на летние каникулы. Его родители приняли мальчишку с распростертыми объятиями, фруктами откармливали, а сам Жиль иной раз брал машину, и они ехали куда глаза глядят — мимо шеренг виноградников, лугов, забрызганных красными капельками маков, подсолнечных полей, где диковинные цветы стояли навытяжку, тянули личики к солнцу, будто желая загореть, да сгорали дочерна... Мимо зеленого, желтого под невыносимо голубым прыгал по ухабам внедорожник, Альберто вывешивался в окно, в теплый ветер. Потом шли по траве, швыряли на камни одежду, лезли в прохладную речную воду... Бродили — смотрели на цапель с шеями, похожими на гигантский рыболовный крючок, на мохнатых каштановых ослов, на сонных от жары коров, безразличных даже к мухам, кишащим возле глаз, брр! Дома Мартен учил Альберто управляться с голубями: часами просиживали, слушали грудное «курлы», мальчишка любовался белыми распущенными хвостами, в вечернем свете напоминавшими веера. Два лета подряд Жиль Мартен забирал Альберто к себе — пока теплилась надежда на благосклонность упрямой испанки. И Альберто выискивал в траве крупных зеленых кузнецов, ловил за хлипкие крылышки стрекоз, кидал пауку в сети лепестки дикого цветка, и паук, дурачок, мчался сломя голову к «добыче». Так хотелось, чтобы мать хоть раз приехала! Не приезжала. Наверно, потому что — «кредит».

И еще хотелось, чтобы она стала жить с Жилем. Если папа появится, он поймет.

А как-то зимой Жиль пропал. Совсем не было от него вестей, но трюфельный перекупщик заверил, что никакой беды. И опять предложил Флорентине свои услуги. Тут Альберто смутно забеспокоился — а будет ли снова лето с мостками к реке, покрытыми илом, с глазастыми головастиками гамбузии, снующими сквозь опущенные в воду пальцы, красными ягодами тамуса, из которых можно делать бусы для бабушки? А бабушкины циннии на заднем дворе — белые, розовые, пурпурные, желтые цветы, лохматые мерзлячки, о которых следовало ревностно заботиться?.. А сливы — крупные, упругие, с белым налетом? В конце августа их стряхивают в передники вокруг дерева, а потом сушат — когда в печах, когда на солнце, и можно утащить, сколько руки загребут... Да бог с ними, главное — речка, голуби, и кузнецов он хотел следующим летом наловить целую банку. Можно даже подружиться с местными мальчишками, хотя и без них дел полно.

Мартен не появлялся, а Флорентина не навязывалась. Альберто хотел действовать в одиночку, да вот глупость — номера-то перигорского не знал, Жиля раньше звать не приходилось. Флорентина снова стала заказывать трюфели у перекупщика. Он-то и сообщил спустя несколько месяцев, что Жиль продолжает ездить в Париж, к «женщине». И ведь ни разу не заглянул! Ладно, к матери — к нему, к Альберто, который так ждал его! В тот день Альберто заболел. Ему всю ночь снились голуби. Они метались по голубятне, бились о стенки, резким движением расправляли веера хвостов: трррык! трррык! Не курлыкали, а ворчали, как недовольные собаки. Флорентина отказалась от заказов и сидела с сыном дома, поила горячим чаем, с которым он доедал последние карамельки.

«Женщина» и стала нынешней мадам Мартен, а мать одумалась, да поздно было. Теперь у нее мания: чтобы сын женился на дочери Мартена Веронике...

82

По дороге к Нуэстра Сеньоре дель Пилар познакомились с двумя ребятами. Веселые такие, идут, хохочут. Денис первый их заметил:

– Слышишь, по-французски говорят! – и, присвистнув: – Да они педики...

Марина улыбнулась:

– Ты что-то имеешь против однополой любви?

– Я бы свой зад в обиду не дал.

– Уверен, что речь идет об обиде?

Денис хмыкнул:

– Тебе виднее.

Не стоило дождливым вечером пускаться в откровения. Не всегда признания порождают близость.

Марина помахала геям рукой. Вместе дошли до центральной площади.

Пьер и Себастьян рассказали, как храм возник. Непорочная Дева оставила святому Якову столб, «пилар», и наказала храм вокруг соорудить.

– Видите дыру в стене? Это чтобы паломники могли столб целовать.

– До сих пор прикладываются? – Денис закатил глаза. – Им бы убойную линзу туда поставить, чтобы видели, как микробы кишат. Впрочем, средневековую дикость и каленым железом не вытравишь.

83

Лежал на диване, вспоминал, как ездили с Вероникой на Атлантику, гонялись друг за другом по вязкому после грозы песку. И – восхитительный простор, и – ощущение, что поймал ее, поймал, иначе не бегала бы она сейчас вдоль кромки воды. Или бегала бы, но не от него.

Рано радовался.

Как-то поехали в Брантом — Веронике вступило в голову на собор местный посмотреть, не на собор даже, а на его отражение в реке Дронне. Ей кто-то сказал, что это чистый импрессионизм — собор, мост, человечек на мосту, заглядевшийся в воду, — и приспичило ей фотографию сделать: давай, Альберто, рули по жаре сто сорок километров туда-обратно, без кондиционера. Полдороги дулась, что не сразу согласился. Ему дом надо строить, не до гулянок, да и недешевые эти прогулки: бензин, ресторанчик у речки, мороженое. Хотя в ресторане Вероника за себя платила.

Зря, все зря... Воспоминания — как осколки: букет у Вероники в руках, сам собирал. Она вертит его, разглядывает тощий ложный нарцисс — кремовый, с оранжевым язычком; худосочный дикий тюльпан, желтенький, грустный; мак с вялыми лепестками; какой-то белый лохматый цветок и травы, уставшие от солнца. Этот букет она забудет у соседей.

Другой осколок: пруд, утонувшая лодка, в ней солнечные блики и отбившийся от стайки утенок. Вероника в платье входит в воду, склоняется к клювастому комочку...

А однажды шагнула через порог, протянула растение в горшке, красными цветами в форме сердечка усыпанное: «Сердце Марии называется». Переспросил: «Марии?» — и она фыркнула: «Свое я не раздариваю», — и что-то кольнуло. Да, рано радовался. Цветок жильцы засушили — горшок стоит, а из него сухой ствол. Как символ.

Уходя, сказала: «Не ищи любви, а ищи преграды, которые ты против нее выстроил». Не сама придумала, какой-то поэт суфийский изрек.

Может, и правда выстроил, сам не заметил.

От звонка в дверь Альберто вздрогнул. Марго вскочила и, плохо соображая, потопала, сонная, в коридор.

84

Первое января, плюс девятнадцать. При виде пестрых цветов на клумбах Марго натягивает поводок. На балконах висят

тряпичные дедочки в красных шубейках и колпаках, хотя Испания — единственная латинская страна, предпочитающая лапландскому старику волхвов. Но не будут же волхвы в окна лезть!

Нет, чужая она, Испания. Во Франции при виде непонятной вывески руки к словарю тянутся, а здесь надписи всего лишь отпечатываются на сетчатке глаза.

Марго топает в пальтишке, собирая взгляды.

Возле супермаркета сидит Санта-Клаус, обложенный мешками с грошовой всячиной. Фотографируешься с ним и — получи подарок. Марина появляется с галстуком-бабочкой на резинке и водружает его Марго на голову, между ушей.

Альберто вспоминается притча про Свинью и Бабочку, Вероника рассказывала. Да, будто после Вероники и не жил. Если б не Марго, ни за что бы в Сен-Фуа-де-Лонга не стал возвращаться...

85

— Слышали, что у нас творится? — Матьё раскачивается на стуле, старая привычка. Он как законсервировался: та же манера потирать рукой трехдневную щетину на подбородке, кудри до плеч, свитер под горлышко. Денису забавно на все тут смотреть — здесь время остановилось. Лаборатория — в национальном парке: дорога по ухабам, тишина, летом зелень без края. Но и скучновато. Хотя Матьё говорит, в феврале две стажерки нарисуются.

— В лесу под Поденсаком сотню садовых гномов грибник обнаружил, явно краденых. В кружок стояли. Полиция владельцев разыскивает.

— А маньяка нашли? Он что с гномами делал? Насиловал?

— Денис, ты не изменился...

Матьё улыбается. Когда-то почти дружба была: выхаживали флоридскую черепаху, найденную на дороге с треснувшим панцирем, — теперь она в аквариуме гонки устраивает; лягушек

под лупу загоняли, в клубы заваливались с девчонками знакомиться.

— Это не маньяк, а «Фронт за освобождение садовых гномов»...

Денис крутит головой: все по-прежнему... столы с кипами бумаг, здоровенный аквариум с флоридскими черепахами, а в соседней комнате — они, красотки, предмет изучения и охраны — *Emys orbicularis*, болотные черепашки европейские: панцирь и кожица с желтыми пятнами, хвост длинный, глаза желтые у самочек и у молодежи, мужички же красноглазые. Соскучился по ним.

— Красоток покажешь? Брюно тут?

Шефа нет, и слава богу, расстались с ним... не очень.

Черепашка высовывает из-под панциря голову — на полноса. Разбудили, потащили куда-то, нет покоя. Денис держит ее на ладони. Сердце вдруг ёкает.

— Матьё... Если бы ты знал, Матьё, как мне жаль, что я из науки ушел...

— Чем сейчас занимаешься?

— Да ничем.

Вон там его стол стоит. Крепкий, с перекладиной внизу — ноги удобно ставить.

— Но зато — свобода.

Матьё кивнул.

Молчали, черепашка высунула гладкие черные когти.

— Я слышал, вы войной на гигантских квакш пошли?

Матьё оживился — не нравилось ему это молчание. Денис упрямец номер один, все порушил, теперь без работы сидит и о свободе толкует. Какая ж свобода без денег. Вернее, так: без дела.

— Пошли, да. Эти твари жрут всё подряд. Я у одной внутри летучую мышь обнаружил. Антуан ужа из брюха вытащил, кольцами свернутого. Животина — сорок сантиметров от головы до кончиков задних лап.

— Ресторан при лаборатории не открыли? На лапах можно заметную прибавку к зарплате поиметь.

Матьё вышел и вернулся с банкой.

— Заспиртованная.

В банке пучило глаза премерзкое чудище. Марина поежилась:

— А почему их называют лягушки-быки?

Матьё нравилась хорошенькая русская. Интересно, она с Денисом?

— Потому что они не квакают, а мычат... м-м-мадемуазель.

— Забавно... м-м-месье.

Перебросились взглядами.

— Одному авиатору из Жиронды тоже показалось забавным. У него тут вилла была, с парком и прудом. И он привез десять тварей из Америки. За тридцать с лишним лет народились тысячи лупоглазых и распрыгались по двум департаментам. Настоящая катастрофа.

Денис подумал: это могло бы быть его бытием — когда злобных квакш воспринимаешь как персональных врагов. И воюешь с ними — «ради жизни на земле». Есть в этом что-то подлинное.

Ушел по глупости. Повздорили с шефом из-за результатов опытов, разговор выкатился на зарплату, и как-то само получилось брякнуть на стол заявление об уходе. Радостно было — говорил себе: «Уеду в столицу, там полно всего». А чего — всего? Да просто хотелось перемен, надоело в глуши сидеть, с Марго как раз завяло. Наверно, не стоило рушить все в одночасье. Мать как узнала, разохалась: «Весь в отца». Да ему до отца как до неба. Тот, когда в министерстве работал, не сошелся во взглядах на жизнь с министром-казахом, крепко не сошелся — и что? — выпил для храбрости, заявился к нему в кабинет и отлил на стол, на бумаги. Был уволен.

Отец не оглядывался ни на кого, ни о чем не сожалел. Он не сидел бы, глядючи на Матьё и ностальгируя. Когда лишился министерской зарплаты — ухом не повел. Рассказывал: «У меня справа был кабинет Баранбаева, а слева — Насралбекова. Баранбаев звался Бактыкожа Мынайдарулы, а Насралбеков — дай

бог памяти — Ермухамет Салахатдинович. А между ними я, как дурак, — Сельянов Борис Иванович. Белая ворона, которой попытались клюв заткнуть. Не вышло!»

Перья они распушили, когда Назарбаев к власти пришел. В правительстве одни урюки образовались, в банках — тоже: директор урюк, а заместитель — русский. Зам на себе все и тянет. Удивительное дело, какие в Москве все благодушные. Кому ни заикнись про Казахстан, кудахчут: «Национальное самосознание! Пусть живут как хотят! Они жертвы колонизации! И что за слово такое — "урюк"!» Кто не знает, урюк — это сушеные абрикосы. Ничего личного: просто слово смешное. На самом деле, всё дело в генетике. Нелюбовь к узкоглазым у русских со времен Мамая идет. А так, лучший приятель в школе был — Алибек, голова варила быстрее, чем у полкласса, вместе взятого, физику хотел двигать. Наверняка уже местным светилом стал. Его отец сказал как-то: «Русские вообразили, что одна шестая суши — их дом родной. И много где в гостях оказались». Да, повезло же родиться в гостях...

Вспомнилось: дорога в школу — две троллейбусные остановки. Народ, давка, а ты поднырнешь под перекладину у заднего стекла и как кум королю там на пятачке едешь. У двери кусок обшивки отходит и мелко дрожит, позвякивает, хочется его оторвать. За окном — аршинные буквы: «Халык пен партия биртутас». Склероз настигнет — не забудешь, как по-казахски «народ» и «едины»: намертво впечаталось. Остальное выветрилось, несмотря на уроки урюкского во втором классе (ха, казахи-одноклассники и те по-русски говорили). Учеба и так восьмилетнему пацану как кость в горле, а бессмысленная учеба — как две кости.

— Денис! Дени-ис!

А? Все трое стоят и смотрят. Матьё хлопает по плечу:

— О чем задумался? Черепахе чуть голову не открутил! Она под охраной!

Денис разжал пальцы, и черепаха втянула шею. Сердцебиение у нее, наверно, зашкалило. «Надо матери позвонить», — подумал.

Денис пошел посмотреть, что на дворе делается.

— Неинтересно ему, — бросила Марина громко.

Ни разу в руки этот альбом не взял! Матьё перехватил ее взгляд.

— Пришлешь, когда дорисуешь?

Денис обернулся. После появления Марго их отношения с Матьё сильно градусы сбросили. Что за манера — клеиться к чужим бабам?

88

Если тебе хорошо с человеком — ты ему верен. Даже не ему — а себе. Когда Марго в Америку укатила, Матьё подбивал на вылазки, только что за радость пощупать очередные сиськи? А доброжелатели настучат, и — привет, гринкарта. Марго, конечно, заслужила, чтобы он итальяночку подцепил, равновесие — один из принципов мироздания. Но тяжело в Бордо с итальяночками. А Матьё старую песню пел о том, что мужское непостоянство — следование первобытному зову плоти, сопротивление бесполезно.

Когда мозги нечем занять, то — да, бесполезно. Но тогда вообще все бесполезно.

Эк Матьё расчирикался! Если однажды Маринка выкинет что-то... Марго по молодости простил, а Сью ни разу за руку не поймал. Как с Маринкой может повернуться — непонятно, но добра не жди.

89

Сэкономили: не по платной дороге поехали, а по национальной — когда городки насквозь проезжаешь. Марина радуется, смотрит во все глаза. Если Катья такая же...

Про Катью разговор битый час идет. Она — метр восемьдесят: чтобы поцеловать, на стул вставать надо. Хотела быть манекенщицей, но из дома не решилась уехать, у нее мама оди-

нокая и квартира большая. Три года назад родила от заезжего принца. Девочку Танья зовут. Марина объяснила: Танья — то же, что Татьяна. Еще можно называть... забыл.

— Танечка, Танюша, Тата, Та...

— Не-ет! Зачем вам столько имен?

— Да ведь и Катя — не только Катя, а...

Взмолился:

— Не хочу знать! Пусть будет просто Катья!

Катья учит Танью на пианино играть. Пианино можно выкупить у Дельпара, все равно оно служит подставкой для утиных чучел. У него чучела на всех поверхностях. Дельпар — охотник; он чудовищно жаден, и ему жаль выбрасывать птичью шкуру. Он бы и перья с клювом жрал... Уток своих Дельпар на праздники раздаривает, экономя на подарке. Деревня маленькая, все уже очучелены. У него, Альберто, тоже есть одно. Из-за него как-то здорово с Вероникой повздорили. Понятно, что это не статуя Венеры Милосской, но все ж украшение жилища. Стоит на шкафчике в кухне, никого не трогает. Нет, Вероника надумала его выбросить. Дома, родителей не спросив, трех «гадских чучел» в помойку отправила, и тут давай командовать. Из-за какой-то трухи случилась одна из тех ссор, что оставляют след — а следы, когда накопятся, так далеко разведут, что нет возврата.

— Тьфу, ты как Дельпар! — кричала Вероника (чуть что — она в крик). — С мусором тебе жаль расстаться! Спи с этой своей кряквой! Как с тобой жить, а? Ты ж на собственных детях экономить будешь!

— Не буду.

— Мы с тобой все лето проторчали в деревне! Ты дом строишь, у тебя ни времени, ни денег. А знаешь, что такое щедрость? Это когда о другом думаешь. Тебе не приходило в голову, что мне опостылело среди утиных чучел сидеть? Я на неделю к родителям приехала и из-за тебя тут застряла. А хотела в горы сходить, на Атлантику съездить. Осенью ученики в лицее спросят, где была, — ответить нечего! Я не прошу тебя в Гваделупу

лететь, но ты до Брантома доехать не желаешь! А знаешь почему? Потому что только о себе печешься...

Все в таком духе, монолог. Утку не дал выкинуть.

— Ты увидишь, как Катя на пианино играет. У меня внутри каждый раз всё... — Марина сделала хаотическое движение руками, — переворачивалось.

Дельпар пианино для внучки приобрел, подержанное. Но с сыном разругался, и внучку к нему не возят. Так что отдаст за бесценок.

— Марина, а как ты думаешь, Катья захочет жить в моем доме?

— Почему нет. Ребенка летом на природу ведь надо вывозить.

— Не летом... совсем там поселиться. А парижскую квартиру сдать.

Денис, тот, конечно, не смолчал:

— Мамзель покидает горячо любимую маман ради Эйфелевой башни, а ты ее голубей ощипывать отправляешь. Это суперплан.

— Не ради башни, а ради... меня.

— Ради тебя она маман не покинет. — Хохотнул. — Она с ней приедет. Это еще один суперплан. У вас отличные перспективы.

Денис без насмешки обойтись не может. Думает, цинизмом отгородится от возможных гадостей. Выстроил стену против всего на свете: ни гадости, ни радости не простучатся. Да и в его духе — радости за гадости скрытые принимать... Так проще, сортировать не надо.

Катья и маленькая Танья... Если сложится, почему бы свадьбу не сыграть в деревне? Мартены — как вторая семья. Церквушка есть. Всю деревеньку можно пригласить — гора подарков будет. Если Дельпар заявится с чучелом, башку ему открутить.

90

— Денис, видел вспышку?

— Что, радар?

Радары появились недавно. Воробушек уступил Денису руль и волновался.

— Не знаю, что-то вспыхнуло... А ты шел с превышением!

— Альберто, у тебя от страха искры в глазах.

Обернулся к Марине:

— Ты заметила? — глаза круглые, как у птицы, испуганные. Штраф-то ему придет.

— Нет...

Воробушек замолчал, размышляя.

Марина сидела на заднем сиденье с ногами, в плед завернувшись. Альберто принялся ворчать, поносить радары и правительство. Затем речь зашла о пенсиях, о законе Фийона, о том, что старики живут все дольше, а пенсионные фонды не резиновые. Марину неудержимо клонило в сон: кислорода надышалась.

Кто ж сказал это: воздух так хорош, что хочется целиком в нос превратиться, и ноздри чтобы — с ведро каждая? Кажется, Гоголь... У Альберто в деревеньке и у Матьё в национальном парке не ведра — корыта нужны.

С Мартенами забавно вышло. Сдали Марго, стали прощаться, и тут зашел дедок. Увидел Воробушка: «Альберто, ты откуда взялся?» Воробушек заюлил: «Я здесь Новый год встречал, хотел зайти к вам, но думал, вы к сыну уехали». Дедок сложил лоб гармошкой: «У тебя ж темно было». Мартен внимательно посмотрел на Воробушка. «Да у нас... это... пробки выбило». Дедок не унимался: «И что?» — «А то, что все перегорело, насовсем. Со свечой сидели. В дальней комнате». Мартен заволновался: «Что ж ты не сказал!» — «Чудом вчера починил», — Воробушек горестно поджал губы и столкнулся взглядом с дедком. Тот прищурился: «А снег?» — «Какой снег?» — «Снег выпал три дня назад, сутки лежал! Не было следов у вас!» — «А... ну мы ж не выходили. Я болел». Мадам Мартен руками давай всплескивать: «Как так! Простыл?» — «След его простыл», — буркнул Корто по-русски. Дедок хотел что-то добавить, но Воробушек вскрикнул: «Мсье Дельпар, вот Марина спрашивала — а из кого чучело труднее всего делать? Из слона?» И дедок

сразу завелся: «Из ры-бы! Ры-бы! Я ж тебе сто раз говорил, что рыбье чучело — это как тест на профпригодность таксидермиста!» «Из рыбы?!» — подыграла Марина и изобразила недоверие. Дальше уже не слушала, в этом водопаде французских слов можно было захлебнуться.

Пока ждали Мартенов, Воробушек вызвался сводить на голубятню — башенку с круглой остроконечной крышей из черепицы, пристроенную к мартеновскому дому. Такие в детских книжках рисуют: туда царевен в заточение сажают, чтобы герою было место для подвига. Только сказочные башенки — узкие и высокие, а эта — в два этажа, приземистая, крепенькая. Не очень-то хотелось на голубей смотреть. Противные птицы, как их можно в руки брать, а уж есть-то... Брр... Денис остался присматривать за Марго.

Они были белые, без единого пятнышка. Альберто поймал одного: голубь курлыкнул, обхватил лапками палец, как ветку.

— Держи, — Альберто протянул птицу Марине.

— Нет...

Внутри наверху — квадратные выемки рядами: плоди себе в таком гнезде наследников, не опасаясь прожорливой нечисти. Не учли птички: самые прожорливые, они только делают вид, что благотворительностью занимаются, кормят-поят. Высоченных лестниц понаставили — не скроешься. Марина разглядывала гнезда (то хвост торчит, то клюв), Альберто возился с голубем. Гладил его, крылья расправлял. И вдруг принялся шептать что-то, склонившись. Не поймешь — что именно, но так уютно сразу сделалось. И когда Альберто поднял лицо, Марина впервые заметила: у него глаза мальчишки.

— Смотри! — Альберто толкнул входную дверь, в голубятню брызнули прохладные лучики солнца. Вытянул руку с голубем, распахнул белое крыло. Оно тотчас пропиталось светом; свет втек в каждую ниточку, в каждый узелок этого плотного кружева, и оно стало будто бы еще белее, еще хрупче, неуловимее.

— Видишь? — Альберто сильнее потянул за крыло. — Как веер...

Веер без рисунка, чистый лист... живая ткань: сожмешь в руке — убьешь, и сквозь пальцы солнечный свет вытечет.

Второй голубь подлетел, сел Альберто на руку.

Марина смотрела, как они все трое шушукаются.

— Разве можно их убивать...

Старенький «пежо» катился по темным дорогам, кланялся светофорам, звездное небо в окна заглядывало. Марина спала. Ей снился Нос, шедший по улице Десятой Пятилетки в Новочебоксарске. На переносице у него покачивалось коромысло с двумя пустыми ведрами (плохая примета), и Марина боялась, что Нос столкнется с мамой. Потом он исчез, и возникла черепашья лаборатория. Матьё сказал по-русски: «Я не черепах изучаю, а голубей». И точно: голуби сидели всюду — на кипах бумаг, на шкафах, один плавал в аквариуме, как утка, другой высиживал яйца в ящике письменного стола. Матьё произнес: «Марго ведь тоже голубь», и распахнулась дверь: огромный птиц вошел и вспрыгнул в кресло. «Маргоша... — умилился Матьё и кивнул на мешок в углу: — Дай ей пшена». «Не, она желуди любит», — ответила Марина и проснулась от звука своего голоса.

— Бредишь? — оглянулся Денис.

Она молчала, улыбалась. Поняла, как это сделать, — рекламный плакат духов *"L'air du temps"*, изящный флакон с двумя голубками.

91

— Мне кажется, у Вероники с Венсаном... не очень, — мадам Мартен косится на мужа, вытирая тарелки. Он не охотник косточки мыть.

Мартен следит за Анри: пес идет по периметру кухни, выбирая, где бы развалиться. Следом топает Марго.

— Жюли, почему ты его называешь Венсаном?

Мадам Мартен пожимает плечами:

— Он же не любит, когда его зовут Каримом.

— Любит или нет, с фамилией Беррада что он скрыть пытается, непонятно.

Марго надоело ходить кругами, и она отправилась к себе на топчан. Анри улегся и сладко зевнул.

— Он говорит, арабов зажимают...

Мартен вскипел:

— Его зажимают? Да он в префектуре работает! Будь профессионалом — не зажмут! — Мартен помолчал. — Я бы тоже хотел, чтобы она с Альберто осталась, что ж теперь.

Мадам Мартен оживилась:

— А я заметила, ее задело, что Альберто с девочкой приехал.

— Не надо было принцессу из себя строить, — Мартен встал и пошел в комнату, телевизор смотреть. Он прекрасно знал, почему его дочь «зацепило».

92

Это случилось незадолго до разрыва с Альберто. Знакомство в супермаркете. Девушка стояла возле полки с хлопьями для завтрака и что-то высчитывала на калькуляторе. Вероника приняла ее за работницу магазина.

— Вы не подскажете, куда перенесли соевые продукты?

Девушка обернулась:

— Я хочу тоже... этого знать.

Пошли искать. Нехитрый маркетинговый ход — переставлять съестное: покупатель идет проторенной дорожкой к соевому молоку и утыкается носом в хлопья, мимо которых раньше чесал не задумываясь. И в мозгу смутная мысль зарождается: а не попробовать ли хлопья... с молоком соевым? Вот и попался.

Девушка переходит с ломаного французского на ломаный английский. Выясняется, что ее зовут Лена, муж дает денег в обрез, на самое необходимое. Но это ничего. Рассказывали про одну, в Париже живет: ей в день полагается два билета на метро —

на языковые курсы съездить. И — ни сантима. Занятия идут четыре часа, в перерыве все покупают шоколадки и печеньица в автомате, а она хлеб с маслом жует из дома.

— А зачем за жлобов замуж идти?

Кто ж знает заранее, жлоб или нет...

Да как не знать! Если с гнусным чучелом расстаться не может, если из-за горячей чашки, на стол поставленной, визг поднимает (след!), если даже за мороженое не предложит заплатить — вот он, голубчик.

— Мы общались по Интернету... А потом он предложение сделал.

— Вы его далеко послали?

— Я уже с документами приехала...

Вероника протянула кассирше деньги за молоко.

— Но вы виделись до этого?

— Да! Он один раз ко мне в Харьков приезжал.

— Раркаф — это где?

Из магазина вышли вместе. Лена посмотрела просительно:

— Может, зайдете в гости? Я тут рядом живу.

Вероника растерялась. Кто ж посторонних домой приглашает.

— Да нет, спасибо.

— Может, погуляем? Я совсем одна, никого не знаю. Весь день свободна...

Вероника шла из лицея: рабочий день окончен, почему бы не послушать всякости.

— Давайте в кафе сядем? — кивнула на забегаловку через дорогу. И видя, что собеседница колеблется: — Не гулять же с соевым молоком!

В этот день Вероника узнала, что существуют параллельные миры. По крайней мере один точно.

В параллельном мире женщину не смущает, что она зависит от мужчины. Более того: она хочет от него зависеть. А выглядит так, что это он ей все должен: в ресторане платит, шмотки покупает, передвижения (начиная с кино и заканчивая Египтом) — за его счет. Цветы — очень желательны.

— Это же кабала для женщины. Она ж вечная должница.

Оказалось — нет: «Да мы их жизнь украшаем!»

— Я слышала, русские мужчины молоденьких предпочитают... Это оттого, что украшение не должно быть сильно ношеным?

И тут она обиделась, Лена. У нее даже слезы выступили.

— Да вы знаете, почему ваши мужики за нами гоняются? — Слово «гоняются» она не произнесла, а изобразила, вывалив язык, как уставшая собака. — Потому что мы ничего не просим. Мы всего хотим, но не просим. Или просим, но тихим голосом.

— А не проще ли стоять на собственных ногах?

Лена пожала плечом.

— Проще замуж выйти. За нормального человека.

— Как вы, например, — усмехнулась Вероника.

Лена снова пожала плечом, будто скидывала с него что-то.

— На Украине я жила в пригороде, до работы добиралась час с лишним, платили копейки, и три семьи в двушке: родители, я с сыном и брат с женой беременной. А здесь — дом...

— Вы с сыном приехали?

— Ну да. Ему тринадцать, от армии его уберегу. И за это я тоже благодарна Роберу.

От армии?

Там свои законы, в параллельном мире. Не поймешь. Но вот это поразило больше всего: «Мы хотим, но не просим. Или просим, но тихим голосом». Зазеркалье. Рай для жлобов, закомплексованных, самовлюбленных. Зависимая, благодарная, терпеливая. С калькулятором ходит. Ест хлеб с маслом. Билет на метро потеряла — идет пешком через весь город? Неужели легче принять это унижение, нежели добиться чего-то в жизни? Малого, но своего?

— Те, что добились, — за иностранцев не выскакивают. Ну или если только... по любви.

— А вы не...

— Ну почему же. Когда он сказал, что берет нас, я почувствовала к нему... это... как любовь.

— Это как благодарность.

Лена снова пожала плечом. Как если бы она ни в чем не была уверена.

Вероника подумала: Альберто нужна именно такая, безмолвная.

С Леной обменялись телефонами, но не созвонились.

После было лето, и последняя попытка удержаться с Альберто вместе — нет, не вышло. Роста ему не хватило. Она говорила себе, что будет только с тем, с кем вровень. И, зайдя попрощаться, не выдержала, бросила: «Тебя только русская потерпит».

А когда мама сказала, что Альберто с русской приехал, сердце кольнуло. Нет, не ревность. Сожаление. Сожаление, что не вровень он ей (да и Карим не вровень, шило на мыло, поспешила). Что не сложилось с ним и не сложится. И что он ее до сих пор любит.

То ли в пику ей, то ли в память о ней — русская.

93

Работы вывесили на стендах в коридоре. Марине из плакатов ее «воздушной» группы ничего не понравилось, из *"L'eau du temps"*, стихии воды, она отметила фотомонтаж — горная речка, две белые птицы ловят флакончик-рыбешку. Не гениально, но натурально. Правда, слоган — как для колы: «Освежись!» Впору написать: «Отвяжись!» (Одна птица — другой; и флакон вырывает.)

— Ну как тебе?

Марина оглянулась.

— Марьон, это твое?

Марьон кивнула. И не дожидаясь ответа:

— Знаю, слоган идиотский. Ничего в голову не шло. Но ты настоящего идиотизма не видела, — она потянула Марину за рукав к дальнему стенду.

— Не пойму, тупость или цинизм...

Работа относилась к стихии огня, *"Le feu du temps"*. Огненный флакон над городом в виде атомного взрыва и две белые птицы, распластавшие полыхающие по краям крылья. Такая Хиросима... Слоган — «Взрыв ощущений».

— Чье это?

— Да придурка, который в черном ходит, готикой страдает. — Марьон махнула кому-то рукой. — Ладно, пойду.

Марина двинулась дальше. *"La terre du temps"* — японская гравюра: двое в лодке, один указывает вдаль, на клочок земли, поросший соснами. «Остров в океане запахов».

— В стиле Хокусая. Замучился прорисовывать пену на волнах.

Парнишку звали Жоэль. Приятный такой. Будь она свободна, заинтересовалась бы.

— А твоя где?

Повела его мимо банальных афишек с красотками (флакон в руках или на переднем плане) — к рисунку пастелью.

— Манга?.. Этим хорошо «брать» японцев. А я вот решил Хокусаем...

— Твой Хокусай пахнет мерзлым мамонтом, — Виктор, колумбиец, ткнул пальцем в красоток: — Вот чем всегда «брали» и «брать будут». — Виктор выгнул руки, изображая внушительный бюст.

— Мне нравится. — Жоэль кивнул на Маринин рисунок. — Приходи к девяти слайды смотреть. Адрес у Марьон есть. Прихвати вина и что-нибудь погрызть.

Обычно вечеринки устраивались в выходные, и участвовать в них не получалось: ехать далеко. Да и не хочется уходить, когда Корто дома.

Марина посмотрела Жоэлю вслед, перевела взгляд на свой рисунок.

Женщина с длинными спутанными ветром волосами на фоне закатного солнца. В руках — два белых голубя с расправленными крыльями, и она что-то шепчет им. Солнце проникает в каждое перышко, вызолачивая крылья-веера. И глаза у женщины — как у девчонки.

94

Позвонила Ане, взять Катин электронный адрес для Воробушка.

– Отец твой как?

– Да тетя Надя к нему перебралась.

Тетя Надя – мать той самой Кати, которую Воробушек задумал похитить. По молодости у Аниного отца был с ней роман, но не срослось. Тетя Надя не захотела. Потом Анин отец женился, тетя Надя попыжилась и тоже замуж пошла. И когда Ане с Мариной по семнадцать было, а Кате – двенадцать, тетя Надя застала мужа с девицей и выкинула его вещи с балкона. Тогда у нее с Анькиным отцом снова закрутилось, да так, что тот перебрался к тете Наде. Катя как раз вступила в стадию непримиримых противоречий с окружающим миром, и пришелец ей совсем не показался на папочкином неостывшем месте. Даже когда место простыло, Катя продолжала игнорировать Анькиного отца, несчастненькую изображать. Дверьми хлопала, есть отказывалась – переходный возраст, я вас всех сживу со света. Полгода это длилось, и Анькин отец вернулся к себе, чтобы девочку не травмировать. Марина у Ани жила, пришлось домой тащиться, в позабытые сигаретные клубы с матерным сопровождением.

И вот они наконец воссоединились – Анькин отец и его бестолковая Надя. Анька ведь ушла снимать квартиру с тараканами – чтобы тетя Надя, незаржавевшая любовь, перебралась к одиноко кукующему отцу. Но Надя – кремень – все тянула, оставалась ночевать только в выходные, и не всякий раз. Катя родила, ей помощь была нужна.

– Марин, что у тебя?

Рассказала, как вчера купила бутылку красного («Представляешь, тут сладкого не бывает!»), печений набрала и пошла к Жоэлю. Позвала Корто – куда там.

В квартирку толпа набилась, навалили на столе чипсы, орешки, пиццу, нарезанную на микрокусочки. Все бродили, гал-

дели, жевали, места мало: пардон, я к столу, пардон, не видели телефон «нокиа»? ай! можно пройти? упс, пардон. Все милые и чужие, Жоэль — спасительный буек. Подплыла, гребя куском пиццы и бокалом с вином: «У тебя симпатично». — «Спасибо, а, да, вон Пьер, он в Санкт-Петербург ездил, Пьер, иди сюда!» Пьер был в Питере три дня, лил дождь; видел, как мосты разводят, понравилось. Марина смотрит на часы: не пора ли домой? Они парижане, живут в клетушках, зато в ночи пешком к себе можно дотопать. Но народ садится на пол, свет выключают. Слайды: фотоотчет о поездке Жоэля сотоварищи на Новый год в Альпы, в Шамони. У его родителей там шале, дом. Много снега, лыж, пестрые куртки, огонь в камине, языки пламени в разных комбинациях. Приятно на снег смотреть.

Марина попрощалась только с Жоэлем, Марьон и Пьером, всю толпу не перецелуешь, на такое лишь француженка способна.

По дороге домой думала — какая-то она была не «своя» на этой тусовке. Вышла со станции, а тут молодежь местная, африканская, штаны мешком: человек пятнадцать. Протрусила мимо с замиранием сердца: да, куда ни глянь, всюду чужая.

А для Дениса, что — своя? Спросила: «А будь у меня уже ребенок?» — налетела на ответ: «Я к тебе не подошел бы». Кого-то принимают — больными, детьми увешанными, бездарными, злыми. А ты беспроблемной должна быть.

Мама тоже поначалу беспроблемную изображала. Отец курил — на лестницу не гнала, окна зимой распахивал — молчала, мерзла. По дому все сама делала. Вырастила упыря. Теперь у нее с бронхами проблемы, а он смолит одну за другой. В комнату к себе не пойдет — ему на кухне надо. То есть как он за сигарету — маме следует с кухни выбегать. И все вокруг него должно вертеться, а кто ему поперек — тот нежить.

Корто, конечно, не такой. Но Воробушек, как услышал эту фразу «про ребенка», в ужас пришел — он-то мечтает мать-одиночку осчастливить. «Твой Денис — горбатый, его только на том свете вылечат». Альберто как подружка, вот с Марьон так не

пооткровенничаешь. «Еще бы. Француженка же! — прокомментировал Альберто. — Они такие... икебаны». — «Почему — икебаны?» — «Красивые, но сухие», — Воробушек снял с огня кастрюльку, слил чай с молоком в чашку.

Вернулась от Альберто взъерошенная: наоткровенничалась. Корто видит — что-то не так, но ни в жизнь ничего не спросит. Бросила сквозь аквариум: «Ты хоть меня любишь?»

Взял яблоко из корзинки. «У тебя пээмэс?» — яблоко хрустнуло. Остаток вечера молчали, а как время ко сну, Корто окопался под одеялом и затих. Лежала, смотрела в квадрат окна, луны не было; ни луны, ни дождя, одни бесплодные тучи.

И так тоскливо стало. Ведь думала: ты там, где хочешь, ты с тем, с кем все насовсем, надо лишь приручить его, приучить к себе, один плюс один когда-нибудь станут равны двум. Но теперь поняла: не станут. Корто никогда не будет по-настоящему близким. И любовь его — просто сухая икебана.

95

Раз пять письмо переписывал. Вопросов на английском набралось с десяток, но все банальные. По мере вычеркивания остался один: «Хау ар ю, Катья?» Хотел и его изъять, но повода к ответу не осталось бы.

В конечном варианте письмо гласило: «Привет, Катья! Меня зовут Альберто. Я француз. Я друг Марины. (Дальше шло "хау ар ю".) Я хочу побольше узнать о тебе. Я люблю путешествовать и читать, также люблю музыку (подумал и приписал: "и живопись"). Я знаю, что ты любишь играть на пианино, Катья. Напиши мне о себе, Катья. До скорого. Альберто. *P.S.* С Новым годом!» Марина сказала, что у русских случился *old new year*, не понял, он все-таки старый или новый, темное дело.

Фотографию просить не стал. Решил применить тактику непреследования. Ты не бежишь за женщиной, вывалив язык и потея, а прогуливаешься в стиле Дениса, руки в карманы, только краем зрения следя за объектом. Тебе вроде бы все равно.

Прием работает, проверено на Марине. Пожаловалась: «Не могу Дениса поймать... Мне его не хватает, я даже при нем по нему скучаю». М-да... Еще Маркес писал, что худший способ скучать по человеку — это быть с ним и понимать, что он никогда не будет твоим. Но ведь не уходит она от него. А почему? Потому что он ее не преследует.

Яснее стала ситуация с Ольгой. Строчил ей мэйлы каждый день, звонить пытался, да у нее с английским беда. Цветы послал на день рождения. В Белоруссию потащился. И что? А перестал ее донимать — уже четыре письма получил плюс открытка новогодняя, итого пять.

Избавляться надо от хватательного рефлекса — видно, генетического. Матушка как вцепилась в своего итальянца, так у нее судорогой пальцы и свело, и не только пальцы, но и мозги. Она с какого-то перепугу решила, будто он смертельно влюблен и быстро поймет, что жить без нее не в состоянии: прискачет обратно, изорвав брачные узы на родине. Итальянец нашептал ей, невинной, с вагон — всему поверила: долго голодала, а тут нога баранья с ароматной корочкой. И все же голову надо иметь...

Ужасающие подробности материнской глупости однажды всплыли. А то он гадал: почему мать, которая даже в Мадрид ни разу не выбралась, вдруг подхватила двухлетнего сына и ломанулась в неизвестность, в чужую страну, зачем? Под кроватью в коробке лежат два учебника — французского языка и итальянского. Мама над ними регулярно засыпала.

Да... надо постараться, чтобы сыскать вторую такую... как бы сказать... неразумную сеньору. Понять, из каких соображений Флорентина покинула родную сторонку, трудно было бы даже психоаналитику.

96

Какая муха ее укусила? Поехала к Воробью якобы подружке с переездом помогать. И Воробей что-то ей заявил, диагноз поставил; своей бы жизнью занялся — нет, в чужую

лезет. Пришла, глаза как два полтинника, интересоваться начала — кто там кого любит. Полюбопытствовал, не синдром ли у нее по женской линии ежемесячный. Все, вбил гвоздь себе в крышку гроба — весь вечер молчит за аквариумом, но буквально слышно: кипит, разве что пар не идет.

Спать легли — отвернулась, вся в думах. Доразмышлялась до слез в три ручья. Не стал ей мешать, они явно в бельишке покопались, нашли главного урода. Надо полагать, Воробью в поездке не так комфортно было, как хотелось. Не во всем ему потакали.

Поревела, подождала реакции, повернулась, вид трагический: «Зачем я тебе?» Ответил как есть: «От тебя света прибавляется в парижской серости». Сильнее заревела, не поймешь. Правда, быстро сошла на нет. Молчали. Стал в сон проваливаться, как она заговорила. У нее, поди ж ты, страхи разные — сперва муж ушел, после любовник сбежал, адреса не оставил. С лучшей подружкой Аней тоже сложности, у них то ли любовь была, то ли дружба в художественном преувеличении. Как результат — Маринка привязаться боится (а кто не боится?), что бросят ее — боится, что не любят — боится, словом, сидит в темной комнате, а в каждом углу по мохнатому пауку размером с лошадиную голову. И углов много, комната нестандартная.

Ну и какую бумажку ей представить, чтобы знала — нужна она в этой квартире? Пошутил: «Ты тут персона номер один, тортилы без тебя сдохнут от голода». Вскинулась: «А ты? Ты не сдохнешь?» Прошло то время, вырос, панцирь черепаший нарастил. Ответил: «Я? Не-е. Просто стану чуть грустнее».

Понятно, такой ответ разве может удовлетворить? Надо ведь, чтобы руки к потолку воздевал, волосы клоками вырывал. Чем нелепее и театральнее, тем больше доверия.

Но сменила гнев на милость. Наутро принялась повествовать про разбор полетов в школе — ее и какого-то Жоэля похвалили, Марьон заставили переделывать, колумбийца Виктора отчитали... Слушал вполуха, тут она говорит: «Повтори последнюю фразу». И началось: «Не буду ничего рассказывать, тебе на все наплевать». Ни людей этих не видел, ни картинок —

какое до них может быть дело? Компьютер барахлит — вот на что не наплевать. Последнее время информатика затянула. Жаль, когда в универ поступал, не подумал сунуться на факультет кибернетики — профита от такого образования побольше, чем от биологии.

Маринка забилась в свой угол, начала щеки дуть. Спросил:

— Учишься сегодня?

Молчание, затем мрачное:

— Нет.

— Дома сидишь?

— Нет.

— А куда собралась?

Не иначе как перемывать остатки костей. Дурочка, нашла тоже внутреннего врага. Воюет. Выстрелила дробью:

— Куда-куда. Неважно куда.

Полчаса прошло. Она сидела у себя за аквариумом, ничего не делала, просто сидела. Сказал, глядя сквозь толщу воды:

— Пустые это переживания, понимаешь?

Отозвалась не сразу. Вообще, это напоминало диалог заторможенных.

— Хочется близости.

— У тебя уже наметилась близость... с Воробьем.

Смолчала.

Вместо того чтобы сидеть и напряженно думать о близости, занялась бы делом. Нарисовала б что-нибудь, сразу полегчало бы. Продукт важен, а не переживания. Она огрызнулась:

— Тебе не человек рядом нужен, а машина!

— Просто я от себя много требую и от других тоже.

— Что ты от себя такое требуешь? Даже на работу ходить не желаешь.

Художница, голова в облаках, а вдруг берет и выдает стадную истину типа «мужик должен быть социально проявлен». Кому он должен? Разве только себе. Но с собой он без посторонних разберется, тем более без социума. На этот раз сам не ответил. Через час она ушла.

97

— Мне Катья написала!

Воробушек приятно возбужден. Знал бы, что не только ему: утром от Катьки уже два мэйла. В одном расспрашивает, что за тип этот Альберто, а в другом, вдогонку, одна фраза: «А фотка есть?» Катя такая — ей нужно все и сразу, она центр Вселенной. Может, не стоило ее подсовывать Воробушку.

— Марина, оказывается, у нас с ней двадцать лет разницы!

— Ну и что. Русских женщин разница в возрасте не смущает.

— Да?! — Воробушек обрадовался, но тотчас насторожился: — А что так?

— Ну, мужчина — защитник, охотник...

Погрустнел:

— Да у вас каменный век... Во Франции давно равноправие...

Марина поискала глазами заварной чайник:

— Ты ж не хочешь «икебану». Давай я чай сделаю?

Воробушек вспорхнул со стула:

— Я сам! У меня... заварено уже.

И продолжил, вглядываясь в темноту чугунного чайничка:

— Француженки сами не знают, чего им надо. Как моя бывшая, Вероника. Она и заботы хотела, и свободы. Желала независимой себя чувствовать, но чтобы за нее платили.

— Я слышала, француженки не любят, когда за них платят.

— Ну коне-е-ечно! — Воробушек долил в заварной чайник кипятку. — Кто ж этого не любит. Лицемерие одно.

В кухню вошла Марьон (Альберто заклеймил ее феминисткой). Конец разговора она слышала, и завязался было скучный спор, но зазвонил телефон, и Воробушек полетел в комнату.

Марьон достала сладкие хлебцы. Марина кивнула на «мадленки»:

— Давай с нами чай?

Как будто у Марьон вокруг лица была продета нитка, и эту нитку стянули, а с ней и личико, съехавшееся в гузку.

— Чай? С Альберто? Ни за что. Этот жлобяра его по десять раз доливает. — Марьон заглянула в кастрюльку на плите и снова стянула нитку: — С молоком!

— Ну да, он с молоком любит.

— Но ведь это — остатки! Видела у него большую чашку на письменном столе? Что не допьет — в кастрюльку. Потребляет это потом, с микробами.

— Где микробы? — вернулся в кухню Воробушек.

Марьон махнула рукой и пошла к себе.

Марина подумала — да пусть себе экономит, зато всегда выслушает.

— Воробушек, а вдруг и правда мои переживания — на пустом месте?

— Не бывает пустых переживаний, — Альберто смотрел на струйку, бежавшую из носа чайничка, и прикидывал: «Может, вылить?» Но это была всего третья производная. Зеленый чай всегда бледный. — Живое чувство не может быть пустым. И никому не позволено судить — что пустое, а что нет. Знаешь притчу про Свинью и Бабочку? А хочешь чая с молоком?

— Нет!!!

98

Когда Альберто был маленьким, он воображал папу Одиссеем, отлучившимся в опасное путешествие. Решимость ждать его до победного смутило появление Жиля Мартена с карамельками и летними приключениями. Папа путешествовал десять лет подряд, писем не слал, карамелек — тоже. Дело не в подарках, но можно быть и поактивнее. По здравом размышлении Альберто решил, что отец героически погиб, сражаясь с Циклопом. Уже в детстве у Альберто появилась тяга к экономии, и когда мама закапывала ему глазные капли, он завидовал Циклопу: тому бы потребовалось только полдозы.

Идиотизм истории с отцом встал перед Альберто с режущей глаза ясностью вскоре после его двадцатилетия. Синьора Али-

сия, соседка, ведавшая сдачей квартиры в Сарагосе, принялась названивать и жаловаться, что жилец, бездельник, за три месяца задолжал, «надо его прищучить» (она брала процент от сдачи). «Щучить» мать отправиться не могла, запуталась в сетях частной клиентуры. Альберто пытался откосить, но Флорентина съездила на вокзал, и отступать стало некуда: не пропадать же билету.

В первый день попасть в квартиру не получилось. Тип лет двадцати пяти, с длинными патлами, распахнул дверь, но узнав, с кем имеет честь, захлопнул ее с такой силой, что Альберто отшатнулся. Повернулся ключ в замке. Альберто постоял, прислушиваясь, и, обмирая, постучал. В тишине открылась соседская дверь.

На пороге стояла тучная женщина в цветастом платье.

— Альберто? Я Алисия.

У соседки наблюдались черные хулиганистые усы. По краям они кустились, лихо кудрявились, самые буйные норовили заглянуть в рот. Повсюду в квартире были разложены белые кружевные скатерки, и сухие цветы стояли в вазах, сморщенные розы, приметы бурной юности. Альберто сидел на неудобном стуле за столом, покрытом кружевом. В дырочках скатерти толпились хлебные крошки.

Синьора Алисия вытерла пот со лба (лето):

— Видела я твоего папашу. Высокий, ноги как у цапли, кудри темные, большими такими кольцами. Губастенький. Ты ешь, ешь.

Альберто ковырял вилкой остывшую покупную паэлью. Чахоточный рис был обильно пересыпан карликовыми мидиями, даже не мидиями, а пустыми створками — раскрытыми клювиками. Синьора Алисия смотрела на Альберто в упор.

— Совсем не похож на отца. Маленький. Но тощенький, в него.

Паэлья была отвратительная.

— И на Флорентину ты не похож, птенчик. — Усатая синьора прищурилась. — Верно. Ты ни на кого не похож. Ты похож на птенчика.

Альберто кивнул, из приличия.

— А вы не знаете, почему мама в Париж переехала?

На этот вопрос мать отвечала твердо: так твой отец хотел.

Отец, Одиссей, держал маленькую фирму, квартиры продавал. Планы далеко идущие строил. Зарился на парижскую недвижимость: сородичам сбывать. Вот и напел Флорентине: туристический город, Эйфелева башня, канкан, *french kiss*, цены будут расти, Сарагоса — дыра. Он сам собирается перебраться в Париж, в Италии надоело, от римской вечности воротит, семейная жизнь бьет ключом по голове. А в Париже их (Одиссея и Пенелопу-Флорентину) не найдут, жена по-французски ни бельмеса.

— Вы думаете, он матери... врал?

Синьора Алисия фыркнула: пффффф! — долго выпускала воздух, и губы полоскались, шлепали друг о друга, усы плясали. До Альберто долетел запах паэльи и нечищеных зубов.

— Слепому было видать! А она вбила себе в голову, что пора гнездо в Париже вить. Никого не слушала: все против сговорились, счастья ей не желают. И у нее идея навязчивая возникла — он явится за ней, а ему не скажут, где она. — Синьора Алисия перевернула платок и сухой стороной промокнула лоб. — Купила банку масляной краски и написала у себя на двери: «Ищи меня в Париже! Алисия знает». И стрелу жирную на мою дверь нацелила.

Альберто вспомнил, что надписи не было.

— Да сто лет как закрасили! — Синьора фыркнула, и Альберто задержал дыхание. — Я измучилась, пока квартиросъемщика нашла, никто с такой дверью жить не хотел.

Щелкнул замок, по лестнице посыпались шаги. Синьора Алисия мотнула головой, как лошадь:

— Эх! Сбежал. Вернется среди ночи, и не один. Будешь спать у меня.

Альберто хотел сказать, что мама дала ему адрес подруги, но синьора Алисия продолжила:

— Всякий, кто к жильцу приходил, сюда ломился: «Как в Париж уехал?!» — сплошное беспокойство. А потом он за-

вел подружку. К себе не водил. И ненароком ребеночка ей заделал. Советовался со мной, как быть! Ну и однажды слышу — голоса, ночью. Я в глазок их видела. Она проклятую надпись не заметила — хихикала, на рукаве у него висела. Утром он на работу пошел, а она выспалась и выскочила в булочную. Когда дверь закрывала, надпись-то и разглядела.

— Бедняжка, — вздохнул Альберто и пожалел: синьора Алисия снова издала свое пффффф, сдувающийся пляжный матрас.

— Эта «бедняжка» мне чуть дверь не вынесла! Крики, слезы, бранные слова... Э-эх! Тогда и закрасили.

Альберто провел у синьоры Алисии несколько мучительных дней, и под ее строгим взглядом выбегал на лестницу при малейшем шорохе. Каждый раз он надеялся, что это не патлатый — просто другой сосед идет своей дорогой. Утром, днем и вечером Альберто деликатно тренькал дверным звонком, нажимал на пимпочку и сразу же отпускал. Наконец ответили, не открывая, что заплатят через месяц. С тем и уехал. А что тут сделаешь? В полицию не пойдешь, Алисия по-черному квартиру сдавала, жадность погубила.

99

Воспоминание об этом моральном поражении, а также об утерянной сумме (жилец втихую съехал) нет да и всплывало в памяти, а ведь сколько лет утекло. Но разве забыть эти отравные минуты, когда он стоял под дверью собственной квартиры и не решался нажать на кнопку звонка? Разве забыть страх, в печенках залипший, — что жилец пойдет в наступление, тряся патлами: «Ты чего клюв раскрываешь, птенчик?» И не то чтобы Альберто боялся быть битым, ну били его в школе, не так страшно. А страшно — глазами с патлатым встретиться: взгляд скользнет вниз, не поймаешь его — все, проиграл, подчинился, сам себя не уважаешь. Приехал черт-те откуда, чтобы в тебя плюнули. Не умеешь ни плюнуть помешать, ни ответить.

Кто-то скажет: пустое это — пережевывать историю двадцатипятилетней давности. Да лишь сам человек знает — что пустое, а что нет! Может, если бы он тогда сломал себя, пригрозил бы патлатому расправой или даже разобрался бы с ним по-мужски, то вся жизнь сложилась бы иначе. И было бы уважение к себе, и уверенность, и Вероника не бросила бы. А так — он все тот же мальчишка, пугающийся шагов на лестнице.

Что до матери, то она тоже со стыдом жила. Но стыдом не за трусость, а за дурость. Когда Мартена упустила, осознала — синичка в руках ничего себе была. А худосочный журавль, может, давно свои дни в духовке скуковал. Спустя годы судьба снова свела Альберто с Мартеном, и Мартен естественным образом поинтересовался — как там мать. Но Альберто был проинструктирован, ему следовало воскликнуть, что «отец-то — представляете! — появился, да, помнил свою Флорентину, но дожидался, пока дети подрастут, не мог семью порушить». И Альберто воскликнул.

Теперь он всем врал. Мартенам врал, что мать живет в Италии, и он туда ездит белые трюфели трескать; матери врал, что он все еще с Вероникой. Она сказала: «Для меня важно, чтобы у вас сложилось: значит, не зря я Жиля оттолкнула. Как бы ради твоего будущего». Узнает мать правду — расстроится... а какой-нибудь Корто-шморто заявит, что это «пустое». Просто у самого внутри ни сквознячка, сплошное мертвое царство.

100

— Воробушек мне притчи рассказывал. — Марина кидает куртку на вешалку.

Обида истаяла. По дороге к Альберто вышла на Восточном вокзале: прогуляться по переулкам, с городом пошушукаться. Возле площади Бастилии вынырнула из пустынной улочки и налетела на яркое, красное, со швейцаром в черном с золотом у входа, с вывеской золотистыми буквами: *"BOFINGER"*. За стеклом — свет, мебель красного дерева, лестница со сверкаю-

щими перилами, кожаные диваны, а вдоль них — столы с белоснежными скатертями, и на каждой тарелке — пока без хозяина — замысловатое сооружение, крахмальная салфетка. Сто лет назад в эти двери заходили люди, и через сотню лет будут заходить... В Европе ничего не меняется, в этом ее прелесть. Было бы здорово пойти сюда. Ну, когда-нибудь...

— Воробей вещал?

Денис никогда не спрашивал — о чем, как если бы боялся, что спровоцирует собеседника на нудный рассказ.

— Будешь слушать притчу про Свинью и Бабочку?

— Про тебя и меня?

Как будто и не ссорились. Марина встала руки в боки, замахала локтями:

— Улета-аю!

Игра такая у них: увидев в телевизоре несимпатичное животное — макаку там или кабана, наперегонки выкрикивать: «А сколько тебе за съемки заплатили?» или: «Ты ничего так выглядишь!»

— Вы с Воробьем, похоже, поточили.

«Поточить» — значит «поесть», пошло от Шурика Макарова. Такая червячья лексика.

— Да мы только чаю.

Будто не знает Корто, что без приглашения тут кормить не принято.

— В общем, у китайцев есть такой персонаж — Мудрая Свинья. И все к ней идут за советом.

— Я макароны сварил, имей в виду.

На дне кастрюли — сиротливая пригоршня рожков.

— Не дождался... Мог бы позвонить.

— Раз не подаешь признаков жизни, значит, занята. И самые жирные рожки мне достанутся.

То ли радоваться, что дает свободу, то ли обвинять в безразличии.

— Ну вот... однажды к Мудрой Свинье прибежал сын пастуха в слезах. И хнычет: «Я убил ба-а-абочку-у...»

— Ах ты свинья! — воскликнула Свинья...

Корто необходимо что-нибудь такое ввернуть.

— «...Мама говорит, что отнять жизнь — большой грех». Свинья ответила: «Грех — если убиваешь с умыслом. Птицы склевывают тысячи бабочек каждый день, и тысячи гибнут от непогоды, но никто по ним не плачет». Корто, ты слушаешь?

— Угу.

— Мальчик прошептал: «Но я будто слышу голос, который обвиняет меня». Свинья почесала копытом брюхо: «А ты скажи ему, что он неправ». Мальчик убежал довольный. Свинья проворчала: «Умеют же люди себе трудности создавать... — Подумала и добавила: — А бабочку все-таки жаль. Она ведь была чьим-то другом...»

— Это про тебя, — хмыкнул Денис. — Из мухи — слона.

Ничего он не понял. Что-то представляется тебе ничтожным, как смерть бабочки? А ты посмотри на это изнутри, как если бы был ее другом, и казавшееся пустым переполнит тебя горечью.

101

Когда рассказывала про то, что сотворили сокурсники с рекламой духов, Воробушек вспомнил некую Теорию Четырех Стихий. Идея такова, что стихии — Воздух, Вода, Земля, Огонь — отражают периоды в жизни человека. И эти периоды могут повторяться и длиться, сменять друг друга, как волны, как воздушные потоки, как языки пламени...

— Вот, например, период Земли, называемый *TERRA*. Это время стабильности, относительного спокойствия. У парня, который в стиле Хокусая море нарисовал...

— Жоэль?

— Да, у него вдалеке земля виднелась. Точно — период Земли наступает после того, как тебя поболтает хорошенько, и ты невероятно рад острову на горизонте... Причаливаешь. Обжи-

ваешь его. Но однажды тебе там тесно становится, или скучно, или одиноко. Ты пускаешься в путь...

— ...и начинается период Воды.

— Не обязательно. Может быть, и Огня, *IGNUS*. Как там кто-то нарисовал? Атомный взрыв? Жарко, того гляди — сваришься. И ты прыгаешь в другой период...

— В Воду.

— Или в Воздух, *AER* — как повезет. В Воздухе все зыбко: ветерки, сквознячки, то теплом, то холодом потянет... Тоже утомительно. Но кого-то в тонусе держит.

— Ну а чем плоха Вода? — улыбнулась Марина. Воробушка послушаешь — один кошмар другой сменяет.

— Водный период, *AQUA*, как раз — чудесный. Несет тебя волна, а может, ты уже сам — волна, и катишься себе вдоль берегов. С одной стороны, покой, с другой — движение.

Марина пожала плечом:

— А если тебе — в обратную сторону? Начинаешь против течения грести?

— Тогда ты в каком угодно периоде, только не в Воде, — фыркнул Воробушек.

102

Маме Марина старалась звонить, когда отца не было дома. Он взял манеру комментировать их разговоры. Мама: «В Руан собрались? А что там?» «Жанну д'Арк там сожгли! — раздается вопль. — Ничего не знают!» Днем отец или торчал у своего приятеля Храпунова, художника-алкоголика-неудачника, или тащился в мастерскую рисовать: перекупщик каждый месяц выдавал ему фиксированную сумму. В такие дни отец возвращался особенно злобным и клеймил нежитью любого не приглянувшегося на экране телевизора.

— Вчера заявил, что я ноль без палочки, серость, ничего не читала! — мама вздохнула, в трубке засвистело. — Сам-то уже забыл, как буквы выглядят.

— Ты еще художников никаких не знаешь, — напомнила Марина.

— Конечно, я Моне от Мане не отличу!

Они засмеялись — это была классическая отцова присказка. На самом деле почти все книги в доме были приобретены мамой, включая альбомы живописи — мама по молодости дарила отцу их регулярно. Отец делился ими с Мариной неохотно: «Пятен понаставите, знаю я вас».

— Я ему ко дню рождения купила учебник по аэрографии. Это когда машины или стены расписывают. Храпунов надоумил, сказал, платят за так хорошо, и оно интереснее, чем картинки с видами на Волгу штамповать.

— Мама, какая аэрография?! Про шкафчики забыла?

Как-то затеяли ремонт — двигали с мамой мебель, шпаклевали потолок, ездили за стройматериалами: бродили по рынку, не понимая, что брать и сколько. Купленное волокли домой на автобусе, частями. (Машина у отца на вечном приколе: зимой — гололед, опасно ездить, летом — жарко без кондиционера (сердце не выдержит), весной и осенью — грязища, «вы, что ли, будете ее мыть?».) Розетки утопить, двери повесить — вызывали мастера. Но один раз отец принял-таки участие в процессе. На кухне висели шкафчики для посуды, старые, страшные. Мама не решалась их выбросить — дорого кухню экипировать. Отец проникся проблемой и пообещал новые сам смастерить, лучше магазинных, «с фантазией». Это он умел. Разломал шкафчики с явным наслаждением, за тридцать лет надоели до чертей. Результат: посуда третий год стоит горой в углу на табуретках.

— Словом, вышел скандал из-за этой аэрографии. Раскричался: поденщиной не занимался и не буду! Загнать меня, как лошадь, хотите... — Мама помялась. — Марин, ну что же ты его не поздравила? Он же твой отец.

— Ага. Небось нажрался мой отец на свой день рождения...

Мама опять помялась.

— Ну, принес бутылку коньяка. Я стол накрыла, салатики построгала, курицу запекла. Выпили по рюмке. Он себе заново

наливает. И опять. Начинает соловеть. Я говорю: «Если надумал напиться — сиди один». Он — в крик: я ему праздник отравить решила, я серость...

— А серость-то почему?

Мама снова долго вздохнула, и в трубке засвиристело:

— Я, говорит, один пить не буду, а сейчас Храпунова позову. Отвечаю — давай, зови, пускай поглядит, как мы без занавесок живем — ты карниз не в состоянии прикрутить... и света в коридоре нет! Подскочил, кричит: «Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более когда в нее плюют!» Я забыла, что это из Высоцкого, он меня серостью и обозвал. Руки начал распускать, но я сказала: тронешь — разведусь. Марина! Он заявил, что разменяется, и я поеду в коммуналку!

— Это же твоя квартира.

— Да, но он прописан. — Трубка засвиристела. — И угрожать начал: «Если что, я твою дочь наследства лишу».

Дальнейшее Марина слышала бесконечное количество раз.

— Я бы с ним с удовольствием развелась. Он не моется, зубы не чистит вообще! Неделями не переодевается, пока козлом не завоняет. Гений! Рисует только потому, что у него Дугин, перекупщик, на загривке сидит. А как он курит? Марина, полторы пачки в день! Я задыхаюсь! В каком же я оказалась тазу... Еще и ты уехала...

— Мама! Я не могу, понимаешь, не могу сидеть рядом с тобой, раз ты свою жизнь угробила! Ну прости меня!

Заноза: бросила мать.

Мама помолчала.

— А с другой стороны, он несчастный человек. У него никого, кроме нас, нет. Жалко его.

Так всю жизнь и прожалела. Отец ни разу у нее прощения не попросил. У него принцип — никогда ни перед кем не извиняться. Он гордый и вообще всегда прав.

Звонки домой душу травили. Маму не спасешь, она из тех утопающих, которые делают вид, что плавают. А может, и правда это способ существования?

Теперь этот тихий кошмар живет только в телефонной трубке. Так уже было — когда она сбежала к Аньке, когда за Витю выскочила, когда к Вадиму перебралась. Но каждый раз жизнь возвращала ее в исходную точку — домой.

Сейчас — всё. Ничто ее туда не вернет. Ничто не вырвет ее из этой радости: быть там, где хочешь, с тем, с кем хочешь. Ничто не выудит из паутины улиц с дивными, странными названиями — как-то искала Новый мост и оказалась на улице Сухого Дерева; бродила по кварталу Марэ, отводя глаза от однополых парочек, оккупировавших террасы кафе, и наткнулась на улицу Плохих Мальчишек; а недалеко от кинотеатра, где смотрели с Корто «Говори с ней», набросала в блокноте улочку Радуги. Гулять начала, едва потеплело. И казалось, что город мягко подшучивает над ней: возле монпарнасского кладбища она обнаружила Адов проезд, а недалеко от Восточного вокзала — Райскую улицу; отсюда дотопала до улицы Бога и была разочарована: Бог оказался всего лишь генералом, героем битвы 1859 года при Сольферино. Подойдет такой генерал, протянет руку: «Бог. Очень приятно»... Отыскала два тупика: Сатаны, в двадцатом округе, и Двух Ангелов — недалеко от бульвара Сен-Жермен. Шла без карты и попадала на улицы Обезьян, Ножниц, Камушка, Деревянного Меча или Кроличьей Мельницы. Но самым любимым названием оставалось это: улица Золотой Капли в шумном квартале Барбес. И прошлое, которым дышала телефонная трубка, казалось немыслимым, невыносимым. Ее будто болтало, болтало по морю и наконец прибило к этому городу, к этому человеку. А все прочее осталось на другом конце земли, забылось, ее там больше нет.

103

— Я же тебе говорила, что послала рисунки Матьё! Не слушаешь никогда.

Ага, так и поверил. У них, похоже, виртуальный флирт. От Матьё можно ожидать.

– Ладно.

– Что – «ладно», с трагизмом в голосе? И нечего в моем компьютере копаться.

– Во-первых, никакого трагизма, а во-вторых, не ты клянчила программу с болванками писем?

Надоело ей в книжном, прочь порывается: решила мотивационные письма рассылать во все концы. Сама, правда, не знает в какие.

Мэйл от Матьё смотреть не стал. После того, как ознакомился с дневником Марго с пятью страницами про итальянца, до рвоты откровенными, – всё. Не хочется никуда нос совать. Веры их сестре не было и не будет, так зачем принюхиваться? Само всплывет.

Кстати, у Марго, как и у Маринки, плохо получалось врать. *"Honey*, – сюсюкала, – *I love you too much... look at me, honey"*, – и в глаза заглядывает, ну ясно – что-то не то. И это слащавое *"honey"* – через слово, и дешевое *"love"*, которое сам выдавить не мог, на *"like"* только хватало. После истории с итальянцем за руку ее не поймал, но она явно флиртовала – когда в юридической конторе стажировалась, и в универе у нее ходил хмырь в приятелях.

Да итальянской истории было достаточно. Тогда и купил «Американку в Италии» Рут Оркин – фото метр на полтора, – то ли Марго куснуть хотел, то ли и правда заворожила эта фотография.

Идет там себе мамзель по площади, вдоль здания с массивными колоннами, красивая, высокая, худая, волосы на пробор посередине. Платье длинное, с неглубоким вырезом. Сандалии. Лицо ее всегда притягивало... лицо Мадонны. И вокруг – десятка полтора самцов, итальянцев, зубоскалов. Смеются, улюлюкают, а она топает, как сквозь строй, в сумочку вцепилась. Это фото прославило Рут Оркин, ее визитной карточкой стало. Более полувека с тех пор прошло – все участники уже старцы: маразм, альцгеймер, лекарства, неблагодарные дети; а кого-то и червячки съели. Фотография постановочная (красотка – мо-

дель Джин Аллен, подруга Оркин), но сценка не выдуманная, а подсмотренная.

Тогда, после Большой войны, американцы ломанулись в Европу. От Италии они без ума, но по-итальянски «донт спик». А итальянцы «нон парлано инглези». И вот краля на свою голову спрашивает дорогу у парня, заводящего мотороллер. Самцы окрест оживляются и интересуются, чего хочет синьора. «Конечно, меня!» — заявляет хозяин мотороллера. Мужички гогочут, а американка готова сквозь землю провалиться. Дурочка, не понимает природу смеха этого — да просто она слишком красивая и чужая. И недоступная. А ее страх выглядит как высокомерие. Мужик, когда не может получить, либо злится, либо глумится.

В то время такой ему и казалась Марго: далекой. Недавно он еще был в Москве: общага, разруха, талоны; наблюдал драку двух теток из-за пачки макарон. Когда из самолета вышел в Экс-ан-Провансе — новость накрыла: в Москве путч, танки, Ельцин грозит Белому дому кулаком. В газетном киоске каждый день пробегал глазами «Монд» — покупал, если о России писали, иначе жалел франков. Он волок за собой свою историю, он словно в коконе жил в новой стране. Все думал: придется возвращаться к казахам или здесь удастся зацепиться? Пока размышлял, появилась Марго: настоящая американка (образ врага еще маячит на краю сознания), проблемы — все с жиру, говорит о них с серьезным видом, три четверти в речи непонятны. Рассказывает про фильмы, которых не видел. После еды сладко рыгает — у них это принято, у американских плебеев. Длинные темные волосы — снимет заколку, тряхнет ими — рассыплются по плечам. Ну и это: первая, с кого кофточку стащил. Так и не ставшая близкой. Неверная. «Американка в Италии» — приятно воображать Марго на месте этой девчонки, напуганную Марго, которую вышучивают. Слишком часто представлял себе, как она тащила в свой дешевый отель похотливого итальяшку.

— Корто... ревнивый Корто... — Маринка встала за спиной. — Посмотри на меня...

Наклоняется, в глаза пытается заглянуть. Ну, все ясно.

104

Шестое февраля, пятница. Закончилась первая пара, когда позвонил Воробушек:

– В Москве взрыв в метро...

Четыре десятка погибших. Франция выясняет, были ли среди пассажиров проклятого вагона ее граждане, и осуждает террористов. Жоэль растерян:

– Я всегда был на стороне Чечни, но сейчас...

– Психопатов всюду полно, – пожимает плечами Марьон.

Сотрудница в книжнике, Вера, москвичка, полдня названивала ближним и дальним. А ей, Марине, совсем не о ком в столице побеспокоиться. За год ни с кем не сошлась... только «англичанку» было бы жаль, если что. Знала, что тяжело Марине приходилось, – за уроки брала копейки, а учила на совесть. Но не звонить же: «Кэтрин, вы живы?» Да и где она, эта Кэтрин, – может, давно в Англии или Америке, наверняка при таком имени у нее двойное гражданство.

Странно: когда в ноябре на корабле *"Queen Mary"* обрушилась лестница – жалость за сердце не схватила. А тут – все думалось о людях, оказавшихся в вагоне с психом, взорвавшим себя. Кто-то последним вбежал в поезд, радовался, что успел... А кого-то дома – на полминуты – кот задержал: повис на шторе, орал. Жизнь хозяину спас. Не любила Марина Москву (вернее, не смогла полюбить), но ощущение беды не отпускало: сколько там таких, как она, девчонок из провинции, ищущих счастья, – они-то и ездят в метро...

Денисова мама сразу написала. Беспокоилась: вдруг у Марины родственники в российской столице. Она трогательная – шлет письма, жизнь свою рассказывает, вопросами засыпает, а то и припишет: «Денис тебя так любит, я чувствую!»

«Навоображает, а потом "чувствует"», – комментирует Корто. Он считает, что Марина глупость сделала несусветную: взвалила на себя эту ношу – переписку. «Тебе заняться нечем?» – «Корто, это же твоя мать! Ей одиноко!» – «Всех иду-

щих ко дну не спасешь. Старый закон: больше даешь — больше просят. Скоро каждый день писать станешь».

Он был безжалостным, Корто. Ни к другим у него не находилось жалости, ни к себе. Всякий раз, когда он возвращался с пробежки — мокрый, замученный, — у Марины возникало ощущение, что ей как будто до него не дотянуться. И когда он, по обыкновению, отмалчивался, она снова не могла дотянуться.

Она пыталась его прочитать. Но так с книгой, которую по главам выкладывают в Интернете: проглотил кусок и ждешь. Не знаешь даже, то ли две трети уже прочтено, то ли — одна сотая. Кликаешь, обновляешь страницу, а тебя дальше не пускают.

Не пускают, и отсюда желание приблизиться, уловить, прижаться. Поймать момент, когда он оторвался от компьютера, но еще не встал из-за стола, забраться к нему на колени, свернуться клубком, уткнуть нос в шею, в теплое, туда, где бьется венка. Корто.

Подержит на коленях минуту-другую, похлопает по спине: «Давай-давай, я сока хотел себе налить».

Оттого, что днем не можешь приблизиться, — радость ночью. Наконец-то он с тобой, не твой, но хотя бы с тобой. Люди это называют близостью, да, он сейчас близко, завтра опять не дотянешься. Радость плеснет через край, ты переведешь дыхание и уткнешься носом в шею, в теплое... Плевать, что днем было одиноко.

105

— Карим, я тебе говорила, что пойду работать. Полагаешь, буду сидеть с детьми до их совершеннолетия? — Вероника злилась.

— Почему бы и нет?

Еще недавно лояльного изображал. Лояльного мачо: в ресторанах угощал, цветы на дом присылал, такого от коренного француза пойди дождись, а этот считает нормальным ухаживать за

женщиной. В начале знакомства с ним купила диван по частному объявлению — а как перевозить? Все организовал в два счета. Его повадки поначалу смешили: идешь с ним по улице — обнимет одной рукой, прижмет так, что шагать неудобно. Освобождаешься — обижается; по сторонам так и зыркает: «Это моя женщина!» А цепь? Золотая цепь на шее, снимать отказывается наотрез. «Ты на бульдога с ней похож» — опять обижается. У него еще браслет есть — золотой, массивный, но его, слава богу, на работу в префектуру не наденешь.

Нет, Карим и правда лояльный, вырос-то он здесь. А то, что мечтает жену дома засадить, — так это ж в генах. В остальном живет по-европейски, вот, не стали расписываться: признал детей, и всё. Правда, он родителям навстречу пошел: не хотели они брака с немусульманкой. А есть у него приятель Фарид — этот да. Коран разве что в туалет не носит. Держит аптеку, где сам и продавцом — умудряется пять раз в день намаз делать. Спросила: «А вы, Фарид, прямо за стойкой расстилаете коврик?» Кивнул. «Или после работы все намазы делаете, подряд?» Опять кивнул. Так и не поняла, как оно происходит. Когда в марте вышел закон о запрете хиджаба в школе, Фарид приходил, бубнил за дверями гостиной. Карим его «морально поддерживал».

А вот «Брантомский собор» не удалось ей в прихожей повесить. Эту фотографию получилось увеличить до размера небольшой картины. Там не сам собор, а его отражение в реке Дронне, чистой воды импрессионизм. Попросила Альберто встать, облокотиться о перила: размытая фигура на темном мосту... А собор — пропитавшийся солнцем, колокольня утопает в небе: вокруг нее оно голубое, а дальше цвет густеет. И всё это — короткими, зыбкими, быстрыми штрихами реки. Не пожелал Карим собора.

Что до Альберто... интересно, у него с русской серьезно? Он, конечно, мямля и жадюга. Но жадюга понятно отчего: не работает, сидит на пособии. Умен, поэтому каменщиком ему вкалывать не хочется. А то что мямля... В этом свое очарование было.

На многое можно его уговорить, все понимает, не артачится, как некоторые. С детьми бы сидел. И отец был бы доволен... Ведь Альберто для него — как сын немножко, а с Каримом не складывается у них дружба.

Вдруг остро захотелось домой, к родителям, в Сен-Фуа-де-Лонга; захотелось в то лето, когда ездили с Альберто в Брантом, а на обратной дороге увидели пасущихся лошадей, бросили машину и пошли через скошенное поле, солнце садилось прямо в маленький табун, Альберто остановился: «Смотри!» Два колоса не попали под нож, и между ними паук сплел кружево: если наклониться, солнечный диск оказывается в сердце паутины. «Паук поймал солнце!» — сказал Альберто, и ей это понравилось. Днем он строил дом — стучал молотком и приходил передохнуть на задний двор, где она читала в тени высоких розовых кустов — самые усталые складывали цветочные гроздья на шифер подсобки, пристанище лопат и всякого хлама. Вечером отправлялись гулять. Как-то вышли на заброшенный колодец, увитый плющом — зеленый холмик, вздрагивающий при легчайшем ветерке. Из красных цветов соседнего куста вылетел рассеянный шмель, ударился Альберто в грудь и шмякнулся на землю. Смеялись... Разглядывали лягушек в пруду: если смотреть квакуше в «лицо», то кажется, что она улыбается.

А еще спасли зимородка. Хорошенькая неосторожная птичка: тельце рыжее, а спинка, хвост, крылышки и шапочка — цвета морской волны. Возле глаза по синему кисточкой с оранжевой краской мазнули. Длинный острый клюв, черный, и тощенькие красные лапки с рыжим пухом. Ловила рыбешку в Дронне и сама попалась в кошкины лапы. Альберто гладил птичку, приговаривал: «Что, Рыжик, страшно было? — повернулся: — Я буду звать тебя Рыж». Ведь зимородок, *martin-pêcheur*, мартен-рыбак — ее тезка...

Вероника заглянула в детскую: малышки спали. Середина дня. Забытый телефон Альберто она нашла по «Белым страницам».

106

«Ты голосовала? На “Франс-2” сказали, семьдесят один процент за Путина», — Матьё длинных писем не пишет, так, пару строк. Да и о чем писать?

Это она все затеяла: послала ему рисунки, затянула в переписку... с тайной целью: про Корто выспросить. У старого-то друга.

«А как же, в посольство ездила. Знаешь, что там на фасаде советская символика?»

Откуда Матьё знать.

Зато ему кое-что известно про Дениса. Не то чтобы — известно, «через панцирь не достучался», но «есть подозрения, что внутри там, как у черепахи: живое и чувствительное», — Матьё пририсовал смайлик. «Туда добраться-то можно?» — поинтересовалась Марина. «Можно. Расколоть панцирь, и все дела. Но сдохнет черепашка-то», — Матьё изобразил три смайлика и спросил, слышала ли она о писателе Раймоне Кёно. «У него есть такая фраза: “Жить в панцире, то есть вывернув кости наружу, — каким кардинально иным должно быть видение жизни!”» Похоже, тут Матьё прав...

107

— Смотри, какие фотографии Катья прислала! — Воробушек щелкает мышкой. — Это ее дочка Танья на новогоднем празднике, она Снежинка. Это Танья едет с горки (снегу у вас!). Это Танья рисует за столом на кухне.

Воробушек умилен.

— А Катя-то сама где?

Воробушек ищет в письмах, выуживает: Катя на фоне компьютера с охапкой роз. Хорошая фотография.

— Это восьмое марта. У вас День женщин.

— Вот-вот. А Корто офранцузился, и праздник ему до лампочки.

– Да мне тоже. – Воробушек помолчал. – Но Катье пришлось послать открытку. Она настаивала. Она вообще с характером.

С таким характером, что в отрочестве выжила из дома Анькиного отца, о матери не подумала. Нет, не стоило их с Воробушком знакомить...

Альберто подумал и добавил:

– Упрямая, как Марьон, – и, понизив голос: – С *ней* совсем не получается общаться!

Верно, Марьон не мягкая и пушистая. Но ей, Марине, стоило бы у нее поучиться: знает, чего хочет, мужикам не доверяет, рассчитывает только на себя...

– Типичная француженка, – поморщился Воробушек. – За нее вступишься, еще и сам получишь. К тому же, – Альберто снова понизил голос, – она коммунистка.

– Мне все равно, – пожала плечом Марина. – А ты-то кто?

– Никто, – буркнул Воробушек. – Я совершенно аполитичен и даже на выборы не ходил.

Выборы – региональные, о них Марина уже наслушалась. У посольства ее атаковал странноватый тип: цветастый платок на шее, седые волосы развеваются на ветру. Из всех сознательных гражданок, явившихся избирать российского президента, в сеть к Бернару угодила именно она. Причина – пустячная: была в юбке (против обыкновения). У Бернара к девицам в джинсах – никакого уважения, из посольства одни «недостойные» выходили.

Новый знакомый как заведенный говорил о внутренней политике – скатываясь на тему иммиграции: он отчаянно ненавидел выходцев из Африки всех оттенков. К китайцам, заполонившим тринадцатый округ Парижа, относился терпимо, считал их трудоголиками – в противоположность «тунеядцам, которые только и могут, что сидеть на дотациях и клюв разевать шире головы». Русские вызывали у него смешанные чувства. «Каждый случай надо рассматривать отдельно», – Бер-

нар тер пальцем бровь; седая и мохнатая, она топорщилась во все стороны — маленькая щетка, которой вышел срок. «Если о девицах говорить — те, что сюда понаехали, все потаскушки. За красивой жизнью прискакали. А вот им! — Бернар делал неприличный жест, дергал косматой бровью. — Я из России жену возьму».

Два года назад пятидесятисемилетний Бернар зарегистрировался на сайте знакомств и вступил в ожесточенную переписку, подыскивая «молодую, без ребенка и без амбиций». Тех, кому за тридцать, — заворачивал: «Форму теряют».

«*Эту* форму!» — Бернар постучал согнутым пальцем по голове. Он увлек Марину в кафе, «на двадцать минут». «Я читал статью, — Бернар сморщился, хотел чихнуть, но передумал. — После сорока женщина останавливается в развитии». — «Да, мы такие», — хмыкнула Марина.

Бернар жил в однокомнатной квартирке в престижной части семнадцатого округа, работал в туристическом агентстве неподалеку от дома и грозился все бросить и поселиться в Москве, куда регулярно катался на смотрины. Русский язык учил с год, но, кроме «здравуйтие», «миниазавутбернар» и прочей мелочи, ничего не мог изречь. Еще где-то подцепил «идинакуй» и вворачивал, когда был несогласен. И хохотал.

В Россию он хотел перебраться, «чтобы не видеть эти рожи», — Бернар покосился на африканца, сидевшего за соседним столиком, столкнулся с ним взглядом и приветливо улыбнулся. Жизнь Бернара была тяжела — слишком ко многим он накопил претензии. Претензии делились на частные (к консьержке, соседям, клиентам турагентства) и глобальные (к иммигрантам, озоновой дыре, Джорджу Бушу). Своим персональным врагом Бернар считал французскую соцпартию, на выборах — о ужас! — победившую в двадцати регионах из двадцати двух: «Я два дня пил успокоительное!»

Если бы Марина в тот день не спешила на выставку манги, то одной беседы с Бернаром ей хватило бы на всю жизнь. Но она быстро убежала; Бернар несколько раз звонил, рассказы-

вал какие-то интересные вещи о Франции. И когда Марина привыкла к его присутствию, попросил «сделать одну вещь». Что именно — не сказал: «Надо увидеться».

108

— Пойдешь встречаться с Сенбернаром?

Американка Марго это любила: тусовки, кафешки, бла-бла по телефону. Маринка полгода просидела в заточении и сломалась. Теперь ей регулярно звонит озабоченный брачным вопросом шиза, Поль какой-то появился, на выставке манги его подцепила. Воробей опять же. И вся эта трепотня — от неумения себя занять.

— Корто! Бернар столько всего рассказывает! Посоветовал Далиду послушать. У тебя есть Далида?

— Сенбернар открыл Америку. У кого ж ее нет. Так и слышу, как она завывает: «Жё сюи маля-а-дё!» Кстати, Матьё подкинул телефон одного типа, тот биологов ищет. Может, поработаю с ним.

Она была уже в коридоре. Шутканул вдогонку:

— Цаплю на помойку закинешь?

Полуметровая цапля, жестяная, стояла возле дома полдня — выбросили. Как увидел, подумал: Маринка будет возвращаться — точно в нее вцепится. Подобрал бы кто... Не пронесло.

Она все какие-то бирюльки в дом покупает, украшательством занимается. На это денег хватает, а вот на следующий учебный год — хотелось бы знать, где она наскребет. Недавно почву прощупывала: удастся ли ей семейный вид на жительство получить. Сказал: «Брачные игры — это не ко мне».

109

Вечные насмешки, бесконечный сарказм. Бернар — «Сенбернар». Далида «завывает». Цаплю — на помойку... А песня Сержа Ламы *"Je suis malade"* за душу схватит кого угодно,

только не Корто. Слушала ее, когда Вадим исчез. Изводила себя. В этом была сладость: дойти до дна отчаяния. *«Я не вижу снов, у меня больше нет прошлого. Без тебя я как ребенок в спальне детского приюта, и моя кровать — перрон вокзала, с которого ты уезжаешь. Я болен, я так болен — как по вечерам, когда мать уходила, и меня затопляло отчаяние. Я пью по ночам, но не чувствую вкуса, и на всех кораблях полощется твой флаг, я не знаю, куда бежать, ты повсюду... Я болен, я так болен...»* Именно это и говорила Анька: «Марина, ты больна. Болезни проходят». Да, как горячка — почему он ушел? Лишь бы узнать почему! Сорвалась в Москву... В Москве стала пить, не чувствуя вкуса, пытаясь заглушить пакостного попугая: почему-почему-почему... Неужели он, Корто, не знал этого озноба? Заявил: «Орать "Я бо-олен!" может только действительно больной». Денис, болен — это не от слова «болезнь», а от слова «боль». Неужели ты не знал боли, от которой хочется закричать?

Так с ним иной раз не хватает... простоты. И тепла.

Недавно простыла — торчал у компьютера, из-под одеяла выбиралась, чай с медом делала сама. Видите ли, «человеку вредно, когда с ним носятся». У него от этого «жалость к себе и лень разыгрываются».

Адаптируешься. Меньше просишь и меньше даешь. И последний кусок шоколада очень даже спокойно за щеку отправляется.

«Ребенок от него будет таким же!» — предупредил Воробушек. Ну, ребенка Корто не просит. Они — как две части раскололого камушка: складываешь — сходятся, отпустишь — распадаются. Не распадались бы, да ее никто не удерживает. Чтобы оставаться вместе, надо самой выкарабкиваться, учиться дальше. А эта учеба — не совсем то, что ожидалось, и диплом дверей не откроет. За следующий год опять семь тысяч евро выложи. Где их взять? Плюс нужны деньги на банковском счете — чтобы видели власти: палатку на набережной Сены не поставишь. Занять? Ну разве что у Поля. У него-то есть. По-

дошел на выставке манги: костюм с иголочки, сама вежливость. Хорош собой: метр девяносто, волосы ежиком, улыбка приятная. Руки большие, ухоженные. По-японски говорит, по-английски и по-итальянски, полиглот. Книжным маркетингом во «Фнаке» занимается. Неравнодушен к манге. Имеет связи в издательствах, и есть знакомый в студии, где мультики делают.

После выставки два раза встретились, первый — в кафе, второй — в гости позвал. Живет один, купил квартиру в кредит: «Зачем счет потрошить? Взял в долг у банка на двадцать лет». Рисунки ему понравились, даже неоконченные «Похождения Свиньи Марго». Он вредноват, но умен. И явно заинтересован: услышал, что у нее кто-то есть — поморщился, как от кислого. Выспросил про Корто, подвел итог: «Не понимаю, что ты с ним делаешь». Ему, успешному, каждое утро бегущему на работу с высунутым языком, дико слышать, что кто-то живет, как хочет, отчитываясь только перед собой. И что этого кого-то любят.

110

Мадам Мартен сообщила Альберто по секрету, что жильцы его подумывают съехать. Не знак ли это свыше — с Катьей дело потихоньку двигается, шутить вот начали. Скоро можно спросить, что она думает о жизни в деревне... А жильцы-то хороши — помалкивают! Вспомнилось — когда они заселялись, глупо вышло: указал на белый кружок на кухонном столе, попросил: «Вы его не оттирайте». И добавил: «А утиное чучело можете выбросить». Не выбросили.

Кружок остался от Вероникиной чашки. Выложил подставку: «Для горячего». Она разливала чай: смотрел на прядку, убранную за аккуратное ушко. Три дня как приехала, а он уже маялся, не знал, как сказать, что сразу понял — это она и есть, она, Вероника, он ее ждал или искал, неважно, но *это она*. Вероника взяла чашку, и он решился — промямлил. Улыбну-

лась — сделал шаг к ней, она поставила чашку на стол. Мимо подставки.

Недели три назад кто-то звонил из Нормандии. Номер незнакомый, сообщения не оставили. А вдруг Вероника? Но уж очень нелепа идея. Не перезвонили.

Все чаще мысль крутится — съездить к Катье в Новабарксакс. Когда ходили с Мариной на голубятню, нашептал птицам желание. В детстве часто сбывалось. Может, и сейчас сбудется.

111

В аэропорту Шарль де Голль длинные эскалаторы, укрытые стеклянными сводами. Эскалатор уносит ее прочь от земли, ближе к небу. После неба будет дом: отец в клубах сигаретного дыма, запах перегара, мама у плиты — кашляет и разгоняет дым рукой. Кошачья миска под табуретками с посудой из шкафчиков. Облезлые стены в коридоре — мама так и не доделала ремонт. Орущий телевизор. В тридцать лет возвращаться в отчий дом... А что, есть куда вернуться?

Зачем был этот год? Зачем были Корто, Воробушек, Марьон, Матьё, Бернар, Поль, наконец? Зачем она училась? Как выломать теперь себя, мизерную живую детальку, из пазла города? И столько всего она не успела. В Лувре была раза четыре, в Центр Помпиду только на Миро выбралась; правда, музей д'Орсе весь исходила. Внизу, за стеклянной пленкой эскалатора, Корто уже не видать. А был ли он? Марина делает шаг вниз, забыв про сумку. Она торопится, бежит по эскалатору: может, ей все приснилось? Перила тащат руку вверх, к дому, к соседу, караулившему на лестнице, — тридцать лет назад он еще к матери клеился, чертов ветеринар. И вся ее жизнь, как молоко из опрокинутой чашки, разлита там, внизу, где человечки катают чемоданы на колесиках, где Корто возвращается к темно-зеленому «пежо». Ей добежать бы, спрыгнуть с эскалатора, тогда кончится этот кошмар, тогда она проснется.

112

— Встретился я с Жаном, который биологов ищет. Он пока раскручивается, хочет, чтобы на него работали много и за копейки.

— Ты-то ему приглянулся?

— Ну да. Правда, биологией там пахнет слабо, принюхиваться надо. Этому Жану под шестьдесят, но с виду под восемьдесят. Ветром шатает, но жилистый. Похож на старика Хоттабыча. Даже борода имеется. Вообще, жук.

— Он не пытался превратить тебя в крысу, бормоча: «Трахтибидох!»?

Денис хмыкнул:

— Своих работничков он явно и трахает, и тибидохает...

Солнце лилось в комнату — будто набрали света в исполинскую бутылку и опрокинули прямо в окно. Марина задернула занавеску:

— Корто, мне опять про эскалатор снилось. Я больше не могу.

— Работу ищи.

— Ты же знаешь, что рабочую визу дают только «незаменимым специалистам»! Поль обещал узнать на мультстудии, но...

— Говори прямо: ты чего хочешь?

— Ничего.

113

— Знаешь, что такое флешмоб?

У Поля на балконе помещается стол, два кресла и кадка с деревом, похожим на большой бонсай.

Марина качает головой:

— Нет.

— Новомодная штука, из Штатов пришла. Люди сговариваются по Интернету прийти куда-то в определенное время, сделать нечто необычное и исчезнуть.

Марина опускает в кофе кусочек сахара и смотрит, как он темнеет.

– А зачем?

– Ни зачем. Это искусство.

– А-а...

Странно вот так сидеть и говорить о ерунде. Середина мая. Препод спросил: кто остается на следующий год? Подняла руку неуверенно.

Денег на учебу нет – неужели Корто отпустит ее в Новочебоксарск? Или Анька права – «он умрет, но не сунет лапу в капкан»? Заявил недавно: «Ты еще с французом надумаешь попробовать». Романтик!

– Вообрази такой флешмоб: двести человек собираются вокруг дорогого ковра в большом магазине. Один говорит продавцу, что они живут все вместе в пригороде Нью-Йорка и ищут себе ковер. Этот неплохой, но маловат...

Сегодня транспортники бастуют: еле дождалась поезда, еле втиснулась. Да зря: занятие отменили – преподаватель не доехал. Марьон была довольна: «Отлично! Пускай машинисты борются за свои права!» Ей легко рассуждать: от бульвара Ришар-Ленуар до школы пешком дойдешь. А от Нуази – давай топай.

Домой не хотелось. Позвонила Полю – узнать про мультстудию, а он, оказалось, заболел: «Заезжай». Села в оранжевое кресло на платформе метро, поезд не шел. По соседству устроился бомж – притулился к автомату со снедью и водицей, закрыл глаза. Из перехода тек женский голос: *"Si tu n'étais pas là"*... Сотню лет назад эту песню исполняла Фреель, не уступавшая в популярности Эдит Пиаф; эту Фреель любовники бросали ради других певиц, и дело кончилось кокаином, а чего ж вы хотите. Песня, канувшая в небытие, стала бродить под сводами подземки после фильма «Амели», где слепой старик сидел на станции с проигрывателем на коленях, пластинка крутилась: *"Si tu n'étais pas là-a-a..."*

– Ты слушаешь, Марина?

– Да.

Теперь постоянно снились эти сны. Эскалатор несет вверх, она бежит вниз. Ей очень надо вниз. Или она оказывается перед

своим домом в Новочебоксарске и видит, что он вырос до неба. Как найти квартиру в этих сотах? Она хочет позвонить маме, ищет и не находит мобильный — карманы пусты, и сумка пуста, и она сама, Марина, пуста, а это даже страшнее, чем бежать по безжалостному эскалатору.

— В Монреале сорок человек закрякали, бросили в фонтан двести желтых пластиковых утят и разбежались.

— Зачем?

— Что ты заладила: зачем, зачем. Искусство.

Дни после снов никчемны. Рисовать не хочется, ничего не хочется — ни в школу идти, ни в книжник. Внутри моторчик крутится, генерирует беспокойство.

Беспокойство, беспокойство.

Думаешь: занять бы у Поля денег. А сядешь на балконе с чашкой кофе, и язык не поворачивается.

— В Париже тоже устроили флешмоб в прошлом году, когда я в Бретани был. — Поль — бретонец, в юности ратовал за отделение малой родины от Франции, но угомонился. — В Лувре сотня человек шла, говоря по телефону, остановилась, чему-то похлопала и разбежалась.

— А зач... — Марина оборвала себя. — Ясно. Забавно.

— Идем в следующий раз?

Марина встала, перегнулась через перила. Дом был новый, в четыре этажа. Выстроенный на пустыре в ближайшем парижском пригороде Иври-сюр-Сен, вдали от городской сутолоки, он удачно соседствовал с крайней станцией метро. Вокруг предполагался садик, но пока только лысая земля виднелась.

— Когда?

— В начале осени.

— Меня здесь уже не будет!

— Ты бросаешь учебу?

Поль нахмурился. У него очень красиво получалось хмуриться.

— Бросаю. Я все бросаю. Денис пальцем не шевельнет, чтобы я осталась.

Такая обида. Ужасная, ужасная обида.

Поль молчал, размешивал сахар в чашке: болтал ее по кругу. Показалось: сейчас он заговорит — и решит все проблемы, вот тут, на балконе. А потом мелькнула мысль, что он вообще ничего не скажет: молчал, наверно, вечность.

— Твой Денис — жалкий тип.

— Перестань, Поль.

— Понимаю, это звучит нелепо. Но если я предложу выйти за меня замуж, ты...

— Не предлагай.

Она осторожно, стараясь не звякнуть, поставила чашку на блюдце. Постояла, глядя за балкон, туда, где разрастется садик, на черную вскопанную землю. Прошла в комнату — легкая хлопковая занавеска скользнула по плечу, по руке. Оглянулась на затылок Поля: волосы ежиком, крепкая шея. Бросила:

— Спасибо за кофе!

Не шевельнулся.

114

— Я тут у Даля вычитал, что значит «попасть впросак».

Корто вычитал, а она — попала. Поль отыграется, прощай мультстудия.

— Ты вообще знаешь, что такое просак?

— Нет.

Вот встречаешь человека и думаешь: меня ему судьба послала или его — мне? Например, сложится у Воробушка с Катей — значит, для него это было: то, что хозяин книжника, как с неба свалившийся, взял ее, Марину, на работу. Чтобы Альберто пришел дождливым вечером на заморские книжки поглазеть, толкнул стеклянную дверь и налетел на свое будущее. То же с Бернаром: дожидается ее возле школы с листком бумаги (вопросы претенденткам на его руку/сердце). Звонишь девице, задаешь вопрос и переводишь ему ответ. Одна поинтере-

совалась: а почему он в письме не спросит? Ответил: «Так соврать труднее! Переведи». Девица трубку повесила. «Было, что скрывать!» — Бернар достал тетрадку и вычеркнул непокорную. У него тьма желающих, баба с возу. А вот Поль, наоборот, мог бы помочь. Судьба подкинула шанс, а она его упустила.

— Просак — это прядильный станок. Если зацепит волосы или край одежды — скрутит, не выдерешься. Так что впросак лучше не попадать.

— Ага. — Хмыкнула. — Не расписываться, другими словами.

Последнее время отношения натянулись, как веревки в этом прядильном станке. Не дай бог туда — волосами, скальп сорвет.

Денис вернулся к компьютеру.

Марина молчала, сыпала тортилам корм. Солнце било в аквариум.

Прошло минут десять. А может, полчаса.

Внутри моторчик крутился, генерировал беспокойство. Тр-тр-тр, тр-тр-тр...

Денис вдруг присвистнул.

— Что пишут-то... «Вчера, пятого июня, мэр городка Бегль Ноэль Мамэр противозаконно сочетал браком лиц одного пола». — Оглянулся: — Может, тебе с Марьон подженишься? В силу твоих наклонностей?

Марина прошла в коридор. Принялась искать в сумке проездной.

Денис встал, облокотился о косяк:

— Ты не пытаешься бороться.

Проскользнула мимо него в комнату, переворошила бумаги на столе.

— Делай что-то, узнавай. Помогать хочется тем, кто выплыть пытается.

— Чтобы работодатель за меня пороги обивал, я должна быть не-за-ме-ни-мой!

— Стань незаменимой.

Он так спокойно это сказал.

Не было сил оставаться в этих стенах. Выскочила — бог с ним, с проездным.

115

Бродила по городу; стемнело, когда дошла до Монпарнаса. Свет от вывесок заливал улицу. Толпа на роликах — сто, двести человек? — перегородила путь: темные футболки, наколенники, перчатки; ноги переминаются — что там за пробка? Стояла, не осмеливаясь сквозь них просочиться — как ринутся... Потом подумала — а зачем? Обратно пошла.

Беспокойство осело на дно, заглох моторчик.

Ничего внутри: пустая, как в том сне, когда искала мобильный, чтобы маме позвонить, и не находила.

Всплыла фраза: «От тебя света прибавляется в парижской серости». Ерунда это.

Наверно, с Денисом — всё.

Если даже найти деньги на учебу, как оставаться с ним, зная, что он подхватить не пожелал?

И где бы сегодня переночевать?

У Альберто? Ага, выслушивать его «я давно говорил...» и Марьоново «Почему ты на мужика рассчитываешь?». Нет уж. Да и спать у них негде. Разве что на кухне, на столе, калачиком — стол круглый.

Половина одиннадцатого... Шла, держа в руке мобильный, не решаясь набрать номер.

Там есть, хоть и проходная, комната с диваном. Там, может, примут.

И ничего не надо будет объяснять.

Марина остановилась. Статуя наполеоновского маршала Нея, за ней — фонтан с лошадьми, один из ее любимых. Здесь сливаются бульвары Монпарнас и Пор-Руаяль, здесь утопает в зелени «Клозери де Лила», знаменитое кафе, где Хемингуэй писал «Фиесту», Аполлинер ссорился с Мари Лоренсен и куда она, Марина, так и не осмелилась зайти.

Нажала кнопку набора.

Трубка тянула длинные гудки.

— Алло?

Марина вдохнула воздуха — он был теплый, городской, с примесью жженой резины.

— Привет... Поль. Можно у тебя переночевать?

II

IGNIS

1

Она влюбилась в ее голос два года назад. Даже не в голос — в интонации. В покой, который жил в них. Она тогда сдала в школе финальный проект и уволилась из книжника. В поисках летней стажировки разослала по дизайнерским фирмам три десятка резюме, не получила ни одного обнадеживающего ответа и впала в смятение. Дело кончилось увеселительной поездкой по Франции на машине с остановками в кемпингах. В августе она вернулась в Париж и угодила в лапы к Бернару.

Окна у Бернара выходят на парк Монсо, и в квартиру долетают детские крики: мальчишки играют в футбол.

Бернар что-то ищет, передвигаясь мелкими перебежками.

Марина поглядывает в окно на островок зелени. Преподаватель русского из нее никакой, но безвыходная была ситуация, как не согласиться. Теперь с Бернаром приходится штудировать падежи и обзванивать жаждущих брачеваться мамзелей.

Клюешь носом — когда работаешь, как этой ночью, день потом насмарку. И в брюхе пусто, но раньше десяти отсюда не вырваться.

— Нашел!

Хлопнул на стол папку — в ней анкеты мамзелей.

— Лист не переворачивайте, Марина. Там все — телефон, мэйл. Еще перезвоните и наговорите обо мне невесть что.

Сама впряглась!

— Сперва звоним в Екатеринбург, затем урок. А то там уже одиннадцать вечера. Я с девицами из больших городов в переписку не вступаю, но в этой Ксении что-то есть.

— А чем они вам не угодили?

— Претензий много.

Задача усложняется: до тридцати, без ребенка, из провинциального городка. И не дай бог ей ляпнуть, что согласна в Париж переехать, — шансы заполучить славного парня с седыми космами начнут стремиться к нулю.

— Я себя использовать в личных целях не позволю!

Ксения звонку не удивилась, на вопросы отвечала спокойно. В какой-то момент, улыбаясь, спросила: «Много еще?» Марина вернула улыбку: «Я скажу, что вы спешите, и мы как-нибудь перезвоним».

Этот голос что-то задел в ней.

Бернар Ксенией остался доволен:

— Ишь, говорит, ей все равно, где жить. Лишь бы с любимым человеком.

«С тобой, лохматый, с тобой», — раздраженно подумала Марина.

2

У нее прямо мания началась: предупредить девушку из Екатеринбурга — во что она влипнуть может. Пойди предупреди — недаром у Лохматого все под контролем.

— Бернар, помните, мы звонили Ксении?

— А! Я с ней переписываюсь активно. Она мне нравится.

— Вы на каком языке пишете? Она ж...

— На автоматическом переводчике!

— Да? Мы могли бы ей позвонить...

— Я сам буду решать, когда кому звонить. Мне тут подвернулся дешевый билет Париж—Екатеринбург на середину октября. Я взял.

Спасайся кто может.

– С визой столько мороки, Бернар.

– Я ж в турагентстве работаю! – Потер пальцем бровь, распушил. – Скажу ей в последний момент. Сюрприз.

Едва Лохматый исчезает в туалетном отсеке каморки, Марина бросается к папке. Нет, нереально: до верхней полки не дотянуться. Да и листы надо перебирать, телефон переписывать. Вот встает она на стул, вытаскивает папку, открывает ее... Неловкое движение... листы летят на пол, планируя. Дверь туалетного отсека распахивается... Лучше даже не воображать такое.

– Как же ты меня нашла? Я думала, тебе Бернар номер дал.

Два года спустя они сидят с Ксенией на террасе кафе *"Le Valois"* у входа в парк Монсо. До норы Бернара – пять минут, если идти нога за ногу.

– Поль помог. Позвонил и представился работником «Франс Телекома». Говорит: «Вы такого-то числа звонили в Екатеринбург?» Бернар перепугался, ему всюду КГБ мерещится. «Вы не дали отбой, и связь не прервалась. Вам набежало триста пятьдесят четыре евро и семьдесят два цента». Бернар раскудахтался, мол, платить не буду, жалобу подам. А Поль ему отвечает: «Мы узнаем у наших российских коллег, повесил ли трубку ваш собеседник. Какой у него номер?» А ведь Лохматый еще двоим звонил... «не дав отбой»!

– Помню, как ты сообщила: «Это ужасно, он к вам едет!»

– И выяснилось, что они с Франсуа летят одним рейсом...

Франсуа – три месяца как законный супруг Ксении. Он долетел до Екатеринбурга, а Лохматый – нет.

– Не понимаю, почему Бернар на меня позарился. Он же без ребенка невесту выискивал.

– Он спрашивал, есть ли у тебя дети?

– Ну да. Я написала: «Девочка».

Интересно, от смеха может быть сердечный приступ?

– Ксень, он решил, что ты невинна...

Вот откуда оно: «В этой Ксении что-то есть». Решил податься в первопроходцы.

Впрочем, Франсуа тоже не сахар. Скучен, вздорен, бабник. Пасся на «Знакомствах» *mail.ru*: мало-мальски некрокодилистым отправлял *"You are beautiful..."* – и ждал реакции. Еще до Ксении устроил в Москве просмотр в отеле «Марриот»: девицы являлись с разницей в полчаса, из дюжины отобрал одну. Ничем не кончилось: счастливая избранница оказалась взбалмошной, один раз побила даже.

– Ему под шестьдесят, маразм не за горами, сдался он тебе?

Ксения мягко улыбалась:

– Я за ним ухаживать буду.

Ей не привыкать: в Екатеринбурге она ведь медсестрой в больнице работала. Все ж лучше за старцем следить, нежели за копейки вкалывать в террариуме (медперсонал – одни тетки, зме-еи).

– И потом, я молодых не люблю.

Геронтофилия не лечится. Хорошо хоть к Лохматому не приземлилась.

– А про Бернара я все поняла. Отвечала из вежливости, раз в две недели.

Это у него называлось бурной перепиской. Живо он ее прекратил, узнав о наличии двенадцатилетней дочери. «Надуть хотела! Меня не проведешь!»

Франсуа Ксенину дочь принял, хотя у него своя была, в два раза старше, – три года назад уехала Америку завоевывать, выкрасившись в блондинку. Папу рассматривала как дойную корову, и любовь к нему у нее шла морскими волнами: прилив начинался перед вопросом о денежном вливании. В остальное время наблюдался отлив, высохшие медузы и автоответчик на телефоне.

– Эта акула нас с Женькой съест. – Ксеня махнула рукой худой девчонке в переднике, и Марина выкрикнула: «Еще два кофе, пожалуйста!» – Франсуа надумал квартиру покупать, и она паникует, что папенька русскую жену в собственники запишет.

Пока что семейство – старец, Ксеня и Женя – обреталось в трехкомнатной съемной квартире неподалеку от парка Монсо

по соседству с турагентством, где работал Бернар и где Франсуа некогда приобрел выгодный билет. Мир маленький.

На сто квадратов под Парижем у Франсуа по сусекам наскребалось — несмотря на то что он околачивал груши на пенсии. Вернее, это не пенсия была, а такая форма избавления от бесполезного сотрудника: он получал половину от зарплаты и в офис не допускался. Но эта половина была пожирнее, чем среднее жалованье рядового труженика. Работал на оборону, ну понятно.

Когда Ксеня о нем говорила, у нее теплели глаза. Был он пивнобрюший, с залысинами, то и дело вытирал лицо бумажным носовым платком. Быстро раздражался. Выводил в парк кота на вязаном поводке, сам в пиджаке и при галстуке. Пиджак на пузе едва сходился, и от пуговиц шли «гусиные лапки».

— За что ты его любишь-то?

— Он добрый. И к Женьке хорошо относится. Так ты с Бернаром уже не общаешься?

Марина отрицательно помотала головой.

3

За полтора года уроки сошли на нет. Невесту Бернар себе так и не подобрал («Русские слишком многого хотят!») и перекинулся на азиаток. В два счета нашел филиппинку без претензий. За эквивалент сорока евро в месяц бедняжка сидела на кассе по двенадцать часов в сутки в своих филиппиньих краях. Какие тут претензии.

Почему Марина согласилась эти уроки давать? Спала на диванчике у Поля, когда позвонил Бернар и сообщил, что подойдет к школе в обед, срочно надо двух кандидаток на чистую воду вывести. Тут она ему и заявила: «Ищите другого переводчика, уезжаю, денег нет на учебу». «Как это? Вы мне нужны! — забеспокоился Бернар. — Я не могу абы кого просить этим делом заниматься! — и понизив голос: — Никому нельзя доверять. Да и кто согласится?!» Иными словами, где еще такую дуру найдешь.

Деньги на счет школы он перечислил, оттащив Марину к нотариусу. Она обязывалась по льготной цене давать ему уроки русского, сопровождавшиеся телефонными опросами и толкованием эпистолярных опусов претенденток. Тетки так и сыпали словами, от которых автоматический переводчик дурел; добавить к этому тьму опечаток и грамматических ошибок: «У нас в жэке седят такие пеньки, радилюбой фитюльки надо перд ними задом вертеть, такк они хвост разпушт, а ничего не зделают, потомучто не соображают».

— Марина, посмотрите. Там что-то про пни, зад и хвост. Что такое жэк? Это типа Булонского леса? А *futilka? Femme futile?* Почему она пишет о проституции? Меня не проведешь, — добавлял он неуверенно.

Наверняка это слово — «фитюлька» — пошло от французского *"futile"*, «пустячный». *Femme futile* — женщина, интереса не представляющая. Такие по ночам в жэке зад среди пней демонстрируют, нетерпеливо дергая хвостом. Зачем об этом писать кандидату в супруги? Подвох. Вычеркиваем.

Ясно, Бернар выложил только часть требовавшейся суммы. Тысяча у нее была, столько же наскреб Корто, плюс пришлось залезть в долг к Полю. Даже Воробушек пять сотен отсчитал, тяжело вздохнув. С мира по евро — голому вид на жительство.

После ее ночной отлучки Денис съездил в супермаркет и привез все, что она любила: шоколадку с орехами и изюмом, крабовые палочки, плавленый сыр *"La vache qui rit"*, грушевый сок в бутылке, бочоночек светлого меда *"Miel de Bretagne"* — Маринка втыкала в твердую массу чайную ложку, проворачивала и совала за щеку: сладкой горкой — к щеке, гладкой пузатостью ложки — к зубам. В ту ночь он лег спать — протянул руку, а рядом пустое место, прохладное. Мобильный у Маринки был отключен, но где же ей остаться, как не у Марьон. Думал Воробью набрать, поинтересоваться, как проходит процесс нытья, — не стал. Образ отморозка уже сформирован, зачем портить людям приятный вечер с мытьем костей.

4

Маринка заявилась на другой день к вечеру: видать, Марьон не пожелала хныканье долго терпеть. Двое суток молчала, что твоя тортила, потом попросила денег, гордо: взаймы.

Два года с тех пор прошло, она на четвертом курсе отучилась и на пятый пошла — в два раза дешевле стоил; монеты за щеку она отложила. Стала рассчитывать только на себя — и больше никаких препираний, заломленных рук и ночевок на стороне. Всем хорошо.

Хотя нет, дома она частенько не ночует: работает. Оттуда идет на учебу, после может к Сенбернару зарулить: падежами его пичкать и ахинею переводить, что шлют жаждущие свалить за бугор дамцы. Домой заявляется и падает. С таким режимом за год до колумбария доходят. Зато самостоятельность, молодец. Хотел бы, чтобы она дома ночевала, но пусть строит свою жизнь, как желает.

Правда, прошлой осенью она исчезла основательно. Не сразу спохватился.

5

На работе — красота: сиди, занимайся своими делами. Как нашла ее? Да случай, хотя не бывает ведь случаев.

Жоэль посоветовал дантиста на авеню Пармантье, недалеко от бульвара Ришар-Ленуар. Залечив зуб, решила к Воробушку забежать. Дорогу спросить не у кого было: пустая улица — жара, начало августа. Зашла в отельчик.

У входа стояли двое, тетка в розовом платье и мужичок в шортах, переговаривались.

— Вечно никого нет, сказано тебе — бери с собой ключ!

— Вот и бери сама. Я не собираюсь с оттопыренным карманом ходить!

— Простите, вы русские...

Эти двое и рассказали: пять дней тут живут — на вахте или хозяйка восседает, или парень кудрявый, красавчик. Похоже, им человек нужен.

Распорядок такой: приходишь к семи вечера; сидишь, ключи выдаешь. У хозяйки с мужем квартира при отеле, так что с гостями надо поосторожнее. Туристы шастают до часу, потом можно закрывать дверь и спать укладываться на матрасе, который на пол кладешь. Но найдутся такие, что притащатся среди ночи: не отпускают кнопку звонка, это как перфоратором в мозги. Срываешься с матраса, заплетаясь ногами, скачешь к двери. Некоторые — одинокие — поболтать норовят, тихий ужас. Пока избавишься — сон прошел. Ложишься, потихоньку засыпаешь — часа на два-три: между пятью и шестью привозят круассаны к завтраку. Относишь ароматную коробку на кухню и снова — под одеяло. В половине седьмого встаешь, как зомби, кофе готовишь, чашки расставляешь, сахар-масло-мармелад. Важно не забыть снять с веревок полотенца, что в подсобке сушатся, и сложить аккуратно стопкой. Всё. В семь вахту сдаешь. Тут-то и проблема: в школе первое занятие только в девять.

Если силы есть — весной и летом, — можно пройтись по утреннему Парижу: светло, нежарко, из булочных тянет свежим хлебом, этот запах будто говорит тебе: «Привет, ты сегодня в городе? Я тоже...» — он уже и не запах, а твой старый знакомый — остановишься, вдохнешь, дальше идешь. Или в метро в переходе наткнешься на лавочку *"Bonne journée"* — обдаст горьковатой кофейной волной, а за ней вторая катится — выпечка.

Но под землю в такие утра не хочется. Марина выбирает кафе на тихой улочке; сядет на террасе так, чтобы солнце падало на круглый столик, возьмет в руки чашку с капучино — может же она себе позволить не микроскопический эспрессо на два глотка, а большую горячую чашку с белой пенной шапкой, которую так приятно поддеть кончиком языка? Говорят, этот кофе со взбитым молоком придумали монахи-капуцины: мало было у них земных радостей, так хоть кофейку попить достойного. Кстати, капуцинами они звались, потому что в капюшонах ходили, таких, островерхих, *"cappuccini"* по-итальянски. Так вот и кофе у них с капюшоном был.

Сидишь ранним утром, ложкой молочный капюшон ешь. Уши заткнуты какой-нибудь французской музыкой — чаще Далидой, — щуришься, радуешься жизни. В сон клонить только уже в школе начнет. Зато независимой себя чувствуешь.

6

Поморщилась, отправив в рот кусочек «Манстера». После трех лет жизни во Франции пора бы перенять традиции, так нет: мягкий сыр у нее — «вонючий», «к зубам клеится». И вино: то «кислое», то «терпкое», то «запах странный». Злости не хватает! Притащил сыр к ней на работу, не отвертится.

Надоела эта игра в дружбу. Когда от своего мужика едва не сбежала, позвонила: «Поль, можно у тебя переночевать?» Возликовал. А напрасно. У нее с этим Денисом удаво-кроличья связь, до смерти, что называется. До смерти кролика, понятно. А кто здесь кролик, догадаться не трудно.

Надо же, этот тип расписался-таки с ней! Сломался под нажимом. Про нажим она сама рассказала, неохотно. Когда третий год учебы пошел, отступать стало некуда, не учиться же вечно, потому что мсье не желает брать на себя обязательства. Ей ее кошмарики опять начали сниться, она такая... тревожная барышня. То ли домой возвращаться не хотела, то ли удав окончательно загипнотизировал. Началась у нее, как в прошлый раз, паника.

А еще она подружку завела русскую, та ходит в невестах после полугода переписки на общие темы с помощью автоматического переводчика. Обидно.

Ну и решила она от этого Дениса уйти, «теперь по-настоящему». С Ксенией своей договорилась, что поживет у Франсуа. Ксения собирала документы на брак, должна была ехать в Россию. Но не оставила подругу на улице, бывают же такие женщины. Не посмотрела на то, что Франсуа при виде юбки вываливает язык и тяжело дышит.

Для начала Марина взяла в отеле три вахты подряд. Мобильный отключила. На третий вечер удав спохватился, при-

полз. Выяснение отношений прямо у стойки произошло, две азиатки приняли их за французскую пару без комплексов, впечатлились – у них в Японии умри, но чувств не выдай.

В результате удав сдал позиции, заявил, что никогда не был против брачных уз и вскользь поинтересовался, нельзя ли ей сделать рабочую визу с помощью отеля. На вопрос «Я тут незаменимый специалист?» не нашелся, как ответить.

На свадьбу не пригласила – да и не пошел бы. Потом выяснилось: не было свадьбы. Сходили в мэрию, и Марина в отель поехала, ее смена была.

Так хотел с ней – выйти из церкви, а гости рис кидают, улыбки, музыка, дети бегают, девочки в белых платьицах. Вечером – ужин, длинные столы с крахмальными скатертями: молочный поросенок, лангустины, омары, крабы, гребешки, шушен, бретонский кир, и это – конечно, в родном Сен-Мало, с запахом морских водорослей и под низким серым небом – встанешь на мыски и дотянешься. Мама с отцом приняли бы ее как дочь. Нет, она предпочла удава. И брачная ночь у них была – у каждого своя, персональная. Удав – дома, она – на гостиничном матрасе. На такое только в гипнотическом мареве пойти можно.

7

Катю в Альберто раздражало все. Его кухонные посиделки с Мариной; то, что он не работал (тоже, мужик!); его нытье про жизнь в деревне (у нее самой дача на берегу Волги, и что?); постоянная экономия – в рестораны ни ногой, отовариваться – так в дешевых магазинах. А пианино! Сказала – не повезу же я свое из Новочебоксарска, давай покупай. Затянул песню: в деревне... у соседа... по дешевке... когда переедем... Да не переедем. И пианино нужно сейчас, здесь. Тане надо заниматься. И на танцы Таню неплохо бы записать. А чай! Недопитый чай с молоком, что он сливал в кастрюльку на потом, пока скандал не устроила! А как он побежал выяснять, почему на кукле одна цена, а в кассе выби-

ли другую! А его манера говорить и жестикулировать! Заявил, что это у него в генах от папы-итальянца. Раз-дра-жа-ет.

Да, еще разборки с его жилицей. Противная девица такая, нос в потолок. Раскудахталась, когда Альберто жениться собрался — мол, зачем спешишь. Явно боялась комнаты лишиться. Так он пообещал ей, что после свадьбы не выселит! Оправдывался тем, что Марьонке идти некуда, да и доход. Шел бы работать, доход.

С дочкой у Альберто отношения не сложились. Когда он приехал в Новочебоксарск, Таня до последнего оборону держала: «Не трогай мою маму!» До истерик доходило: падала на пол, каталась, визжала — уши закладывало. Сперва это трогало, потом уже нет. Но потихоньку она к нему привыкла. Переехали в Париж — тут всё его, все «по-евойному» разговаривают, она и присмирела. К тому же он ей книжки читает, истории рассказывает, играют они. А однажды он долго не возвращался, и Таньке вдруг взбрело в голову, что он не придет. Повалилась на пол, начала реветь. Нет, еще не хватало, чтобы она чужого человека больше матери любила! Было самое время пыл охладить. Это просто делается... ребенок ведь всему верит. А этот-то никак понять не мог, что с девочкой происходит. Да все то же, что двадцать лет назад происходило, когда мама выживала отца из дому, потому что ее, Катю, делить с ним не хотела. А потом она, Катя, выжила материного ухажера дядю Володю. В семье по женской линии все Раки да Скорпионы, вцепятся клешней, так намертво. Матери в дочек вцеплялись, а дочки — в матерей.

Четыре года надо с Альберто прокантоваться: дадут десятилетний вид на жительство, если подсуетиться, и можно на развод подавать — девчонки на языковых курсах объяснили. Впрочем, чего с ним не жить, квартира хорошая, ребенком занимается. Отвоевала себе отдельную комнату, с камином. Танька спит в бывшей Марьонкиной. У Альберто тоже есть персональная конура, так что все довольны или делают вид, что довольны. Ночью он регулярно приходит, на полчаса-час. В постели он слишком внимательный. Нет, не мужик.

8

Теперь внутри было тихо. Будто прошел дождь с градом, ветер, ураган — все прошло. Эти идиотские сны больше не возвращались. Он не захотел ее терять, Корто. Он ее любил. В мэрию отправились в джинсах; свидетелями были Марьон и Воробушек. Марьон принесла хорошенький букетик из роз и листьев, получилось как и правда на свадьбе. Дома открыли бутылку шампанского и разъехались.

Это длилось. *Это* стало еще ценнее — когда он пошел на то, на что не хотел идти. *Это*: нырнешь под одеяло, прижмешься. Мало. Положишь голову в ложбинку, где ключица, — хмыкает: тебе ж неудобно. Ну и что. Зато близко.

И любовью с ним заниматься хорошо. И держать его, засыпая, за запястье. Думаешь: и за что мне счастье такое? А тут мысль привязалась: если со мной какая беда случится, останется он рядом, с его цинизмом? Читала в Интернете: молодую женщину сбил автобус — она оказалась в инвалидной коляске, навсегда. И муж (тридцать пять лет, жизнь впереди) ее не оставил. Прочла — спазм в горле: глотаешь, а не глотается. Спрашиваешь себя: он насовсем с ней остался или так, поначалу? Какое мужество нужно, чтобы — насовсем...

9

— У меня в отеле хозяйка еще человека ищет. Не хочешь пойти?

Ксеня отмахивается:

— Франсуа не согласится, чтобы я не дома ночевала.

— Подозрения замучают?

— Один спать не хочет. И подозрения. На свадьбе сказал брату: «Я на этот брак надежд не возлагаю».

Когда тридцать лет разницы с невестой, какие уж надежды.

— Обидно, он ведь в мои чувства не верит. Родственники напели, что русская зарится на его состояние.

— И ждет не дождется, пока он в ящик сыграет.

— Марина! Не говори так!

— Это не я говорю, это Корто.

Денис мимо истории с Франсуа пройти не смог. Причем объект его насмешек — не старец, а Ксеня: «Ежу ясно, что торчать с маман и отпрыском в клетушке на окраине Екатеринбурга не так забавно, как в девяноста метрах с видом на парк Монсо. Да и присмиревший (временно, временно!) ловелас кашляет так, что явно метит туда, где воздух чище и ангелы роятся».

Странно, но Ксеня на Корто не обижается. Он ей симпатичен.

— Видишь, и у Дениса такое же впечатление. А я ведь Франсуа люблю. Хотя и не верю ему. Не *меня* он искал, а просто — молодую и веселую.

Марина хмыкает:

— Как можно любить того, кому не веришь?

Ксения поднимает на Марину спокойные глаза.

— Ты это лучше меня знаешь.

10

Короткий звонок — издалека, из другой Вселенной. Звякнуло деликатно. Потом снова. Марина села на матрасе, не соображая — то ли послышалось, то ли приснилось, то ли и правда надо идти открывать. Без четверти два, заснула недавно, противно вот так из сна выпадать.

За дверью маялись две фигуры.

— Простите, я вас, кажется, разбудил.

Провела ладонью по лицу:

— Ничего.

— Мы хотели узнать... у вас есть свободная комната? На одного?

Вид респектабельный, а комнату на одного просят.

— У нас не положено...

Секундное замешательство.

— Нет, нет, нет — замахал руками, — это для мсье, — кивнул на товарища. — А есть с окнами во двор?

Пока оформляла, они стояли у стойки, разговаривали. Тип, который оставался на ночь, плотный лысый бородач, сказал, что завтра переедет в отель в Везинэ с забавным названием «Таверна Трех Ступенек». По документам он числился проживающим в Каннах.

Бородач ушел — шумно зевал, поднимаясь по лестнице. А тот, другой, продолжал топтаться у стойки.

— Мы ужинали в «Бофинже» — знаете ресторан «Бофинже», возле Бастилии? А потом я не в ту сторону вырулил. Мсье, — кивнул на лестницу, — чуть не заснул над тарелкой. — Изобразил посапывающего Бородача. — Самолет, весь день работа, плюс вина выпили. Я заметил ваш отель и подумал: пусть тут переночует, у него все равно завтра дела в городе.

Мелькнула мысль: зачем он это говорит? Опять сон прошел.

— Так что простите за беспокойство... Вы, наверно, студентка, утром — на учебу...

Марина пожала плечами:

— Клиенты и в три ночи возвращаются. — Улыбнулась: — Какая учеба в августе?

Когда этот человек замолкает, в нем что-то меняется. Но вообще-то он не замолкает.

— И верно! А на кого учитесь?

— На графического дизайнера. Отучилась, работу ищу.

— Найдете! Это невероятно интересно... А что за школа была?

— «Креаполь».

— Ммм...

— В метро, может, видели афишу — бульдог держит в зубах перо.

— Я не езжу на метро. Простите...

Искреннее «простите»; не прозвучало как «Я вот такой весь из себя бизнесмен. Сдохну в пробке, но в подземку не полезу».

Секундное замешательство.

— Я пойду, спасибо вам.

— Пожалуйста, — Марина встала.

Взялся за ручку двери:

— Обещайте мгновенно заснуть. Иначе у меня будут муки совести.

11

Откуда только она свои завиральные идеи берет. Всегда говорил: у тебя в голове два одиноких нейрона как встретятся после долгой разлуки, сразу какую-нибудь ересь на радостях выдадут. Вот свеженькое: «А если меня автобус переедет, ты со мной не останешься?» То ли утвердительно, то ли со знаком вопроса. Поинтересовался: «А ты? Если автобус выберет меня?» С этими автобусами никогда не поймешь — кого им надо. Говорит: «Я — останусь», весомо так. Иными словами — «А ты — нет. Отморозок». И такой во всем этом скромный трагизм, прямо чуть было не прослезился.

Видать, ее разобрало оттого, что про книгу ей рассказал, *"The Selfish Gene"* — «Эгоистичный ген» Ричарда Докинза. Книжка семьдесят шестого года, но вечно актуальная; биологу ее грех не знать. В свое время именно благодаря ей определил свои позиции — мозги здорово на место ставит. В двух словах: Докинз выдвинул теорию, что люди — лишь живые сосуды для разумных генов и служат единственной цели — выживанию этих спиралей. А чтобы выжить, гены запрограммировали в человеке эгоизм. И не только в человеке. Птица вовсе не из солидарности предупреждает стаю о приближении хищника — если всех сожрут, одна она не выживет. Газель, завидев льва, начинает подпрыгивать на месте, подавая сигнал сородичам — стоттинг это называется. Можно подумать, что она сдуру привлекает внимание левы. Ничего подобного. В переводе с газельего звучит это так: «Видишь, какая я сильная и ловкая, за мной погонишься — останешься без ужина. Советую присмотреться к соседке...» Гены, детерминируя способность к высоким прыжкам, спасают себя (газель им до лампочки) от зна-

комства с клыками и когтями. Им же еще реплицироваться и реплицироваться.

Кстати, насчет репликации, размножения. Маринка все поминает фразу, когда-то сказанную: «Будь у тебя ребенок, я бы с тобой не связался». Нежелание вешать себе на шею чужого отпрыска — нормальная генная реакция. Вот зачем нужен процесс ухаживания за самкой? А не позволить ей навязать тебе готового зародыша. У мышей, например, самец секретирует вещество, запах которого вызывает выкидыш. Глупо чужим генам зеленый свет давать. К прочему, ген подбивает родителя скидывать на партнера жизнеобеспечение детеныша, чтобы сэкономить силы на следующую репликацию. И кончается тем, что «бессмертные спирали избавляются от бесконечной вереницы смертных тел, медленно шествуя каждая к своей собственной вечности». Красиво сказано.

Так что все эти душевные метания, страсти и прочая эмоциональная лабуда довольно смешны с точки зрения биологии. Впрочем, по Докинзу, хомо сапиенс обязан взбунтоваться против эгоистичного гена, удариться в альтруизм и начать подставлять зад под удары судьбы и отдельных индивидуумов. Так сказать, двинуть по стопам матери Терезы. Вот только оная мать была миллионершей, а миллионы очень хорошо зад прикрывают, альтруистничай на здоровье.

А что до стенаний про приятие отпрыска от другого самца, Маринке бы задуматься: она-то повесила бы на себя детеныша другой самки? То-то и оно.

12

С Воробушком почти перестали видеться из-за Кати. Иногда пересекались в городе, зачастую в «Макдоналдсе» на «Аустерлице». Воробушек говорил: «Ты поешь, я сыт вон как!» — и для наглядности гладил живот. Марина шла за гамбургером: «Тебе взять?» Воробушек колебался, кивал: «Ну давай. Я деньги потом отдам». Потом не наступало.

Он окончательно пал духом и сейчас особенно походил на грустную мокрую птичку. Катя строила его так, что он даже решил пойти работать — лишь бы из дома сбежать. И виновата была она, Марина.

— Ну кто тебя жениться-то просил? Так сразу?

— Я семью хотел... Заботиться о ком-то...

— Ну вот теперь и заботься! Добро еще, если бы влюбился.

Какая там любовь... Просто Катя так себя ставила, так всем давала понять, с кем дело имеют, что многие верили — эта девушка достойна отпрыска нефтяного магната. А прочие пусть почтут за честь. И Воробушек почел. Счастливый носился, документы на брак собирал. Такая женщина дала ему согласие! Ну дурак, дурак.

— Я ведь думала — лучше пусть наша Катька, чем какая-нибудь акула, что тебя использует и бросит.

— А мне кажется, что Катка и есть та акула...

Альберто звал Катю — *Katka*, с ударением на последний слог.

— Я тебе сказал по телефону: «Привиет, ета Вобушек!» А Катка заявила: «Нормальный мужик себя воробьем не назовет». Не мужик я для нее, понимаешь?

Альберто с тоской посмотрел в окно. А для кого он — мужик? Для Ольги из Могилева? Для Вероники? Дом своими руками выстроил, а все не мужик. Недавно Мартенам звонил... девчоночки у Вероники растут, вот ведь радость. А Катка больше рожать не желает.

— Ладно. — Воробушек свистнул трубочкой, охотясь на последние капли «Спрайта». — Твоя мама ведь приезжала...

Маму удалось поселить со скидкой в «Акации». Корто дал понять, что не собирается провести полмесяца как сельдь в банке. Трогательно, что Воробушек помнит.

— Ей понравилось. Мы когда гуляли, я ей — про архитектуру, а она мне — про отца. Волны дерьма докатились через три тысячи километров. Но ей выговориться надо было...

— С Денисом познакомила?

А как же. Встреча-проводы плюс поездка в Шамбор, знаменитый замок на Луаре (Корто не отвертелся). В дороге мама

принялась задавать каверзные вопросы. «Денис, вы ищете стабильную работу?» Или: «А вы планируете рождение детей?» Или: «Почему бы вам не позаботиться об увеличении жилплощади?» Дружба не сложилась.

После посиделок Воробушек оживал, распушал перышки. И пропадал. Надолго.

13

Бородач из отеля не съехал. Обрадовался, обнаружив Марину за стойкой:

— О, моя спасительница! Как дела? — Провел ладонью по лысине. — Почему в номере нет фена?

Той ночью у Бородача случилось расстройство желудка. И сутки он из комнаты не высовывался.

— Я не стал переезжать, завтра уже домой. Тут симпатично, и кофе хороший. — Потряс пачкой мокрых листов. — Пролил воду из графина на бумаги. Хочу посушить.

— Давайте.

Через полчаса Бородач брякнул ключ на стойку:

— А где...

Марина кивнула на подсобку:

— Сушу.

Развесила листы на веревке, на прищепках, начала водить по ним феном, но отвлеклась на звонок.

— Да вы идите, на обратном пути захватите.

Бородач перегнулся через стойку:

— Не знаю, стоит ли идти. Ужинать придется, а я ни вчера, ни сегодня ничего не ел. Только кофе пил. Мне пока... как-то еще не по себе.

— Ну выпейте кофе с тем, с кем у вас встреча, да и все.

— Все с тем же. Кормить будет... — у Бородача мелькнуло в глазах отчаяние.

Верно: когда кормят, надо есть. Даже если опасно.

14

Кругом одно вранье. Маринка — как слепая: в упор, и то не видит, защищает свою подружку с пеной у рта. Подружка выскочила за старпера и уверяет, что будет с ним возиться до одра смертного, увлекательное занятие. Старпер неадекватен, жрет таблетки, у него «умственная болезнь». От таблеток он вечно полусонный, глаза прикрыты, в щели — потухший взгляд. Как его на работе держали, непонятно. Выслуга лет, не иначе.

И этот овощ умудрялся чатиться с тьмой российских мамзелей. Хотя неудивительно: мамзели жаждали квадратных метров на Елисейских Полях. Были бы метры, любовь приложится (на стороне). Кстати, с ними-то, квадратными, у него все в порядке. Ксения это быстро просекла, а чем он овощнее, тем ей проще. Дитятко у нее с осени в приличную школу пойдет, овощ подсуетился, глаза временно раскрыл, Вий такой. «Поднимите мне веки, я школу выберу». Теперь катят баллоны на дочь Вия. «Мы ее хотели любить, а она нас ненавидит». О какой любви вы говорите, непрошеные? Вий того и гляди с веками не справится, пачки купюр метили дочке в карман. Сейчас же опасность налицо. Папочка примет горсть таблеток и в беспамятстве отпишет молодой жене *всё*. Ныне семейство мучает вопрос: на кого он оформит купленную квартиру?

Но Вий тоже не промах. Брачный контракт заключил (Ксения, понятно, не хотела, домой грозилась уехать), ничего ей не должен, выползает шопинговать под ручку с молодой женой, красота. Продавщицы жену за дочь принимают, комплименты отвешивают, но тут самое время приспустить веки: ушел в себя, не слышу, ну да, еще и глухой, вам-то что? А ведь тоже про «амур» поет. Все хорошо устроились.

Что до Воробья, так он идиот. Давно эту Катю надо было в Новочебоксарск откомандировать. Но контракт-то он ей предложить не посмел, струсил. Теперь дрожит за свое барахло. Господи, да она сама его боится. Он как примется адвокатом ей угрожать, она ему есть готовить начинает. Высокие отношения.

А Маринка... ведь добилась-таки своего, упорная. Студенческую «сежурку» — вид на жительство — сменила на семейную, и в доме идиллия наступила. Правда, самое время ей закончиться: три года, как сошлись, а именно на этот срок гены модифицируют активность неких зон в черепушке — у народа это любовью называется. Любой нейробиолог подтвердит — затем «чуйства» на нет сходят: генетическая программа предполагает, что особи с зачатием не тянули, и детеныш уже достаточно самостоятелен, чтобы обходиться одним родителем — второй может идти дальше размножаться. Всё в этом мире служит целям эволюции, генам на человеческие эмоции наплевать.

И подсознательно ждешь, что Маринка окажется как все.

15

Бородач опять явился в сопровождении своего приятеля.

— Пришли пораньше, чтобы вас не будить. (Это приятель.)

— И потом, у меня рано утром самолет. Кстати, закажите такси до Орли на половину восьмого. (Это Бородач.)

Второй вариант больше похож на правду.

Трогательная сцена прощания, и Бородач отчалил в номер. Его приятель развел руками:

— Горюн прекрасный человек, но думает только о себе. А я действительно следил за временем.

— Мило с вашей стороны. — Марина помолчала. — Странное имя Горюн...

Стал чуть другим, будто краски добавили:

— Он армянин, но родился во Франции. Знаете, что означает «горюн» по-армянски? Львенок.

Марина фыркнула:

— Что-то у Львенка грива на подбородок сползла...

Завязалась дискуссия о львах, облысении, армянах и эмиграции. Выяснилось, что Львенок — клиент, а не приятель. «Я написал бухгалтерскую программу и продаю ее. Плюс гарантийное

обслуживание. У Горюна уже полгода программа стоит, а он до сих пор меня вопросами засыпает. Вот только...»

– Вот только вы что-то не то съели, не до вопросов стало.

Засмеялись.

– Уточню: это «что-то» он съел один. – Сунул руку в карман, достал бумажный носовой платок. – Меня Ноэль зовут. Ноэль, как праздник. Я родился в Рождество.

Праздник Рождества по-французски – *"Noël"*. Но есть и имя такое. «Ноэль, как праздник» – звонко прозвучало.

– Я Марина.

– Марина? – Ноэль не донес платок до носа. – Вы русская? Моя дочь тоже русская, наполовину.

– Надо же, совпадение.

– Марина, совпадений не бывает, есть закономерности, которые мы не умеем вычислить. Будто вы не знаете.

Подняла глаза:

– Знаю.

16

На этом «знаю» что-то щелкнуло, как если бы ключ в замке повернулся. Нет, совпадений не бывает, случайные встречи неслучайны, разверни трубочку ушей и услышишь шепот мироздания. А разве случаен был дождь промозглым вечером, когда ты промочила ноги и потому вернулась домой раньше, чем мама заметила опрокинутую котом вазу? Красные цветы на паркете заворожили, ты достала альбом – осторожно, чтобы не спугнуть саму себя. Ведь уже месяц как не рисуется, у тебя кризис, пусто внутри. И вдруг полно стало. Наутро ты распахнула альбом – получилось ли? – да! здорово! И от этого радость, ты выходишь из дома, ты улыбаешься, у тебя живые глаза. «Тойота» с правым рулем едет навстречу вдоль тротуара, тормозит: «Вас подбросить?» – «Вам же в другую сторону». – «Развернусь!» Так и познакомились с Вадимом. И было столько хорошего. А не случись в Новочебоксарске дождь, не поехала бы Марина Воронцова

учиться на деньги этого Вадима, не встретила бы своего Дениса, не бродила бы по улочкам со сказочными названиями и сейчас не сидела бы напротив человека, который говорит ее словами.

Корто ничего этого не понимал. Комментировал: «У каждого психа своя программа».

Произнесла «знаю», и зазвонил телефон. Марьон.

— Простите...

Марьон отучилась год и исчезла. Так и выяснилось: не были они подругами. Теперь ей книги понадобились, забытые у Воробушка.

— Альберто дома никогда нет. Дай мне его мобильный.

— Не иначе как Катя его в подвал выселила...

Марьон хмыкнула:

— Незадача. В подвале мобила наверняка не ловит.

Ноэль начал дрейфовать к выходу. Но Марьон записала номер и попрощалась.

— Может, вы поняли — друг неосмотрительно женился...

Отошел от двери:

— Ну, с кем не бывало. А ваша подруга...

— Она мне не подруга.

Откровения с посторонним иной раз позволяют от занозы избавиться.

— Она... она мне много помогала, и я хотела тоже что-то для нее делать. Но она сильная, не нуждается ни в ком. Не сумела я с ней сблизиться. Хотя мечтала быть на нее похожей.

— Надо быть похожей на себя. — Ноэль смотрел в глаза, и Марина заметила — у него теплый взгляд. — Но это труднее всего.

— Да... — Марина помолчала. — Знаете, я пыталась... не только с ней пыталась сойтись здесь. Но они другие, француженки. А вот я как-то познакомилась с итальянкой — ее звали Джулия, она училась на русском отделении Сорбонны. Мы мгновенно сошлись! Она была... будто родная. Я так жалела, когда Джулия уехала.

Ноэль улыбнулся:

– Говорят, итальянцы – это комическая копия русских, а русские – трагическая копия итальянцев.

С ним легко, но это не поверхностная французская легкость. Может, дело во взгляде – не оценивающем, просто теплом.

И вдруг все разбилось. Вошли двое, он и она, пузатые, в футболках и хлопковых штанах. С тремя большими чемоданами на колесиках.

– *Hi, we've got a room reserved, name should be Weatherman.*

Ноэль посмотрел на часы:

– Уже полночь. Я пойду...

Марина кивнула, и Ноэль взялся за ручку двери. Странно так – раз, и ушел на полуслове.

– *Give me a second.*

Спустилась из-за стойки, обошла пузатых.

– Спасибо.

– За что? Я опять вам спать не даю.

– Тут поспишь, – оглянулась на пузатых, листавших рекламные проспекты. – Спасибо. С вами удивительно легко.

Ноэль улыбнулся, потянул дверь на себя:

– Может, потому, что я итальянец?

17

– Корто, мы никуда не ходим. Ты загипнотизирован компьютером.

Вешал на стену фотографию гигантской черепахи: у Тибидоха на халяву распечатал в большом формате на глянцевой бумаге. Кнопки туго входили.

– Корто! Даже не слушаешь!

Последняя кнопка легко вошла почему-то.

– Это самая старая тортила в мире.

– Давай пойдем куда-нибудь. Я или в отеле торчу, или дома отсыпаюсь. Зачем только училась?

– Наверно, чтобы «сежурку» продлевать.

– А что мне оставалось делать?

— Тортила сдохла в Калькуттском зоопарке пять месяцев назад. Ей было двести пятьдесят пять лет.

Здоровенная тварь. Панцирь похож на каску пехотинца, полгода совавшего голову в пекло.

— Ее звали Адвайтия, в переводе — Единственная.

Маринка начала комедию ломать — улеглась на кровать, отвернулась.

— Тебе плевать на меня, Корто.

— Да ты что! Ты ж моя Адвайтия...

Живо оглянулась:

— Не нашел ничего лучше, чем сравнить со сдохшей уродской черепахой!

— Я ж в том смысле, что — Единственная. Чувство юмора отшибло?

Опять отвернулась.

— Мы пойдем куда-нибудь сегодня или нет?

— Куда ты собралась?

— Не знаю. Вон из дома.

Что она забыла в пыльном городе среди бела дня, по августовской жаре?

— Когда будешь знать, донеси информацию. А мне для Тибидоха надо кое-что сделать. Да, и учитывай, что у меня в машине кондиционера нет.

Передразнила:

— «У меня в машине»! «У меня в квартире»!

— Ну да. Машина существовала до твоего появления. — Хмыкнул. — Квартира тоже.

Через полчаса Маринке надоело корчить обиженную, и она ушла к себе за аквариум, что-то там рисовала, делом занялась. Потом ей позвонила Ксения — сеанс связи на полтора часа, запершись в ванной. Похоже, Овоща будут варить живьем. Ксения то и дело звонит, жалуется. Подробности неизвестны, но слышал краем уха, что Овощ выкрикивал: «Фиг тебе французское гражданство, домой поедешь» — и швырялся предметами домашнего обихода. Нервный он какой-то. Ну и поедет. В Ека-

теринбурге люди нормально живут, большой город, столица Урала. Лезут сюда такие, типа Ксении: дома не пробились, так здесь «дорогу грудью проложим себе». Правда, многое от размера груди зависит. После виртуальной расправы над Овощем Маринка ожила, взялась ужин готовить. За едой «Код да Винчи» с Одри Тоту посмотрели, скачал на днях. Так себе фильмец, да и роман не лучше.

18

В память запала фраза, что Воробушек у Маркеса вычитал: «Худший способ скучать по человеку — это быть с ним и понимать, что он никогда не будет твоим». Может, это и держало: он не твой, он ничей. Придешь с ним в компанию, где все парочками, сравнение напрашивается... Как если бы собрались собачницы: у кого болонка лохматая, у кого мопс будто мордой в стену въехал; вон там — шпиц рыжеет, присел посреди дороги, тут — пудель-гей с фигурной стрижкой; у кого-то на руках сидит нечто тощее, дрожит. А ты с волком пришла.

И все в ужасе, а тебе нравится именно с волком. И когда он трется головой о коленку — такая ласка в десять раз дороже собачьей. Правда, есть вероятность, что волк просто чешет ухо.

Может, она и скучала по Денису худшим из способов. Но другого не хотелось.

19

С началом сентября в отель взяли новую девочку. Классическая африканская красотка: вывернутые губы, плоский нос, попа как шар, точнее, два шара — когда идет, перекатываются. Зовут Адила. Адиле нужны деньги: она тотчас застолбила три ночи подряд. Хотела четыре, но ей объяснили, что и после трех у нее будут сочные синяки под глазами, если она этого добивается. Шутка! Синяков у Адилы не разглядишь и с фонариком.

Когда на четвертые сутки Марина явилась ей на смену, то обнаружила красотку по-прежнему за стойкой. Вспомнилось, как Корто пел: «По улице ходила большая крокАдила...»

– Сегодня же моя ночь!

Адила удивилась:

– Да? Ой, и верно... – но с места не сдвинулась.

Ей за жилье деньги пора отдавать, это пять дней работы. Хозяйка обещала сразу заплатить в качестве исключения.

– Адила, ты предлагаешь мне вернуться домой?

И тут запиликал телефон, Адила схватила трубку: «Отель "Акация"! Да, она здесь».

– Тебя.

Воробушек? Больше некому.

– Марина? Добрый вечер, это Ноэль.

20

Три дня, что она дома мотивационные письма сочиняла, в памяти всплывал этот взгляд, теплый. Ничего не вспоминалось, только взгляд. И фраза о том, что не бывает совпадений. С этим человеком хотелось бы иногда видеться. Но у него бизнес, семья, друзья-клиенты, ему не до ресепционистки отеля «Акация».

Поняла, что менялось в нем, когда он начинал говорить. Жестикуляция, от которой он весь оживал, будто свет в нем включали.

С Адилой сговорились так: она с бойфрендом встретится, а к десяти вечера вернется. Как раз подъедет Ноэль, бумаги Львенка забрать, о которых все благополучно забыли. Потом можно полчасика поболтать с ним в кафе и двинуть домой – вот Корто удивится. Адила пускай работает, раз у нее финансовый кризис.

21

В заштатное кафе не пошли: Ноэль повез на Елисейские, там у него любимое местечко. Кружили, искали, где припарковаться.

В салоне пахло кожей. Запах дорогой машины.

— Ладно, едем в паркинг. Неудобный он тут — въезд узкий.

Ноэль произнес это с легкой досадой; да, все у него было легкое, неядовитое.

По выходе из паркинга остановились у витрины. Мужские ботинки — по четыреста, шестьсот евро. И выше.

— Как тебе вот эти? Цены задраны нещадно.

Пошли дальше.

— Я за двадцать лет так привык торговаться с клиентами, что в магазинах уже не могу удержаться. В одном обувном хозяин сдался, говорит: «Слушайте, устал, вот вам тридцать процентов скидки на всё, бессрочно!»

К такой жестикуляции привыкнуть надо. Но забавно.

— Я у него часто покупал, и всякий раз мы играли в это: «Я же знаю, сколько вы накручиваете...» — «Ничего подобного!» Треть от цены скинул, вот тебе и «ничего». — Ноэль улыбнулся, и опять стало тепло.

Она и не знала, что в одиннадцать вечера на Елисейских толпы. Была бы сейчас одна, достала бы альбомчик, зарисовала бы влюбленную парочку — стоят, целуются, тормозя людской поток, — у обоих джинсы рваные на коленках и рюкзаки за плечами.

Подумалось: вот так свалишься Корто на голову в полночь, а он не один. Быть не может, но стало не по себе.

— Заходи.

Бледно-зеленая дверь с темным стеклом. За ней — мирок: лампы-подсвечники, малахитовые девы; колонна, увитая золотым плющом; долгое стекло витрины, под ним — буйство цветных пирожных. Широкая лестница. По ней, глядя поверх голов, спускается высокая женщина на каблуках, с бесконечными ногами, с поднятой прической, она кажется нереальной: нарисованной и убежавшей с листа. Огромный букет лилий у лестницы, белое, живое, дышащее.

— Здравствуйте. Нас двое. Где-нибудь, где поменьше курят...

Девушка у стойки кивнула, повела к столику. Марина задержалась возле цветов. Почему нельзя нарисовать запах? Оглянулась: Ноэль стоял и смотрел на нее, улыбаясь.

Кто-то живет с людьми, у которых теплый взгляд. С ним живет.

22

— Можно попробовать?

Чего она не любит, так это когда у нее ложкой в мороженом копаются.

— Конечно.

"Coupe Fraise-Coquelicot": высокий серебряный фужер, в нем шарики мороженого (клубничное, ванильное), кусочки ягод и шапка из взбитых сливок. Изящная ложечка с длинной ручкой. Ноэль взял шоколадное, и в правом уголке губ у него — темное пятнышко.

Скосишь глаза — и видишь, как на карликовом лифте приезжают из кухни блюда — салаты, сэндвичи, но чаще десерты: худой мальчишка в белой рубашке с закатанными рукавами с силой тянет вниз задвижку, достает из лифта пирожные — слоеные, политые сиропом, с лепестками роз, усыпанные орешками, обложенные блестящими дольками консервированных абрикосов, ягодами малины или клубники... Ноэль закрывает лицо руками: «Сейчас сорвусь... толстеть так толстеть!» Марина улыбается.

— Твою дочку как зовут?

— Клелия. Ей скоро пять.

— Клелия?!

— Так девушку звали, в которую я по молодости был влюблен.

— А я... — Марина перебила саму себя. — А сколько тебе было, когда она родилась?

— Это окружной способ узнать мой возраст? Тридцать семь, вот и считай. А у тебя есть ребенок? Впрочем, какой ребенок в твои восемнадцать...

Опять прозвучало без Денисовой насмешки.

– Не льсти, я же знаю, что выгляжу на все девятнадцать... – Посмеялись. – Мне тридцать три. Ребенка у меня никто не просит.

Ноэль положил ложку на блюдце рядом с фужером, отодвинул их.

– Ты хотела бы, чтобы – просили?

– Думаю, любая женщина хочет, – Марина опустила глаза. Она зачем-то говорит этому чужому человеку что-то очень интимное. – Я делаю вид, что мне все равно. Что я тоже не хочу!

Ноэль смотрел на нее, она вертела в руках салфетку.

– Марина, а твой друг...

– Я замужем.

Подняла глаза, натолкнулась на пристальный взгляд. Ноэль откинулся на спинку стула, запустил пятерню в волосы:

– Меня не касается, но радости в тебе... маловато.

– Это потому, что я сейчас на метро опоздаю.

– Поехали. – Положил на блюдце двадцать евро. – И «макароны» не забудь.

23

Выглянул в окно – дождь? – и тут серебристая БМВ подъехала, встала под фонарем. Такой тачки здесь ни у кого нет, она, новая, штук шестьдесят стоит, – кого-то до дома подбросили. Любопытно: никто из нее не вышел.

Досмотрел фильм, спать собрался; в окно выглянул: все моросит. А «бэшка» так и стоит. Никак длинноногая марокканка с десятого этажа подцепила денежный мешок. Эх, неровен час – побьют машинку ее хахалю.

24

– Дома свет погас.

– Пойдешь?

Морось лежит на лобовом стекле легким налетом, позолоченным светом фонаря.

— Ты недорассказал...

— Ну, суд был, все стандартно. Клелия раз в неделю у моих родителей ночует, плюс через выходные она у них. Привозит-отвозит мой отец, я ее мать видеть не могу.

— Думала, у тебя семья...

— Я похож на семейного? Бледный очень?

Марина засмеялась, прикусила губу:

— Ноэль... а если бы не бумаги Львенка, ты бы позвонил?

Пожал плечом.

— Нет. А надо было бы?

Верно. Ему она зачем. Это ей — посопеть в тепле, которое он генерирует, выпрашивать не приходится. Сейчас уедет, и всё.

25

Проснулась: Денис сидел на своем разлюбимом сайте, запрещенном в Казахстане, *"evrazia.org"*, и читал гадости про родину. Надкусил фисташковый «макарон»:

— Он тебя в *"Ladurée"* водил? А в какой?

(Ночью доложила, что к чему, вкратце.)

— На «Елисее»? Декор в стиле Наполеона Третьего и пирожные, от которых наступает мгновенное ожирение? Этому салону всего десять лет. Лучше бы отвел на рю Руаяль.

— А там что? — Марина садится на кровати.

— Там самый первый чайный салон. — Денис тряхнул коробкой с «макаронами»: — Видишь дату 1862? Господин Лядюрэ начал с простой булочной, но вовремя учуял народную любовь к десерту. А Жюль Шерэ сей храм чревоугодия расписал. Ты в курсе, кто такой Жюль Шерэ?

Марина кивнула.

— Что-то ты неуверенно... художница! Ну Шерэ, Шерэ, пионер афишного дела — рисовал для «Мулен Руж», кафе... у него

всегда разнузданная дамца ноги кажет, ее еще «шереткой» прозвали. Если не ноги, то сиськи кажет непременно.

Денис выудил афишку из Интернета: мамзель в декольте, шляпе с пером и черных чулках размахивает бутылкой и рюмкой. Рядом выгнул спину белый, плохо кормленый кот. Надпись: *"QUINQUINA DUBONNET"*.

— Сикстинская капелла не давала «афишнику» Шерэ покоя, и он оторвался на кондитерской, расписав потолок ангелочками в поварских колпаках.

Марина заглянула в чайник. Так и есть: воду только себе вскипятил.

— Корто, а почему *ты* меня туда не сводил?

— Я что, идиот, за *это* двадцатку отдавать?

«Это» — «макароны», фирменные пирожные *"Ladurée"*. Хрустящая корочка — сверху, хрустящая — снизу, а внутри начинка. Сдавишь, чтобы начинка высунулась, и можно было ее языком по кругу — но нет, корочка хрупкая, ломается. С Ноэлем тренировались, без толку. Он купил два десятка: черный шоколад и фисташковое, бледно-зеленое; половину слопали в машине. Не так, чтобы это было что-то особенное.

— Кстати, твой Буратино засветил вчера свою «бэшку» под фонарем.

— С чего это он — Буратино?

— Богатенький. Пятерка у него? Семерка?

— Пятерка. Есть разница?..

Разница есть. Но совсем в другом.

26

Адила назавтра тоже работала. В двадцать лет можно и помаяться тревожным сном пять ночей подряд.

Их трое — несущих вахту в отеле «Акация»: Марина, Адила и Бенжамен, разгильдяй — любит позвонить в последний момент и попросить подменить. Он по ночам не спит: не хочется. Хозяйка к нему благоволит, несмотря на то что он забывает по утрам

сложить полотенца, не расстается с наушниками (клиент уже головой в дверь бьется, Бен не слышит, знай подпевает Каложеро: *"En apesanteu-u-ur!"*), и еще к нему дружки ходят, когда клиенты улягутся. Нашли идеальное место, где с косяками не запалят. Бен хорошенький — кудряшки, глазки, при этом боксом занимается, накачанный в меру. Хоть у хозяйки и отцвели уж давно хризантемы в саду, но мальчики ей продолжают нравиться.

Бенжамен должен был заступить на позицию после подвига Адилы на одну ночь. После следовала пятница, а в пятницу Бен никогда не работал, шел черед Марины.

Два дня она сидела дома. Вспоминала последние полчаса в машине. Из-за мороси на лобовом стекле свет фонаря был размыт, тускл, не нагл.

Удивился, когда спросила, позвонил бы он, если бы не бумаги Львенка.

Сам говорил, что случайностей не бывает. Занесло ведь его на авеню Пармантье, заметил отель, достучался.

— Ноэль, а знаешь, из-за чего мы познакомились? Потому что один японец четыре года назад выпил слишком много французского вина в токийском баре «Мару»...

27

Какая-то Маринка кислая, неужто Буратинье влияние? О чем они могли столько времени трындеть? А тут прямо до истерики дошла. Что-то не поняла в тексте, «переведи». Пусть вон своему Полю позвонит, Сенбернару, Вию, им делать нечего, разъяснят. Отшутился: «Соловей не поет для свиней, попроси-ка ты лучше ворону». Всё. Трагедия. Скорбная маска: «Я хочу те-оплых отноше-эний! Ты никогда не помо-ожешь! Я не свинья-а! Почему я с тобо-ой живу, когда есть люди, с которыми мне хорошо-о?!» Ну иди к этим людям. У нее явно кризис трех лет.

Кстати, хоть во время кризиса с эндорфинами и возникает напряженка, не все парочки разбегаются. Самым стойким природа оказывает посильную биологическую помощь, подкармли-

вая оцитоцином, гормоном благополучия. Нервы успокаивает лучше любого транквилизатора, а генерируется от простых домашних радостей — начиная с секса без сюрпризов и заканчивая болтовней за ужином.

Правда, Маринку оцитоцинчик не берет. Принялась последнее время цитировать свою Далиду: «Мы две тени, два одиночества», «Лучше ненависть, чем безразличье», все в таком духе. Но разве она не знала, на что шла? Подпевает — «Я жить хочу, жить. Хочу, чтоб меня любили», и вся такая в эмоциях — «Чао, аморе, чао, аморе...» Никогда не любил Далиду.

28

У Ноэля глаза округлились, когда он услышал, что очутился в Нуази из-за какого-то японца.

— Вот смотри, как в жизни одно за другое цепляется. В «Акацию» я заглянула дорогу спросить и осталась работать. Все оттого, что пошла к дантисту: куснула старую плитку шоколада, и пломба — прочь. Шоколадом угостил человек, который познакомился со мной из-за того, что я была в юбке. Юбок я не ношу, но тогда ехала на выставку манги издателям рисунки показать, ну и приоделась. Выставка планировалась на две недели раньше, но один участник попросил ее перенести, жена должна была родить. Не будь она на сносях — я в тот день не надела бы юбку, Бернар не подошел бы, я не куснула бы его шоколадку, не оказалась бы у зубного, не попала бы в «Акацию», и ты сейчас не мок бы под фонарем в Нуази-ле-Сек.

— А при чем тут вино в токийском баре?

— Я читала, в Японии в моде винные погребки. Для тех, кому надоело пиво, саке и шотландское виски. Барчик «Мару» в статье хвалили.

— И?

— И не исключено, что этот художник-мангака злоупотребил модным вином, притопал домой навеселе, склонил жену к любовным утехам, и она забеременела.

– Думаю, все было сложнее. Японец привел в отель гейшу, а жена его выследила...

– И бросилась на них с самурайским мечом!

– Нет, она поступила умнее. Бросилась только на него, на ходу срывая с себя кимоно. И они в порыве страсти стали кататься по татами.

– А гейша?

– «Семь самураев» смотрела, что ей еще оставалось.

– Знаешь, мангака в своих наклонностях не виноват. В детстве он увязался за старшим братом, когда тот шел в район Кабуки-тё, в один из токийских борделей.

– И я мокну под фонарем в Нуази, потому что на другом конце земли тридцать лет назад мальчишка насмотрелся лишнего!

– Подумать только, – Марина прикусила губу, – из-за чего мы повстречались.

От таких глупостей тоже возникает чувство близости. Оно всего лишь веселое, живое, но не теплое. Но оно есть.

29

– Если бы ты знал, как мне хотелось бы съездить в Японию...

Когда-то работник советского посольства в Токио, купив у отца две картины, подарил ему набор для каллиграфии и сборник манги. Набор отправился отцу под кровать, а сборник Марина обнаружила в мусорном ведре.

Листала японские комиксы, очарованная ни на что не похожим миром. Это была не просто манга, а то, что называют «юри».

Срисовывала – и как-то отец обнаружил рисунки. Изорвал листы, в которые столько было вложено, кричал: «Гадость, гадость!»

– Юри? Другим словом, хентай? Японское порно рисованное?

Объясняешь: хентай и юри — разные вещи. Юри — манга о любви между девушками, эротика. Красивая история в картинках, двое в окне, ночью, она и она. Одна облокотилась о край окна, в шелковом халатике, сползающем с плеча, другая — в футболке, стоит позади, глядя в небо: лицо наполовину в тени, наполовину освещено луной, тихо...

— Человека, с которым я живу, не интересует то, что я делаю...

Ноэль молчит. Его лицо в тени.

Последнее время крутится в голове песня Луиджи Тенко, которую поет Далида. Ты влюблена в этого Тенко, пустившего себе пулю в лоб в номере отеля, среди чужих вещей. «Чао, аморе, чао...» — из-за нее и покончил с собой.

Будто не Луиджи написал, а ты.

Мы только две тени,
Что так одиноки —
Беспечности время
Далёко-далёко.

Молчанье нарушить —
Нарушить привычку...
О, ненависть лучше,
Чем яд безразличья.

Но я жить хочу, жить хочу, жить,
Хочу быть любимой.

Ciao amore ciao...

Мне сбежать бы отсюда,
Из покоя и лени,
Променять бы на чудо
Мне кота на коленях

И, бросив все это,
Смеяться, тоскуя
В том мире, что где-то
Без нас существует.

Там крыш черепица,
Там искры во взглядах,
Там люди, там лица,
Мне этого надо!

И я жить хочу, жить хочу, жить,
Как те, что любимы.

Ciao amore ciao...

Оставляю я дальний
Церкви звон колокольный,
Книги в маленькой спальне...
Ухожу. Мне не больно.

Ciao amore ciao...

Его ладонь касается твоего плеча, скользит по руке.

– Тебе сейчас сколько ни дай тепла, будет мало...

Это не похоже на соблазнение. Между вами ничего нет, и есть всё. Есть жизнь. Между вами есть жизнь.

30

– В выходные он летит на Сицилию. У него семья оттуда.

Устроились с Ксеней на скамейке в парке Монсо напротив карусели.

– На Сицилии еще лето. – Ксеня бросила взгляд на часы: Женька отправилась в кино с подружкой-болгаркой (обе говорят на зачаточном французском и прекрасно друг друга понима-

ют), три часа от них ни слуху ни духу. — Здорово на пару дней в тепло окунуться.

Марина смотрела, как вертится карусель. За пожарной машиной крутился танк, за ним — слон, за слоном — летающая тарелка, за тарелкой — карета. Моделька мира.

— Вот он мне и предложил.

Из тьмы кареты глядели два скучающих личика. На лошади подпрыгивала девчушка, дергала за вожжи и радостно пищала: «Юппи! Юппи!»

— Он знает о существовании Дениса?

— Ну да. Обещал взять мне отдельную комнату в отеле.

— Еще и оплачивает поездку?

Карусель крутилась все медленнее; остановилась.

— Марин... а ты не думала... может, он маньяк?

Родители набежали, похватали чад. Те двое, из кареты, тянули пальчики в сторону лошади, на которой победно восседала пищавшая девчушка. Но их, с перекошенными личиками, уже несли прочь.

— Маньяк?! — Марина фыркнула, повозила мыском туфли по дорожке. — Я бы там рисовала. Восходы-закаты, море, камни. Ксень, я же ничего не вижу.

— Вы ведь в Марокко были!

Выбрались на неделю. Но Ксеньке и такое — событие. Франсуа перешел в режим жесткой экономии (две нахлебницы). А Ксеня не жалуется. Это только Корто считает, что она норовит «Овоща ощипать».

— Марин, я боюсь за тебя.

Ровным голосом сказала, но — чувствуется: небезразлично. Бабской зависти в ней — ни на копейку. Отсутствие шансов самой смотаться к солнышку не вызывает жажды перекрыть подруге кислород. Когда Марина впервые услышала этот спокойный голос — сразу ощущение появилось: настоящая.

— Ксень, тут ничего такого...

— Пусть. Но ты видела мужика, готового отпустить свою женщину с другим?

— Если он проповедует свободу и доверие...

Ксения улыбнулась:

— Денис — доверие?

«Променять бы на чудо мне кота на коленях» — вот Ноэль и предложил чудо. Карусель начала раскручиваться. Марина смотрела на нее не отрываясь.

— Ну значит, я никуда не поеду. Буду все выходные в отеле ключи выдавать.

Ксения достала телефон, стала искать номер дочери.

— Ты поедешь. И сломаешь то, что три года строила. — Нажала на клавишу набора. — Может, тебе и правда пора все сломать.

31

Ноэль не появлялся который день. Не вязалось это с предложением лететь на Сицилию. Но с другой стороны, как сказать Денису? Ляпнуть: «Я тут отлучусь на уик-энд с богатым красавчиком»?

Нет, красавчиком Ноэля не назовешь, но он приятный. Невысокий, крепкий, черные волосы вьющиеся, глаза живые, блестящие, темные. Именно это притягивает в нем — глаза. И улыбка. Вспоминаешь — перестаешь обижаться. Сама готова позвонить. Тем более что в отеле тихо, скучно и... ну, в общем, хочется позвонить.

32

Собрался пробежаться — нет плеера. Набрал Маринке — слышно: ни в каком она не в отеле. Вилкой кто-то в тарелку долбит, голосов жужжанье. Пришлось ей признаться, что Буратино пригласил отужинать, в «Акации» Крокадила подменяет. Понятно, заранее сговорились — у местных подобные «внезапности» не в чести. В известность не поставила, видно, исходя из принципа «меньше солдат знает, лучше спит».

Итальянец что-то слишком активен. Официальная версия — им общаться интересно. Маринке за тридцать перевалило, а она до сих пор в толк не возьмет, что у мужиков всё — бутербродом: если начальнику нравится, как баба работает, он не может не попытаться уложить ее в постель, коли она не тортила. И если мужику приятно с женщиной разговаривать, он обязательно постарается с ней переспать. Если ему хоть что-то с ней по кайфу, он должен вбрызнуть в нее сперму, это на уровне биологического задания. Природный детерминизм. Дальше все зависит от уровня развития интеллекта и психологических установок.

Маринка, пожалуй, вряд ли что-то замышляет. Это у нее так, метания художницы. Ей, в принципе, положено. Похоже, буря в стакане воды не за горами.

33

Адила приехала подменить, долг платежом красен. Ноэль уже ждал: стоял у машины, улыбался. Радость и легкое волнение. Обида растаяла: он искренне обрадовался звонку. Работы полно, но приехал.

Опять отправились в *"Ladurée"* на Елисейские.

По дороге позвонил, заказал столик:

— На девять... ужин. На имя Ноэль. Ноэль, как праздник.

И правда похоже на праздник.

Распахнул дверцу машины, подождал, пока села, захлопнул — Корто никогда так... И снова — запах кожаных сидений. Нет, это не запах денег, это запах праздника.

34

Тихо в гостинице, но не спится. Полтретьего. Ноэль ушел час назад.

Отвыкла она от этого. С Вадимом ходили по дорогим ресторанам — когда в Казань ездили или в Нижний Новгород. Или —

в Москву: квартиру выбирали. Правда, к кулинарным изыскам Марина относилась прохладно — мама готовила вкусно и просто, что еще надо. Вот и здесь: принесли гребешки Сен-Жак — тонкие ломтики, политы соком лайма, сырые, как оказалось; к ним — зерна граната. Ноэль пояснил, что от лайма гребешки доходят до кондиции, можно в рот отправлять без опаски. Но удовольствия мало. После была рыба «шевалье» с соком горького апельсина и свекольным пюре. Посмотрела в словаре — «голец». Слова такого и по-русски не знала. Счет принесли на сотню — а стоило того?

Наверно, стоило. Стоили похожие на театральный занавес портьеры на окнах, стулья под старину, обитые мягкой тканью — приятно по ней ладонью провести; стоили вычурные люстры, позолота, скатерти из тяжелой материи. Разглядывала людей в зале, думала — чем они живут, часто ли здесь бывают, что чувствуют, приходя сюда: замечают ли это великолепие или уже нет?

Это как с Парижем — до сих пор к нему не привыкла. Глаз по-прежнему терялся в чугунной вышивке балконов, боялся вглядываться в гаргулий на соборах, удивлялся, скользя по крышам и натыкаясь на освещенные слуховые окошки — живет ведь кто-то там, в тесноте, в обиде... и по-детски радовался, ныряя в загадочное нутро лавки букиниста. Поразило, когда услышала от покупательницы в книжнике: «За два года я город перестала замечать, хотя поначалу нравилось!»

Торопились отпустить Адилу. По дороге Ноэль рассказывал, как двадцать лет назад открыл фирму. Учебу бросил, выбрав метод проб и ошибок. Разработал программу, которую теперь продает. У него десять человек работают. Недавно уволил менеджера по продажам, дармоеда. Тот знал, к чему дело идет, и не скрываясь раскладывал пасьянсы на компьютере.

Все это было мило, но не для того она ему позвонила.

И на подъезде к отелю спросила — у тебя немного времени есть?

Когда танцующая фигурка Адилы скрылась за углом, Марина помахала машине, стоявшей на другой стороне улицы.

35

Чего она хотела?

Всё того же. Внимания. Понимания. Тепла.

С остальными как... У Поля ухо настроено только на себя; у Корто функция слуха атрофирована, не виноват, глух от рождения; Воробушек, да, он слушал когда-то... но вполуха, торопясь про свои страсти рассказать. Ксения... она слышит в точности как мама — избирательно. Марина всегда права, никакой объективности.

Разговор с ерунды начался. Ноэль сел за столик, на котором завтрак накрывают:

— И что ты тут по вечерам делаешь?

— Рисую...

36

Сидел нога на ногу, брючина приподнялась — черный тонкий носок, ботинок с узким носом; пиджак чуть приталенный; кремовая рубашка. Выглядит слишком рафинированно... не по-мужски, что ли.

— Покажешь рисунки? Кстати, а чем отличается манга от аниме?

Засмеялась:

— Неужели не знаешь?

Ему не до комиксов и мультяшек, он сутками тычет пальцем в клавиши компьютера. Смотрела на него — нет, никакого притяжения. Но волна тепла, которая накрыла в машине, — ее хочется. Только не в разговорах о манге и аниме ей родиться.

— И с чего японцы удумали рисовать глаза на пол-лица? По мне, так узкие невероятно сексуальны. Люблю азиаток.

«Люблю азиаток» — как приглашение разделить вкусы. Будто к приятелю обращается. Чуть обидно, но тем лучше.

— Имя Осаму Тэдзука тебе что-нибудь говорит?

Помотал головой: нет.

— Его богом манги называют. Это он ввел в моду большие глаза, подглядев их у диснеевской Белоснежки. Он целую революцию сделал в японской графике — стал рисовать мангу динамически, как кинокадры: менял ракурсы, ввел крупные планы, растягивал сцену на несколько рисунков, подчеркивал движение... И все — сразу после Второй мировой, когда страна приходила в себя и не до комиксов было. Выпустил свою первую мангу «Новый Остров сокровищ» и продал четыреста тысяч экземпляров. Мгновенно стал знаменит.

— Повезло. Могли бы затоптать.

— Не думаю, — Марина посмотрела на часы: половина двенадцатого, сейчас турист пойдет. — Там деньгами запахло, издатели вмиг учуяли. Он потом несколько сотен манг выпустил, страниц по триста.

— Восхищаешься? Или завидуешь? — с улыбкой.

— Не знаю. Наверно, все вместе.

— Ты еще и честная... — снова улыбнулся.

А незачем от тебя загораживаться, живот прикрывать — как от Корто. Тот заявил недавно: «Не надоело дебильные мульты смотреть?» «Дебильный мульт» — это «Утэна». Если она крутит его по сто двадцатому разу, значит, надо ей!

— Мне кажется, в Японии мангаке куда легче пробиться, чем на Западе. Там сорок процентов покупаемых книг — манги.

— Так поезжай в Японию.

С такой легкостью произнес!

— Ноэль, я *здесь* счастлива...

— Здесь? — обвел глазами холл отеля. — А почему ты думаешь, что *там* будешь несчастна?

— Просто я уже нашла свой дом. Я люблю этот город, я живу с человеком, который мне дорог, я...

Перебил:

— Дом — это другое.

Марина посмотрела вопросительно. Пожал плечом:

— Мы ищем то, что даст нам успокоение, ощущение стабильности, — дом. Радость ищем. Ищем место, где хочется

быть. По миру мотаемся, партнеров меняем. Но твой дом — это ты и есть. И ты у себя внутри поселись... Тогда тебе станет всё равно — в Токио ты или в Париже. Ты всюду будешь дома.

Вроде бы и прав. Но до какого просветления надо дойти, чтобы безразлично стало — сидеть на родительской кухне или топать по прибрежной волне на Лазурном Берегу!

Промолчала. Ноэль вернулся к разговору:

— Манга — комиксы, а аниме — анимированные комиксы, так? *Sorry*, далек я от этого. Единственный японский мультик знаю — «Гольдорак», про робота-трансформера. В конце семидесятых, когда его показывали, мне лет пятнадцать было, я девчонками интересовался, а не мультфильмами... Но сестра его очень любила. У нас разница в девять лет.

— У тебя есть сестра? Моя ровесница?

Ноэль отвел глаза:

— Художница.

Марина изобразила возмущение:

— У тебя есть сестра-художница и ты молчал?!

Ноэль смотрел в сторону, он будто забыл, где находится. Это длилось секунд десять. Потом с усилием перевел взгляд на Марину:

— Была. Ее больше нет.

37

Мари жила, как живет птичка — там поклюет, здесь перышки почистит, не думая, разрешена тут чистка перьев или нет. Рисовала городские пейзажи в странной технике — двумя руками одновременно: за один карандаш отвечает правое полушарие мозга, за другой — левое. И карандаши спорили... Краски Мари не использовала. Черно-белые пейзажи, всё.

Продавала она их редко. Выставки устраивались в ресторанчиках, посетители ели луковый суп, пялясь на картинки. Был шанс, что поинтересуются у хозяев, «почем искусство».

Деньги Мари подкидывал Ноэль. Беспомощность сестры его раздражала — он ведь фирму на себе тянул, боролся. А птичка жила в родительском доме, на всем готовом, иначе говоря — на родительской пенсии. Сколько раз звал ее в секретари — отказывалась. Не по ней это — в офисе сидеть. Он считал это безответственностью и эгоизмом. Но деньги давал — ради родителей. Ну и все-таки сестра.

Когда Мари надоедали парижские пейзажи, она уезжала рисовать куда-нибудь в горы или к морю. Бывало, у нее появлялся мужчина, к которому она перебиралась. Но надолго не задерживалась — и снова дома звучал ее смех, очень смешливая была.

И однажды появился Пауло, мексиканец, без определенного рода занятий, двадцатипятилетний мачо. Что он делал во Франции, оставалось не совсем понятным — Мари отмалчивалась, обронила раз, что он тольтек. На вопрос: «Это что?» — неохотно ответила: «Шаман». Какими-то он там оккультными делами занимался, «в новое качество переходил». Уехал, они перезванивались два месяца. Затем снова прилетел, но никак не в порыве страсти: «Пауло нельзя сексуальную энергию расходовать». Торчал тут недели три — Мари дома не появлялась. Потом в Мексику засобиралась. На сколько едет, не знает. Будет звонить.

В аэропорт ее отец отвез. Набрала с дороги: «Ну что, Ноэль... пока?» — «Пока». Нечего сказать было — помчалась на край света за пацаном на шесть лет младше, сомнительным типом. Решил — ее дело. Знать бы, чем это кончится.

Через четыре месяца она вернулась. В гробу.

38

Не спится, завтра день насмарку. Домой доберешься, задрыхнешь и встанешь в час дня разбитая. Настроения нормальную работу искать нет.

О сестре не захотел говорить — перевел разговор: «Так аниме бывает и для взрослых?» До лампочки ему это аниме. Когда она погибла? Время, похоже, лечило, да не вылечило.

– Для взрослых? Не слышал про «Утэну»?

– Странное название...

– Да оно еще страннее – «Революционная девушка Утэна: апокалипсис юности». Снял Кунихико Икухара, режиссер «Сейлор Мун». Такая... мистическая притча.

– О чем?

Пойди расскажи...

Утэне четырнадцать лет, она учится в академии. У нее длинные розовые волосы – там у всех волосы цветов радуги, – она носит мужскую одежду и владеет оружием. Когда-то незнакомец подарил ей кольцо с символом розы. Выясняется, что обладатель такого кольца имеет право участвовать в Дуэли. Победивший получает Силу изменить мир плюс невесту – скромную девушку с фиолетовыми волосами, Анфи. Дуэль проходит в цветнике красных роз, высоко в небе. Здание академии – конструкция, которая постоянно движется... «Утэну» кто-то назвал паранормальным беспределом.

– Похоже на то, – Ноэль улыбнулся. – И что же?

– Утэна побеждает на Дуэли. В цветнике от роз то и дело отрываются тысячи красных лепестков и летят, летят... Нереально красивая сцена – Утэна и Анфи танцуют между звездным небом и водой, и не поймешь, где – они, а где – их отражение, в котором они по-другому одеты.

– Как сон.

– Да, это фильм-сон... И две девчонки, полные тревог, сомнений, ожидания. И желания сбежать из этого мира. Но так просто не сбежишь, он цепкий. Утэна превращается в фантастическую машину (сон же!), Анфи садится в нее, и начинается гонка. Их пытаются раздавить железные гусеницы, им едва удается вырваться. И когда Утэне возвращается человеческий облик, они уезжают вдаль, лежа в обнимку на одной странной штуковине (сон...). Волосы у них полощутся, как языки пламени – розовые и фиолетовые, – они смотрят друг на друга, и в их рисованных глазах появляется что-то живое – растет, растет, пока они не поцелуются.

— Это и есть юри? Лесбийское аниме?

— Как тебе объяснить...

— Не объясняй. Любишь ведь прежде всего человека. Ты это хотела сказать?

39

Сколько раз пыталась заставить Корто смотреть фильм, который ворвался к ней в сердце. Но для него это — набор бредовых картинок, «японские страшилы с нездоровой ориентацией». А она только в том зазеркалье и спасается — от чувства одиночества или пустоты, от любого мусора, в который жизнь окунает.

Как *такое* может нравиться? Розы-принцы-дуэли; вихри из красных лепестков; волосы цветов радуги; шпаги, аксельбанты, снова розы. Ну и что. Зато там глаза живее тех, что на улице видишь; сплетенные руки; обнаженные девичьи тела в обнимку; осыпающийся пеплом замок — символ ложной радости, куда тебя не смогли заманить. Сон, что хочется пересматривать. Нравится ли ей этот фильм? Да он проник в нее. Там нет красивостей — есть мечтание. А ему позволено быть любым.

И еще — пронзительная песня Масами Окуй *"Toki ni ai wa"*, «Иногда любовь».

Ноэль попросил скинуть фильм на флешку.

40

В половине четвертого выбралась из-под одеяла, сделала себе чай.

Достала альбом, карандаш.

Тихо.

Ушел и оставил по себе — *настроение*. Будто присутствие чего-то. Бросила карандаш — можно подумать, рисоваться будет — если *оно* за спиной стоит.

Когда тревожишься, не рисуется.

Почему тревожишься — пойди пойми. Маета.

Ноэль. Спит наверняка уже в своем Везинэ — сны у него яркие и живые, сказал. Правда, забывает их быстро.

Беспокойство. Безадресное, непонятное. Просто беспокойство. Как если бы этот человек закрыл за собой дверь, а край плаща защемил. И ушел. Что здесь делает край плаща?

Настроение. Оставил по себе нас-тро-е-ние. И — не спится, не рисуется. Чай обжигает горло. Встать, подойти к двери, дернуть за край плаща — вернись.

41

— Выйди из оцепенения на минуту.

Поворачивает голову, глаза пустые. Два дня дома такой аттракцион.

— Если эту хату по-черному сдать, можно было бы переехать в двушку. С доплатой.

— А? Да.

Опять отвернулась и в окно смотрит.

Передразнил: «А? Да».

— Тебя пыльным мешком по голове ударили из-за угла?

— Денис, прекрати.

Неужто визит в ресторан возымел такое убийственное действие? Ходили несколько раз — не цепенела.

Стал объявления смотреть, по пригородам. В Сан-Море вдоль речки бегать можно. Но дорого. Леваллюа — все равно что город. Версаль? Цены как в Париже. Может, за Дефанс удрать...

Телефон зазвонил, схватила:

— Алло? — Покосилась, как ворона на зерно. — Привет, Ноэль.

Через полминуты пошла одеваться.

— Ты куда?

— Я сегодня работаю.

Четыре часа дня.

– Что до семи делать будешь?

– Ноэль на «Одеоне», скоро освободится. Я «Утэну» ему обещала.

Смотри-ка, оцепенение – как рукой сняло. Точно, ноги отсюда растут.

– Тоже к однополой любви неравнодушен? Он часом не...?

Вылетела за дверь, задев жестяную цаплю. Цапля чиркнула клювом по стене и завалилась на бок.

42

– Четыре эклера, пожалуйста.

"La Maison du Chocolat", славный пирожными и шоколадными конфетами. Красуются на витрине – каштановые, цвета дубовой коры, кофе с молоком.

– Идем?

Ноэль распахивает перед Мариной дверь машины, протягивает коробку:

– Мои любимые, их только тут делают.

Под картонной крышкой – блестящая темная глазурь, легкий запах кофейного крема.

Беспокойство, явившееся два дня назад, осело на дно. Вроде и нет его.

Потащились за эклерами вместо того, чтобы сесть в кафе. И уже пора в «Акацию». А тут еще телефон у Ноэля звонит, и начинается разговор по работе, с эмоциями.

Когда машина останавливается напротив отеля, Ноэль нажимает кнопку отбоя.

– Прости. Это было важно.

Марина кивает. Она разочарована. Днем, впопыхах, все иначе.

Ноэль улыбается:

– Что с тобой? Ты за два дня одичала...

Да, одичала. Куда делась вся легкость? И от ладони на плече хочется освободиться.

— Ого, что ж с тобой такое? Расслабься...

Она не может. Она его не узнает. Ей хочется уйти. И хочется, чтобы он остался. Она сама не знает, чего хочет.

— Ты огорчилась, что на Сицилию не едем?

Все отодвинулось на месяц. Зато не надо с Корто объясняться.

— Да нет, — она достает диск с «Утэной». — Вот.

Ноэль крутит диск в пальцах.

— Ты что делаешь в воскресенье?

43

Джулия смеется в телефонной трубке, у нее чудный смех. Она приехала на выходные, времени нет совсем, «вот только если полчасика, ты где?».

Она влетает в «Акацию», шумная, звонкая, целует крепко, прижимает к себе: «Мариночка, я соскучила!» У нее хороший русский, редкие ошибочки добавляют шарма.

На шум выходит хозяйка. Она в добром расположении духа, Марине позволено отскочить в соседнее кафе, до девяти и ни минутой позже.

Джулия рассказывает новости, впрочем, в Милане ничего не происходит, работа все та же — переводы с французского и русского, «да, у меня есть роман с русским мужчиной!».

— А у меня — с итальянским, — почему-то произносит Марина.

Полчаса — ну разве это время?

«Русский мужчина» обретается в Риме, он оператор на ТВ, второй российский канал; приехал в Милан снимать показ мод, а она, Джулия, там переводчицей работала. Тридцать лет, женат, но с женой не живет.

Марина поправляется: с итальянцем никакой не роман, это для красного словца, что-то непонятное с этим итальянцем. Он иногда кладет руку на плечо или на колено, но это не значит ничего, он не влюблен, и она не влюблена. На законопослушного француза не похож, хотя родился здесь. В машине не пристеги-

вается, отпустит руль, руками машет, что-то доказывает, а авто по трассе идет сто тридцать.

Про *настроение*, про беспокойство, про *край плаща* – не рассказывается.

На прощание Джулия снова стискивает Марину, опять признания в любви, пожелания, поцелуи. Наконец объятья разорваны, Джулия торопится прочь, оглядывается:

– Пока, красавица моя!

Марина смущается, отправляет вдогонку неловкое «Пока!»

Джулия сказала, что с итальянцами надо быть осторожнее, они соблазняют красиво, со вкусом, и не ради обладания – а ради самого процесса соблазнения. Не чувства у них, а просто эмоции.

Марина думает – интересно, а у Джулии тоже «просто эмоции»? И «Ноэль не такой».

44

– Я кое-что про тебя знаю.

За четыре часа – с тех пор как уехал – опять накапало внутри, растеклось лужицей легкого волнения. Джулия отвлекла, да ненадолго.

Предложил, когда к отелю подъехали, – давай, вызовешь черную красотку, подменит часа на три. «Адила уехала на выходные». – «А Бенжамен?» – «У него шаббат». Он смешной, Бен, – когда деньги нужны, шаббат не в счет. «Нельзя же работать», – однажды удивилась Адила, а Бен подмигнул хозяйке: «Да разве это работа? Удовольствие одно!» К нему как раз приятели ожидались со свежей травой.

– И что же ты обо мне знаешь?

– В воскресенье скажу, – Марина улыбается.

– Я не доживу, не дразни меня, – Ноэль фыркает в трубку. – Ну?

– Джулия говорит, у итальянцев национальное развлечение – девицам голову морочить.

Из телефона — пулеметная очередь: обобщают одни идиоты; Джулия твоя глупа; он не может строить отношения — любые — с человеком, который слушает кого угодно, только не самого себя.

Ноэль кипятится, Марина посмеивается, и он потихоньку остывает.

— Я посмотрел «Утэну».

Разговор наконец становится доверительным, теплеет, в половине второго Марина расстилает матрас, ныряет под одеяло. Темно, тепло, клонит в сон, хочется молчать, слушать, он немного болтлив, Ноэль, но это мило... и внезапно возникает желание рассказать про отношения с Аней. Про любовь, которой больше нет.

45

Нашел две приятные квартирки в приличных пригородах. Договорился посмотреть.

Наутро Маринка домой не явилась. Позвонил ей днем — бурчит в трубку, явно не с той ноги с матраса встала. Сказал, что через два часа ждут в Сен-Море и после — в Везинэ. Пускай подъезжает.

Первая квартирка — сорок метров: две клетушки, чулан, кухня; ключи от подвала дают, во дворе можно велик прицепить. Хозяева — муж-с-брюхом/жена-с-химией, пресные до жути. Наврал, что работа у Тибидоха постоянная (на компьютере нарисовал себе три тысячи евро в месяц). Мадам с химией читает по складам: «*Э-ко-лук*... А чем ваша фирма занимается?» Принял авторитетный вид: «Экологией. Выезжаем на место, где собираются что-то строить, делаем замеры, проверяем, обретается ли там живность, законом охраняемая, оцениваем, насколько вторжение строителей повредит окружающей среде...» Мадам с химией пальчики перед бюстом сцепляет: «Вы делаете великое дело!» Да-да, великое, только Тибидоху, борцу за болотных пауков, у которых в прямом смысле уходит почва из-под ног, живность до фени, его одни «евры» интересуют. На прощанье тетка говорит, что позвонит, «если выбор падет на вас».

В Везинэ Маринка оживляется, пялится по сторонам. Хозяин просит подождать у подъезда, квартиру смотрят. Накрапывает дождь, на третьем этаже окна открыты, слышны голос хозяина и женский смех — такой идет в ход, когда надо что-то выцыганить. Конкурировать сложно. Маринка явно нервничает. Место действительно неплохое, дворик, тихо. Опять же велики стоят.

Через пять минут из подъезда выходит мамзель на каблуках, ноги из подмышек, можно не подниматься. Худой мужичонка, загорелый донельзя, демонстрирует тридцать два квадрата — снова две клетушки, на кухне двое не разойдутся, зато вид на черепицу крыш, за которую солнце закатывается. Мужичонке нужен гарант, гаранта нет, «ваши бумаги будет рассматривать агентство, оно выберет самого выгодного квартиросъемщика». На вопрос: «Мы у вас какие?» — загорелый радостно сообщает: «Двадцать четвертые». Оставил бумаги, но безнадега.

Маринка ужасы принялась воображать: агентство поймет, что бумаги липовые, упекут за решетку. Домой доехали — сдулась, улеглась на кровать, ни есть, ни готовить не желает. Кино смотреть «не хочет». После трех часов молчанки заявляет: «Отпусти меня». С нажимом. Не ответил. Началось: ничего не чувствуешь, ничего тебе не надо, отпу-усти-и. Обернулся: сидит на кровати, взъерошенная. Сказал: «Я тебя от-пус-тил». «Тебе на всё наплевать! Ты меня даже не удерживаешь!» Ответил: «Что удерживать-то — ты сама уже все решила». Через четверть часа оглянулся — спит. Да нет, наверняка просто дурь вступила, так не уходят: зачем тогда тащиться квартиры смотреть? Шпиона ей на компьютер поставить, как Тибидоху. Подружке своей, Ане, наверняка отчеты шлет.

46

Когда Корто позвонил, стояла под зонтиком около чугунного носорога у входа в музей д'Орсе. В семь утра вышла из отеля, добрела до Сены, спустилась к воде. Набережная была сырой от дождя и пустынной. После ночного телефонного разго-

вора *это* вернулось. Беспокойство; ощущение присутствия — так и тянет оглянуться, да ведь нет никого на набережной Сены спозаранку в субботу. Нет этого человека. Что он сегодня будет делать? Спит ли еще? Где он сейчас? Думаешь «где», и беспокойство набегает — будто рябь на сердце. Нет, не может человек уйти, защемив дверью край плаща. Он где-то рядом. И — рябь: если — рядом, то почему его нет? А если его нет, то где он? Здесь, на набережной, субботним утром впервые случилось с ней это мимолетное головокружение: сердце выскользнуло из грудной клетки, как мокрое мыло из ладоней, и начало падать, а-а-а-ахх. И в месте, где оно только что было — уже не рябь, а ломота. Из-за ерунды: вспомнила, как он сказал: «Ты бледная, питаешься, наверно, кое-как. Если я куплю тебе витамины, будешь их пить?» Кто она ему, чтобы он — так? Где он сейчас? Где?

47

Пока квартиры смотрели, *оно* глуше стало — как если бы одеялом прикрыли. Но *оно* не уходило — дышало, шевелилось под одеялом этим. Квартирки обе понравились. Вторая — просто потому, что в Везинэ. А первая была с поскрипывающим паркетом, с тряпичными ведьмами на метлах — висели у входа: носатые, с патлами в пучок, в брюках, — жильцы еще не выехали. В комнате, где шли переговоры, стояла большая клетка со зверьком, нечто суетливое, длинное, пушистое — нутрия, кажется. Сунешь палец между прутьями — подскочит, тычется носом, шевелит усами, а усы растут отовсюду, или, может, они просто в бороду переходят. Мелькнула мысль: рассказать про зверька Ноэлю. И сердце снова полетело вниз.

К вечеру вернулись в тесноту, домой. Легла на кровать, уткнулась в покрывало — из Алма-Аты мама прислала — плотное, из толстых нитей, с бахромой по периметру. Фабричный запах еще не выветрился. Нет, ни одна из квартир не перепадет. Да как искать, если гаранта нет, бумаги липовые!

Спала сегодня всего три часа. И день – на ногах. Хотелось есть. Корто сделал себе бутерброд и уставился в компьютер. Как всегда – *себе*! Можно было встать, отрезать хлеба, бросить на него кусок ветчины, но не вставалось. «Кино будешь смотреть?» Зачем мне кино твое? Я хочу есть, спать, я устала, мне нужно внимание, немножко внимания!

Лежала и думала – уйти. С Ноэлем вряд ли что-то будет. Не герой романа. Герой – Корто. Отпустил бы он ее, герой, и она ушла бы. Куда-нибудь.

48

– Ты один живешь?

Ноэль пригласил к себе. Встретились у вокзала Сен-Лазар, возле «памятника времени»: десятки циферблатов, один на другом, каждый в своем измерении.

– Что это тебя беспокоит, один я живу или нет? – Ноэль хитро улыбается, и Марина чувствует: всё, *оно* ушло. Даже вдох хочется сделать – «во все лопатки».

– Контролирую.

Ей весело от этой двусмысленности. Как будто бы он ей небезразличен. Игра такая.

Бесконечный тоннель, трасса, с которой машина съезжает в прелестное место: мост через реку с горшочками сиреневых цветов на перилах, невдалеке – церковь. Выплывает табличка: *"VESINET"*. За вычурной, увешанной флагами мэрией – тихая улочка с липами по сторонам. Заборы, частные каменные домики. Некоторые, с башенками, похожи на маленькие замки.

Ноэль снова хитро улыбается:

– Я тут подумал – а не сходить ли нам в «Крейзи Хорс»?

Марина смеется:

– Я тебе – откровения, а ты в кабаре тащишь на полуголых девчонок пялиться! Еще станешь обсуждать их прелести. Ноэль, у меня обычная ориентация. Просто я любила самого близкого мне человека, и он оказался одного со мной пола.

— Приехали.

Увитый плющом забор из кованого железа, за ним двухэтажный дом с черепичной крышей. Крыша ломаная, остроконечная, под коньком — полукруглое оконце. Стены рыжеватые: крупный шершавый камень.

На крыльце — блюдце и миска с водой, в которую упали первые капли дождя.

Марина перешагнула порог и остолбенела.

49

Сколько раз ночевала у Аньки — ничего не было. Засыпали, когда язык уже не ворочался. Да и что могло быть-то? Анькин отец еще волновал. Безнадежно, но волновал. До сих пор помнится, как потащилась с ним к его давней пассии Наде, родительнице той самой Кати, что теперь ест поедом бедняжку Альберто. Тетя Надя задерживалась — сидели с Анькиным отцом на диване, а Катя играла на пианино всякую классику. И так хорошо было. Радостно и спокойно. Как будто навечно позволено сидеть возле Анькиного отца в большой светлой комнате и слушать полонез Огинского.

А однажды с отцом вышел ужасный скандал — выбежала на улицу, ломанулась к Аньке... опостылел этот дом, где злоба висит — хоть топором руби ее, эту злобу, и в окно вышвыривай. Или — злобу, или — себя.

Анька целовала ее зареванное лицо, повторяла: «Ты не вернешься туда больше, не вернешься». Губами столкнулись. Растерялись. Взгляд глаза в глаза, и — страх: сейчас она отшатнется. Позже Анька сказала: «Я боялась, что ты убежишь».

Они стали еще ближе. Сплелись так, что не разорвать.

50

— Ты здесь живешь?!

Над мраморным камином — огромное зеркало в резной раме; белая скатерка с вышивкой, шкатулки, фигурки фарфоровые. На

кривоногом диване (деревянные подлокотники; ткань в мелкую бледно-зеленую полоску) — коллекционные куклы в ряд. Фарфоровые личики: над недвижными глазами качаются веки с пушистыми ресницами, платья — воланы, из-под воланов — панталончики. Вдоль стены — книги, энциклопедии. Второй диван — мягкий, с необъятными подушками, перед ним плоский телевизор в размах рук. Лампы в форме подсвечников. Черный рояль без пылинки. Круглый стол под конвоем кривоногих стульев, на столе — шахматная доска с фигурами.

— Здесь живут мои родители. Я обретаюсь этажом ниже.

— А-а... А почему квартиру не снимешь?

— Да я снимал дом неподалеку. Гостиная была — сто метров: я поставил посередине рояль и играл ночью. Вокруг сад, никто не слышал. Такой большой старый дом, и на второй этаж, в спальню, ходил лифт, гудел. Гостей впечатлял. Потом хозяин решил дом снести, сад вырубить и понастроить жилья на съем. А я сюда вернулся.

— Ну... тут здорово, — Марина обвела взглядом комнату. — Но тебе, наверно, как-то не того жить с родителями?

Ноэль резко отвернулся. Теперь она видела только его спину.

— Я сейчас не могу иначе.

51

Мать говорила: «Пускай Мари строит свою жизнь как хочет!» Трудно было себе представить, что ей без разницы, останется дочь в Мексике или вернется. И когда похоронили Мари — все совпало: и то, что хозяин дома с лифтом попросил съехать, и *это*. Родителям требовалась поддержка. И он вернулся в дом, в котором не жил уже двадцать лет.

52

Сняла туфли, прошла — ковер мя-ягкий — к дивану, тому, что в подушках.

– Можно упасть?

– Конечно. Да зачем разулась?

– Признаться, туфли ужасно жмут.

Пока шла до станции, поняла – весь вечер в них не пробегать. Купила летом на распродаже, но ни разу не надела. И сегодня дернул черт.

Ноэль сел на корточки, взял ступню в ладони, стал аккуратно косточки разминать. Не глядя пристально в глаза и не изображая сбившееся дыхание.

– Так лучше?

Ступни размякли, теплыми стали, сонными.

– Голодная? Сейчас что-нибудь найду в холодильнике.

Откинулась на подушки, слушала, как дождь тукает по жести. Здесь был какой-то другой мир, она чувствовала себя в нем плебейкой, бедной и даже не родственницей. У нее был свой дом, свой мир. И так захотелось, чтобы они походили на этот. Ну хоть чуть-чуть.

53

– Что это?

На тарелке нечто в томатном соусе. Это нечто – с присосками.

– Мамино фирменное блюдо. Осьминог. – Улыбнулся. – С эстрагоном.

Осьминог немного резиновый, но ничего. Жуешь присоски, они сопротивляются.

– Вчера гости были, а утром родители уехали на три дня – если не съешь всю бадью, пропадет осьминог...

Кухня: светлое дерево, кафель песочного цвета. На подвесных шкафчиках – фигурки почему-то кур. Ходики. Картина – белый кот в траве (сбежавший Пепе). Стол большой, дубовый, вдоль стены – лавка. На столе – подставка для бумажных полотенец, увенчанная деревянной коровой, безвкусица жуткая. Все чужое. Твой дом таким никогда не будет.

Ноэль проследил за Марининым взглядом.

— Знаешь, я тут тоже в гостях.

И это объединило.

После осьминога доползла до дивана, упала в подушки. Ноэль ушел за мороженым. Через дверь гостиной — цветное стекло мозаикой — было видно, как стена с книгами в коридоре отъехала в сторону и обнажила лестницу, ведущую этажом ниже.

— Держи.

Протянул вафельный рожок, распакованный. Эта маленькая забота — снял обертку — тронула. Отвыкла она от внимания.

Ноэль сел за рояль. Марина грызла мороженое — твердое, холодом веявшее, смотрела на деревце за окном: дождик стучал по листьям, и они вздрагивали.

Послышалась «Лунная соната». Она текла по комнате, Марина смотрела на листья, содрогавшиеся под дождем, трудно было перевести взгляд на человека, сидевшего за роялем. Эта музыка, этот человек будто взяли ее за сердце и сжали, что было сил. Корто безразличен к музыке, он ко многому безразличен, он никогда не разомнет в ладонях твои ступни, не снимет с мороженого обертку, которую некуда деть на диване. Хотелось именно этого — чтобы рядом был теплый человек, чтобы шел дождь, чтобы звучала «Лунная соната». Но это не для нее. Потому что это не ее. У нее своя жизнь, где все понятно и знакомо и мило ей. Только неясно, почему так щемит сердце — будто что-то большое проходит, как облако, проходит сквозь тебя. Отняла мороженое от губ, провела по ним холодным языком. Удержать это облако... Но что с ним делать-то?

54

Народ рассаживается, зал маленький, красные мягкие кресла идут полукругом, приглушенный свет, тихая музыка. Мальчик провел на третий ряд, сели. Ноэль заказал два мартини.

На стене справа — имена побывавших в «Крейзи Хорс». Де Ниро, Феллини, Форман, Клинт Иствуд, Симона де Бовуар. Красные светильники, похожие на игрушечные вигвамы, внутри — теплый свет, жизнь. Закончится все около одиннадцати, и — домой. Выключила телефон, кинула в сумку.

Рисунки Ноэлю принесла, да забыла в багажнике.

55

Ехали вдоль набережной, обсуждали игру света и тени на полуобнаженных красотках. Возле Нотр-Дам Ноэль свернул с дороги:

— Сейчас я тебя угощу потрясающим мороженым.

Ладно, полчаса погоды не сделают.

56

Зеленый навес кафе. Ветер полощет его край, немного зябко. Виден ночной Нотр-Дам, каменное кружево тыльной стороны и запутавшиеся в нем лучи подсветки. Она выбрала имбирное с карамелью.

— Признайся, девчонки на тебя произвели впечатление?..

Марина возмущается, Ноэль смеется, кладет ей на шею ладонь, легонько треплет волосы. Это просто эмоции, но тебе неловко. И легко.

Пока Ноэль листает рисунки, можно свет разглядывать. Он в этом городе такой разный. Веселый — в витрине кафе, сонный — под фонарями, прохладный — далеко, за рекой... и хрупкий — вплетенный в кружево Нотр-Дам.

Принесли мороженое — Ноэль не заметил. Эти рисунки Денис в руки не брал. Наконец Ноэль захлопнул альбом, поднял глаза, они блестели.

— Ты талантлива.

И зашла речь о том, что надо пробиваться, что это трудно, у нее ничего не получилось в Москве... Ноэль завелся, начал

строить планы, один другого фантастичнее — послать рисунки Кунихико Икухара, режиссеру «Утэны», он оценит и пригласит к себе работать: «Полетишь в Японию?»

— Жаль, что Уго Пратт умер, можно было бы к нему обратиться.

— Уго Пратт? Автор «Корто Мальтеза»?

— Да. Он, кстати, Корто в сорок лет придумал. Тогда и стал знаменит — так что долой комплексы.

Марина улыбнулась:

— Спасибо, Ноэль.

— На неделе разработаем стратегию наступления на японца. У тебя нет в запасе манги в духе «Утэны»?

Марина достала из мороженого вафельную лепешку, хрустнула ею.

— Нет. Есть другое — будешь подшучивать, не скажу.

— Хентай?!

— Не надейся. Это...

У Ноэля зазвонил мобильный.

57

Мобильный пиликал, замолкал и снова звонил спустя пару минут.

— Пожалуй, я его отключу.

Перешли через темную реку, сели в машину, поехали.

— Подружка беспокоится?

Ноэль вернул улыбку:

— Меня сейчас ни для кого нет.

В темноте на панели навигатора светились часы.

— Ноэль! Уже полпервого? — Марина завозилась. — А где моя сумка?

— Ты в багажник ее кинула, с рисунками.

— Там телефон...

— Значит, и тебя ни для кого нет? Кстати, а ты никому не подражаешь?

Разве он не знает, что так нельзя? Правда, Корто беспокоиться не склонен — звонит, только если она последним поездом не приезжает. То ли это деликатность, похожая на безразличие, то ли безразличие, похожее само на себя.

— Нет. Но когда-то рисовала в стиле Айко Аоки. Она стала знаменита мангой в жанре юри.

— Лесби? Понятно, тебе это близко...

— Ошибаешься. Просто у Айко потрясающие образы. В одной манге, например, такая идея, что есть мы — какими нас видят, и мы — какие на самом деле. Там две главные героини, но рисует она четырех. И каждая живет своей жизнью...

— Считаешь, это правильно?

— Правильно или нет, но часто сердцем ты не там, где находишься.

Ноэль припарковал машину.

— А надо быть там, где хочешь. Пойдем.

58

Глухо, мобильный отключен. Поехала Буратине картинки демонстрировать, и с концами. Могло, конечно, случиться нечто из ряда вон, но есть и такой вариант: вырубила телефон и развлекается с итальянцем — дежавю времен Марго. А может, мстит мелко: рявкнул тут на нее, когда из отеля позвонила в два ночи, поныть. Пошел спать, в замок ключ вставил — пусть ломится.

59

— Советую ризотто с грибами и курицей.

Заявил: «Есть хочется, умираю...» — и повел в паб, а она-то подумала, что путь в ночной магазинчик к арабу, дело двух минут.

Прошли сквозь толпу курящих и тянущих пиво, поднялись на второй этаж. Машина за два квартала осталась, с сумкой и мобильным. Ноэль телефон не взял — никак от подружки шиф-

руется. И вот они разглядывают меню в красном зале с приглушенным светом. В час ночи.

На днях тоскливо было в отеле — позвонила Корто, слово теплое услышать. Облаял — он уже улегся, но еще не спал, а то, наверно, голову откусил бы. Может, и ничего, что не предупредила. Пусть знает, как бывает, когда до тебя нет дела. Поесть за полчаса, и за столько же доехать.

— Ризотто так ризотто.

Официант ушел. Ноэль развалился в кресле:

— Этот паб в мае шестьдесят восьмого был очень популярен. Ну, знаешь — студенческие волнения, баррикады в Латинском квартале. Сюда как раз и приходили забастовщики — пива глотнуть.

— А твои родители тоже булыжниками кидались в полицию?

— Да что ты. Мама хозяйством занималась, а отцу было за тридцать, он заводиком руководил, какие булыжники... Лидера тех студентов Кон-Бендита отец бандитом называет. Но лозунги у этих ребят попадались примечательные, их писали краской по всему городу. Как тебе такой: «Реальность — это мои желания»? Или: «Сновидения — реальны»...

Марина улыбнулась:

— Здорово, когда желания и сны явью становятся. Только при чем тут социальные требования?

— Да многим просто хотелось побузить.

Два парнишки поднялись по лестнице, окинули взглядом зал и ушли.

— Кстати, насчет побузить. Я еду в Лондон к клиенту на три дня. В качестве компенсации за Сицилию могу предложить английские пабы.

— Ноэль! Что я дома скажу? И... и мне нужна виза.

— Какая виза?

— А такая, — Марина махнула рукой и резко бросила: — Европа с русских визы требует! Боитесь нас...

Ноэль помотал головой.

— Нет. Я тебя не боюсь.

— В смысле?..

— Удивительное дело — у меня нет к тебе сексуального влечения. Ну никакого! — Ноэль засмеялся. — Я даже обеспокоен!

— Прекрасно...

Это чувство взаимно — интерес только к сердцу.

— К тому же я знаю, зачем мы встретились.

60

— Нормальная женщина оскорбилась бы, а ты — «Прекра-а-асно!»

Ксеня посмеивалась. Устроились на террасе кафе на площади Бастилии: до отеля пешком. Утром Бенжамен позвонил, весь в катастрофе: «Можешь подменить?» Сутки дома провела, паинькой, еле с Корто мосты навела из-за позднего возвращения. Не стоило пока никуда высовываться, но Бен принялся канючить (Корто слышал), она вздохнула и как бы нехотя согласилась. С Ксеней по телефону-то не поговоришь, Корто дома залип.

— Ты пойми, мне просто тепло. Наконец.

— Денис делает все для себя, а Ноэль — для тебя, так?

Марина кивнула.

— У Ноэля принцип — жить для других. Сказал, что встречается тем, кому нужна его помощь.

— Тебе нужна?

61

Нужен ли человек, который говорит, что ты талантлива, что пробьешься? Который заботится о тебе? В пабе голова заболела, так всех достал, но таблетку раздобыл. Шагаешь с тротуара на проезжую часть: «Осторожно, ступенька!» — мелочь, да? А если тебе нужна эта мелочь? И нужно, чтобы открыли дверцу машины, чтобы пододвинули мороженое: «Тебе не принесли,

ешь пока мое». Сколько мужиков начали бы жрать не задумываясь!

Плюс ко всему — то, что произошло в пабе «Сен-Жермен».

62

— Марина, это Бенжамен. Ты меня убьешь. Понимаешь, моему другу с девушкой негде встречаться. Когда я на работе, она из Руана приезжает, и я им ключи оставляю от квартиры.

— И что?

— Забыл дать отбой, Эмили уже в Париже... Может, я выйду все-таки?

В этом весь Бен. Теперь Корто подумает, что она спектакль разыграла.

— Ладно. Повезло твоим друзьям со мной.

— Со мной тоже, — вздыхает Бен. Отель в его планы явно не вписывался.

Ксения вертит в руках чашечку с осадком от кофейной пены — стенки такие толстые, что кажется — упадет — не разобъется.

— Ноэль в двадцать лет женился на дальней родственнице. Год прожили, а разводы на шесть лет растянулись, гражданский и церковный. Адвокаты бодались: тогда мало кто контракты подписывал.

— Зато теперь без них — ни шагу. За добро свое трясутся, вроде Франсуа.

— Да что Франсуа, вон у Корто ни гроша, а без контракта в мэрию отказался идти.

— Он туда черепах внес? А то еще с аквариумом слиняешь.

Ксения посмеивалась над Денисом, но без злости. Марина прикусила губу:

— Думаешь, я слиняю?

Таблетка в пабе не пригодилась. Ноэль сел за спиной, сказал: «Расслабься. Закрой глаза. Просто будь здесь и сейчас».

Начал медленно, осторожно массировать виски.

63

От висков пальцы неспешно доходят до затылка, спускаются по шее, позвонок за позвонком. Это как волна. Она набегает на плечи; мягкие движения, прилив и отлив.

Пальцы скользят к груди, и Марина сжимается, сейчас всё разобьется, зачем это — «ты меня не притягиваешь», он такой же, как все.

Но от ключиц волна возвращается к плечам; катится по рукам, до ладоней, разминает их аккуратно, где сильнее, где слабее. Бесконечно приятно. Теперь ясно: у нее, Марины, жажда. Жажда слов, касаний, жажда красок. И вот ей дают напиться: она глоточками, едва доверяясь, пьет. «Сновидения — реальны». Чтобы дотянуться до ладони, Ноэль приблизился, дыхание на шее, кольнули иголочки — дня два, наверно, не брился, — ей опять не по себе. Отклонился. Волна возвращается к плечам, катится по шее, обводит подбородок, поднимается к вискам. «Тебе лучше?» Марина еле заметно кивает. Это не ласка, это нежность. Ласка — всегда зачем-то, нежность — она просто так.

Пальцы скользят по лбу, спускаются к губам и медленно обводят их: сперва верхнюю, потом замирают на уголках и скользят по нижней. И снова — дыхание на шее, она различает шепот: «Не бойся». Но непонятно — нежность это или уже ласка, ласку она не может позволить, она ей не нужна; делай это только с сердцем... и — слышит он ее, что ли? — в шепоте улыбка: «Не бойся, мое сердечко». Он сказал: *"Mio piccolo cuore"*, она не знает итальянского, но слова-то простые.

И самое яркое — после.

Говорят: уронить лицо в ладони, а тут — наоборот, ладони легли на лицо, вернее, приняли его в себя, едва касаясь. Захотелось остановить здесь и сейчас, оставить лицо в этих ладонях. Губы коснулись шеи — они скользили, уже не пугая; они просто были, как и эти ладони. И вся она превратилась в ровно стучащее сердце, сонное сердце, полное радости. Кажется, он тронул

ее поцелуем, но таким легким, бестелесным, что она все спрашивала себя — а был ли?

Ксения поставила чашку на блюдце:

— Так где ты сегодня ночуешь?

64

Тогда вышли из паба в четыре утра. Ноэль отвез в Нуази и на работу поехал — у него в восемь встреча.

Ключ в замок не входил. Стала стучать. Ведь слышит Корто — от двери до кровати в два прыжка можно добраться.

— Денис! Хватит! Открой!

Соседка напротив скрипнула дверной петлей — смотрит в щель.

Спустя десять минут открыл, бешеный был.

65

— Не хочу, чтобы из меня дурака делали.

Высшая степень эгоизма. Не «не хочу, чтобы ты была с другим» (это — средняя), а — чтобы смешным не выглядеть. Гордость чертова.

— Корто, мы просто в баре сидели...

Слезы, сопли, вернувшаяся головная боль.

— Денис, прости, ну пожалуйста, Корто...

Легла рядом, ткнулась носом в плечо — отстранился. Спазм в горле:

— *Тебя* я люблю, понимаешь?!

К семи утра позволил себя за руку взять. С тем и уснула.

66

Утром к Тибидоху ездил. Ушел — она спала.

Вернулся — сидит белая-пушистая, еда есть, свалка шмоток на стуле разобрана. Нет, тут нечисто.

На следующий день поехала Бенжамена подменять, сунулся к ней в компьютер. Шпиона установил, еще когда итальянец только появился. Так и есть — письмо Ане. Все доложила: ели мороженое, рисунки понравились, завалились в паб, за временем не следили. Вообще, это в ее духе, голову в детстве на скамейке забыла. Решил простить, хотя Тибидох сказал, что за такое из дома выставляют, вся банда поддержала.

Пускай со своими бабами разбираются.

67

Проснулась — Корто не было. Включила телефон: выскочила эсэмэска.

"Buongiorno mio piccolo cuore".

Все легко стало — и шмотки разобрать, и картошку почистить, и в ванной зеркало надраить. А не придумать ли мангу в духе «Утэны», как Ноэль говорил? Сделала несколько набросков — нет, пока не готова. Тут Корто вернулся, иголками вперед. Но такой близкий. Неужели не видит: не влюблена? Не влюблена, но счастлива.

68

Распрощалась с Бенжаменом и позвонила Ноэлю. Сказал: «Подъедешь? Я пока занят». Встретил у выхода с платформы *RER "Le Vesinet — Centre"*, провез по городку — вон там у нас озеро, там парк. Остановились напротив двухэтажного здания на тихой улочке. У входа — табличка: *"Dell'Anna"*.

— Я неоригинально назвал фирму своей фамилией. — И, поймав удивленный взгляд: — Это моя фамилия, Дель Анна. Пойдем.

69

— Двадцать минут, и я свободен.

Огляделась: массивный длинный стол светлого дерева; вдоль — высокие кожаные кресла. На столе — два детских рисунка.

Балконная дверь была приоткрыта, Марина вышла на площадку — кадки с деревцами, тихо. Смотрела на внутренний дворик, ухоженный, с подстриженной травой, и мысль вкралась: «Я знаю. Знаю, как влюбляются в богатых». Вот так: когда запах кожаных сидений, ресторан с тяжелыми шторами, гостиная с пузатоногой мебелью, добротный стол для конференций, балкон с твою квартирку, и под ним — аккуратный фонтанчик.

Только ей не надо этого. Вернее, надо — от бедности устаешь, — но не любой ценой.

— Я так и не спросил — дома не съели, когда ты вернулась в пять утра?

Марина оглянулась:

— Ну, по головке не погладили.

Ноэль облокотился о бордюр:

— Для меня такое тоже было бы неприемлемо при глубоких отношениях. Ведь если ты где-то бродишь, значит, тебе там лучше. А тогда зачем все.

— Но...

— Не было бы лучше — не стояла бы ты на этом балконе. Поехали.

— Куда?

— Ужинать.

70

В зеркале отражался их столик, покрытый белой скатертью. Два парня по соседству сопровождали каждый кусок мяса сигаретной затяжкой. Ноэль морщился от дыма. Но тут было восхитительно уютно. Хозяин — улыбчивый здоровяк в поварском переднике — пожал Ноэлю руку, как старому знакомому. Она выпила вина, Ноэль смотрел смеющимися глазами, вчерашним вечером вернувшееся беспокойство (край плаща) растаяло.

Хозяин протягивает ей крахмальную салфетку — на свою она опрокинула бокал вина, — у него фигурно подстриженная

бородка, прямоугольные очочки на кончике носа и идеально выбритая голова.

— Мадемуазель еще что-то нужно?

Спрашивает по-дружески, будто знает ее со школы. Ноэль улыбается:

— Спасибо, Бертран. Все, что мадемуазель нужно, у меня есть.

Она приподнимает брови: «Неужели?»

Хозяин подмигивает и ретируется, Ноэль кивает:

— Ну да. Не веришь?

Она подпирает голову руками, запускает пальцы в волосы:

— Верю.

Они едят *"coq au vin"* — петуха в вине, которым славен ресторанчик, говорят о ерунде; он смешит ее, Ноэль, ей легко смеяться, на улице темно, не хочется уходить отсюда, не хочется никуда, хочется здесь и сейчас. «Реальность — это наши желания».

Ноэль смотрит пристально, бросает мягко:

— Тебе одно нужно — чтобы тебя любили.

Опустила глаза.

На прощанье хозяин наливает Ноэлю древнего коньяку из огромной бутыли, Ноэль заглатывает золотистую жидкость и смешно разражается восхищенной тирадой.

Они идут к машине. Время к полуночи.

— Дома думают, что я сегодня работаю...

Марина достает мобильный: два звонка от Дениса. Проверяет, не делают ли из него дурака. Можно не сомневаться, что в «Акацию» он уже позвонил.

71

— Нам с Ксенькой надо было много чего обсудить... (правда). Скоро поеду уже... (правда). Если что, Франсуа отвезет.

— Почему ты поддерживаешь отношения, в которых нет радости?

Ну что он знает, Ноэль. Там своя, другая радость. Там тишина внутренняя. Там земля, к которой прибило. Там хорошо... по-своему.

— Ты боишься остаться одна?

— Нет, но зачем мне ломать...

— Чтобы все было настоящим.

Неловко сказать: люблю Корто. Запишет в мазохистки.

— Ноэль, ну что у меня не настоящее?

Оторвал взгляд от дороги:

— А всё, кроме рисунков. У тебя страхи. Неуверенность. Ни капли радости. — Помолчал. — Вот смотри: я хочу, чтобы ты была счастлива. Потому что ты у меня в сердце. Мне нет никакого проку от этого, и оно взялось ниоткуда. Это настоящее.

Хотела ответить, оборвал:

— У людей многое сводится к внешнему. Они боятся физической измены, когда измена — здесь, — ткнул пальцем в лоб. — Я живу настоящим, а не внешним. И когда проживаешь настоящее, кажутся такими ничтожными страхи, мелкая ложь, привязки к людям, с которыми удобно.

— Ты не скрываешь, что тебе с твоей подругой именно удобно. Это настоящее?

— Да. Потому что я не обманываю — ни ее, ни себя. Мне первым поездом в Лондон ехать, забыл в офисе кое-какие бумаги. Крюк невелик, составишь компанию?

72

— Коньяк... — Ноэль возвращается в машину, бросает на заднее сиденье папку. — Я чуть в офисе не заснул. Коньяк подкосил... Ничего не соображаю. Давай возьму тебе комнату в отеле. Тут недалеко. «Таверна Трех Ступенек».

— Ноэль, что я дома скажу?!

— Что осталась у подруги. — Молчание. — Страхи? Ладно, поехали.

73

— Франсуа? Добрый вечер. Это Денис. Спасибо, что подвезли Марину. Не подвозили? А, значит, я ошибся — это был другой Франсуа. Пойду его поблагодарю. Всего хорошего.

74

— Ты эгоистка, Марина. Я бы никогда так с тобой не поступил. Никогда, понимаешь? Непонятно, как я до дома живым добрался.

В отель зашли двое, попросили ключ. Дала, не отрываясь от трубки.

Ноэль вернулся из Лондона, но не звонил. Теперь ясно почему.

— Ты ни о чем не думаешь, кроме себя и своих проблем. И идеально подходишь этому своему Денису.

Вошли еще двое. Попытались что-то спросить — знаками показала: ждите.

— Ноэль! Что ты хочешь сказать?

— То, что тебе лучше оставаться там, где ты есть. Это твое место.

Двое разглядывали рекламные проспекты.

— То есть между нами все кончено?!

Двое оглянулись.

— Кончено? Что кончено? — Усмехнулся. — Разве между нами что-то было?

Двое смотрели на нее, но ей не было стыдно реветь.

75

— Ксень, он не простит. Сказал на днях: «Ты идеальная». С улыбкой, но без ехидцы. И тут «идеальная» оказывается...

— Ага, он идеальный! В сорок два — ни семьи, ни близкого человека.

— Он просто очень требовательный. К себе и другим.

Ксения хмыкнула:

— Про Дениса ты то же самое говорила. Не устала от требовательных?.. Чем разговор-то закончился?

А ничем. В голове каша — ищешь в ней французские слова и не находишь. Забыла их все, напрочь. Захлебываясь в этой каше, нащупала, уцепилась: *"plus tard"*, «позже». Он спросил: «Что позже?» — «Позже...» — «Перезвонить позже? Когда?» — «Позже...» И трубку положила.

— Марин, попроси, чтобы подменили, и приезжай. Куда тебе сейчас за стойкой сидеть. Только ливень страшный... Зонт есть?

Это была пятница, у Бена начался его шаббат, но он приехал.

В дверь они вошли друг за другом — Бенжамен и Ноэль.

76

Дождь падал стеной — дворники еле справлялись. Она молчала, вжавшись в кресло. Когда проводила по глазам тыльной стороной ладони, Ноэль повторял: «Ну что ты плачешь?»

— Ты прости. Я так долго жила в эгоистичном мирке. Денис спокойно съедает последнее яблоко, и я научилась.

Под мостом дождь прервался и снова обрушился, как выехали.

— Моя бывшая подруга тоже «ела последнее яблоко». Два года были вместе.

— Вы жили в доме с лифтом?

— Нет. Ей от меня на работу было на полчаса дольше ехать... Мы не вылезали из ресторанов, она ни разу не предложила: давай я тебе приготовлю.

— И ты с ней оставался!

— Сестра погибла, стало не до выяснений отношений. — Съехал с трассы. — И потом, я уважал ее. Она перенесла операцию, могла бы не работать, сидеть на дотациях, но не захотела.

– Француженка?

– Вьетнамка. Мы и разошлись, потому что Лин вечно по-азиатски отмалчивалась, я устал в закрытое лицо стучаться. – Выключил мотор. – Держи зонт. Я так добегу.

77

Маринка позвонила в соплях – с Буратиной поссорилась. Ревет в три ручья: «Ну скажи что-нибудь!» Сказал: «Сочувствую». Ловко она подстроила – якобы Бенжамен подменить попросил и передумал. Последовал ответ: «Тебе на меня наплевать!» Хотел уточнить: «Тебе на меня тоже», – но не стал. Просто спросил: «У тебя всё?»

78

Круглые столы, глубокие диваны полукружьем: сидишь в этакой мягкой корзине. Никого. Сквозь стеклянную стену виден – далеко внизу – подсвеченный бассейн: он при отеле, как и ресторан. Бирюзовая вода, несколько пловцов снуют по дорожкам. Марина едва пробует рыбное филе, даже на вид нежное, – сворачивается комочком на диване.

– А мама Клелии, она откуда из России?

Хорошо говорить на «посторонние темы», следить за человечками-головастиками. Она соскучилась по Ноэлю за его три дня в Лондоне. Денис впервые не стоит за спиной, чувство вины ушло. Таким безразличным голосом заявил: «У тебя всё?»

Ноэль сидит вполоборота, подвернув под себя ногу.

– Она из Туркменистана, там русских притесняют: попросила здесь убежище. Но она только наполовину русская, отец у нее туркмен.

– Азиатка... Вот почему ты не смог мимо пройти.

Ноэль пожимает плечом:

– Красивая, но поступает некрасиво. Подстроила беременность...

— Может, ей хотелось простого женского счастья?

— Денег ей хотелось. — В голосе у Ноэля не было злости, одно удивление. — Пришла в дом к родителям, решила, что получится его к рукам прибрать. Она с другом жила, русским. Они как-то поссорились, и он явился ко мне с откровениями. Она целый план разработала: выйти за меня замуж, получить семейный вид на жительство, развестись и потребовать свою долю. Идея с беременностью — это был для него перебор. Но она заявила, что на мои алименты они будут жить, не работая, а ребенок может многое унаследовать.

— Ты уверен, что ее друг не наболтал лишнего?

— Я сам не верил. Он завелся, сказал: «Выходи из машины, докажу, что это правда». Разогнался и врубился в дерево. Разбил свой «ситроен». Вышел, говорит: «Теперь веришь?»

Марина улыбнулась:

— Это по-нашему.

Ноэль помолчал, глядя на бирюзовую воду бассейна.

— Я не жалею. У меня прелестная дочка. Кстати, убежище Анне предоставили, брак не понадобился.

— Ее зовут Анна?..

— Аннагуль. — Помолчал. — Я на нее зла не держу. Она по-своему несчастна.

Свет в бассейне погас. Ноэль смотрел на темную воду пустыми глазами, и Марине остро захотелось, чтобы он вернулся.

— Если бы ты женился на ней, она стала бы Анна Дель Анна.

— Да, это был один из аргументов. Она говорила, что хочет на мою мать походить, которую как раз и зовут — Анна Дель Анна. У родителей с этим романтическая история связана.

Пока официант нес счет, Марина произнесла, глядя в сторону:

— А я ведь якобы на работе. Ты мог бы остаться со мной до утра? — Столкнулись глазами. — Нет, просто побыть вместе.

Еще не отошла от страха его потерять. И у Корто безразличный голос.

79

Около полуночи надумал Маринке позвонить — узнать, очухалась или всё сопли жует. Итальянец морочит ей голову в надежде перепихнуться, надо быть двенадцатилетней целкой, чтобы этого не понимать. Но «сопли» могут пойти ей на пользу — а то живет в своих картинках, мультиках и замках воздушных. Жизнь, она с пустыми глазами.

Выключила мобильный — никак от Буратины шифруется. Позвонил в отель.

80

Утро. Из окна в ванной комнате виден бассейн, кишащий «головастиками». Приятно воду не экономить, дома-то все на счетчике. Теплые струйки по телу...

В дверь стукнули. Ноэль заглянул — высунулась из-за занавески.

— Марина, тебе знаком этот номер?

— Это... наш домашний телефон...

— Твой муж звонил моим родителям.

81

— Я что говорю? Ночевала у подруги?

Ноэль сидел на кровати, обернувшись одеялом.

— Так ты *"homo crichicus"* или верная жена?

Сказала ему: я хомо кричикус, человек кричащий. Только не докричишься до Дениса.

Сердце ходило ходуном, начнешь ловить руками, сразу и не поймаешь.

— Так тебе там плохо или хорошо? Если плохо — зачем врать, а если хорошо — зачем ты здесь?

Не к месту эти умствования. Включила телефон — там сообщение на автоответчике. Прослушала, перезвонила. Денис трубку не снял.

82

Все так весело начиналось.

Выбирали комнату: Ноэль прислушивался, браковал: «Дорога!», «Кондиционер слышно!», «Тут... нет... я еще раз послушаю в предыдущей!» Марина, с детства жившая в квартире окнами на трассу, смеялась.

Он казался таким нужным. Его тепло ей было как запах скумбрии оголодавшему коту: за хвост тащи — не оттащишь от сумки. Орет и цепляется.

В темноте забралась под одеяло. Ноэль обнял:

— Ты одета?!

— Ноэль! Мне нужен ты, а не...

— ...мой *шлэн*?

— Что?!

— Шлэн. Так говорят по-русски? Меня Анна научила.

Фыркнула. Помолчали. Ноэль снова заговорил.

— Все-таки я хочу тебя. Но никогда не понимал — как можно настаивать. Женское тело — как рояль: станешь лупить по клавишам — музыки не будет.

Музыки не было. Вернее, это была другая музыка. Другие инструменты.

Ноэль вел пальцем по брови, обводил профиль, доходил до губ. Она прихватывала ими бродячий палец.

— Это приглашение? — хмыкал.

— Нет...

Шторы задернуты, виден только абрис его склонившегося лица.

— Если бы ты не наткнулся на «Акацию»...

— Милая, случайностей не бывает. Ты меня звала, и я пришел.

— Мне так хочется что-то сделать для тебя, Ноэль.

— Это и есть — настоящее. Чистые чувства, они передаются. И тогда все взаимно. Я только в таких отношениях вижу смысл. И мне нужны только они.

— Мне тоже.

83

Прослушала сообщение: «В общем, так: говорить нам не о чем. Чем быстрее заберешь свое барахло, тем меньше у него шансов оказаться за дверью».

– Что Денис сказал твоим родителям?

– Ничего. Позвал к телефону Ноэля Дель Анна.

Марина отвела глаза:

– Я показала сайт твоей фирмы. Прости...

– Ладно. Пошли, покажу пристань. Там красиво, белые кораблики. И сегодня солнце.

Какая, к лешему, пристань...

– Марина, дай ему остыть.

Отдернул штору, пыль взвилась в прямоугольнике света.

– Или знаешь что? Пошли поедим.

84

Будто ее две.

Одна Марина сидит в сетевом ресторане-гриль *"Hyppopotamus"* в подпарижском городке Ножан, жует стейк с картошкой фри и как ни в чем не бывало рассказывает о том, что мангу придумал художник Кацусика Хокусай еще в 1814 году.

– Это была серия гравюр, странных картинок – одним словом, манга. Говорить картинками – японцам это близко: они пишут, как рисуют...

– Там, наверно, полстраны – художники.

– Любителей много, но профессионально рисовать мангу не всякому дано. Это гонка: раз в неделю мангаке надо сдать главу для сборника, а то и не для одного. Манга обычно черно-белая: ведь не упомнишь, какого цвета у героя были штаны в начале, и раскрашивать некогда; да и печатать дешевле. Все равно сборники эти читают в дороге и выбрасывают. Их еще называют телефонными справочниками – они по нескольку сот страниц, и бумага так себе. Штук триста еженедельно выходит, многие гро-

мадными тиражами. *"Shonen Jump"*, например, издается пятью миллионами экземпляров. Если серия нравится читателю, то ее выпустят книжкой, танкобоном. Или даже многотомником, как *"Dragon Ball"*...

Вторая Марина хочет домой, сейчас, все объяснить. Но что объяснять? Что ей тепло с Ноэлем? Что он интересуется ее жизнью? Что учит ее давать, а не только брать?

Корто не понял бы. У него синдром последнего яблока.

— Из очень популярной манги могут сделать телесериал. Причем не дожидаясь, когда автор закончит историю. Сценаристы сами придумывают концовку, что раздражает отаку — фанатов манги... Но высший пилотаж — фильм. Вот недавно вышел *"Appleseed"* по манге Сиро Масамунэ, там действие происходит в 2127 году, после Третьей мировой войны...

До дома из этого загорода — три лаптя по карте. Сидишь, изрекаешь прописные истины, не решаясь сказать: «Я поеду, ладно?»

85

Пристань, солнце. Кораблики и правда хороши, но не в радость.

У Ноэля звонит телефон.

— *Aaah! Ciao, Giovanni! Come stai? Giovanni! Quando arrivo?*

Забавно слушать итальянскую речь. *"Giova-a-anni!"* — голос взлетает. *"Come sta-a-ai?"* — на этой волне можно серфингом заниматься...

— Друг с Сицилии приезжает, миллионер. Год как жену похоронил. От двадцатилетних отбоя нет, только вот не разберешь, нужен он или его дом у моря и яхта. Ему пятьдесят пять, но он в полной форме. У тебя не найдется для него подружки?

86

— Я полночи не спал. Ладно, это лирика.

В коридоре, за дверью, все прекрасно слышно.

— Я ей звонить должен? И о чем мне с ней говорить? О макароннике?

Интересно, закрылся на ключ или...

— О, явилась. Давай, чао.

Бросила сумку:

— Кости мне перемываешь? С Макаровым?

Встал между коридором и комнатой, оперся плечом о косяк:

— С каким Макаровым, очнись. Я ведь мог бы в полицию заявить — что человек пропал. Было бы весело.

— Мне не весело, Денис.

— Тебя еще и пожалеть?

Прошла в комнату, села на кровать.

— Я все объясню...

Объясню — устала к тебе тянуться, не даешь, ничего не даешь. Один плюс один! Хоть из хитрости забалтывал бы. Не соображает: женщине нужны слова, это как воды попить. Да что объяснять.

Он повернулся лицом к кровати, но продолжал стоять в дверях.

— Мы поссорились с Ноэлем, нам надо было выяснить...

— Выяснили?

87

Сидит и ревет, дитя неразумное. Видно, макароннику и правда не перепало. А может, он просто так за ней волочится, из любви к искусству. С бабой до утра отношения препарировать — надо быть таким же дурным, как она.

Подружке Ане отчет поступит, там и посмотрим.

— Денис, пожалуйста, сядь. Сядь рядом...

Опустился на кровать. Она подбиралась, бубнила что-то про «настоящие отношения», вслушиваться не стал. Пусто весь день было. Хотел покидать ее вещи в коробку — рука не поднялась.

Подобралась, ладони на плечи положила, сопит в затылок, шмурыгает и пальцами жмакает, как кот, когда одеяло когтит. Отстранился, встал:

— Мне к Тибидоху надо ехать.

88

Вернулся — она спала. Лег — проснулась, привалиться хотела — отодвинулся.

— Я рогами весь потолок в лифте исцарапал.

Про рога сказал на всякий случай. Опять заревела, последовал малоинформативный разговор на эмоциях. После трех часов препирательств подвел итог: «Учти, тебе "сежурку" продлевать. А я благотворительностью заниматься не намерен». С тем и уснули.

Большое желание яйца макароннику оторвать.

89

— Ты в «Акации»?

Ноэль звонит из Португалии, у него там клиент по фамилии Барбоса. Неделю ему вкалывать с этим Барбосом допоздна — едва сил остается погрызть что-нибудь и — в отель, отсыпаться, собачья жизнь.

— Я до моря доехал, сижу на берегу. Барбоса сломался, в девять закончили. У меня идея. Вот ты про футуристическую мангу рассказывала, и я подумал — а если сочинить нечто подобное? Ты инопланетян умеешь рисовать?

— Смотря с какой планеты...

— Нет, правда, это интересно — другие цивилизации, противостояние миров, главный герой набивает всем морду. Я уже придумал, как он выглядит.

Заводясь, Ноэль начинал говорить скороговоркой — не угонишься.

— Подожди... я в этом жанре не работаю...

— Да любовными историями имя не сделать! Разработаем сюжет, ты нарисуешь, и пошлем этому...

— Кунихико Икухара, помню, — фыркает Марина.

— Это кто?

— Как кто, «Утэну» сделал. Ты уже предлагал отправить ему мои опусы.

— Да нет! Он не поймет! У нас никаких роз, однополой любви и прочей галиматьи, у нас нашествие инопланетян. Их я тоже придумал. Смотри: там, где у нас выпукло, у них внутрь, и наоборот. Глаза, как у жаб, ушей нет и носа. Кто выпустил *"Appleseed"*?

— Сиро Масамунэ.

— Вот ему и пошлем.

«Если бы вдруг от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором были бы по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы...» Нет, итальянская маниловщина забавнее.

А вообще, трогательно. Особенно если сравнивать с Корто, который продолжает обиженного изображать. Обнимешь — высвобождается. Сказала ему:

— Есть такое понятие, как великодушие, оно может заменить понимание.

Огрызнулся:

— Великодушие — это не ко мне. Это к макароннику. — Хмыкнул. — Хотя есть писательница такая, Мария фон Эшенбах, у нее точно про Буратину сказано: «Некоторые считают, что у них доброе сердце, хотя на самом деле у них лишь слабые нервы».

Уйти бы пожить одной, себя послушать, как Ноэль советует.

От чего крышу стало сносить — от его восхищения: навоображал, что она восходящая звезда манги, осталось телескоп навести. Самооценка полетела вверх, рисовать хочется. И — зависимость, как наркотическая. Весь день живешь в ожидании звонка из Португалии и, как на набережной Сены ранним субботним утром, — легкое головокружение. Произносишь: «Ноэль» — сердце срывается и летит вниз, это почти больно. Думаешь: «Где он?» — и накатывает рябь по телу, вчера в полночь позвонила — автоответчик. Невольно вообразишь холеную азиатку — что, в Порто нет азиаток? — сидит нога на ногу, наматывает на палец черную прядь... у него в номере отеля. Хотя какое ей, Марине, дело.

Дела нет. Но зачем говорил: «"Марина" — "гавань" по-итальянски. Ты — моя гавань». От этих слов рождается беспокой-

ство. Тянешься к ним, как поросенок мордой, и бац — щелбан в пятак: автоответчик в ночи. Так и сажают на наркотики: дадут дозу радости, потом еще, а после и сам прибежишь, ручонки протянешь, не дай бог не уколят.

Матьё-черепашник едет в Париж на выходные, зайдет посмотреть на Тору и Тилу. Корто поздно объявится: можно будет поговорить.

90

Матьё слушал, тянул вино, поглядывал на фланировавших черепах.

— Я ему: «Денис, не могу так больше», а он: «Знаешь, как осьминоги у устриц раковину отбирают?» Полное наплевательство.

— А, это в его духе. И как же?

— Ждут, когда устрица приподнимет створку, и кидают внутрь камешек или кусок коралла. Закрыться она не может, осьминог с ней расправляется и селится в раковине.

— Он, похоже, баснями заговорил. Его явно беспокоит, кто кого сожрет. Знаешь, Денис маниакально подозрителен. Был уверен, что я у него Марго увести хотел. Представляю его в старости: сухой старик с прямой спиной, идет, стучит палкой в мостовую... Не понимаю, что тебя здесь держит. — Глотнул вина. — Любишь ты его?

Марина отвела глаза. Взгляд упал на «Американку в Италии» Рут Оркин, такую до черточки знакомую фотографию.

— Уже не знаю.

91

— Я все равно поеду.

Ксене была знакома эта Маринина интонация.

— Ты про «сежурку» помнишь? Тебе ее через две недели продлевать.

Итальянец в Канны собрался, там клиент. И выдвинул предложение на море сгонять. Он денек поработает, Маринка погуляет. Далее — уик-энд на Лазурном Берегу. Об одном забыли: о существовании Дениса.

— Я совершенно потеряна, когда Ноэля нет. Он мне нужен, понимаешь?

— Не понимаю. Денис звонил мне после твоей ночной отлучки и сказал, что может дров наломать.

Маринка молчала, сопела в трубку.

— Пускай ломает, что хочет.

92

— Я сперва на него погляжу, а потом ты куда-либо поедешь.

— Он не станет перед тобой вытанцовывать!

— Ты представила меня бездушным монстром или я ему мешаю?

Ноэль отказался знакомиться.

— Я бы просто в глаза ему посмотрел. Ты ведь дитя неразумное, тебя нельзя отпускать с кем попало.

— Еще скажи, что ты обо мне беспокоишься.

— Я о себе беспокоюсь. Если что — мне перед твоей мамашей отчитываться. Зараза в доме тоже не нужна.

93

Налоговики стали прощупывать «Эколук». Тибидох экстренное совещание в десять вечера созвал: поджал хвост, обещал задолженности выплатить. В три часа ночи разошлись, самое время посмотреть, что у Тибидошки со счетами — шпион их в папочку на соседнем компьютере копировал. Захватывающее чтиво, надо признаться.

Мобильный выключил назло Маринке.

Дома был около пяти: она спала. Вышел из душа — ночник включен: одевается.

– Куда собралась? Не дури.

Подумал, обиды демонстрирует.

– Мне надо к половине седьмого на Лионский вокзал.

Стоит сонная, лохматая, явно плохо соображает.

– Какой вокзал? Ложись спать.

– Сам сказал: «Вали к своему макароннику». Корто, я хочу поехать, мне надо. Но это не то, что ты думаешь.

– Ничего я не думаю.

Забрался под одеяло. Ее место еще теплое было. Выключил ночник. Минут через десять она ушла, бросила в темноту: «Прости».

Подушка ее пахла травой какой-то: шампунем. Секса недели три уже не было.

94

В вагоне первого класса – красные широкие сиденья, народу немного. На перроне от запаха поезда – дороги! – кружило голову. Ноэль купил в *"Brioche Dorée"* круассанов с колой: ароматные, проседают под пальцами. Ехала сюда – маялась, Корто из головы не шел. Но запах поезда провел границу между там и здесь, и там поблекло.

– Поспим?

Глаза закрыла – такая тишина внутри. Сердце сидит в своей клетке, не падает. И ком из горла исчез, проглотился. Извелась, пока Ноэль в Португалии был.

Потом – день в Каннах: тепло, сухо, бродишь, ждешь вечера. Внутри тихо и радостно. Посидела у моря на песке. Конец октября, вода холодная, но – солнце! Корто позвонила – трубку не снял. Вечером Ноэль подобрал на набережной Круазетт.

В прокате дали раскосый 206-й «пежо». Поехали в отель бросить вещи – в комнате стены обтянуты светлой тканью с вышивкой. Распаковала мыльце: вырвался веселый запах лимона.

Потом никак ресторан не могли выбрать: Ноэль изучал меню, капризничал и шутил.

Расплачиваясь за ужин, бросил:

– Смотаемся в Монако?

Двенадцатый час, в сон клонит, но не спать же сюда ехала.

На трассе – темно, уютно. Поставила диск Земфиры: «Случайно падали звезды в мои пустые карманы...» Грустная правда: в ее дырявые карманы насыпало случайных звезд – сколько жить этой радости? Так же, как и среди старинной мебели в доме в Везинэ, она чувствовала себя в этой машине залетным пассажиром, которого подвозят до перекрестка. Что общего у взрослого мальчишки из буржуазного парижского пригорода с девочкой из Новочебоксарска, которая работает вахтером в отеле и зависит от всего на свете? Одно – что он мальчишка в сорок два, а она – девчонка в тридцать три. Их несет среди ночи бог знает куда, они временно свободны, им хорошо вместе. Только у него и дальше так будет, а у нее нет. Случайные звезды.

И после – пахнущие деньгами авто на чистеньких улицах Монте-Карло.

– Знаешь, сколько стоит эта «ламборджини»? Триста тысяч евро! Я когда-то тоже на кабриолете ездил. Боялся на переходе останавливаться – девчонки так и ломились... – подмигнул.

Стриженый садик – подсвеченные стволы деревьев, ярко-зеленая трава под фонарями. Пальмы тычутся темными верхушками в звезды. Ноэль тянет кольцо с пальца Марины и надевает себе на мизинец.

– *Ma petite femme...*

То ли «моя малышка», то ли «моя женушка» – оба варианта нелепы. Все это будто снится. Тишина в саду – проваливаешься в нее, как в перину.

– Пошли, свожу на экскурсию в «Эрмитаж».

Облитый светом фасад отеля: золотом до темного неба полыхнуло. Внутри – мрамор, мягкие кресла, орхидеи в высоких вазах. Любезный персонал с красными глазами (четвертый час ночи). Один, костлявый, соглашается показать пару свободных

комнат. Диваны, плазмы, картины; террасы: джакузи, вид на море. Любит Ноэль весь этот лоск.

— Марина, в следующий раз здесь остановимся.

Будто не знает, что звезды — случайные.

95

Нырнула под одеяло. Рука у Ноэля меньше, чем у Дениса, и мягче. Отвела ее:

— Прости. Ты пойми, я не могу.

Молчание.

— Марина, если он тебе близкий, почему ты поехала со мной?

— Потому что ты тоже близкий. Но иначе.

— Иначе не бывает. Близость или есть — или ее нет.

Как же тут тихо...

— Выходит, ты все же не просто так предложил на море сгонять?..

Фыркнул:

— Просто так. Но вдруг ты не просто поехала. Я, как воспитанный, должен был проверить...

— Денису сказано, что ты, как воспитанный, возьмешь мне отдельную комнату.

— И взял бы, но тогда могло бы выйти, что я как раз невоспитанный. Кажется, я отключаюсь...

Проснулись к полудню. На деревянный помост, где стоял пляжный ресторанчик, налетело песка. Ветер играл краем скатерти, ерошил салфетки на столе. Смотрели, как в воду по колено забрался худой пацан, стоял, ежился. Потом гуляли по набережной, от витрины к витрине.

— Ты как девчонка, Ноэль.

— Я люблю все красивое. Вещи в том числе.

В одном из бутиков малыш-метис капризничал, тянул за юбку одетую с иголочки блондинку. Она, не обращая на него внимания, перебирала блузки. Когда вышли, Ноэль бросил:

– Зачем рожать? Не лучше ли брошенного осчастливить?

– Что ж ты-то не осчастливил?

– Меня через семь лет здесь уже не будет.

Они пьют кофе за столиком, покрытым тяжелой бежевой скатертью – ветру не под силу ее трепать. Ноэль рассказывает, как три года назад у него подозревали рак кожи.

– Пока ждал результатов анализов, десяток лет прожил. Человек растет, только когда страдает. От хорошей жизни он ленится и жиреет.

А ведь и правда, рисовалось лучше всего после ссор с Кортo, после ухода Вадима, после стычек с отцом...

Пришел за результатами, сел в очередь рядом с сухоньким старичком. «Не сейчас», – улыбнулся старичок. – «А когда?» – «Зачем вам знать?»

– Разговорил я его, наверно, не надо было. Через десять лет, сказал. – Ноэль смотрел на соседний столик: молодежная компания склонилась над счетом. – Вот этого я у французов терпеть не могу. Обычно плачу за всех, и всё. Знаешь, когда я иду в ресторан с клиентом, то всегда приглашаю. Ни один не сделал ответного жеста. Мне все равно, но как они живут, если только брать умеют?

Влюбись она или просто решись отправить в тартарары свой с трудом выстроенный мирок – тогда все было бы проще.

– Что надо сделать, чтобы ты не исчез из моей жизни?

Ноэль улыбнулся.

– «Ветер не вынудишь войти в дом, но можно оставить окно открытым» – это не я, а Кришнамурти. Поехали, покажу один закрытый порт.

96

Охранник, черный детина, поупрямился и пустил.

Шли по набережной, освещенной фонарями, с неторопливым прохладным ветром, смотрели на яхты-дома, плавучие дворцы. Было их немного: осень. Ноэль поднял ворот-

ник и начал предположения строить – кому какая принадлежит.

– А вдруг тут стоит корабль Абрамовича? Напроситься бы туда на экскурсию! Смотри, эта громадина наверняка из Саудовской Аравии! Им там деньги девать некуда.

– Не, она индийского шейха...

Дружно обернулись: на земле, в тени, сидел человек с початой бутылкой вина. Две пустые стояли рядом. Ноэль подошел, заговорил без нотки пренебрежения. Марина рассматривала белую громаду корабля, думала: правда ли, что через семь лет?.. Голос Ноэля долетал до нее – с индийского шейха разговор перешел на миллионера Джованни с его яхтой; потом – на Сицилию, мафию, выборы в соцпартии, и тут алкаш почему-то сообщил, что пьет из-за жены, она с другим сбежала. Правда, *там* не клеится.

– Говорит, что хочет вернуться. Но все «думает». А у нас ведь дети.

– Если позволите дать совет... Я бы крест поставил на этих отношениях.

Алкаш не отвечал, и Ноэль добавил:

– Когда действуешь с сердцем, не раздумываешь. Зачем вам отношения без сердца?

97

Поезд подходил к Лионскому вокзалу.

– Я не смогу теперь с Денисом, – Марина смотрела в окно. – Но через две недели мне идти с ним в префектуру.

– А если не пойдешь?

– Тогда еще через три месяца вид на жительство закончится.

Поезд остановился. Полночь – успеть бы на последний *RER*.

Сейчас Ноэль уйдет, его не будет. Сердце снова из груди выскальзывает. Как жить-то теперь?

– Я побежала... Мне две пересадки делать.

– Какие пересадки?! Опасно ночью! Я тебя отвезу.

Да сто раз возвращалась поздно... (Корто бубнил: «Допрыгаешься», но встречать не шел.)

– Ноэль, машина-то в Везинэ, да и рулил ты весь день...

– Ну и что. Я возле станции припарковался. Поехали.

Когда вошла в квартиру, Денис компьютер выключал, спать собирался. Головы не повернул:

– Э, да у меня гости.

98

Написала Аньке письмо.

Все рассказала. И про две фразы, с которых началось: «Если действуешь с сердцем, не раздумываешь. Зачем нужны отношения без сердца?» Возвращались в отель, говорили.

– Людям так легче – отношения без сердца жить не мешают. Ничего не даешь, ничем не рискуешь. Я тебе говорил, что порвал со своей подругой?

– Нет...

– Приехал, поговорили. Она поняла. Когда всё с сердцем, пустое не вынести. Не вынести такое: «ничего не даешь, ничем не рискуешь».

Вряд ли это можно назвать разговором – она слушала. Наконец улыбнулась:

– Я рискну.

99

Явилась после макаронника, спать завалилась. Назавтра в отель пошла.

Шпион записал послание подружке.

Набрал ее номер – включился автоответчик. Сказал: «Между нами кончено. Тебе лучше здесь не появляться». Ждал этого, всегда ждал.

100

Вышла из метро — телефон чирикнул: «Одно голосовое сообщение».

Прослушала, и — камень с сердца: все само решилось.

Позвонила Ноэлю, сказала: «В Нуази больше не вернусь».

Ни холодно, ни тепло ответил: «Да?»

III

AER

INSULAT

1

Мне всегда говорили, что жизнь коротка,
Она быстро течет – так мелеет река.
Говорили, что время – мерзавец и вор,
Наши слезы ему, как под ноги ковер.
Но мне кто-то сказал, что ты любишь меня,
Он сказал, ты по-прежнему любишь меня,
И виня, и браня...

Мне всегда говорили – злодейка-судьба
Прочит ласку, но только на деле груба,
Счастье будто дает ни за что, задарма,
И ты тянешь ладонь, и ты сходишь с ума...

Марина стояла, заткнув уши *ipod*'ом, на острове Ибисов, смотрела в темную воду.

Но мне кто-то сказал... что ты любишь меня,
Он сказал, ты по-прежнему любишь меня,
И виня, и браня...

Эту некогда популярную песню, с которой фотомодель Карла Бруни вышла на музыкальную сцену, Марина любила – даже не за слова, за голос: мягкий и шершавый, как язык у кота. Три месяца не видела Дениса, до сегодняшнего дня. Единственный человек, который мог ее спасти, который

понимал, каково ей, сидел на террасе кафе *"Marco Polo"* на площади *Nation*: когда она вошла, не улыбнулся.

Но вот если б узнать, кто мне так говорил...
Я не помню лица, это было в ночи,
Его голос со мной, что секрет мне открыл:
«Он вас любит еще, но о том помолчим...»

Видишь, кто-то сказал, что ты любишь меня –
Не послышалось мне, что ты любишь меня?
И виня, и браня...

Век так простояла бы у воды, на острове, где сто лет назад поселили двух ибисов из Египта, да не выжили ибисы в суровом французском климате. Домой идти не хотелось.

2

Три месяца прошло с той минуты, когда она захлопнула дверь квартиры в Нуази, добежала до лифта, держа в руках жестяную цаплю. Лифт долго не приходил, в голове крутилось: войду и двери отрежут меня от *этого всего*. Это всё: комната, в которой стало так неуютно после того, как она сорвала со стен свои картинки; Тора и Тила, опустевшее зеркало в ванной, пузатоногий столик за аквариумом, на котором Денис уже навалил бумаг, «Американка в Италии», пестрое казахское покрывало – в памяти оставался его запах, легкий запах крашеной ткани.

В лифте стояла женщина, одетая в абайю, арабское одеяние до пят. Марина выдавила «бонжур», уткнулась взглядом в дверь. Услышав: «Могу я чем-нибудь помочь?» – не оглянулась, просто помотала головой. Она выйдет отсюда и забудет все, обязана забыть. Не ей надо помогать – а тому, кто остался в квартире на семнадцатом этаже.

3

— В Нуази больше не вернусь.

— Да?

Гадала: удивится? обрадуется? Ведь наверняка думал, что связался с той, которой удобно это — муж & любовник, игра с вечной ничьей. Нет, пожалуй, любовник в проигрыше — если его серьезно накрыло. А Ноэля накрыло.

— Да.

Помолчали.

— Я сегодня в отеле, но завтра можно увидеться.

Принялись говорить на посторонние темы. Ноэль ни с того ни с сего спросил: «А сколько у тебя было мужчин?» — и Марина фыркнула: «А у тебя?»

— Ни одного.

— Я про подружек!

— А! Я уж испугался. Не считал. Десятка четыре. На два не дели.

— Не делить на два?

— Мужчина называет цифру, которую надо делить пополам, а цифру, названную женщиной, надо умножать на два... Да, а сколько из них — не по любви?

— Я все делаю по любви.

Потом подумала, что с Витей, наверно, по дружбе.

— Нет, был один.

Почему-то вспомнился ветеринар с первого этажа — поймал у лифта, прижал спиной к перилам, начал возить небритой мордой по лицу. Затащил к себе. Но он не в счет. А вот в счет — мальчишка, певший ей серенаду на ступеньках московской художественной школы. Когда у них, юных, по расписанию была обнаженка, рисовали обычно обрюзгшие тела тех, кто готов за копейки стоять неподвижно сорок минут, пока шуршат карандаши. Неизменной моделью являлся Василий — бомжеватого вида мужик лет шестидесяти, с хвостом, перетянутым аптечной резинкой: этакая помятая пластилиновая масса. Когда Марина встала

на деревянный круг и скинула халат, по классу прошла волна: все разом выдохнули... Ну мальчишка и влюбился, пел про тело Эсмеральды, трогательно. Привел к себе домой, родителей не было. Забавно стать первой... Хотя нет, какое там веселье, она ведь в Москву примчалась Вадима искать, копила силы, чтобы доехать до квартиры, которую вместе покупали... он покупал. Преодолеть расстояние Новочебоксарск — Москва оказалось проще, чем десяток станций метро. Что до мальчишки, то, наверно, искала она в нем что-то, сама не знала что. А если не знаешь, никогда не находишь.

— Нет, их двое было.

— Даже не помнишь всех... А говорила — только по любви.

Тогда она не почувствовала опасности.

4

В семь утра вышла из отеля. Было холодно. Поехала в Нуази — забрать необходимое.

Денис спал. Легла в одежде, пледом укрылась.

Когда проснулась, он сидел за компьютером.

— Корто!

Головы не повернул.

Для нее ничего не изменилось. Просто теперь она будет жить не здесь.

Говорила, он молчал, но, казалось, впервые за три года слушал.

— Не знаю, как оставлю тебя.

— Иди туда, там тебе лучше будет.

Бросил, не поворачиваясь. Без издевки. Подошла, положила ладонь на плечо, но он ее скинул.

5

— Мы расстались друзьями. Если с Денисом можно быть друзьями. Когда я уходила, он даже спел «Лашате ми кантаре»...

— *Lasciate mi cantare, con la chitarra in mano?..*

— Ага. С выражением: «Лашате ми кантаре — соно ун итальяно!»

— Не слишком он огорчился.

— Ушла с легким сердцем.

Это было главным — легкое сердце, которое она несла к станции, внесла в поезд и вынесла на парижскую улицу, где стояла серебристая «БМВ».

Фонтан еще бил, когда припарковали машину, перебежали дорогу, держась за руки, и нырнули в мирок приглушенного света, красных диванов, сверкающих рюмок. У стойки темного дерева сидела брюнетка с высокой прической, зацепив долгий каблук за перегородку на табурете. Она задумчиво водила пальцем по ободку бокала с красным вином; бросилось в глаза ее тонкое запястье с браслетом. Рояль жил — мужчина в приталенном костюме играл джазовую композицию. Да, ее миновало это — жалость, и сожаление, и необходимость зализывать чужие раны. Корто пообещал утешиться с марокканкой с десятого этажа.

— Не была здесь?

Марина помотала головой:

— Знаменитое «Клозери де Лила», где Золя с Сезанном кофе пили, Рембо с Верленом глазки друг другу строили, а Арагон выкрикивал в окно гадости про колонизаторов Марокко.

— Откуда такие познания, мадам?

— Денис рассказывал.

Ноэль усмехнулся:

— У тебя муж — ходячая энциклопедия.

— Сидячая. И почему — муж? Ревнуешь?

— Я никогда не ревную. Даю свободу выбора. — Официанту: — А столик Ленина у вас не занят?

Официант поймал Маринин взгляд:

— Не удивляйтесь. Он жил недалеко, а тут с поэтом Полем Фором в шахматы играл.

Сели, Марина ткнула пальцем в табличку:

— *"V.O.Lenine"* вместо *"V.I."*!

Ноэль театрально понизил голос:

— Наверно, коммунистов не любят...

Звуки рояля обволакивали. Делаешь шаг, и как сразу жизнь меняется! Марина посмотрела поверх меню:

— Да и ты наверняка за правых.

— Я за тех, кому некогда по митингам ходить. Давай бутылку шампанского возьмем? «Вдову Клико?»

— Ты же за рулем.

— Плевать.

Марина засмеялась:

— Нет, не похож на француза...

— Ты хорошо знаешь французов?

— Ну... нескольких. Очень осторожные.

Ноэль подавил улыбку:

— Я же как-никак итальянец. С корсиканскими корнями, — задрал подбородок, сложил руки на манер Наполеона.

— У Наполеона звонит телефон...

— О! Это Джованни! Я на секунду, позволишь?

Ноэль выходит на улицу, Марина думает написать эсэмэску Денису, спросить, как настроение, но — нет, глупо... Перед ней барная стойка, у бармена за спиной — бутылки рядами, мягко подсвеченные. Брюнетка с высокой прической неторопливо берет бокал, делает глоток. Она, наверно, кого-то ждет. Приносят шампанское.

— Джованни, миллионер, скоро прилетает. Что у нас с подругами?

— У меня только Ксения.

Дать бы Ксеньке шанс — Франсуа совсем извел претензиями (я за все плачу, так что слушайте мое брюзжание, как музыку), а миллионер «редкостно деликатен».

— Она же мужа любит.

— Ну... ей так кажется.

Ноэль взял бокал с шампанским, посмотрел пристально:

— Женщина способна убедить любого, что влюблена. Включая саму себя.

За бокалом красного, который держала брюнетка, трепыхалось пламя свечи, и вино излучало сияние.

— Ноэль, я согласна только на настоящее.

Улыбка медленно растаяла:

— Я тоже.

Ноэль попросил пианиста уступить рояль, и, как тогда, тысячу лет назад, зазвучала «Лунная соната». Пара за соседним столиком перестала есть и слушала.

Как непохож он был на Корто.

После поехали в «Бертийон» на остров Сен-Луи, мороженое есть.

Ночью оказались у отеля «Трех Ступенек» в Везинэ. «Домой не привел», — подумала Марина, и ей как-то не по себе стало.

6

— Здесь тебя никто не будет беспокоить.

Знакомая комната с длинным столом светлого дерева. Утро, жалюзи опущены, но она знает: за ними — балкон с кадками/деревцами, дворик с фонтанчиком. Жаль, что нельзя заглянуть в будущее. Тогда, стоя на балконе, думала ли она, что войдет в эту комнату, держа в руках ноутбук, поскольку у нее вдруг не станет своего дома? Нет, хорошо, что в будущее нельзя заглянуть.

Ноэль потянул за веревку, жалюзи взлетели.

— Кофе тебе принести?

Неужели в ее жизни больше не будет безразличия? Она села в кресло во главе стола, включила ноутбук. Здесь по-прежнему лежали два детских рисунка.

Тишина. Слышно, как иногда кто-то заходит к Ноэлю. У него пустой холодный кабинет по соседству: компьютер, два стола, заваленных бумагами, прошлогодний календарь на стене с японками в национальных костюмах.

Стук в дверь. Худая женщина лет сорока пяти, с большой родинкой на щеке, держит поднос: чашечка на блюдце и большой — даже с виду душистый — круассан.

— Здравствуйте, Марина. Меня зовут Элизабет, я секретарь Ноэля.

И сразу врывается Ноэль:

— Вы уже познакомились? Тебе же нужен Интернет?

Опустился на корточки у стола, принялся кабель подбирать. Элизабет поулыбалась и выскользнула за дверь, чирикнув:

— Ноэль, Корбо будет звонить через пять минут.

Смешно: *"corbeau"* в переводе с французского — «ворон».

— Этот «ворон» мне скоро глаза выклюет, — Ноэль выпрямился. — Тупой клиент, без конца названивает. — Воткнул кабель в ноутбук. — Заметила, как Элизабет на тебя смотрела?

— Н-нет.

— Оценивающе. Она за меня боится после истории с матерью Клелии — как бы опять кто вокруг пальца не обвел. — Бросил взгляд на дверь. — Вообще-то, она в меня влюблена, я еле разрулил ситуацию...

— Сказал, что на работе романы не крутишь?

— Именно. Она на десять лет старше, ей за полтинник, хотя не скажешь. Ну и... — сделал неопределенный жест вокруг лица. — Зато работник хороший, и ты на нее можешь рассчитывать.

— Я?

— Да. Ты со мной, а ради меня она на многое пойдет.

Заглянула Элизабет.

— Корбо звонит.

— Кар! Карр! — прокричала Марина в закрывающуюся за Ноэлем дверь. Он вернулся и поцеловал ее в шею.

Интернет работал. В почтовом ящике ждало письмо от Дениса. Тяжеленькое.

Ни строчки, только — фотографии. Марина открывала их и узнавала. Забытые фотографии. На всех была она, она одна. Разная. Красивая, некрасивая, сонная, веселая, плачущая, лохматая; на кровати, за компьютером; в кемпинге выглядывающая из палатки, в кафе за чашкой шоколада, на долгой лестнице Монмартра; показывающая язык, верхом на свинье Марго; с телефо-

ном в руке; в сарагосской забегаловке, где были отвратительные сэндвичи, у бассейна в марокканском отеле, где они здорово отравились местной водой, в деревушке в Оверни, где она сидит, улыбаясь, с бидоном молока и роскошными молочными усами...

Не досмотрела, схватилась за телефон.

7

Слышал, как захлопнулся лифт, — она будто на работу ушла. И — ушат холодной воды: не на работу! Ей даже не позвонишь — она... с *этим*. Такая ненависть взяла. Плеснуть бы ему в морду серной кислотой — да за решетку неохота. В ванной на двери — ее салатовая ночнушка... сорвал, отнес в комнату, забросил в шкаф с глаз долой. Шелковая, скользнула в угол, сжалась — ну как живая, ей-богу. Сам бы сейчас забился куда, заткнул уши — ее нет не потому, что она на работе и вернется в восемь утра. Ее нет, потому что ушла, потому что ее больше никогда здесь не будет.

Выключил свет, лег на кровать. Как хотелось ей позвонить! Как безумно хотелось ей позвонить... А еще хотелось бы слез, но они не шли. Ведь уже воображал, что представится ей случай... Не удерживал ее, а теперь лежи и считай до десяти, как на ринге — проиграл, не встанешь. Себе проиграл. Это и называют дном отчаяния? Позвонить бы хоть кому-нибудь, да некому.

У нее на столе, куда бумаг накидал, завоевывая ее пространство, стоял глиняный одноухий осел, которого она из России привезла. Встал, взял осла, огляделся — куда убрать. Свет луны падал на стену, где висел ее рисунок: черепичные крыши домов до горизонта, и на них — толстые, худые, рыжие, черные, полосатые коты. «Коты от пыли уже чихают», — как-то сказала. Ее картинки по стенам... Открыть шкаф — ее джинсы-кофты-туфли. Марго, плюшевая свинья, — тут же, у кровати. Она здесь повсюду, Марина. Она тут, и ее нет. Есть отчего свихнуться. Сунул осла под бумаги на столе, опять лег. На ее место. Отсюда луну видать. Выключить бы мозги, заснуть — но рано, только десять. Повернулся — и нащупал что-то возле подушки. Забыла *ipod*. Сунул

в уши: там была эта ее Далида, истеричка, два раза травившаяся, один успешно. Но сейчас не раздражала Далида – сильный голос, немногие переплюнут. Это была Маринкина музыка, и ее хотелось слушать. Потому что здесь слушать было уже некого.

Прошло четверть часа, наверно. И после «Пароле, пароле» всплыло знакомое и как будто новое: *«...Без тебя я как ребенок в спальне детского приюта. Моя жизнь обрывается, едва ты ступаешь за порог; и кровать оборачивается платформой твоего уходящего поезда. Я болен, я так болен – как вечерами, когда мать шла прочь из дома, оставляя меня наедине с моим отчаянием. Я пью по ночам, но виски пресно, и на всех кораблях реет твой флаг, я не знаю, куда бежать, ты повсюду... Я болен, я так болен...»*

Прослушал три раза. Со слезами ушло что-то, заснул, не раздеваясь.

8

Утром – как с похмелья. Сперва не понял, почему постель не расстелена. И нахлынуло. Как лезвие – в живот: кончено. Надо вставать и жить. А это последнее, на что есть желание. И правда – болен.

На сей раз слезы пошли легко, дорожка протоптана. Кого стесняться? Один здесь. Один! Достал из шкафа салатовую ночнушку, повесил в ванной на прежнее место.

Из-под бумаг вынул осла. Свинью Марго на кровать посадил.

И лишь после включил чайник и компьютер.

Попытался «Монд» почитать: социалисты выдвинули кандидатом в президенты Сеголен Руаяль. Каким это показалось далеким. И ненужным.

Стал перебирать фотографии – они в компьютере по папкам. *"France2004"* – два года назад две тысячи километров накрутили; *"Maroc"*; *"Zaragoza"*; *"Margo"*; *"U_Vorobushka"*; *"Shkola"*; *"S_Matthieu"*; *"Tortilly"*; *"Den_rojdenia_Ksenki"*... Отбирал только те, на которых была она.

9

— Это Клелия.

Ноэль взял со стола фотографию в рамке, протянул.

Пятилетняя девочка с чуть раскосыми глазами и темными прямыми волосами до плеч. Обычная девочка. Нет, не обычная: дочка Ноэля — как бы немного он.

— Славная.

Элизабет заглянула попрощаться. Днем она ходила покупать Ноэлю пиццу — у него на обед ни секунды — и ей, Марине, принесла. Приятно.

Все ушли; Ноэль периодически выкрикивал из кабинета: «Еще минут двадцать...» Да хоть сорок. Теперь каждый день вместе.

В ресторанчике при «Трех Ступеньках» сели у окна с видом на церковь светлого камня, высокую, угловатую.

— Я с тобой растолстею. Дома еще ела, а в отеле на чае сидела.

Ноэль захлопнул меню:

— Позволишь, я за тебя закажу? Обещай, что завтра позвонишь в «Акацию» и откажешься от этой работы. — И не дав возразить: — Она ничего не дает, кроме копеечного заработка. Из-за нее у тебя сбит режим, день после смены коту под хвост, и желудок посадишь. Ты должна собраться, нарисовать мангу — пошлем ее режиссеру, который *"Appleseed"* сделал. И здесь в издательства предложим.

— Ноэль, знаешь, какой это труд? Если в цвете делать!

— А легко не будет. Зато когда *пойдет*...

Он так увлеченно говорил, что подумалось: а если он прав? Послать рисунки — нет, не Сиро Масамунэ, а Айко Аоки, королеве *юри,* — ведь хочется рисовать мангу для девушек, пускай кидают камни. Что до отеля... не время там пропадать. Немного денег отложено. Надо взять тайм-аут.

Ноэль заказал обоим по гусиной печенке с красными фруктами; Марине взял ягненка с кабачком и морковью, а себе — этот ужасный тартар, горстку сырого мяса, увенчанную яичным желтком.

— Сейчас придумаем историю. Извини, я руки помыть.

Марина достала мобильный: один неотвеченный звонок. Одно сообщение.

10

Утром, едва фотографии обнаружила, позвонила:

— Как ты?

— Живой.

— Прости меня.

— Не за что прощать. Это... мое харакири. — Помолчал. — Только никак не подыхается.

— Я не дам тебе уме...

Всё, весь разговор. Трубку положил, выдавив «пока». Вышла на балкон, смотрела на мертвый фонтанчик, смотрела, смотрела. Нет, не миновало это — жалость, и сожаление, и необходимость зализывать чужие раны.

Да и свои. Отрывать надо, само не отсохло.

Ноэль встал за спиной:

— Вот ты где... Не холодно?

Снял пиджак, на плечи накинул. Поцеловал в шею:

— Я на минуту. Андрей ждет.

— Андрей?

— У меня русский парнишка работает. По-своему любопытная история, расскажу.

В два часа дня Денис появился в скайпе. Отстучала:

«Что я могу для тебя сделать?»

«Ничего. Жду, когда пройдут промывания, и, может, оцепенение уйдет. С сиделкой легче, я пользуюсь твоей свиньей Марго. Пока».

Появился уже к вечеру.

«Ты забыла тут *ipod*. Не думай, что потеряла».

«Как ты?»

«На сегодня отошел. Слухи о моей смерти были сильно преувеличены».

«Я рада...»

«У мамаши в Праге обнаружилась русская знакомая, одинокая мамзель тридцати трех лет, с ребенком. Недюжинный интерес проявляет, зовет в гости. Решил смотаться».

Непонятно, что больше задело — его тон или «мамзель».

«Ты ей сообщил, что дамочки с довеском тебя не интересуют? Или это вето только на меня распространялось?»

Расхотелось сожалеть и раны зализывать. Едва очухался — играться принялся. Ревность вызвать хочет, что ли.

«Да ладно, с мамзелью пока не говорил. Может, там и ребеночка нет».

Спустя четыре часа она сидит в «Трех Ступеньках» и слушает оставленное сообщение. Наворачиваются слезы, как днем, когда смотрела на мертвый фонтанчик.

11

— Так вот, насчет Андрея... — Ноэль задержался взглядом: — Все в порядке?

Смотря у кого.

— Да. И что Андрей?

— Не уходи от ответа. Мы не для того по отелям мыкаемся, чтобы врать друг другу.

— Денису плохо.

— Так позвони ему.

— Сказать нечего...

У Ксеньки подруга все жалела своего бывшего, тот по пьяни бегал плакаться. Это надоело ее бойфренду, и он вещи собрал.

Но сказать и правда нечего. Только то, что вечно болеть не будет, но это Корто и сам знает, с его-то цинизмом.

— Расскажи про Андрея.

Андрей был знакомым Аннагуль. Выучился информатике в Новосибирске и работал в Ашхабаде шофером, поскольку российский диплом работодателей не впечатлял. А Ноэлю про-

граммист требовался. Элизабет стояла насмерть в префектуре, доказывая, что русский из Туркменистана — незаменимый специалист. Так и оказалось.

— Уходит позже всех, гоню его всякий раз. До дома ему полтора часа на перекладных.

— А почему он в Везинэ не переедет?

Ноэль махнул рукой:

— Он жил тут — сперва у моих родителей, потом мы ему квартиру нашли. А три года назад встретил Веру, она из Парижа отказалась за город ехать. Дома с ребенком сидит — могла бы пойти навстречу...

— А ребенок общий?

— Нет. Похоже, с Андреем ей просто удобно: на все готов, зарплата хорошая, девочку дочерью называет.

— Да?.. Познакомь меня с человеком, который согласен женщину с ребенком принять. Мне на таких не везло. Хоть пальчиком потрогаю.

Ноэль нахмурился.

— Я бы не посмотрел, есть у тебя ребенок или нет. Потрогай меня.

— Спасибо, Ноэль, — скользнула пальцами ему по руке.

Когда официант принес счет, телефон пискнул: эсэмэска.

«Отправь мне два слова: "всё ОК", и я с этим пойду спать».

«Всё ОК, Денис. Спокойной ночи...» — произнесла про себя как можно мягче, но на экране телефона это были пять банальных слов без цвета и тепла.

12

— Давай я комнату в «Трех Ступеньках» сразу на неделю сниму, улитка, — Ноэль кивнул на Маринин рюкзак.

— А потом? Невозможно же в отеле жить! Даже чайник не вскипятишь. И вещей у меня с собой минимум, а куда их, если из Нуази забрать?

Ноэль тормозит у своего дома — чистую рубашку взять. Спросила осторожно: может, родители позволили бы перекантоваться у них? «Вы же на разных этажах...» Усмехнулся: «Если хочешь чайник кипятить, разминуться не удастся — кухня одна». — «А я и не думала их избегать». Ничего не ответил.

Странно, Андрей же у них жил. Аннагуль тоже — когда забеременела и после родов. Даже при том, что Ноэль не появлялся.

— Я в Нуази *ipod* забыла. Неуютно рисовать, не заткнув уши.

— Что слушаешь?

— Разное. Далиду люблю.

— Отец знал дальних родственников Луиджи Тенко, в Пьемонте живут.

— Ничего себе...

Луиджи Тенко был для нее легендой. Да он для всех стал легендой в январе 1967-го.

Тенко и Далида — красивая пара, оба талантливы... Она — звезда в свои тридцать три, а он, в двадцать восемь, — музыкант, известный лишь в Италии, и не каждому. Они сошлись за три месяца до фестиваля в Сан-Ремо. Фестиваля, победа на котором дала бы Луиджи шанс сделать шаг к славе, доказать, что он тоже кое-чего стоит. Он слишком волновался... его песня «Чао, аморе, чао» не «прозвучала» и заняла совсем не почетное двенадцатое место. 27 января 1967 года после объявления результатов конкурса Тенко не пошел на праздничный ужин. Он вернулся в отель и застрелился.

Его тело обнаружила Далида; тело и записку. В записке — обвинения в адрес жюри и ни слова, обращенного к ней. Двое мужчин едва удерживали ее. Спустя месяц она сняла номер в отеле *"Prince de Galles"*, где останавливался Тенко, и наглоталась снотворного.

Но перед тем вышла на сцену с *этой* песней. «Чао, аморе» — звучало как прощание. И как вызов самой себе: «Но я жить хочу, жить хочу, жить...»

Четыре дня в коме. Выкарабкалась...

— *"Vedrai, vedrai..."* — напел Ноэль. — Это Тенко. «*Но увидишь, увидишь — все изменится...*» Грустный текст. Дам послушать.

Еще двое, кого Далида любила, покончили жизнь самоубийством. Неудачный аборт лишил ее возможности иметь ребенка. Несмотря на оглушительный успех, она чувствовала себя бесконечно одинокой. «Мне не больно, только когда я пою», — как-то сказала.

Ее дом на Монмартре — в четыре этажа — похож на маленький замок. Там майским днем 1987 года она оставила записку: «Моя жизнь невыносима. Простите меня». На этот раз правильно рассчитав дозу снотворного.

Об этом можно говорить с Ноэлем. Обо всем, что задевает, — можно говорить. Чувство одиночества ушло. Совсем.

13

Особенно нестерпимо было по утрам. Звонил Маринке. Или она звонила. Правда, после того как отправил ей эсэмэс про «бамбино», она свою гуманитарную помощь *aka* моральную поддержку пресекла.

Просыпался — лежал, думал. Странные мысли стали в голову приходить. Что вроде как рад за нее. Оказывается, способен радоваться за кого-то. Да в такой ситуации. Не ожидал. Хотя рептилия внутри сидит, куда ей деться.

В этой поучительной истории макаронник — явно положительный герой. Вытащил из болота, повесил на себя, кормит-поит, наверняка у нее уже все новое, от *"Dolce & Gabbana"* да *"Gucci"*. Не сегодня завтра закрепит русско-итальянский союз отпрыском.

Так и написал ей в этой эсэмэс: «Я вашего bambino не собираюсь двадцать лет спонсировать». Законы здесь строгие: родит в браке — пойди докажи, что это не «твое». Тибидох советует — разводись, пока не вляпался.

Комната: шкаф, стол с компьютером, аквариум, *ее* столик, полка с книгами, кровать. Что за пределами? Уроки для малень-

ких дебилов. Возня с Тибидохом. Все такое серое... И верно, нечего ей тут больше делать. Три года сидела рядом с полутрупом, водой его живой окропляла. Пусто внутри, кладбище... Кто бы знал, как тошно оттого, что с наукой не вышло, кто бы знал... Ушел — зачем? Свободы захотелось? Денег? Забыл, ради чего в Москву ехал, на биофак поступал, рискуя в армию загреметь? Проиграл, самую главную битву проиграл, себя потерял — ищи-свищи, не найдешь. Лузер! Вот только проигрывать надо уметь.

Проигрывать и долги отдавать.

Столько от нее получил, теперь ей все вернется. Как она это заслужила... Похоже, впервые у нее нормальный мужик образовался. Отдаешь долги — и от этого легчает.

В кино, что ли, сходить. Совсем одурел в этих стенах.

14

— Ах ты мерзавец!

Марина открывает глаза: свет включен, Ноэль лупит ботинком по стене.

— Комар! Комар в ноябре!

Три комнаты поменяли, пока не приземлились сюда. То машины слышно, то сосед храпит... а тут — незадача — комар на охоту вышел.

Шторы задернуты: Ноэлю только во тьме спится. Скоро неделя, как она засыпает без луны.

Выключил свет, вернулся, обнял. Его тело до сих пор незнакомое. Неуютно. Корто вспоминается... и игра — уткнуться носом в живот и фырчать. С Ноэлем такого не проделываешь: это из другой жизни.

Правда, заявление про развод отбило желание сентиментальничать. Ведь знает Денис: разводиться ей сейчас — все равно что билет на самолет купить. «Сежурка» истекает через три месяца, пора продлевать — а в префектуре требуют присутствие мужа. Денису же вступило в больную голову, что они с Ноэлем

решили провернуть дельце: родить ребенка и повесить на законного супруга, сделав его неиссякаемым источником дохода. Додумался же! Ходил выяснять про анализ ДНК, разнервничался: во Франции он запрещен официально.

Ведь сам рассказывал, как зубами цеплялся за «Систюд натюр» и свалил, только получив десятилетний вид на жительство. Но ее сейчас не пожалеет. У него же принцип — выживает сильнейший. Тот самый, на который законы математики не распространяются. Это когда один плюс один не равно двум, потому что вообще ничему не равно.

15

Благодаря скайпу знаешь, «здесь» она или нет. Рагаццо выделил ей персональный кабинет в офисе: да, приятнее, чем за аквариумом ютиться. Теперь весь мир — в компьютере: она тут, перед глазами, не надо сквозь тортил таращиться.

Вчера с Тибидохом закончили поздно, но на последний сеанс в *"Les Halles"* успел. Фильм Гийома Кане, написано «триллер», какой триллер — чистая мелодрама, три бумажных носовых платка за два часа извел, подумал: а не превратился ли в слабонервного? Там у героя жену вроде как убили. Восемь лет он не может ее забыть и вдруг получает странный мэйл со словами: «Не говори никому». Она не погибла, но за ней следят. У него появляется смысл жить. В конце — сцена: она подходит к нему со спины, но он не оборачивается, это для него слишком — вот так сразу. Падает на колени и плачет (тут в ход пошел третий носовой платок).

Вышел из кино — будто пережил это.

В метро, под землю, не хотелось, не хотелось в свет и тепло. Доплелся до остановки ночного автобуса. Стоял ждал. Он прикатил: ярко освещенный, с удобными синими сиденьями. Устроился впереди, чтобы никого не видеть. Перед носом экран висел, показывал, кто вошел. Какие-то чужие люди... Ощущение, как в «Матрице», — между нами прозрачная стена, и их не

слышно. Ехал, смотрел в окно — темные здания, здания. И вдруг понял: не стена это, а колпак безвоздушный, в вакууме ведь нет звуков, комфорт безмолвия.

Сюда только эхо доносится; малейшее эхо из прошлого оглушает... надо сидеть, все время зажавшись, «эхи» эти постоянно и внезапно налетают. Устал очень, очень устал...

— Marine! — молодежь возвращается с вечеринки, парень то и дело обращается к некой Marine. Еле сдержался, чтобы не оглянуться.

В метро раскрыл бесплатную газету — рекламка: выставка манги и рисунок в Маринкином стиле — парнишка с глазами на пол-лица.

Еще эхо: позолоченная картонная корона из *"galette des rois"*, пирога, который на День святой Епифании едят. Попадается тебе кусок с «бобом» — корона твоя. Маринка надела ее, села враскоряку: «Ква-а-а!» — изображая царевну-лягушку. Она такую лягуху на кафель в ванной перевела, обнаружив в бумагах, из Алма-Аты приехавших (тоже эхо — но из детства). Бросил корону в мусорку. Дома и без того призраки.

16

Мадам Бюиссон, хозяйка «Акации», сказала: «Захочешь — возвращайся. — И добавила: — Могу выдать бумагу, что живешь у меня. Вопросы с видом на жительство лучше решать в парижской префектуре». Марина-то ездила в Бобиньи, в префектуру своего девяносто третьего департамента, который, как известно, филиал Африки. Очереди там огромные — иные отважные в четыре утра приходят, чтобы в восемь первыми прорваться, — и персонал неласковый. Поблагодарила мадам, и тут скайп замигал. Денис сообщил, что вещи собрал, ходит — через коробки перешагивает. Мол, поскорее забери свое барахло. Ответила:

«Надеюсь, ты не очень напрягся».

«Не очень».

Это, видать, такая злобная акция. И все-таки спросила:

«Ну ты как?»

«Да с переменками. Цирк. То полежу, то посижу».

Помолчали. Пришло:

«Я тебя отпустил. Больше мучить каждый день не буду».

Стало жаль его. Отстучала:

«Корто, счастья сегодня нет, а завтра есть. Как и любовь».

«О моем счастье пока забудем. Прикроем Корто одеялком, пускай скулит. Рано или поздно жрать захочет — вылезет. — Помолчал. — Что до "любви"... мне *надо* любить кого-нибудь, пусть на поверхности оно выглядит, как будто я только пузыри пускаю. Для той, которая согласится на этот мизер, я не пожалею что угодно, если встанет вопрос оставить или потерять».

«Я была согласна на мизер...»

«Ты жила в своих картинках, потому и выносила меня».

Он казался сейчас таким мягким.

«Почему ты молчал? Я никогда не знала, что у тебя внутри...»

«Я не владею столь богатой лексикой, как вы, мадам, чтобы внятно излагать свои экзистенциальные терзания. Да и вряд ли это "внутреннее" поймут, как хотелось бы. Но теперь я иногда стану выносить его на публичное обозрение, мне оно больше не нужно».

Доверительные беседы водит — а ведь заявил Ксеньке: «Пускай твоя Марина в Россию едет. Там полно работы, а тут она в отеле будет до пенсии куковать. И добавил: — Макаронник при желании вернет ее и женится. Повторят подвиг Тристана и Изольды».

«Денис, что тебе стоит продлить мне "сежурку" на год?»

«У меня холодно, и последние дрова в ваш семейный очаг я бросать не собираюсь».

Люди расстаются, потому что вместе не получается. Почему не остаться близкими?

«Хочешь насолить мне? Или Ноэлю?»

«При чем тут вы? Я не намерен жить один. Мне требуется живое существо рядом хотя бы время от времени. Кому я с женой нужен?»

«Никак опять брачеваться надумал?»

«Именно».

Ноэль заглянул:

— Пойдешь обедать? У меня новость.

Как расписались, кричал на всех углах — это только из-за бумаг! Едва в обморок не хлопнулся, когда его отец по телефону привет жене передал.

«Денис, какой ты вдруг браколюбивый стал. Жертву наметил?»

«Успею, пока с тобой судиться буду. Нас не всех одарило, как тебя, в низших кастах все происходит более низменно. Без больших страстей обойдусь».

Глупость: надеялась, что он против всех шерсть дыбит, а ее не тронет. Смешно.

«Да, предупреждай, когда вещи надумаешь забирать, чтобы я дома был. А то мало ли что прихватишь».

«Злой ты».

«Все, что меня не убивает, делает меня еще злее».

«Куда ж злее. Лучше б убило...»

Закрыла ноутбук. Ноэль уже ждал.

17

Аннагуль поражалась наивности французов — слушали, развесив уши, про режим Туркменбаши и преследование инакомыслящих. Оставалось ждать — дадут статус беженки, рассиропившись, или выдворят. Должны бы дать — гражданство у нее двойное, а для Отца Туркменского Народа это инакомыслие. Другой вопрос, при чем тут Франция. Наплела, что и в России преследуют. Пока ждешь решения, работать права нет, а жить-то надо. Дала объявление об уроках фортепьяно, пошли звонки. И нарисовалась эта мадам из Везинэ, пригорода для богатеньких, — хочет освежить музыкальные знания, лет сорок как протухшие. Бабки девать, видимо, некуда. Правда, она как цену услышала, обороты сбавила, пришлось мягко ввернуть:

«Вы на пенсии? Тогда другое дело... Договоримся, я же не монстр...»

Это было ее козырной картой: голос. Низкий, текущий, теплый. Сирена, называл ее Антон. Собирались с ним в Америку, но застряли тут. Антон, на девять лет моложе, в России давно ходил бы на сторону, но в чужом краю без языка, работы и вида на жительство не разгуляешься. А впрочем, она была красивой в свои тридцать семь, и Антон гордился ею. Может, как скаковой лошадью, но гордился.

Познакомились за год до отъезда. Антон показался подходящей кандидатурой в компаньоны для побега: с образованием, по-английски может объясниться. А она даже на туркменском не говорила.

Ко времени знакомства с Ноэлем Аннагуль уже не волновало, оставят Антона во Франции или нет. От него было мало пользы, он без конца ревновал и абсолютно деморализовался — язык не учил, ныл, что скоро депортируют. И правда, подстраховаться следовало.

Едучи в Везинэ на первое занятие, она клялась себе, что больше в такую даль не потащится, меломанов и в Париже довольно. Но когда мадам провела ее в гостиную, где стоял рояль в окружении старинной мебели (бронзовые подсвечники на стенах), все в душе перевернулось. Встала на пороге, и внутри — землетрясение. Никогда она в Туркмении так не жила. А здесь вообще конуру дали — занюханный социальный отель на окраине, четверть часа пехом от станции *"Marx Dormoy"*: комната с крашеными стенами и видом на помойку. «С бабкой надо дружить», — подумала Аннагуль и улыбнулась:

— Первое занятие бесплатно. Только дорогу оплатите.

— Мадам воспротивилась, но порыв оценила.

Бывает же такое. У мадам оказался сын, ей, Аннагуль, ровесник, — неженатый, хозяин фирмы, к музыке неравнодушный. Но у родителей его не застанешь — Аннагуль ездила к мадам уже два месяца, раз в неделю, а дома околачивалась только его сестрица, взаимная непереносимость наступила мгновенно.

Зато мадам была очарована. После занятия приглашала Аннагуль «что-нибудь проглотить перед дорогой» (время для задушевных бесед). Добеседовались до того, что мадам пообещала: «Я его заманю». Предложение сыграть в четыре руки с молодой красивой учительницей музыки повторять не пришлось...

Неплох собой и при деньгах. Дом наследует, правда сестрица отсвечивает. Сказала Антону — выйду за итальяшку, получу вид на жительство по браку, разведусь и потребую компенсацию. Антон, конечно, разверещался, начал чемодан собирать, обиженного строить. Можно подумать, ему есть куда идти. «Ты не понимаешь, что я для нашего будущего стараюсь?» Не понимал. Пришлось объяснить, *какую* компенсацию можно стрясти с человека, у которого *такие* доходы, — и это впечатлило. Посопротивлялся вяло: «А откуда ты знаешь, что он столько зарабатывает?» — «Ты бы на его машину посмотрел и на дом», — весь вечер уговаривала, как маленького, и уговорила. Сирена!

Знала, что ребенка надо делать сразу, — у итальянца эмоции через край, но в тридцать семь неженат, детей нет, значит, не так прост.

Забеременела слету.

18

— Она сказала, что пьет противозачаточные.

— А когда сообщила о беременности, ты...

— Ответил, что детей делают вдвоем, а не в одиночку. Тут ее ангельское пение обернулось хриплым карканьем.

Сидели у Ноэля в кабинете, народ разошелся уже.

— А что твоя мама?

— Запретила ей в социальном отеле жить и питаться коекак. Когда Клелия родилась, мать по ночам вставала бутылочку давать — грудью Анна не кормила, чтобы форму не потерять. Через месяц съехала, а Клелия осталась, до трех лет у моих родителей жила.

— А сейчас?

— Два года назад Анна ее забрала. Внушала ей: «Бабушка тебя не любит. Папе ты не нужна...» Представляешь, как это ребенка травмировало? Мы отсудили право забирать Клелию со вторника на среду и через выходные плюс половина каникул.

— А Клелию не смущает, что у ее матери есть друг?

— Не друг, а принц. Папой его называть не хочет. Как-то спросила: «У тебя есть принцесса?» «Нет», — говорю. «Когда найдешь, покажи. Ты же с ней не станешь жить, если она мне не понравится?»

— Ты что ответил?

— Паникуешь? — улыбнулся.

Паниковать было отчего, но совсем не по этому поводу.

Во время обеда Ноэль сообщил: в *"Citadines"* на Монмартре — отель квартирного типа — есть однушка свободная, можно заселяться. Растерялась: «А ты?» — «Буду заезжать...» Отлично. Искала семьи, а тут кукуй в ожидании — приедет сегодня или «устал, завтра рано вставать».

Ксенька разохалась: «Как же так, ты ж из-за него на улице оказалась!» А вот так. Привык один, в сорок два года время нужно, чтобы перестроиться. Только у нее-то времени нет.

— Не дави на мужика. — Анька сходу все поняла. — Любит — сам придет. А нет — не удержишь.

Что значит «а нет»?

Умнее всего было бы познакомиться с его родителями. И с Клелией. Если примут в принцессы, вряд ли на Монмартре придется куковать.

И — о чудо. У Ноэля звонит мобильный, следуют препирания («американские горки»): *"Mamma! Non so ancora! Ti chiamerò!"*

— Сегодня семейное сборище, я бы не ходил, но Клелия здесь, а я ее почти не вижу. Можешь пойти со мной, но если не хочешь — я не настаиваю.

19

Глазок скайпа напротив ее имени погас, серый стал: Маринка выключила компьютер. От этого погасло что-то внутри. Ждать ее до завтра. Воображать, как они по ресторанам катаются и в постели кувыркаются.

Мать сообщила: «От Марины письмо пришло. Ей якобы "жаль, что так получилось"! Девчонки у нас в отделе говорят — вот вранье-то! Подцепила денежного мужика, жаль ей! Еще решается мне письма писать! А она, случаем, не еврейка?» Сам виноват, со злости рассказал про богатенького Буратино. Мать не переубедишь, разве что уломал ядовитых мэйлов не выпускать.

Приедет на днях, заберет все свое.

И станет легче.

Устал просыпаться среди ее вещей. Открываешь глаза и в адище проваливаешься, прямиком на сковороду. Теперь в коробки все покидал, только мелочи оставил — картинки на стенах, бирюльки всякие. Зачем они ей в новой-то жизни, а без них здесь совсем лысо будет. Наконец, может, удастся убедить себя — не было этих трех лет, приснились, хоть никогда не снится ничего. Да, единственный сон, на который оказался способен.

А тут еще и призраки завелись. Это было непереносимо...

Сидел за компьютером, поздно. И вдруг отчетливо услышал звук льющейся воды. Будто в душе кто-то. Оглянулся — в ванной свет горит, и дверь чуть приоткрыта. Она всегда оставляла щелку — чтобы под душем поток словес не прерывать. Нет, свет точно выключал. И этот звук, абсолютно реальный...

Смотрел на полоску света. Шум воды стал затухать, потом исчез.

Достал со шкафа коробки, начал кидать в них все подряд.

20

Андрей, оказалось, все еще сидел, работал.

— Мама будет рада тебя видеть, — Ноэль кивнул на Марину: — Знакомься...

До дома минут семь ходьбы. Андрей охотно на вопросы отвечает. Ноэль молчит, поглядывает искоса: по-русски пойди пойми.

Дорожка через цветник, высокое крыльцо. Марина проводит ладонью по шершавому камню стены.

Здесь ослепительно светло. В гостиной горит люстра, и в коридоре, и в комнате, в кухне, всюду свет. В этом свете стоит маленькая худощавая женщина с черными волосами каре, со смеющимися глазами.

— Заходите, заходите!

— Я Марина...

— Марина... — женщина понимающе кивает, улыбка у нее сияющая. — Я мадам Дель Анна.

Что-то стало таять, быстро таять внутри и растекаться теплом — эта солнечная женщина была нужна ей. Марина следит, как она обнимает Андрея, шепчет Ноэлю: «Натале, все давно тут...»

Из гостиной выходит отец Ноэля — он тоже худощавый, невысокий, только не улыбается. Но и не хмурится — так, погрозил пальцем:

— Мы вас уже час ждем!

В гостиной — длинный стол, белая скатерть, блюда, блюда, лица, лица. Одна женщина — высокомерная, немолодая, но еще красивая — сходу отчитывает Ноэля за вечное отсутствие, другая — лет сорока, с длинными черными волосами — выдвигает стул: «Садитесь рядом... Я Изабель...»

— Папа!

Девочка спрыгивает с дивана, бежит к Ноэлю, он подхватывает ее, тискает, целует. У девочки блестящие темные волосы, розовое платье.

Марина садится между Изабель и Андреем.

Счастье.

21

Потихоньку Марина знакомится со всеми. Алекс — носатый, короткостриженый здоровяк лет тридцати пяти — сын высоко-

мерной красавицы Сесилии и брат Изабель. Энрико – восемнадцатилетний красавчик с замашками плейбоя – сын Изабель. Муж Сесилии Валентино – похож на отца Ноэля, только покрупнее. Два мальчика прибежали из соседней комнаты – один сын Изабель, другой – Алекса. Сесилия разглядывает Марину, и Марина отводит глаза. Мама Ноэля наклоняется к Сесилии:

– Мы похожи? Это моя сестра...

Совсем непохожи. Теплая мадам Дель Анна и ледяная...

– Сесилия тоже носит фамилию Дель Анна, потому что наши мужья – братья!

Прямо итальянская семейная мафия. Марина вскидывает брови в знак удивления. И чувствует, что на нее кто-то пристально смотрит.

22

Весь вечер у Марины включается автоответчик – Ксения даже разволновалась. Звонила сказать: не соглашайся на Монмартр в отель ехать! Семья нужна, а не мужчина приходящий. Этот Ноэль, может, и хороший человек, но к совместной жизни неприученный. Выходить за него и рожать. Поскольку «сежурка» истекает через три месяца – надо уложить в них развод и новый брак. Франсуа подтвердил, что по мировой быстро разведут, законы недавно упростили.

Убедить Дениса помочь Марине не удалось. Более того, кусаться принялся: «Я в ваши с Франсуа отношения не ве-ерю». Да в них никто не верит, даже сам Франсуа. Опять орал, что из-за документов за него вышла и из-за денег. Уехать в Екатеринбург, гори все синим пламенем.

23

Разговор за столом то и дело шел по-итальянски. Каким Андрей показался родным...

— Представляешь — ввести выездные визы? *Выездные*! — Андрей рвал салфетку на мелкие кусочки. — Ниязов открыл охоту на людей с двойным гражданством, вернее, на их квартиры. Отъехал человечек на три дня, вернулся — а у него дома уже гражданин из ведомства проживает. Мои родители за город выбраться боятся.

— Я слышала, Ниязов себе памятник золотой в Ашхабаде поставил.

— Ага, за солнцем крутится. Он же себя Туркменбаши называет — главой туркмен всего мира. Уже больше четырнадцати тысяч памятников по стране. А кругом нищета, с водой перебои, работы нет... Еще он дипломы нетуркменских вузов аннулировал. Моего приятеля так уволили. Он возмутился: «Я МГУ окончил», а ему говорят: «Да хоть Гарвард. Недействительно». Ноэль меня просто спас... — Андрей поковырял вилкой рис. — А идиотскую «Рухнаму» надо назубок знать, даже когда на права сдаешь.

— «Рухнаму»? — Марина опять почувствовала на себе пристальный взгляд.

— Ну да, опус Великого Туркменбаши о туркменах. Это они, оказывается, колесо изобрели и повернули ход мировой истории. Хочешь цитату? «Туркмена великим туркменом сделает только туркмен. Туркмена только туркмен сделает туркменом!»

— Скороговорка такая...

— Еще перл: «Хочешь построить государство — зови туркмена».

Марина фыркнула, оглянулась. Клелия смотрела на нее не отрываясь. Марина подмигнула ей, но девочка отвернулась.

24

— Ксень, не могу говорить. Мы играем с Клелией. Да, у них. Да... Да...

Мама предлагала остаться ночевать, Ноэль отказался. Отвезли Андрея домой и пошли в «Три Ступеньки». Но назавтра

поступило предложение отобедать в семье. Клелия бросилась к Ноэлю, тронула Марину за руку: «Привет».

Это потому, что вчера в котов играли. Марина стояла в ванной перед зеркалом, обводила контур губ карандашом. Обернулась: Клелия замерла в дверях, ноги крестиком в розовых колготках.

— Хочешь попробовать?

Вот глупость — красить губы пятилетней девочке. Хорошее начало. Но та уже сложила трубочкой рот.

— А давай лучше в котов играть?

Короткое замешательство.

— А это какь?

Ух ты. Акцент. У русской девочки французский акцент! Впрочем, какая она русская...

— А вот так! — и Марина нарисовала на личике стрелки усов, по три с каждой стороны. — Мяу!

— *Miaou!* — пропела Клелия.

Обе засмеялись. Шансы попасть в принцессы взлетели.

— А теперь ти!..

Вошли в гостиную обе с усами. Мяукали остаток вечера. Когда Клелию повели спать, она подбежала к Марине, обвила рукой шею:

— А ти завтра придешь?

25

Назавтра Клелия уговорила папу ночевать дома. И чтобы Марина осталась! Марина будет спать в комнате внизу, «где картина с кошечкой».

— *Miaou!*

— Мя-у-у!

Утром Клелия пыталась проникнуть вниз (никак проверить, с кошечкой Марина провела ночь или с папой), но дверь заклинило, бабушка с дедом открыть не сумели.

Встали поздно, пообедали, повезли маленькую на аттракционах кататься.

Когда Клелия проезжала мимо в красном жестяном «феррари», Ноэль махал ей рукой, и она важно отвечала кивком головы.

— Смотри-ка, воображает себя в кабриолете! Ты видела этот взгляд?

Взгляд как взгляд.

— Ну да...

— Она явно переняла у отца любовь к дорогим тачкам!

Клелия шла, держа обоих за руки. Все у нее маленькое: курточка, шапочка, ладошки.

Вечером мсье Дель Анна отвел девочку к матери, у него получалось поддерживать нейтралитет. Доели холодную курицу, валялись перед телевизором у Ноэля в комнате, в уюте: стены, обшитые деревом, картины (увы, в родительском вкусе), пианино. Оконце и дверь в садик. Можно существовать автономно, только душ и кухня наверху.

Завтра ни свет ни заря Ноэлю лететь к Барбосе в Португалию.

— Не хочешь в «Ступеньках» перекантоваться эти три дня?

Нет. Ей совсем не страшно здесь без него. Наоборот... Сегодня наблюдала, как мсье Дель Анна подошел к жене, обнял и поцеловал в шею. Люди вместе полвека прожили, а равнодушия нет. Повезло же Ноэлю родиться в такой семье... Она ловила взгляды, которые родители бросали друг на друга, слушала с улыбкой, как они препирались из-за ерунды, умилялась тому, что было для них естественным: отец Ноэля чистил жене апельсин, а она возвращала его: ешь, тебе витамины нужны. Наутро мадам Дель Анна выставила на стол всячину — сыры, ветчину, сладкие хлебцы, йогурты, но приказала много не есть, скоро обед. Здесь обедали в час, вставали в семь. Мсье Дель Анна не удержался от комментария:

— Во сколько вы легли, не знаю, но судя по тому, во сколько вы проснулись...

— Мсье Дель Анна, давайте вы будете говорить мне «ты»?

— Не давайте. Я ко всем на «вы» обращаюсь.

Мама Ноэля хитро улыбнулась:

— Он к тебе присматривается. Его завоевать не так легко!

Марина ответила улыбкой:

— Но вам же удалось...

И начался разговор длиной в три дня — о том, кто кого завоевывал; каким был Ноэль в детстве и какая хищница Аннагуль; как в двадцать лет Ноэль в брак сходил, о том, какая прелестная Клелия, и о том, сколько миллионов у Джованни.

— Мы жили на Сицилии, в Палермо. Три сестры, одна другой красивее. Мой будущий муж обосновался под Парижем, но родился в Лечче — это в Апулии, там, где каблук итальянского «сапожка». Однажды он отправился проведать семью и заехал к приятелю в Палермо... А приятель был нашим дальним родственником. Мне восемнадцать стукнуло, я готовилась в университет, но он отрезал: «Без тебя во Францию не вернусь». Он был очень красивый, старше на десять лет, такой уверенный в себе. Сейчас фотографии принесу...

Старый альбом. Двое молодых-счастливых, все время за руку. Елисейские Поля тех лет. Длинный барак («Завод моего мужа!»). Щекастый «ситроен *"2 chevaux"*» с круглыми фарами, с дворниками врастопырку, перед ним девочка, растерявшая половину молочных зубов, симпатяшка.

— Это Мари.

Мари, уехавшая в Мексику счастья и вдохновения искать.

— Я смотрела ей вслед и печенками чуяла: больше не увижу. Ошиблась... увидела — когда гроб доставили.

— Почему вы ее не удержали?!

— А разве можно кого-либо удержать?

Ходики тикали, показывали полночь. Мсье Дель Анна давно спать ушел.

— Вот тебя, Марина, тоже ведь не удержать было...

Пробный камушек: из Ноэля ведь слова не вытянешь. И Марина все рассказала. Даже о проблеме с видом на жительство: когда только новый брак спасет, но почему бы не расписаться — такая любовь. Мадам Дель Анна пожала плечами: «Вы так мало знакомы! А Ноэль, думаю, уже не женится».

— Тогда я уеду в Россию, и он меня больше не увидит, — Марина почувствовала раздражение. То ли оттого, что ее отношения были банально восприняты, то ли от плеснувшего: «А если и правда?»

В два часа ночи разошлись. Марина еще порисовать собиралась.

26

Стоишь на крыльце, поздно, прохладно — кутаешься в мамину шаль, а он поднимается по лестнице. После трех дней разлуки.

Ожидание. Его мама вытаскивает из холодильника ветчину и сыр, отец вопросы по работе задает. Короткие взгляды, ожидание. Но торопиться не надо — эти минуты едва ли не слаще...

И наконец — слияние: в тишине кухни — нет, идем вниз! — и падение радость, и его слова: «С тобой все иначе, чем с другими...» — и гордость, что смогла такого человека в себя влюбить, и мысль, что с Корто в постели было лучше.

27

— Окно горит...

Приехали в Нуази наобум: Денис к телефону не подходил. Видать, бежал свои восемь километров.

Последнее, что слышала от него: «Все, что меня не убивает, делает меня еще злее». Это было неделю назад. Надо думать, сейчас окончательно озверел.

— Я поднимусь.

28

Из Америки приехала Лорен. Франсуа перевозбудился: дочь полтора года не видел. Все ждал звонка, но она только на тре-

тий день нарисовалась. Возрадовался, позвал в дом, приказал еды наготовить.

Явилась — худосочная, отстраненная, высветленные патлы висят сосульками: «Здрассьте...» Ни традиционных поцелуйчиков, ни руки протянутой. Женька выбежала, но на второе «здрассьте» Лорен не расщедрилась. Обошла квартиру, оценила. Кота потискала. Стол был накрыт — подцепила деревянной шпажкой оливку: «Пап, давай в ресторане пообедаем?» И Франсуа, не мяукнув, вмиг оделся: «У нас тут есть неплохой...» — «Давай в Париж поедем, здесь у тебя деревня». — «Конечно, конечно...» Уходя выдавила: «До свидания, мадам», — и Женьке: «Пока». Женька прошептала: «Пока», но дверь уже захлопнулась.

Франсуа вернулся вечером, злобный. Видать, Лорен время не теряла, крутила ему хвост: не дай бог на русскую завещание написал, с папеньки станется.

И вышел один из тех бессмысленных рвущих сердце скандалов, когда он орал, и она орала на ломаном французском, и ревела, а Женька, осмелевшая в последнее время, вклинивалась: «Дядя Франсуа, не кричите на мою маму!» В такие дни Франсуа демонстративно отправлялся в спальню, и через четверть часа оттуда уже доносился храп, а она, Ксеня, принималась глотать успокоительные, запивая их мартини, и после шла будить храпуна, трясти его за плечи, орать и плакать.

Чертова жизнь.

29

Корто распахнул дверь. Смотрели друг на друга. Повернулся, пошел в квартиру.

— Всё здесь, — указал на коробки у окна. — До лифта донесу, а там пускай рагаццо забирает.

Стояла посреди комнаты, как завороженная. Все было таким родным. Хотя и что-то живое исчезло... оно, наверно, в коробках... милые мелочи... но некоторые не упаковал... картинки на

стенах пускай остаются... Тора... Тила... Постучала пальцем по стеклу аквариума — Тила подплыла, ощерилась. Как обычно.

Все здесь было как обычно. Так привычно. Так уютно.

— Пошевеливайся, мне работать надо, — взял коробку, понес прочь из квартиры.

И что-то заломило внутри. Не хотелось уходить, и остаться — никак. Глянула в окно — серебристая «БМВ» у подъезда. Корто зашел с непроницаемым лицом, взял еще две коробки.

Если лечь на покрывало, то почувствуешь запах крашеной ткани. Отвернула уголок: белье сменил уже.

С этого места видно луну. И «Американку в Италии» удобно разглядывать.

В шкафу теперь у него каждая шмотка — на отдельной вешалке.

Хотела взять коробку — оттолкнул руку: тяжелые, «пускай макаронник хилые мышцы разрабатывает».

Курсировал туда-обратно молча. Села на кровать.

Пузатоногий столик завален бумагами. Там же осёл стоит. Осла забрать надо.

Забрать... забрать... Это ее дом. Как отсюда забирать что-то? Прошла в ванную, кинула в сумку мелочи с подставки у зеркала. Руки будто ватные. Корона исчезла.

На бордюре ванны — шампунь, индийский, на травах, с деревянной крышкой: купила недавно. Смотрела на этот темного стекла флакон, и вдруг показалось: никуда не уходила, сейчас пройду в комнату, заберусь на кровать: «Корто, будем кино сегодня смотреть?»

— Всё у лифта стоит.

Стоял в дверях, смотрел пустыми глазами. Села на край ванны, опустила руки.

30

Коробки в лифт кое-как втащила. Не хотела, чтобы Ноэль поднимался, мало ли.

Он ждал внизу, ахнул, когда двери лифта открылись:

— Многодетная семья переезжает! — задержался взглядом: — Он тебя... обидел?

Обидел ли, заявив: «Не рассиживайся в гостях»? Выскочила из ванной — не из-за чего тут реветь, — начала кидать в пакет все, что под руку попадалось: гирлянду, фигурку Лиса из «Маленького принца», куклу из Венеции, подсвечник гжель, одноухого осла, свинью мягкую, картинки посрывала — лысо-то как стало, но так ему и надо! Вышла и хлопнула дверью.

Пока Ноэль коробки в машину закидывал, вспомнила:

— Я забыла цаплю... Жестяную цаплю.

— Да бог с ней.

— Он ее выбросит... она мне так нравится... Я сейчас.

Поймал за руку:

— Не ходи туда. Не надо.

— Я быстро...

31

Она выскочила, как укушенная. Ключи не вернула — придется замок сменить.

В ванной карликовый цунами прошел. На подставке у зеркала валялись полупустой тюбик крема и клочок ваты — так в отеле оставляют ненужное. В комнате стены облысели — картинки свои она посрывала.

Сам виноват — огрызнулся, когда она заявила: «Давай я буду тебе другом». Да о какой дружбе ты говоришь, голуба? Еще развод предстоит — мало не покажется. Отсканировал выписки с ее банковского счета — кое-что скопила. Если компенсацию потребует, будет что показать судье: в этой стране можно в одних трусах из зала суда выйти. Так и разводят мужиков.

Явилась без предупреждения, кто просил? Выставил бы ей коробки за дверь, и привет. А теперь все по новой — гнусные призраки в углах зашевелятся, худо будет, худо. Когда дверь открыл — сердце ухнуло.

Таскал коробки, считал до ста, чтобы ни о чем не думать. Ее здесь нет. Ее больше здесь нет. И не будет. В каждой коробке — память о ней. Свалил память у лифта, осталось ее саму выставить — а она уселась на край ванны, всхлипывать начала. О чем ей слезы лить-то? Об этой норе? О жизни, которая разве сахаром у нее была? Макаронник ждет, а она тут концерты устраивает.

— Не рассиживайся в гостях.

Психанула, похватала, что плохо лежало, картинки сорвала.

— Еще пожалеешь, что ты со мной так!..

Да давно пожалел. Но выживает сильнейший, только дай слабину, жизнь руки выкрутит. И что, если позволишь себе распуститься, сесть на пол, обнять ее ноги и реветь на два голоса? Кому это нужно? Как жить после? И так хреново.

Слышал, как лифт дергал дверями, закрыться пытался. Потом стихло все. Теперь было можно.

Можно снять очки. Лечь на кровать. Спрятать лицо в сгибе локтя. И рыдать — в голос, так, чтобы выкричать эту боль, навсегда выкричать.

32

Ноэль смотрел прямо перед собой:

— Я говорил, не возвращайся! Увидишь, *оно* встанет между нами.

— Нет, нет...

Машина катилась по дороге, и слезы катились. Марина прижимала к себе цаплю, дышала краешком легких — не хотелось дышать, не хотелось смотреть в окно, не хотелось слышать джаз, негромко игравший в салоне. Корто, ты уже прошлое.

Ноэль замолчал. Потом выключил приемник.

33

Мартини оставалось еще полбутылки. Ксения налила в стакан, выпила залпом. Непонятно, что больше на нервы дейст-

вовало: нежелание Франсуа признать, что дочери плевать на него; трусость, с которой он удрал в спальню, или этот храп. Когда в Париже жили, можно было хоть выйти прогуляться. Здесь же, за городом, — всё, клетка. Развлечение одно — работа на полставки в обувном магазине на соседней улице. В такие дни, как собака, устаешь — но это лучше, чем наблюдать, как Франсуа дома от безделья мается. Ему ничего не интересно и всё лень, поэтому раздражен постоянно. Ни в кино, ни в кафе, ни в гости его не вытащишь. Разговаривать не о чем. Когда французского не знала, думала, у него умище — на оборону ведь работал, а теперь выяснилось — скучнее только губка для мытья посуды. Началось-то все с чего? Приехал в Екатеринбург — всюду ходили, по всем подругам его протащила и по музеям, — изображал интеллектуала и своего парня в одном флаконе. Подруги одобрили: «Ну старше, зато в Париже живет, деньги есть и добряк». Добряк-с-печки-бряк... Он добряк с кем угодно, кроме домашних. Женьке с математикой из-под палки помогает — она ж его от компьютера отвлекает, и не поймешь, чем он там занят, может, чатится с какой русской из провинции... Ушла бы, но куда? И как уйдешь — каждый год надо вид на жительство продлевать, вот так едут дурехи, попадают в зависимость от местных неудачников, которых француженки не разобрали. Нет, можно вернуться в Екатеринбург, да Женьку жалко. Она уже вовсю по-французски болтает, у нее своя комната, компьютер, школа хорошая. А дома опять ютиться втроем в однушке, и район тот еще — во дворе тусуется компания — похоже, все на игле.

Одиноко. Женька неуправляемая стала, переходный возраст. Чуть что — хамит. Опустошает холодильник и с подружками в скайпе висит часами. Зайдешь к ней в комнату, стянет наушники, нетерпеливо: «Мам, ну что тебе?» И даже выйти отсюда, выйти некуда!

Глотнула еще мартини, набрала Маринкин номер.

34

Маринка сказала: «Через полчаса будем у тебя» — такое счастье.

В машине у Ноэля сиденье просторное, не то что в «мегане» у Франсуа. Поехали в город. Маринка молчала, с цаплей в обнимку.

Ноэль понравился. Что зацепило — взгляд. Этот взгляд не хотелось отпускать — смотрела в зеркальце заднего вида, ловила его глаза. Этим глазам и начала рассказывать, всё больше заливаясь хмельными слезами, о том, что муж не любит, никого не любит, кроме себя и дочери, а та — тоже никого, кроме себя... Семейка... Ехала ведь сюда — нет, не за деньгами, за теплом. За вот таким теплом, которое у Ноэля в глазах. Хоть Маринке повезло!

Приземлились в уюте итальянского кафе-мороженого «Аморино» возле Центра Помпиду. Балки деревянные под потолком, бежевые стены. Взяла «Амаретто» с миндалем и «Аморизо» с рисом. Смотрела на ангелочка на стене с рожком мороженого в пухлой ручке. Ноэль все пытался разобраться, кто прав-виноват, понять. Да нечего понимать. Как это приятно — сидеть поздно вечером в кафе, на туристов поглядывать. Спросила: «Ноэль, ты уже сделал Марине предложение? Она золотая...» Засмеялся: «Знаю!» — «Ну если знаешь, чего ждешь?» Снова засмеялся, мягко так, и стало ясно: все у них хорошо будет. Обнял Маринку: «У русских всегда все так быстро?» Разводиться ей надо поскорее.

В полночь выяснилось, что Ноэлю вставать в шесть, ехать в Лилль. Неловко вышло. На прощанье сказала: «Береги Марину», — кивнул, и опять — этот взгляд.

Франсуа прохрапел до утра.

35

День начинался с гудения пылесоса и чувства вины. Утро мадам Дель Анна посвящала уборке. Надраивались раковины, вы-

чищались ковры, душевая кабина мылась сверху донизу, пыль преследовалась со специальным веничком наперевес. Принимать участие у Марины не получалось: к моменту ее пробуждения основной фронт работ был выполнен. Что ж поделаешь, если Ноэль колобродит допоздна. Да и ей ночью лучше рисуется.

По утрам в комнате — как в склепе: окошко забрано ставнями, не поймешь, на каком ты свете. Только гудение пылесоса возвращает к реальности и наводит на мысль: «Неудобняк спать». Правда, Ноэль тоже может давить подушку, если ничего не горит, — а вдвоем спать не стыдно. Тогда будильником служит Элизабет: зевая и заводясь, Ноэль дает ей указания, одевается, хватает на кухне кусок и, прежде чем исчезнуть, целует Марину в шею. Она выбегает в садик, смотрит, как он идет вдоль ограды, жестикулируя одной рукой (в другой — телефон).

Мадам Дель Анна уже обед готовит. Она решительно отвергла помощь по кухне, и Марина вздохнула с облегчением: здесь тушением куриных лап не обойдешься, процесс потребления пищи возведен в культ. Всякий раз готовится несколько блюд: мсье Дель Анна в еде капризный, ему выбор нужен. Вчера, например, была рыба, запеченное с сыром мясо и паста, к которой прилагалось пять соусов (порядочная сицилийка умеет приготовить сотни две видов).

Попытки вымыть посуду мадам Дель Анна пресекает: «Иди лучше рисуй! Вдруг станешь знаменитой!»

Для работы Марине выделили комнату, где «картина с кошечкой» (второй трогательный портрет кота Пепе). Сюда едва вмещаются пузатый буфет, небольшой диван песочного цвета, тумбочка темного дерева и стол — мраморный, на тонких чугунных ножках крест-накрест. Стол хронически холодный, и чтобы сесть за него — ноябрь! — требуется присутствие духа. У двери — подобие шкафчика, там хранятся три ружья: мсье Дель Анна когда-то на кабанов охотился, а теперь ружья нужны, чтобы от воров обороняться. Комната расположена возле лестницы, и тут слышно все, что происходит наверху: «Тонио! То-о-о-онии-ио!» — зовет мадам Дель Анна мужа — он не слышит, в гараж

ушел. *"Non é possibile!* – это она по телефону. – *Che cosa ti ha risposto? Ah il bastardo! Dimentica, Francesca, vieni a cenare 'sta sera... Certo... certo..."*

«Черто, черто» – «конечно, конечно» звучит по сто раз на дню. Марину в этих телефонных разговорах интонация умиляет: как у Ноэля, «американские горки».

Франческа – подруга хозяйки дома, дама лет за пятьдесят с пышными формами. Тоже с Сицилии. Вышла замуж за француза тридцать лет назад, о чем столько же лет сожалеет. Она живет неподалеку, приезжает почти каждый день на стареньком «фиате». Дети выросли, злобный супруг засел бельмом на глазу.

Идея проживания с мамой, папой, Франческой и бесконечными родственниками Ноэлю не по душе. Надумал снять квартиру, обязательно четырехкомнатную. Марина против: зачем ежемесячно выбрасывать по две тысячи евро, когда можно взять кредит и купить жилье? Да и никуда ей отсюда не хочется. Так уютно посидеть с мадам Дель Анна, пошептаться...

– Зачем ему четыре комнаты, Марина?

– Каждому – по одной: ему, мне, Клелии. А четвертая – для Джованни. Когда он будет в гости приезжать.

– Для Клелии! Для Джованни! – мадам Дель Анна картинно всплескивает руками. – Да Ноэлю некогда Клелией заниматься! Ты видела – появится, потискает и – за компьютер! Что до Джованни, так он себе любой отель снимет! Целиком.

– Ноэль говорит, что дома ему приятнее...

– Приятнее! – Мадам Дель Анна хватается за голову. – Ноэль за лишнюю комнату станет платить, чтобы Джованни ублажить! Марина, это абсурд, абсурд! А ты знаешь, что он не мешки денег зарабатывает? Да, да! Все вкладывается в фирму. Если примется снимать жилье – прощайте рестораны, он их себе уже не позволит!

Никогда бы не подумала. Но это смущает меньше всего.

В кухню заходит Клелия. Вторник, она тут до завтрашнего вечера. Выяснила, что Марина супер как живописует кошечек-собачек-ежиков, и теперь нет покоя.

— Идем, ти будешь рисовать коти.

Мелкие ошибки не в счет. Ребенок в пять лет говорит на трех языках: по-русски — с матерью, по-французски — с отцом и по-итальянски — с бабой-дедой.

И тут хлопает дверь гаража: когда нет гостей, через него в дом проходят, чтобы на парадной лестнице не топтать.

— Папа! — Клелия прыгает к Ноэлю на руки, и он тискает ее, целует в шею, где первый позвонок, а она жмурится.

Марине вспоминается разговор, случившийся неделю назад.

36

— Она его заловить хотела... — мадам Дель Анна закрыла дверь в кухню, чтобы муж не слышал. Ему не нравятся эти пересуды. — Однажды я пылесосила, задела ее сумку... и оттуда выпала бумажка, а на ней кровью как будто заклятие... на Ноэля и его деньги. Анна уже беременная ходила. Мари ее не любила, они раз повздорили, и Анна сказала: «Ты уйдешь отсюда и не вернешься, не конкуренция ты мне». Мы все думали — о чем она... а это было о доме. Ведь целое состояние. Когда я сказала Анне, что Мари погибла, у нее такое лицо сделалось... как если бы она оторопела, что *получилось*.

— А что... с Мари произошло?

— Вроде отравление. Пауло, мексиканец, к которому она уехала, исчез. — Мадам Дель Анна вертела в руках варежку для горячего. — Ее не стало в начале января...

Марина любила пересматривать альбомы Мари. Черно-белые пейзажи, двумя руками нарисованные, удивительно.

— Сколько у тебя нашлось бы общего с моей дочерью!

Марина кивнула. Но думала о другом...

— А вы не боитесь, что Клелия... будет на мать похожа?

Эта женщина, Аннагуль, встала между ней и девочкой. Как избавиться от мысли, что Клелия — частичка человека, готового на подлость? И этот человек воспитывает ее. Не будь... не будь у Клелии матери, Марина приняла бы ее безоглядно. И не

знала бы она этой неуютной ревности: Ноэль хватает на руки Клелию, фырчит ей в загривок, Клелия верещит, и там, в их мирке, больше нет места. Марина стоит рядом, улыбаясь, — но улыбка ее пуста.

37

Появилась работенка: под Анже замеры делать, там жилищный комплекс хотят строить. За день не управились, остались в отеле. Вечером выдвинулись на дискотеку в местном универе, на медицинском факультете, — без Тибидоха, конечно.

Будущие врачихи были так себе, но оказалось, что жизнь-то продолжается. Поужинали в симпатичном ресторанчике. Страшно было спугнуть это внутреннее спокойствие... Нет, с браками покончено. Да и не знаешь сейчас, кого надо.

Утром вышел из отеля — свежо, серо. Тишина внутри. И вдруг — оплеуха: витрина в предпраздничном оформлении. Ватный снежочек, люлька с младенцем, человечки-волхвы. И над этим благолепием — крупными буквами: *"NOËL"*, «Рождество». Пока до парковки дошли, четыре витрины «оноэленные» попались. Теперь обложат: до Нового года куда ни зыркни — всюду это имя. Назвали макаронника Рождеством, идиотизм.

В тот вечер, когда она вернулась за цаплей, — бухнулась на кровать рядом, тоже ревет: «Ты мне близкий... Не рви, это больно... Не выкидывай меня из жизни...» Думал об одном — какого черта она снова здесь? Сколько можно отрывать и отрывать? Не шелохнулся. Она выбежала. Хотел, чтобы от нее хоть цапля осталась. Крикнул: «Ключи оставь!» — уже не слышала.

Вернуться в Париж, увидеть ее.

38

Лорен улетела в Америку и забыла с отцом попрощаться: Франсуа приуныл, даже согласился к Маринке съездить.

От этого дома обалдеваешь. Села за рояль, вспоминая, чему в музыкальной школе учили, — мадам Дель Анна в восторг пришла от этих жалких потуг. Ее осенила идея Женьке уроки давать: «Будет приезжать по субботам!» Маринка повела вниз «на экскурсию», там и рассказала, что Денис увидеться порывался, и Ноэль предложил ее отвезти, куда надо. Что бы это значило? «Да ничего. Свобода». И Маринка пустилась в путаные рассуждения, что человек может принадлежать только самому себе, и никогда — другому, поэтому Ноэль считает, что не вправе ей на горло наступать.

— Желание обладать — это страх перед жизнью. Будто от боли можно чем-то загородиться. Близким человеком, счетом в банке или браком.

Легко рассуждать, когда все есть — дом с садом, работа престижная, «БМВ» и этот самый счет в банке. Жизнь до тебя не дотянется костлявой рукой. А вот когда в угол загнали? Стоишь и на руку эту с ужасом смотришь.

— Нельзя рассчитывать на другого и цепляться за него. Плевать надо на страхи!

Копать долго не пришлось: не хочет Ноэль жениться. Аргумент: они знакомы без году неделя. К тому же он всецело против брака.

— А как же «сежурка»? Денис продлит?

Маринка отрицательно покачала головой.

— Не знаю, что делать. Ноэль в облаках витает. Сказал — ты здесь три года, диплом есть, рисунки гениальные, Франция таких людей не выгоняет. Бред...

Не вязался его теплый взгляд с таким поведением.

— Он хочет, чтобы я была с ним «без интереса». Без ожидания, что он меня из дерьма вытащит.

— Так он тебя туда и загнал! — Помолчали. — И что теперь, в Новочебоксарск?

Марина опустила глаза.

— Не поеду.

39

— Люди живут ненастоящую жизнь. Маленькую жизнь, как твоя Ксения, — Ноэль вел машину, ехали в город мороженое есть. — Этот Франсуа чудовищен. И она не уходит от него. Спит с ним! Поскольку он ей безбедное существование обеспечивает.

— Она любит его...

— Это — любовь? Это благодарность!

— Ноэль, ну пусть благодарность, которую она принимает за любовь. Но у нее дочь...

— Она продалась, чтобы устроить жизнь своей дочери. И заодно себе. А надо, чтобы все настоящее было, — иначе в пепел превратишься. Я ей сочувствовал, пока не увидел этого... этого...

— Овоща.

— Да. С овощами миссия невыполнима, если сам не овощ. Потому что любовь — это когда себя теряешь, становишься другим. Когда ты готов умереть за человека. Я вот готов за тебя умереть.

Марина молчала. Через два месяца истекает вид на жительство.

— Умереть, но не расписаться.

Хватил ладонью по рулю:

— Да ты замужем!

— Потому что я боюсь разводиться! Ты меня не подхватишь!

— Тебе нужны честные отношения или зависимость? Ты будешь со мной мила, потому что каждый год надо бумаги продлевать?

— Я буду мила, потому что тебя люблю!

— Тогда при чем тут документы?

Эту пластинку уже ставили. «Да иначе меня из страны выставят!» — «Да такие люди нужны Франции!» — «Ты понимаешь, что такое административная машина?» — «Ну и уедешь — проверишь мои чувства! Если я тебя люблю, то вытащу сюда!» — «А если не вытащишь?» — «Тогда зачем я тебе?!» — «Но я-то останусь в Новочебоксарске!» — «Ты такая же, как Ксения! Вам бумажки важны, а не чувства!»

Мамма миа!

40

Сесилия оказалась никакой не заносчивой. Это просто манера — поглядывать свысока и говорить то, что думаешь. Отправились к ней, у нее тоже дом в Везинэ. Сесилия, как и мама Ноэля, никогда не работала, за хозяйством следила — тут музейная чистота, у каждой вазы свое место, кресла возле камина должны стоять в определенном положении.

Муж ее Валентино вместе с отцом Ноэля держал деревообрабатывающий заводик в пяти километрах отсюда. Валентино совсем непробиваемый, за вечер улыбнулся один раз — когда сообщил, что Саркози выдвинут на президентские выборы. Семейство Дель Анна — правые: говоря о социалистах, Валентино недовольничает, сердито зыркает из-под бровей, спина прямая — как швабру проглотил.

Кто нравится, так это Энрико, сын Изабель. Ему дали французское имя Анри, но дома он — Энрико. Изабель здесь зовут Изабеллой, а Ноэля — Натале или Наталино, если ласково. Хитрости итальянского языка: суффикс «ино» — уменьшительно-ласкательный, а «оне» — наоборот, «увеличительно-грозный», типа нашего «ище». Для смеха можно звать Ноэля Наталоне. И получается, что Наполеон (Наполеоне) — по-русски Наполеище. А Буратино — Буратик. Приключения Буратика, победы Наполеища...

Что до красавчика Энрико, то Ноэль нет да и ввернет: «Неужто тебе с ним не хочется? Знаешь, я ведь за свободу...» Несмешная шутка. Корто так — никогда... К тому же у Ноэля образовалась манера комментарии на улице отпускать: «Ты ее зад видела?!» — «Меня бабские задницы не интересуют». — «Да разве?» Однажды завелась: «Это случилось лишь однажды. И по любви. Не ты мне говорил про настоящее? Так вот это было оно!»

— Ты не сердись на него, — мадам Дель Анна посмотрела, не слышит ли кто. — Он же дразнится, не видишь? Мой муж такой же.

Верно. Мсье Дель Анна не зло, но без улыбки — покусывает: «Марина, а вы после себя помыли душ?», «Вы удивительно рано встали, только полдень!», «И вы думаете, что этими картинками можно на хлеб заработать?» В душ вошла на полминуты, встала поздно, потому что ночью рисовала, сорок процентов покупаемых в Японии книг — манга. «Мы с вами не в Японии, а душ все равно надо вымыть».

— Но в отличие от Ноэля мой муж — ужасный собственник. Если бы у меня кто-то до него был, он бы не женился.

В кухню входит мсье Дель Анна.

— Не женился бы, — подмигивает. — Другую бы Анну нашел.

— Знаешь, сколько у него до меня было женщин? — мадам Дель Анна явно горда. — Десятки! Никого не любил! Даже замужние попадались. Их он вообще не уважал.

Мсье Дель Анна кивает, отрезая кусок колбасы. Теперь хоть ясно, что он о ней, Марине, думает.

— Однажды с балкона пришлось прыгать, от разгневанного супруга спасаться. Но если бы я, как та дама, изменила ему — вмиг бы развелся! — мадам Дель Анна сияет: брутальный у нее мужчина. Он уже маленький-сухонький, а ей все тем же Аполлоном видится, с заводом под Парижем и богатым опытом прыжков с балкона.

— Ему наш родственник сказал: представлю тебя семье, где три сестры. Есть среди них Анна (он только на Анне жениться хотел). Распознаешь ее — значит, судьба. И вот Тонио скользит глазами по лицам, а мы трое стоим, завороженные. Остановился на Алессандре, это средняя сестра, улыбнулся — да-да, дорогой, ты ей улыбнулся! — и перевел взгляд на Сесилию. А Сесилии было уже двадцать три, ей замуж хотелось, и она невольно сделала шаг вперед — помнишь, Тонио? Сесилия самая красивая была среди нас, и я подумала, что — всё.

— Вы влюбились с первого взгляда?

— Еще бы! Он тоже шагнул к ней, я отвернулась и в окно смотрю. И вдруг слышу голос рядом: «Анна?» Ну вот так я и стала Анна Дель Анна.

Отец Ноэля наклонился к жене, поцеловал в висок, сунул кусок колбасы за щеку и ретировался. Мадам Дель Анна проводила его взглядом.

— Марина, а сколько у тебя было мужчин?

41

— Вышел скандал, — Марина зачем-то понизила голос. — Я поссорилась с Алексом.

— Не думаю, что тебя там любят.

Ксения вновь обрела свой спокойный голос. Франсуа присмирел, вел себя как образцовый овощ, только ел и спал, врач сказал, у него депрессия — из-за дочери. Она как умотала в Америку — концы в воду. Денег он ей дал, когда она заезжала, теперь нескоро всплывет.

— Нет, я сама виновата. Алекс спросил, почему я не иду работать — хоть кассиршей в супермаркет. Я сказала, что уволилась из отеля, чтобы рисовать. Он — мне: «Я тоже на досуге в теннис играю!» Так меня это задело. Говорю: «Я художник и не собираюсь сидеть на кассе. В своей уникальной жизни я хочу сделать что-то уникальное и не намерена вставать в семь утра, чтобы чеки тупо выбивать».

— А он подобный фокус проделывает каждый день.

— Ага, Алекс на почте работает. В общем, он оказался психованным — вскочил бледный, руки трясутся, я испугалась, что набросится.

— Марина, вам надо срочно оттуда съезжать. Снимите квартиру.

— Да нет, мама Ноэля, например, его не поддержала. У нее дочь такая же была... Нас это сближает.

— Опасная близость, — хмыкнула Ксения.

— Да уж. Она такие вопросы задает... Недавно спросила: «А с кем в постели лучше — с Денисом или с Ноэлем?»

— Надеюсь, ты не ответила правду?

42

Решила дорисовать «Приключения Свиньи Марго» и отправить Айко Аоки. Ей, конечно, лучше слать мангу для девушек, но тут сплошные наброски. Когда для себя рисуешь, терпения не хватает до ума довести. За годы скопилась гора неоконченных историй.

«Приключения» придумывали с Ноэлем. У путешественницы Марго был чемоданчик, обклеенный нашлепками из разных стран, брюки с дыркой для хвоста и модная футболка с надписью «Не будь свиньей, уступи дорогу». Ибо Марго передвигалась только бегом и тормозила, лишь завидев лужу. Тогда она кидала одежку в чемодан и плюхалась в жижу, сладострастно хрюкая (в облачке из пятака: *"Oink! Oink!"* — хрюканье на английском, как и текст).

— Ноэль, ты знаешь, что свиньи не потеют? Потому и в грязи лежат, температуру так регулируют. Свиновод из перигорской деревни рассказал.

Вспомнился Альберто. Пропал с лета, да и не до него было. Ныне же Воробушку звонить опасно: разболтает про события Кате. Катя сообщит тете Наде, и полгорода будет в курсе, включая маму. А мама не оповещена, зачем ей нервы трепать, для нее статус важнее радости, развод страшнее безразличия. Она ради статуса замужней дамы свою жизнь угробила. Как говорит Ноэль, люди живут в беспросветном лицемерии.

К Рождеству манга была дорисована в карандаше. Осталось тушью обвести, отсканировать и можно посылать Айко Аоки.

43

День рождения Ноэля и Рождество отмечали вместе. Мадам Дель Анна наготовила чечевицы. Ее едят на Новый год, это к достатку: традиция такая на юге Италии.

Франческа уехала на Сицилию, и ее муж попросился в гости (никто не пригласил, кому нужен злюка в праздник). «Прекрас-

но! – воскликнула мадам Дель Анна. – Вы сыграете Рождественского Деда, у нас все есть, и борода новая». Год назад Деда изображал Ноэль – Клелия заподозрила неладное, пыталась оторвать ус. Ноэль сопротивлялся и мычал, Клелия решила, что Дедушка немой. «Я не клоун!» – пробурчал муж Франчески. «Тогда сидите дома!» – и мадам Дель Анна положила трубку. Они так смеялись с Мариной...

Деда сыграл Алекс. Вел себя так, будто Марины нет.

Клелия в шелковом розовом платье, в короне феи разбирала подарки: целый мешок принес Дедушка *Père Noël*, а будет еще и второй, на Новый год с мамой, уже от Деда Мороза, похожего на дядю Антона, которого почему-то надо называть папой.

Марина подарила Клелии заводного кролика, бившего в литавры. Кролик оказался отличным средством для головной боли.

– Клелия до Нового года здесь, каникулы, – сообщил Ноэль.

Неделю рисовать котов в гостиной. Он-то с компьютером окопается внизу.

Ноэль смотрел Марине в глаза, она их отвела.

– Ты должна была бы принять ее лишь потому, что она моя дочь!

Да не только твоя! Есть вторая женщина, и это *ее* ребенок!

– У тебя, Марина, не хватает душевной щедрости.

Наверно.

44

Денис из Праги прислал эсэмэс: «Пни под зад макаронника, пусть свозит сюда, это красивее Парижа». Ноэль грозился: поедем на Сицилию! на Киброн в «Талассо»! в Женеву! в Брюгге! в Гваделупу! А дальше – всё. Времени нет, сил нет, а теперь нет настроения. Он впал в прострацию, ходил потерянный, пустой. «С ним так всякий раз перед Новым годом», – вздохнула мадам

Дель Анна. Объясняться не хотел, ответил неохотно: «Виноват я перед Мари. Считал пустячными ее рисунки, злился, что она сидит у родителей на шее. Простить себе не могу».

День за днем: приходил, забивался в угол, бесцветными глазами пялился в компьютер или в телевизор. Все катилось куда-то... куда-куда, в Новочебоксарск.

Тридцать первого декабря поехали в *"Ladurée"*, минут сорок отстояли в очереди за «макаронами», хвост людей вывалился наружу, под мелкий дождик. Потащились к Сесилии. Там Марина познакомилась с Лаурой.

Лаура, нестройная брюнетка с волосами до попы, приехала во Францию вопреки воле родителей. Поселилась в демократическом подпарижском городке Шуази-ле-Руа, сняла микроскопическую двушку напополам с пожилой женщиной из Румынии. Нашла работу в мэрии. Должность была совсем безответственной, платили гроши. Но это было лучше, чем торчать с родителями и вечно ноющей старшей сестрой, к сорока годам не родившей и впавшей в состояние фрустрации.

— Ты дочь Алессандры, сестры мадам Дель Анна? Значит, твоя сестра...

— Да, Агата была женой Ноэля.

Двадцать лет назад Ноэль поехал на Сицилию навестить тетушку (вернее, понырять). И в той самой гостиной, где папа маму присмотрел, — обнаружил юную красотку Агату. Агата рвалась прочь с острова. Ноэль только что завершил роман с Клелией, «первой настоящей» любовью, и был нестабилен до такой степени, что свадьбу назначили через месяц.

— Лаура, а правда, что Ноэль расстался с Агатой, потому что она хотела ребенка?

Со слов мадам Дель Анна, Ноэль в то время открыл фирму, крутился как в колесе, а Агата сидела дома, скучала и ныла, чтобы он сделал ей лялю. Верещащий по ночам младенец мечтался ему меньше всего. Но Агата, бессердечная, заявила на излете двух лет брака: «Если за год не сделаешь мне ребенка, я подумаю, оставаться с тобой или нет». Шантажистка! Но-

эль — он еще каким жестким может быть! — ответил: «Тебе меня мало? Значит, это не настоящее. Не стоит нам вместе жить». И ушел на работу. Она собрала вещи, вернулась на Сицилию и подала на развод. Но Бог ее наказал — детей нет.

Лаура прислушалась к голосам, доносившимся из гостиной.

— Ты еще не поняла, что Натале... сложный человек?

45

Не того ждал Ноэль от Агаты. Ведь любовь можно условно измерять в градусах. И у каждого своя точка кипения. У кого-то — семьдесят градусов, у кого-то — сорок. У одного сотня, а у другого — от силы пятнадцать. И пойди скажи этому другому, что его любовь жалка. Да он душу в свои пятнадцать вложил...

— Марина, ты уже слышала историю про соседского ребенка?

Еще бы. На то и кухонные посиделки с мадам Дель Анна. Когда Ноэль был маленький, дитя в доме напротив орало как заведенное, на нервы действовало, с тех пор мысль о грудничках вызывает у Ноэля жестокую аллергию.

— Я вот думаю... наверно, это будет проявлением любви с большой буквы, если ради него я откажусь иметь ребенка. Он говорит, что ему семь лет осталось. Незачем его терзать.

Марина осеклась под взглядом Лауры.

— Девочка моя, ты сумасшедшая. Что это за ересь про семь лет?

— Ему ясновидец сказал.

Лаура хмыкнула.

— Я не спорю, что он тонкий человек. Что щедрый. Но у него большая проблема — он живет на облаке. Он не знает реалий этой жизни. Будет говорить о чистоте чувств, о глубоких отношениях и не догадается подарить тебе новый свитер взамен вот такого с «локтями». Ибо не понимает, что значит сидеть без копейки. — Лаура все больше раздражалась. — А вообще, ты в курсе,

сколько ему лет? Четырнадцать. Можно жить с четырнадцатилетним пацаном? Рожать от него? Я уверена, он и любовью занимается, как вчерашний подросток.

Что верно — то верно.

— Но он теплый...

— Теплый. Только мало кто с ним уживется.

Марина не ответила. Лаура добавила:

— Энрико сказал, что никогда не видел Натале таким счастливым. Но ты-то не светишься, Марина.

Уже месяц *это* разрушает что-то в ней, в ее чувстве. Не хочет Ноэль, чтобы его вязали. А она у него на глазах на дно идет.

— Он говорит, ему от меня нужны чистые чувства. Это когда двое вместе без условий и обязательств.

— Ага, он же на облаке! А что его мать говорит?

— Она не вмешивается.

— Еще вмешается.

Марина подождала, но Лаура больше ничего не произнесла.

— Лаура, я ценю его тепло и внимание. Он верит в меня, выслушивает, мангу со мной придумывает, эклеры мне покупает. Только вот смешно — человек тонет, а ему протягивают эклер. Вместо спасательного круга.

— Марина, ты считаешь нормальным обсуждать меня за глаза?

46

Франсуа поставили диагноз: маниакально-депрессивный психоз. Заявился домой гордый — врач сказал, что МДП — недуг великих, Достоевский был маньяком. Бросился к компьютеру — великих маньяков искать.

Когда он в Екатеринбург знакомиться приезжал, все ему было интересно, все нравилось, деньги тратил направо-налево: стадия у него была очередная, эйфория. Выглядело как широта души... Смех и грех, на днях в спальне обнаружилось «Преступление и наказание» с закладкой на пятой странице.

Марина стала звонить только днем, пока Ноэль на работе. Он заявил, что она его унижает, обсуждая их отношения. Маринка скисла, говорит, он прав, и у нее это от малодушия. Через полтора месяца ее из страны попросят — пожаловаться, и то нельзя? Правда, тут нашлась русскоязычная адвокатша — посоветовала срочно начать бракоразводный процесс, требовать с Дениса денег, ни на что не соглашаться, она готова участвовать. Развод может годами тянуться — пускай продлевают «сежурку» для борьбы со зловредным мужем. Как-то в это не верится.

Поведение Ноэля необъяснимо. Маринка на него молится: его слова ей «в сердце падают», он внимательный и все такое. О'кей. Но когда он рассуждает о гуманности административной машины или грозится написать письмо Саркози в Маринкину защиту, это выглядит... странно. Что сказал бы настоящий мужик? «Разводись, распишемся. Не получится жить вместе — разведемся. Только не плачь». Хотя, может, при нем она не плачет.

47

К середине января — приезду Джованни — у Ноэля прошла хмарь. Он порывался съехать в отель, чтобы друг мог в его комнате пожить эту недельку как дома. Совместными усилиями с мадам Дель Анна убедили, что для ночевки годится гостиная.

По дороге в аэропорт подшучивал — влюбишься в Джованни, он еще в расцвете, а главное, счет в банке цветет. Правда, половину лица парализовало после смерти жены — очень ее любил, — но это достойно уважения.

Джованни и впрямь оказался приятным, хотя и с плешкой, одна сторона рта улыбается, другая задумалась. Но нельзя сказать, что это его безнадежно портит.

Иностранными языками Джованни не владеет. Утром на кухню поднимаешься — он кофеек пьет. Произносишь радушно: «Чао, Джованни!» — а он в ответ: *"Ciao bella!"* Обмен улыбка-

ми, приготовление кофе. И хочется с кухни удрать, невозможно молча улыбаться более полутора минут.

Овощ шестым чувством уловил миллионерские флюиды: с Ксенькой стал головокружительно ласков и предупредителен. Зазря прождали ее в «Бофинже» на Бастилии — она была у знакомой, и Франсуа к подъезду подкатил: сюрприз. «Откуда я знала, зачем он адрес спрашивал?..» — вяло оправдывалась Ксения, но стало ясно: не рвется она знакомиться с владельцем яхты. Тогда попросили Лауру составлять по вечерам компанию — и Джованни, пару дней поколебавшись, признался ей в бурных чувствах. Лаура только фыркнула.

Вскоре Джованни начал раздражать. Повсюду платил Ноэль, а Джованни всякий раз качал головой и произносил одно и то же: *"Ma no, Natale! Perché hai pagato? Non dovevi!"* — и все повторялось. «Так и становятся миллионерами! — подытожила мадам Дель Анна, когда Марина пришла пошептаться. — Видала его гостинец? Канноли, сладкие трубочки? Ничего подороже не привез! А какие на Сицилии сыры! Рагузано, пекорино, тума, примосале! А колбасы! А шоколад! Ммм... *la cioccolata di Modica*...» — мадам Дель Анна мечтательно закатила глаза.

Перед отъездом Джованни уже ходил с Лаурой за руку. Марине не верилось, что Лаура вернется на Сицилию:

— Для нее же это шаг назад...

В ответ Ноэль пожал плечом:

— Позавчера на счет Джованни упало два миллиона: виллу продал. Так что назад она вприпрыжку побежит...

— Осуждаешь? А ты видел, как она тут живет, с ее зарплатой?

— Похоже, ты такая же материалистка, как она!

48

Это походило на пощечины. Он не знал, что давал ей пощечины. Или знал? Не жалел? Не любил уже, как раньше?

Потом был этот разговор о Ксеньке. Случись что с Франсуа, идти им с Женей по миру: акула из Америки разве что кота от-

даст (не нужен); вот Ксеня и пыталась узнать, Франсуа на себя одного квартиру оформил или ей угол перепадет...

– Она его уже похоронила? – Ноэль ткнулся глазами в глаза.

– Да о чем ты! Просто у нее за спиной ветер, понимаешь?

Не понимал: Ксенька должна «просто жить», не высчитывая.

– Как не высчитывать, если у тебя на руках ребенок!

– А может, ты тоже думаешь, что когда я...

– Ничего я не думаю, Ноэль!

– А я думаю. Думаю, что у нас с тобой разные ценности, Марина.

Не пара она ему. Когда вошла в этот дом, сразу поняла – нет ей тут места. И рядом с ним места нет. Чтобы друга потешить, он пойдет в отель ютиться – а по ней это слишком. Именно он – не она, ее не приучили – встает, поднимается в кухню, моет виноград, приносит. Мелочь, но для него такие мелочи – как дыхание, и из этого дыхания сплетается жизнь. Он говорит: «Желание давать должно идти изнутри. Идти не от воспитания, а отсюда», хлопает ладонью по грудной клетке.

– Есть вещи, которые ты не чувствуешь, Марина.

– Какие? Объясни, и я пойму! Буду чувствовать!

– Понять-то поймешь, но себя не изменишь.

Пощечины, но она сама виновата. Встать с теплой постели, потопать на кухню, помыть пару яблок. Она изменится; он будет с ней счастлив.

– Думаю, не прекратить ли нам это все, Марина.

– Что прекратить?

– Отношения. Люди хотят любви, но в той форме, которая их устраивает, а ее им диктуют воспитание, культура, страхи. Так и ты. Тебе за свои рамки не вырваться.

Уйти в комнату с идиотским белым котом на стене, и реветь, и звонить Ксеньке.

49

Потом он придет, скажет: ладно, перестань рвать мне сердце, пойдем, — поведет в спальню, достанет бумажный носовой платок, будет растирать тебе по лицу соленую водицу, принесет виноград, который не полезет в горло. Он заговорит, и у тебя от этого новые приступы. Замолчит, ты уткнешься головой ему в плечо, затихая и всхлипывая снова, оно у тебя в ушах, звенит, оглушая: «за рамки не вырваться», приговорена.

50

— Мадам Дель Анна, вы не видели мой шарф?

Ноэль пошел машину из гаража выводить, ему по вечерам дома не сидится, разбирает ехать куда-нибудь. В ресторан, во «Фнак» на Елисейские (он до полуночи) или мороженое есть. За три месяца с ресторанных посиделок весь флер слетел. Крутишься, ищешь место для машины, потом идешь по холоду, чтобы сесть за столик и покорно ждать, пока принесут еду; поешь и потащишься во тьму и холод, хорошо, если домой, а то Ноэлю приспичит мороженым закусить, тогда сценарий повторяется. А дома «Приключения Свиньи Марго» лежат, осталось дорисовать всего ничего, руки чешутся. Днем плохо работается: суматоха, гости, телефонные звонки, «Черто, черто!», «Нон э поссибиле!», «То-онио-о-о!»...

— Шарф? Я убрала.

Ни одной вещице не позволено всплыть на поверхность. Мадам Дель Анна систематически обходит владения и незамедлительно приступает к ликвидации любого объекта. Положишь перчатки на тумбочку, а через четверть часа — нет их, отправились в шкаф в дальней комнате, третья полка сверху, правый угол. Подготовишь джинсы и свитер на после душа, вернешься, кутаясь в халатик, а стул уже пустой. Иногда нервы сдают.

— Марина, я слышала... ты вчера плакала?

— Нет... да... все нормально.

— Не хочешь говорить? Ну... не надо... — мадам Дель Анна изображает, что не обижена, но так, чтобы было понятно: только изображает.

— Мы уже помирились. Ноэль... очень требовательный.

— Ты еще не знаешь, каким он может быть. Абсолютно ледяным, — во взгляде у мадам Дель Анна вспыхивает восхищение (она точно так же сверкала глазами, когда рассказывала про сорокалетней давности случай на Елисейских: какой-то араб на нее засмотрелся, и мсье Дель Анна безотлагательно нанес ему сокрушительный удар в челюсть — тело нахала впечаталось в витрину так, что стекло треснуло). — А станет ледяным — все, не растопишь. Айсберг! Как почувствуешь, что оно начинается, лучше первой уйти!

51

Неужели я тебя оставлю? Твой запах — запах кофе и печеного изюма, который так сладко выковыривать из булки-улитки, запах теплого дождя, старых камней в храмах. Твои булыжные мостовые, тяжелую вышивку балконов, задранные в небо окошки *chambres de bonne*, где раньше жила прислуга, а теперь — студенты. Оставлю? Жестяные крыши, кирпичных сусликов каминных труб? Подсвеченную ночью Консьержери, Нотр-Дам, подурневший после того, как отчистили темный налет времени? Огромные рекламы под сводами метро, тайные тихие улочки недалеко от площади Италии, хлебные багеты — длинные и хрустящие? Людей, извиняющихся на каждом шагу? Машины, тормозящие, чтобы уступить тебе дорогу? Всю эту маленькую вселенную — оставить?

Оставить Ноэля.

Так и не научиться у него любви.

Потерять все это — потерять радость... Как без радости жить потом?

52

— Слышали, Фреша из Соцпартии исключают за расизм. Он сказал, что у нас в сборной по футболу слишком много черных.

Марине слышны разговоры, ведущиеся в гостиной. Алекс явился — она от ужина отказалась и поздороваться не вышла. А чего с ним здороваться? Ноэль признался, Алекс спрашивал, весь такой в сомнениях: «А ты уверен, что Марина тебя любит?» Иными словами, она нацелилась сидеть у его кузена на шее. Можно подумать, Ноэль особо тратится. Кормят ее здесь, это да, но ведь деньги брать не хотят. И что она, за еду тут торчит? Или Алекс ее за Аннагуль-2 держит?

В тот день все и началось. Ноэль посмеивался: «Может, Алекс и прав, брак тебе нужен, чтобы закрепить за собой платежеспособного самца...» Вот за что он ей делает больно?

— Слушай, платежеспособный самец, ты выдаешь прогнозы, из которых следует, что к сорока годам я вдовой останусь, причем бездетной. Это в том случае, если меня не выпрут из Франции. Впрочем, выпрут, с твоего молчаливого согласия. Если это шутка была про самца, то очень неудачная.

— Как ты заговорила...

Встал, пошел наверх.

53

Это длилось. Перетекало из вечера в вечер. Как эхо того разговора, как маленькие эхи.

— Отношения должны быть лишены малейших обязательств. Мне надо, чтобы ты была рядом просто так!

— Ноэль! У меня нет французского паспорта! Я не могу просто так!

— Ага! Вот ты и проговорилась! Значит, у тебя интерес есть!

— Мне вид на жительство нужен, чтобы быть с тобой!

— Простите, вы сделали заказ?

— Еще пару минут... Париж тебе, Марина, нужен, а не я.

Кончается слезами, за столиком.

Или:

— А зачем тебе ребенок, Марина?

— Он меня не оставит, в отличие от... самца.

— Ах вот как. Тебе костыль нужен. Только при чем тут я?

— Ноэль! Я хотела ребенка, похожего на тебя! Нашего ребенка!

— Ты только что объяснила, зачем он тебе. У нас и вправду разные ценности.

Кончается слезами.

Или такое:

— Я думала, ты обрадуешься моему разрыву с Денисом.

— Марина, тебе не приходило в голову, что мы едва были знакомы, а ты уже въехала в мою жизнь на танке? Не спросив, готов ли я жить с кем бы то ни было под одной крышей.

— Да кто знал, что ты не готов! Знаешь, что Денис сказал, когда я уходила?

— Меня это несильно интересует.

— «Никто не отказывается от солнца».

— Марина, солнце, желание жить вместе приходит естественно, а не так: вот она я, вся такая влюбленная и беспомощная, бери! Оно складывается из мелочей, которые потихоньку входят в сердце и остаются там!

— То-о-о-онио!!!

— Ноэль, я больше не могу здесь. Я хочу тишины!

— Сто раз я тебе говорил, что надо снять квартиру!

— Делай что хочешь, только забери меня отсюда!

Накатило в который раз: нет сил — здесь. Нельзя, никогда нельзя жить в чужом доме! От «Тоооонио!!!» взрывается мозг, осьминогов жевать осточертело, поздно не придешь, долго по телефону не поговоришь, перчатки на стуле не оставишь, пылесос стал личным врагом. А еще — алексы ходят, да и вся жизнь на виду, как на ладони твоя жизнь. На ладони у Ноэлевой матери, которая называет себя твоей подругой, и в этом есть что-то нечестное.

Все осталось: отец Ноэля, целующий мадам Дель Анна в висок, и ее восхищенный взгляд ему вслед, и сожаление, что у тебя в доме такого никогда не было, отец называет мать придурком.

И в то же время — будто ты о чем-то догадываешься, ты только нащупываешь эту правду: отец Ноэля-то сожрал жизнь своей жены, сделал детей, посадил ее дома, а она ведь учиться хотела, и работу ей предлагали переводчиком с итальянского на французский в Европарламенте, сессиями. Отказалась — муж вечером придет домой, а ее нет, она в Брюсселе, переводит. Да он вмиг разведется! И дети. Детей няне не отдашь, испортит. И она осталась тут, затворница добровольная, растила двоих, мальчика и девочку, все развлечения — с подругой Франческой посудачить да с сестрой Сесилией. А еще она в двадцать пять лет сделала операцию, чтоб не беременеть: хватит и этих, не предохраняться же теперь полжизни. Муж от этого выиграл, а она? Если с ним не сложилось бы, другому-то она родить не смогла б. У всякой идиллии своя подноготная. Один душит, другой благодарно хрипит — вот это она и есть, идиллия.

54

Марина перебегает улицу: пока Ноэль развернется, могут место перехватить. Горбатый «ситроен» тормозит, Марина разводит руками: опоздал, старичок.

Ноэль захлопывает дверцу.

— Как говорят, если нашел свободное место, тебе сегодня изменят.

— Эти ваши французские приметы что-то не сбываются.

— Сбудутся когда-нибудь...

Они идут по улице Pierre Charron, сейчас слева окажется обувной бутик, Ноэль прилипнет к стеклу, рассматривая дорогие ботинки. Как обычно. Потом — «Лядюрэ», мороженое в высоких фужерах, разговоры об одном и том же.

— Мне тут позвонил Кристоф, бывший клиент. Такая... помесь твоего мужа с твоей подругой Аней. Как она, умеет близко

быть, но дистанцию держит вроде Дениса. Я рассказал ему про тебя, он готов встретиться. Мой ровесник.

— Ну... можно.

— У него двадцатилетняя подружка, но жена смотрит на это сквозь пальцы.

— Встречаемся с подружкой или с женой?

— Ты не поняла. Это тот мужчина, что тебе нужен.

Да. Вот и такое услышала. Сжала губы.

— Да никуда я не денусь, что ты пугаешься. Но тебе же иного в постели надо. Думаешь, не понимаю?

Отвернулась. Ноэль обнял за плечи, стиснул. Шли по Елисейским. Это сбивало с толку: его обычный мягкий взгляд. Как будто он и вправду желал добра.

— А тебе, выходит, все равно?

— Мне не все равно. Но что такое любовь? Когда интересы другого важнее своих. У людей любовь проявляется в эгоистическом «не трогайте мое». А я даю тебе свободу. И пытаюсь дать радость.

— Радостью для меня было бы «я тебя никому не отдам».

— Ты не вещь, чтобы тебя отдавать или нет.

Как бы и прав. Но почему ее рука, что держит его ладонь, — будто бы пуста? И от этой пустоты, и от его теплоты в глазах — тоска.

Распахнул бледно-зеленую дверь с темными стеклами. Подошли к стойке:

— Я заказывал столик на имя Ноэль. Ноэль, как праздник.

55

Она ответила! Айко Аоки ответила! Марина кричит в трубку:

— Ей понравились «Приключения Марго»! Ноэль, у нее мама-то — француженка! Айко то в Токио, то в Париже!

Ноэль в не меньшем восторге, чем Марина.

— Я тебе говорил! Говорил! А ты ей писать не хотела!

— Я Кунихико Икухара не хотела...

— И ему напишешь! Прямо сегодня!

Да, здесь Ноэль неподражаем. После Корто особенно впечатляет. Кстати, Корто запропал. Может, и правда пражская пани без дитяти оказалась?

Айко написала, что ее дед несколько лет назад в России побывал. Он мэтр японской кухни, давал мастер-класс. «Похоже, в Москве много японских ресторанов?»

Да кто знает, что там в Москве.

Стыдно признаться — до Японского культурного центра ноги всего один раз донесли. Но ведь не столько Япония интересует, сколько — сказки. Мир, в который шагнешь, и все исчезнет: этот чужой дом, и страх перед завтрашним днем, и ощущение, что когда держишь его за руку, в ладони — пустота.

56

— А как тебе такое объявление: «Три комнаты, 60 кв. м, окна во двор, на улице Обер»? Это недалеко от «Трех Ступенек».

— Шестьдесят метров — мало. Но окна во двор... Спроси, вечером можно посмотреть?

Ищутся три комнаты, а не четыре: Джованни попал в немилость. Как уехал — ни разу не позвонил! Заполучил подружку, и привет. Семейство Дель Анна окрестило Джованни скрягой и эгоистом, у них «эгоист» — как клеймо ставится, не отскребешь.

Мысль преследует: ушлют в Новочебоксарск, у него квартира будет свободная. Спрашивает: «Ты мне не доверяешь?» А как доверять, если то и дело шуточки проскальзывают: «А ты бы переспала с Энрико? А с Джованни? А с Андреем?»... Или кивнет на «прохожий» зад: «Видела? Да ладно, я ж как на произведение искусства смотрю». Корто такое в голову не приходило говорить.

— Марина!

Клелия вбегает. Она придет и первым делом Марину ищет. Трогательно. И держать ее на коленях, обнимать теплое тельце — трогательно. Будь эта девочка только Ноэлева... Как было

бы чудно читать ей на ночь сказки, расчесывать темные волосы мохнатой щеткой. Это слепой материнский инстинкт или зрячее чувство? Девочка твоей не будет, так что нечего гадать.

– Звонит! – Клелия хватает телефон, тянет Марине. На экране светится: «Корто».

– Я нашел адвоката. Если собираешься разводиться по мировой, появляйся, составим бумагу на двоих. В противном случае жди вестей.

– Ты можешь подождать? Мне через неделю в префектуру...

– Не-а. Не могу.

57

– Ты меня всех друзей лишила! И дочери тоже! Да, дочери! Потому что она мне как дочь! – Альберто помолчал. – У меня ничего не осталось, кроме твоей кислой мины утром и вечером...

Девочка на стороне матери. Она выбрала сильнейшего и со слабейшим не дружит.

– Катья! Ты целыми днями в *MTV* пялишься, может, тебе работать пойти? Почему я все должен на себе тащить?

– Потому что ты мужик. Ах, да, я забыла – ты ж не мужик.

В такие минуты Альберто мучительно хотелось позвонить Веронике. И однажды он позвонил.

58

Счастье будто дает ни за что, задарма,
И ты тянешь ладонь, и ты сходишь с ума...

Марина стояла, заткнув уши *ipod*'ом, на острове Ибисов, смотрела в темную воду.

Сегодня сорвалась, поехала к адвокату, на площадь *Nation*. Денис ждал в кафе *"Marco Polo"*. Единственный человек, который мог ее спасти, который понимал, каково ей, сидел на террасе, в углу, когда она вошла, не улыбнулся.

Опустилась на стул. Официант подскочил:

– Что будете...

Денис оборвал его:

– Я хотел бы рассчитаться.

Вышли. Марина прикусила губу: знакомая развинченная походка, руки в карманы. Как будто отбросило ее в первую встречу, когда она шла, косилась на него, улыбалась: нравился. И теперь – нравился. Нет, больше: нужен был. Это как завязавшему курильщику подсунуть сигарету. Очень хочется затянуться.

– Корто, я соскучилась. Я так соскучилась...

Но он уже набирал номер адвоката:

– Я приду с... женой.

Выдавил «жену» как косточку из чернослива.

– Корто...

Обняла – высвободился, опять обняла.

– Что, с макаронником не ладится?

Кивнула, не поднимая глаз, не разнимая рук.

– Ммм... Пошли.

В этом «пошли» – мягкая краска. Руки сами расцепились.

– Корто, я не хочу с тобой – к адвокату. Как-нибудь, но без этого...

– Без этого нельзя.

За тяжелой дверью парадного – домофон: «Я к мэтру Арфейеру». – «Второй этаж». Мраморная лестница, красный ковер, Марина нажимает кнопку лифта, но Денис поднимается пешком, не оглянувшись. Отвыкла она от этого – когда каждый по себе.

Смотрела ему вслед. Обернулся.

– Идешь?

– Я не хочу.

– Прекрати этот детский сад.

Она шла по лестнице и ревела. Ревела, когда тучный мэтр Арфейер вышел в приемную и пригласил в кабинет. Он посмотрел на нее и сказал: «Если одна сторона будет против, я не

смогу выступать как ваш адвокат». В кабинете над камином красовалось высоченное зеркало в золоченой раме, рядом стоял чудовищных размеров письменный стол темного дерева, заваленный бумагами и книгами. Они громоздились даже на полу, на скрипящих половицах: книги и стопки папок, подпирающие друг друга. На камине пылились африканские статуэтки, фигуры с заломленными руками, среди них белел карликовый бивень на подставке. Жилище людоеда. Напротив стола — два кресла, обтянутые бордовым вельветом, под старину — а может, и правда допотопные. Сюда и приземлились.

Мэтр начал с раздела имущества. Денис радостно заявил: «У нас контракт», — но мэтр парировал, что мсье грозит выплата пособия бывшей жене («Мадам, вы же не работаете?»), и Денис мрачно зыркнул в сторону Марины. Она снова ударилась в слезы: «Мне ничего не нужно, почему люди такие звери, ты думаешь, я из тебя деньги стану тянуть?» Про зверей было, потому что мэтр сказал, что женщины требуют компенсацию, даже если виноваты. И пошли беседы о том, кто кому сколько должен, включая гонорар мэтра. «Если вас все устраивает...» — мэтр покосился на Марину, и она выдавила: «Меня ничего не устраивает. У вас нет бумажных носовых платков?» — и мэтр заскрипел выдвижными ящиками стола, поглядывая на ее дрожащие губы.

Эти двое молчали, пока она сморкалась, повторяя как заведенная: «Мне нельзя сейчас разводиться, нельзя, я не хочу домой, я люблю этот город, понимаете, я хочу здесь...» Мэтр-людоед насупился: «Вы не живете с вашим супругом. Вам не положен вид на жительство». — «Если бы он пошел со мной в префектуру, никто бы ничего не узнал! Но он не желает! Ну что ему стоит!» Денис смотрел в окно — повернулся: «Ты не станешь отнимать у мэтра время этими бессмысленными разговорами?» А людоед догнал и добавил: «Если будет проверка и выяснится, что вы не живете под одной крышей, вас депортируют. Вас, мадам. И запретят въезжать во Францию в течение пяти лет! А у мсье тоже будут проблемы».

Особенно понравилось словечко «тоже».

Мэтр-людоед проводил до лестницы. Денис спускался первым, Марина оглянулась: мэтр стоял в дверях. Губами произнес: «Держитесь».

59

Пошел с ней в бистро — стояла и ревела, вроде как не уйдешь. Сели в углу, заказали по сэндвичу. У стойки терлись три мужика, типичные лузеры, больше — никого. Неудивительно: с января курить в общественных местах запретили, и эти бистро вмиг клиентуру растеряли, тут сигаретный дым был неотъемлемой частью пейзажа.

Маринка, вся в расстроенных чувствах, принялась рассказывать про макаронника, обманувшего надежды. С виду на ангела походил, а при ближайшем осмотре крыльев не обнаружилось. Такая упрощенная версия, нелетающая. Да, это ее, кажется, особенно огорчает: оно не летает. Оно еще недавно было средоточием всех (не)земных достоинств: тонкий-чуткий; теплый-пушистый; семейство его — вообще мечта дочери алкоголика. В результате в семействе она себя чувствует как раз дочерью алкоголика, телом инородным. Нашла куда вломиться: в дружную итальянскую семью, да прямо под бок к мамме... А пушистый оказался, скорее, взъерошенным — с утра до вечера читает нотации, не совсем понятно о чем, но разбираться неохота. Похоже, не оправдала Маринка его иллюзий. Да, он еще весь какой-то в иллюзиях (болеет, что ли). Такие иллюзии начисто по выходе из подросткового возраста теряются. Тяжелый случай. Было самое время возликовать — за что боролась, на то и напоролась, да ревет без остановки, жалко ее. Даже не то что жалко, а понять можно. Этот, ангел недоделанный, вещает, а у нее «сежурка» на излете, и чем все кончится, легко предположить.

— Он собрался писать письмо Саркози...

— Скажи ему, что во французском МВД с туалетной бумагой перебоев нет.

— Он не понимает! Он на облаке живет!

Сковырнется с облака, а планировать не на чем. Помнится, как-то пришлось документы подделать, чтобы из страны не вылететь: дрожал хуже листа осинового, так что Маринкины проблемы знакомы.

Смотрел на нее — те же свитер и джинсы, в которых ушла. Та же она... Положила ладонь на руку.

— Нет, только этого не надо.

Тут ее совсем развезло. Она была похожа на потерянную собачонку. Сказала, сморкаясь, — не сразу расслышал — «люблю все еще». Второй раз руку не отдернул.

60

Десять вечера, остров Ибисов. Ноэль торчит на работе — до полудня проспал (в сбитом режиме она виновата, Марина, — по разумению его папеньки).

— Ноэль, зайти за тобой?

Побежала бы в Нуази, ну так это за гранью приличий.

Стоишь на мостике. Будто взяли гигантский ластик и стерли человека, за которым пообещала зайти. За которым когда-то хотелось идти: крылья мерещились. «Ангел недоделанный», сказал Корто...

И эти его фразы: «Важно одно: не заставить другого страдать», «Не надо стесняться того, что чувствуешь», «Проживать настоящее»... Рядом человек в судорогах корчится, а он «настоящее проживает». За столом его матери тарелку не передала — отец встал, взял, — «пожилой человек вынужден прыгать», «у тебя этого нет в генах», «оно должно идти от сердца» — понеслось, едва в комнату спустились. Да не поняла, не подумала, не попросили! «Шестым чувством надо угадывать, что ближнему нужно!» — «Я научусь угадывать...» — «Нет! Этому не научишься!» Пошла ведь за ним, потому что стать хотелось, как он, с генами и сердцем. Тепла хотелось. Так тянет позвонить Корто...

Стукнула в дверь кабинета. Сидел за компьютером, уже в пальто. Поднял голову, бросил безучастно:

– Мне надо кое-что доделать.

– Дома доделаешь.

Откинулся на спинку стула:

– Я всегда знал, что между вами ничего не порвано.

Кто ему сказал, где она была? Матушка доложилась...

– Помнишь, я говорил – не поднимайся за цаплей? Вот оно и встало между нами.

Да, тогда она и поняла, насколько была дорога Денису.

– Так и вижу вас в обнимку посреди улицы, – Ноэль перевел взгляд на календарь с японками. – Может, и целовались.

– Ты ж за свободу?!

– Я не могу быть с женщиной, которая любит другого. Это никому не нужно.

– Не нужно, – повторила Марина.

Денис шел к машине, у нее был прямой *RER* до Везинэ. Остановились. Стояли обнявшись. «Я пойду», – Денис мазнул губами ей по губам. Она несла тепло этого прикосновения через всю залитую огнями площадь.

61

– Заявил: «Раз ты три года с ним прожила, значит, ты такая же, как он. Иначе не смогла бы с ним оставаться».

– Тебе эти нотации не надоели? – Ксеня покосилась на Франсуа. Он был в мрачном настроении, не стоило его дразнить долгим телефонным разговором.

– Надоели. Ксенька! Денис сходит со мной в префектуру.

– Марин, любит он тебя. Возвращайся к нему. Ведь этому... Ноэлю-празднику ты до лампочки. И что ты с ним торчишь?

Как объяснить... Ноэль – вроде Анькиного отца. Снимет с себя пальто и накинет тебе на плечи. А потом ты для кого-то сделаешь что-нибудь. Тебе будет легко давать: атмосфера такая. Забудешь, что каждый за себя. Давно хотелось забыть.

— Да нет, Ноэль предложил оформить меня переводчицей в его фирму. Чтобы рабочую визу дали.

Не обескураживать же Маринку... Говорят, семейный вид на жительство поменять на рабочий нереально, не любят префектурные работники, когда иностранки замуж выскакивают, находят работу и бросают французских граждан.

Женька прошла мимо, направляясь на кухню.

— Женя! Не ешь перед сном, тебя и так разнесло!

— *J'm'en fous.*

Ребенок адаптировался на сто процентов. «Наплевать» не скажет — только это свое *"J'm'en fous"*. И когда ругаешься с ней, она переходит на французский. Раньше русские книги читала, теперь дом завален местными журналами про *peoples* — ей жуть как надо знать, есть ли целлюлит у Бритни Спирс и в каком наряде была на вечеринке Пэрис Хилтон. Иначе не о чем с подружками говорить.

— Женя! Положи сыр на место! Франсуа мне уже сказал, что мы много тратим на еду!

— Я хочу есть! У меня становление организма! Переходный возраст!

Наскоро попрощалась с Мариной.

62

— А где ваш сын?

— Он разве не внизу?

Мадам Дель Анна в голубой байковой пижаме ток-шоу смотрит.

— Нет. Я по телефону в другой комнате говорила.

— Куда он пошел среди ночи... — Встала. — Вы поссорились? А что с Денисом?

— С Денисом все хорошо.

— Вот видишь, вам надо было расстаться, чтобы все осознать! Ноэль, видимо, понял... — Мадам Дель Анна потыкала в кнопочки телефона. — Не отвечает. Пойди посмотри — машина в гараже?

Гараж — большое подсобное помещение, склад бесполезностей. И еще там кот спит, у него персональная люлька. Только норовит, как сейчас, устроиться на капоте — тряпочкой предусмотрительно покрытом.

Хотелось одного: позвонить Корто и сказать, что с Ноэлем — всё.

«Мррау!» — кот проскочил в дверь и ломанулся наверх.

— В офис пошел, — заключила мадам Дель Анна. — Марина, от людей так запросто не уходят. Он же тебе близкий человек! Я про Дениса. Ноэля ты едва знаешь, как можно сравнивать эти два чувства?

— Я не думала, что эта встреча... так заденет...

— Да я еще ваших с Денисом детей крестить буду! А ты позвони ему — вдруг возьмет и приедет за тобой?

— Я не могу... не объяснившись с Ноэлем... Думаете, позвонить?

63

Поездка в Прагу все расставила по местам. Вернее, демаркационную линию провела: до и после. Встряхнулся: тамошние русские таскали повсюду, в самую гущу тусовки угодил. Вернулся — дом не показался пустым. Он был обычным — таким, как всегда. Здесь когда-то приземлялась Сью, потом Марина. Теперь не стало никого.

Но в этом отсутствии инородных тел обнаружилась позабытая прелесть. Безусловная свобода. Спокойствие.

Марокканку встретил — даже не захотелось ее уламывать. Забросил удочку: «Заходи, фильмов море есть». Она давай невинность изображать — к ее удивлению, настаивать не стал. И то — явится эта Азиза, а через полчаса братья нахлынут — Мохамед, Ахмед и Хамид, у каждого в руке по бейсбольной бите.

Возвращаясь от адвоката, размышлял: «А если Маринка вернуться пожелает?» Хотя трудно себе представить, что она после двухэтажного дома, пятой «бэхи» и шастанья по рестора-

нам воротится в Нуази щи хлебать. Это же прозрачно: будь макаронник покладистее, не устроила бы она концерт.

Хотел сказать, что сюда ей дорога заказана — единожды солгавший, кто тебе поверит, — но она слезами заливалась, не стал. Да, не думал, что она такая дура: уйти непонятно к кому перед продлением документов. Это, конечно, можно назвать экзальтацией артистки, но уж больно артистка глупа оказалась. Пообещал сходить с ней в префектуру — еще примется с разводом назло тянуть; а ушлют на родину, так ищи ветра в поле.

Телефонный звонок. В полночь.

64

— Ноэль, ты ведешь себя как ребенок. Куда уходил?

— Я же сказал, надо было кое-что доделать. И... это что-то меняет?

— Твоя мама беспокоилась.

— Я перед ней не отчитываюсь.

Марина сидела под одеялом. Ему утром в Португалию лететь, к Барбосе.

— Ложись...

— В «Ступеньках» переночую.

— Ноэль, уже полвторого. Давай ты не будешь по отелям рыскать. Мы же можем остаться друзьями. Мы и были-то друзьями, не любовниками.

— Я с друзьями в одной постели не сплю. И глаза у тебя... холодные. У друзей таких не бывает.

— Я же сама не знала, что все еще люблю Дениса. И не придумывай про холодный взгляд.

Он не холодный был, а пустой. Сказала Корто по телефону: «У нас с Ноэлем начались проблемы», — хмыкнул: «Кажется, проблемы начались у меня». Не поняла, что это значило, но хмыкнул добродушно.

Ноэль стоял в пальто посреди спальни.

— Я ухожу. После Португалии поживу в «Ступеньках».

— Смеешься? Я завтра съеду.

— Куда?

— Да хоть к Ксене. Ложись спать, пожалуйста. Наталино... Наталоне...

— Не надо, — поморщился.

Вышел и прикрыл дверь.

Легла, вытянула ноги в пододеяльный холод. Ставни не закрыты. Проснуться при свете — от этой мысли становится радостно.

65

Позвонили из школы — Женька написала жалобу на учителя. На неродном-то языке! Оправдывалась: «Я попросилась выйти, а он говорит: "Что, иначе сделаешь в трусики?" Мерзкий такой — бёрк!» Она давно ни «бэ-э-э», ни «бррр» не говорит, только французское «бёрк», язык до полу вываливает, как все эти подростки, у которых воспитания ноль.

Франсуа сказал, что учителей надо держать в узде, и пошел кота выгуливать. По-быстрому набрала Марине. И выяснилась нелепая вещь...

— Ксень, все произошло оттого, что ставни не были закрыты. Мелочь, да? Я лежала и думала: завтра меня здесь не будет. Такое ликование напало: поучения не выслушивать, осьминога не жрать, пылесос не слышать. Мадам раковину драит, тряпкой насухо вытирает, и руки мыть нельзя, потому что лепота, — надоел этот психоз. И вот лежу я, смотрю в окно: за ним тьма и ветки яблони. В Нуази луну было видать... Представляю — отвернусь от луны, стисну Корто... Шкурой ощутила — какое тут все чужое. Да я сразу, как сюда пришла, это поняла, просто потом забыла. Ноэль на рояле «Лунную сонату» играл, я нюни распустила. А у него эта соната — как карточка визитная. Страсти много, да репертуарчик тощий. Зато разговоров про музыку — на полконсерватории хватит.

— Все оказалось не тем, о чем мечталось.

— Да. И вот представляю — я снова с Корто... И будто сижу я на кровати, а он, как обычно, носом в компьютер. Я ему говорю что-то, он не слушает. Берет мандарин, ест, глядя в экран. А я уже отвыкла чувствовать себя пустым местом! И так мне вдруг не хватает Ноэля. Сразу — как вспышка: что ж я делаю-то! Ведь шла сюда любви учиться — выходит, все зазря? Мир полные ладони протягивает, а я мечтаю на Денисов затылок любоваться! Да может, не мне Ноэля мироздание дало, а ему — меня. Сколько раз он говорил: «Мне хорошо с тобой»... Какое я имею право в его жизни дубиной махать?

— Ты потащилась в «Три Ступеньки»?

66

— Мы не подходим друг другу.

— А этот... Карим тебе подходит?

Сидели, как заправские туристы, в кафе на острове Сен-Мишель — это была идея Вероники сюда поехать. Приятно тянуть горячий шоколад, смотреть на зевак, под цветными зонтами топающих кривой мощеной улочкой, разглядывать вывеску *"LES LUTINS"* напротив — «средневековую», чугунную, с тремя домовенками в пестрых колпаках, мокрую от дождя. Она совсем не изменилась, Вероника, — а ведь мама теперь. Сказал: «Я угощаю!» — и она как-то странно улыбнулась... эта ее улыбка, за которой есть что-то, а что — не знаешь, и знать не надо.

— И Карим мне не подходит, но это ничего не меняет, Альберто.

Хотелось взять ее за руку.

— Веро, что я должен сделать...

Засмеялась:

— Чтобы мне подойти? — Отвела глаза. — Да зачем тебе...

Не ей решать — зачем.

— А я иногда вспоминаю, — улыбнулась, — как мы с тобой в Брантом ездили, зимородка спасли от кошки. Помнишь паутину в поле? Ты еще сказал: «Паук поймал солнце»...

Веронике вдруг легко стало. Альберто свалился на голову без предупреждения — пойди устройся с ним так, чтобы Кариму не доложили. Все ж друг друга знают. И пришло в голову: Сен-Мишель! Местные сюда не заглядывают, и от этих вековых стен есть ощущение праздника.

С Каримом последнее время тяжело. Одни его рассуждения о месте женщины чего стоят. Да и собственник-ревнивец такой — ого-го. И тайны в нем нет. В Альберто тоже нет тайны, но мягкий он, с ним сильной себя чувствуешь, и на место тебя никто не ставит. К дочкам Фарид уже с Кораном подбирается — сколько ни говорила ему: «Любая религия — прошлый век...» Хорошо еще, что девчонки, — а то не обошлось бы без обрезания!

— Я все помню, — Альберто положил ладонь ей на руку. И она произнесла неожиданно для себя:

— Ну ты ж не бросишь свою Катью.

Услышала то, чего совсем не ожидала.

67

Мигом всё вспомнилось: и то, как мангу придумывали, и как Ноэль увез из «Акации», когда поссорились: дождь лупил в лобовое стекло... и его «мне хорошо с тобой». Неужели правда — кончено? Тихо в доме. И снаружи, на авеню де Паж, тихо и пустынно. Сонные деревья в желтом свете фонарей.

Потом раздался шум — еле слышный, нарастающий. Машина остановилась напротив дома. Лязгнула калитка. В «Ступеньках» не приняли? Надо срочно, немедленно, поговорить — улетит утром в Португалию, и что делать? Не выспаться ему, бедному. А его отец завтра заявит, что психованная русская выясняла отношения в три часа ночи.

Ноэль не спускался. Вдруг осенило: он просто что-то забыл. И сейчас уйдет.

Выскочила из постели, босиком — по каменной лестнице: задела локтем плетеный поднос на стене, он запрыгал по ступеням вниз с мягким шепотком.

Ноэль искал что-то в ванной комнате.

— Натале...

Не оглянулся.

— Оставайся.

Пальто на нем устало болталось. Серое пальто, шелковый серый шарфик с ненавязчивым рисунком.

— Нам пока рано расставаться, Натале.

Оглянулся резко:

— Пока?

Кивнула, улыбаясь. Он смотрел на эту улыбку.

— Наши отношения... мы их не исчерпали, понимаешь?

Он молчал, смотрел.

Улыбнулась еще шире:

— Наталино, пошли спать.

Снял пальто, перевесил через руку. На лестнице ткнула пальцем в темноту:

— Там лежит поднос со стены, можно поскользнуться...

— Ты мне его подложила? Если бы я вниз пошел?..

Он улыбался. Она знала почему. И почему остался, знала. У нее был прежний взгляд. Она вернулась.

68

Маринка звонит, вся такая внимательная — спрашивает, как с Тибидохом дела обстоят, «как настроения». Настроения забавные: сунулся на «Знакомства» *mail.ru*, поразвлечься — за пару недель девок намело... Видать, Париж в анкете действует на них, как валерьянка на кота. Особенно одна расстаралась, из Томска, студентка педвуза. Пишет про свой «богатый внутренний мир», какую-то ахинею про «реанимацию сердца», фотографиями так и сыпет — а там сплошные чулки, кружевные боди и боа из черных перьев. То в одной позе перья распушит, то в другой. Таланты, однако, в российской провинции. Маринке фотки переслал — она надулась. Собрал самые клевые снимки девиц, да и отправил ей, подразнить. Ее как веником смело.

69

— Ксень, у меня от них шок... Девчонки многие нормальные, рассчитывают на что-то. Но это как если бы нет больше ничего между ним и мной. Одна называет его «милый», другая — «Диня». Как будто в мой дом ворвались чужие люди...

— Не торопишься ты в свой дом вернуться.

Маринка никак не поймет, что на двух стульях не усидишь.

— Не смогу я с ним после Ноэля. Изменился бы он...

— Ну так и скажи ему.

Маринка замялась.

— Ксень, это как же любить человека надо, чтобы простить его уход, да еще и другим стать ради него...

— Не любил бы — не пошел бы в префектуру. Через неделю идете? А что Ноэль?

Что Ноэль...

Ревела в комнате «с котом» из-за этих фотографий. Ворвались и наследили, гадко. Ноэль заглянул — увидел мордочку красную, давай успокаивать. Утащил в спальню, посадил на кровать: «Пока не признаешься, что случилось, не ляжем». А ему рано утром в Лилль... Сами собой руки сплелись, но ласка его оставалась теплой, не переходя в страсть, не обжигая. Он никогда так не занимался любовью. Это именно любовь была — не секс. Он ведь обычно вел себя как подросток, дорвавшийся до тела — без толку и расстановки. А тут будто говорил ей: ты — ты — ты... И ее качало на этих волнах, качало, и пришел покой, и уже ни о чем не думалось.

70

Темно, ставни закрыты, пылесос наяривает прямо над головой, скребет по плитке на полу. У отца Ноэля одна и та же шутка: «Как? Вы уже встали?» — или в семь надо подскакивать, или будет шутить. Подремала с глубоким чувством вины, проскочила в душ и — к компьютеру, почту проверить: вдруг Айко написала.

Новых писем — ноль. Зато Денис в скайпе. Помнит, что послезавтра идти в префектуру?

Он помнил. Отвечала ему как во сне. Стучала не по тем клавишам.

Он прекрасно знал, что для нее значили его слова. Он знал, но ему было наплевать.

71

Правильно ли он сделал, сказав Веронике: «Я в ответе за тех, кого приручил»? Но ведь и правда, Катья работу оставила в Новачебарсаксе. Вырвал ее из привычного мира, вынудил жить в чужой стране, без близких людей. Послушать Катью — Новачебарсакс не хуже Парижа. У них там река Волга, дача, а здесь, видите ли, черных полно. Сколько раз просил — не называй их на улице неграми — без толку.

Девочка уже на языке говорит, в школу ходит — развестись, они что, назад в Россию поедут? А если Катья работу там не найдет, что с Таньей будет? Да и привык ребенок здесь. Нет, надо дождаться, когда Катье десятилетний вид на жительство дадут. И тогда, если Вероника согласится...

Она как-то смягчилась под конец, Веро. Но и сказала, что ждать ей не с руки: детям отец нужен, а с Каримом не клеится. Ни к чему не пришли, но расстались тепло.

Вернулся в Париж, к Катье ночью не пошел, лежал, вспоминал... Вывеска мерещилась — три домовенка в бусинах дождя.

72

У Женьки образовался молодой человек — привела его после уроков: мелкий, тощий, штаны — по моде — мешком, ремень на уровне причинного места, как будто юноша до сортира не добежал. Голова залачена до состояния дикобраза, прыщи по всей физиономии. Зовут модным именем Энзо.

Энзо протопал в ботинках к Женьке — закрылись. Им в школе про предохранение рассказывают на занятиях вовсю, осталось надеяться, что на дом не задают. Эти двое уже полтора часа не высовываются, только подумала вломиться к ним, как Марина позвонила, ревет.

Денис условие выставил: перед походом в префектуру — визит к адвокату и подача документов на развод «без претензий». Если в префектуре прознают — ему-то что.

— Считает, что я потом разводиться не пожелаю. Или денег потребую.

— А ты сказала, что его еще...

— Да. Заявил: возврата нет, он все выдрал с корнем, засыпал землей и забетонировал. И не хочет туда ломом долбить. Сказал: «Ты через то же пройдешь, в семье "теплых людей" это не больнее, чем волос выдернуть». Про «теплых людей» — он меня передразнивал.

Женька с красавчиком выползли из комнаты.

— Мам, я провожу Энзо до автобуса.

— Дсвднь, — это Энзо (еще и с речью проблемы).

Ушли.

— Марин, ты пойдешь к адвокату?

— А ты бы пошла?

73

— Твой отец на тебя обижен.

Было слышно, как орет телевизор. Мама приложила руку к трубке:

— Что ж ты его с днем рождения не поздравила?

— Даже когда я маленькая была, он меня на праздники не баловал.

— Марина! Нельзя на удар ударом отвечать! Иначе кругом одни драки будут... — Мама снова перешла на шепот: — Идет в кухню! Поздравь его, он большую картину продал, горд.

— Не горд, а пыжится...

Но мама уже сообщала:

— Тебя к телефону! Кто, кто — дочь. Будешь трубку брать? Она ждет!

Пробубнило издалека:

— Пускай ждет!

— Возьми трубку! Это же твоя дочь!

Мама — миротворец. Творец худого мира.

Шарканье тапок. Пауза.

— Алло!

— Пап, привет, поздравляю.

— Могла бы вовремя позвонить.

— Мне не до того, у меня проблемы с видом на жительство.

— А не надо было выламываться и с Витей разводиться. У него двое детей, а у тебя ни шиша.

— У меня, папа, Париж.

Театральный хохот отца перешел в громогласный кашель.

— Парижу ты нужна, как рыбе зонт! Развоображалась — за границу уехала. Сейчас, как я понимаю, назад выпнут. У тебя профессия есть? Нет. Родителям на шею сядешь.

— Папа, мои рисунки понравились известной японской художнице, и...

— Ой-ой, она у тебя купила что-нибудь? То-то. А я продал картину три на три, покупатель — знаменитый бизнесмен Клочковский, ты, конечно, не в курсе.

— Какой он знаменитый! — голос мамы.

— Именно знаменитый. Ты, придурок, не знаешь и молчи.

В этот дом она не вернется. Ни за что.

74

Свою работу школьного учителя Вероника сравнивала со службой в армии: «Только оружие не носишь (но лучше бы выдавали)». В остальном — то же, полное подчинение. Сообщают сверху: переводим в другой департамент, извольте собрать ве-

щички. Многим такие марш-броски не по душе, но если тебе осточертело на севере под дождями мокнуть — почему бы не перебраться в теплую перигорскую глушь? Да-да, туда, где сел в машину и доехал до родителей за полчаса. Главное — подсуетиться, ибо откуда Министерству образования знать, что не только дожди надоели, но и Карим.

На Новый год приезжали из Алжира его родители — отец умилился внучкам и смилостивился, заявил сыну: «Женись!» — правда, ее забыл спросить, согласна ли. Да ей вот-вот ответ придет на просьбу о переводе из Манша в Дордонь...

75

Чиновница изучает письмо на имя префекта. Марина его под диктовку Ноэля написала. Краткое содержание: с мужем я рассталась, но училась в Париже, в общество бесповоротно интегрировалась, мои живописные таланты неоспоримы. Французская манга в зачаточном состоянии, буду ее поднимать. Выдайте вид на жительство.

Иногда именно чудовищные вещи прокатывают. Так Элизабет сказала — она-то и вручила чиновнице папку с дюжиной рисунков, Ноэль отбирал.

— Вы развелись?

— Нет пока.

— Разводитесь. Иначе придется прилетать на заседания суда по турвизам. Зачем вам эта морока?

— Откуда прилетать? — встревает Элизабет. Будто неясно.

В комнате несколько столов, разделенных перегородками, за каждым гнездится дама, вооруженная компьютером, принтером и всякими офисными бирюльками. Не все они злобные — по соседству идет мирная беседа с черным юношей. Но, наверно, юноша не провинился.

— У мадам нет оснований оставаться в стране, — чиновница возвращает Элизабет папку; на рисунки не посмотрела.

Элизабет допоздна сидела в офисе, собирала бумаги для подачи на рабочую визу, если письмо не сработает: раскладывала их по цветным папкам, чтобы реагировать быстро.

Страшно было ехать в это огромное здание на острове Ситэ. Ксеньке девчонка с курсов сказала, что могут прямо оттуда на самолет отправить. Не верится, но у страха глаза еще больше, чем в манге.

Утром втиснулись в *RER*, шел дождь. Элизабет что-то рассказывала. Потом дождь иссяк, в окна скользнуло бледненькое солнце. «Тебе интересно?» — спросила Элизабет, и Марина кивнула. Поезд нырнул в туннель, включился свет. На станциях толпа высыпалась и снова утрамбовывалась. У «Оперы» Марина почувствовала, что сейчас упадет в обморок.

— Раз письмо вас не впечатлило, мы можем подать документы на рабочую визу?

— У нее есть бумага от работодателя?

Вот так, в третьем лице.

— У нас все есть! — и Элизабет вываливает на стол веер цветных папок, оранжевую, фиолетовую, красную, зеленую — просто праздник.

— Можете попробовать, но гарантии нет.

От *"Opéra"* до *"Les Halles"* — бесконечный пробег, лица, душный свет. На перроне рухнула на сиденье, потянула с шеи шарф. «Воды?» — спросила Элизабет. «Нет. Помолчать».

Досье собрано. Принтер выплевывает голубую бумажку — трехмесячный вид на жительство, без права работать.

Когда выбрались из подземки, так тошнило, что едва до кафе добежала. Здесь, в ухоженной дамской комнате, хотелось остаться. Закрытая на замок дверь будто оберегала от всего, что могло вторгнуться в жизнь.

Марина вертит в руках голубую бумажку:

— Элизабет, спасибо. Думаешь, поверят, что Ноэлю переводчик нужен?

— Ты вообще понимаешь, *как* нас подставляешь? — Элизабет смотрит в упор.

Навстречу идет кавказского типа мужчина, за ним переваливается уткой женщина в платке, держит за руку мальчика: чеченцы, похоже.

— Подставляю?

— Если выяснится, что это липа, знаешь, какой штраф Ноэлю грозит? Фирма к черту полетит. И мы с ней. У меня, между прочим, двое детей, я их все еще поддерживаю. Имей в виду — я сделала это только ради Ноэля.

76

— Как вернулась, спросил: «Ты Элизабет в кафе пригласила? — И началось: — Ты не умеешь быть благодарной! Она рискует, чтобы тебе помочь!»

— Ага. Чтобы ему помочь.

— Ксень, это нормально. Я ей никто.

Дома благословенная тишина: Франсуа поехал на техосмотр, Женька в школе.

— Вот пусть он и будет благодарен.

— Он говорит, что я не должна анализировать, почему кто-то что-то для меня делает. Человек, у которого большое сердце, обычно просто благодарен.

— Да ты у этой Элизабет как кость в горле!

— Но она нашла в себе силы протянуть мне руку, и за одно это я...

Женька принесла на хвосте новое выражение из России: «вынос мозга». Это он и есть.

— А его мать наверняка того же мнения, что и Элизабет.

В дружбу между хозяйкой гнезда и подкидышем верится с трудом. Неслучайно в гнезде Маринке не сидится — готова искать работу, да права на нее уже не имеет. Лишь бы из дома удрать, придумала в Нуази поехать, забрать почту. Бумажки из банка, счета за телефон и от врачей. Денис складывает ее корреспонденцию на полку.

— Ты готова с этим предателем встретиться?

— Дениса дома нет: скайп выключен.

Не нравилось, что она туда отправляется.

77

До Нуази пока доедешь, сто мыслей передумаешь. У Ноэля новая песня на старый мотив: «Ты со мной, потому что я тебе помогаю, так? Когда чувство настоящее, выкручиваешься сам». Оправдываться надоело. Что до Элизабет... тут он прав: неважно, любит ли она тебя, *ты* попытайся полюбить ее. Интересно, дадут рабочую визу или нет? А если нет, что делать? Мадам Дель Анна тоже Дениса предателем окрестила. Она продолжает ужасы про Аннагуль сообщать: та две недели жила в доме одна и кота не кормила; как-то заявилась пьяная и ударила мсье Дель Анна, старика! Он, конечно, заявил в полицию, и ей в гражданстве отказали. А без французского паспорта она, беженка, в Туркменистан невыездная. Клелия совсем на нее не похожа... Выходит, ни ее за дочку не принять, ни самой не родить... Да, пришло письмо от Айко! Знаменитость, а ни капли зазнайства... Попросила еще рисунков прислать и два своих новых прикрепила. Вот бы она предложила поучаствовать в каком-нибудь проекте (помечтаем). Подружиться бы с ней. Вроде шанс есть: она написала, что японцы «на все пуговицы застегнутые», и французы — не лучше. «У меня минус на минус дали плюс!» — и верно, открытая она. Сказала, что во Франции пятнадцать лет прожила — полжизни, что поначалу не могла свою мангу продать и в депрессии сидела. Призналась, что «Утэна» — один из ее любимых фильмов. А в конце спросила: «Ты счастлива?» Как будто такое спрашивают. Стоп. Нуази.

78

Начали с Альберто созваниваться. Катья у него со странностями, звонки контролирует. Альберто произносит в трубку: «Бонжур, мсье!» — значит, Катья в радиусе. Что никогда не

нравилось в нем — неспособен он идти на прямой конфликт, права свои отстаивать. Будет перед этой Катьёй стелиться. Хотя, может, и прав — с психами лучше не связываться... она чуть что кричит на него, причем по-русски. Он своей приятельнице Марине повторил пару словечек, так та едва со стула не упала. Запретила ему это произносить.

Но положиться на него можно. Катью на улицу не вышвыривает: приручил. Дом достроил — отец говорит, отличный, сто лет простоит. Если бы не он, не приехали бы родители на Новый год. Доверили ему свинью — и спокойны. А в постели, помнится, внимательный был, любое желание ловил. Это не Карим — налетел, придушил, подчинил, отвалил, и до лампочки твое удовольствие. Отец обрадовался, когда сказала, что с Альберто стали общаться. Родители ждут не дождутся перевода в Дордонь: полгода как попросилась. Вернулась бы пока в свою квартирку, да девчоночек жалко — тут дом, сад...

А недавно Катья потребовала, чтобы Альберто ее вывез к морю. И он ей Сен-Мишель пообещал, с заездом «к старой подруге». Любопытно будет на эту кралю посмотреть.

79

Марина сошла с *RER*, потопала знакомой дорожкой. Ничто не изменилось.

Та же парковка, холл, лифт.

Достала ключ. Почему никак не избавиться от ощущения, что это все еще ее дом? Схватить письма, черкнуть записку и — прочь.

— Здрасьте!

Мадам Кейта, тучная африканка, движется по коридору к лифту, толкает перед собой инвалидную коляску. Раньше деда древнего в ней вывозила, а как деда не стало, пристроила ее вместо тележки для продуктов.

— Здрасьте...

Марина торопится открыть дверь, чтобы не вступать в беседу. Незачем соседям знать, что она тут не живет. Но замок не открывается.

— Он его давно сменил, — мадам Кейта останавливается. — Мало ли что можешь забрать в его отсутствие.

Африканцы местоимения «вы» не знают.

— До свидания, — Марина бросается к черной лестнице, чтобы не ждать лифт. Бежит вниз по бетонным ступеням, идущим винтом, в желтом свете ламп, в мертвой тишине.

80

Сидел у Тибидоха, чаек попивал. Маринка звонит, злобная. Ни здрасьте, ни привет:

— Замок сменил?

Ага! Заявилась-таки.

— Почему надо приходить, когда меня нет?

— Потому что письма нужны, а видеть тебя не хочу!

— Это мой дом. И делать тебе там нечего.

— Я хотела, чтобы мы остались близкими людьми, да ты не умеешь быть близким! Никому не доверяешь, даже мне! Чуть из-за тебя с Ноэлем не порвала, идиотка.

— Да у вас, как у котов, — не поймешь, дерутся они или трахаются.

Тибидох зашел. Хорошо, что по-русски он ни в зуб ногой.

— Ты никак перепугался, что я стырю твои тапки!

— Во-во. И в них будет расхаживать макаронник. Надумала что-нибудь про адвоката?

— Да.

Замолчала.

— Ну и?

— Ну и мне казалось, что между нами есть доверие.

Непонятно, к чему она вела.

— Ко мне из Томска мамзель в перьях рвется. Только распушит их, как ты притащишься, гремя ключами.

Просто так сказал. Мамзель намекнула, чтобы ей вояж оплатили, пришлось поинтересоваться: «У меня на лбу написано "благотворительный фонд"?» Надулась.

На Маринку накатила новая волна бреда.

— Думаешь, ревновать стану? У тебя проблемы с сердцем, Корто. И я не верю, что ты будешь там кого-то «лю-юбить». Со мной ты сделал нечеловеческое усилие, и оно последнее.

— Я не про лю-юбовь, а про перья...

— Все паясничаешь! Пошли к адвокату хоть завтра. Не хочу называться мадам Селианов!

Никак макаронник ей рабочую визу сделал. Навряд ли ее так зашкалило с эмоциями, что она отпилит сук, на котором сидит. Сказал, что завтра не получится, а на следующей неделе — без проблем.

81

— Скандал! Просто скандал! — Фарид потрясал газетой *"Charlie Hebdo"*. — Опубликовать карикатуры на пророка Магомета! Я бы посмотрел, как они своего Иисуса в балетной пачке изобразили бы!

Единственный, кто был не в курсе событий, это Катья. Она сидела на стуле нога на ногу, в мини-юбке (февраль), с загадочной улыбкой. Белокожая блондинка, мечта мусульманская. Карим на нее с порога стойку сделал. Альберто с ней смотрится, как мешок сена рядом с вазой. Не по зубам ему такая.

И не то чтобы красива — но несет себя так, что ей, Веронике, даже подумалось выйти и глаза подкрасить. А то на фоне этой... впрочем, еще кто для кого фон.

Кариму не до Магомета было. Он план разрабатывал — как к гостям в компанию затесаться, на Сен-Мишель.

— А поехали вместе? На моей машине.

Прекрасно знает, что все в его «ауди» не влезут. Сказала:

— Езжайте. Я с детьми посижу.

Интересно, ждал он этой фразы? И тут Альберто вступил:

— Я бы тоже остался. Мы давно не виделись, поболтаем. Да и устал я.

Думала, Карим ощетинится — на него приступы ревности налетают, как саранча на посевы, — в мгновение. Но он и ухом не повел.

— Катья, позволите отвезти вас?

Понятия не имела, что он такими оборотами владеет — буквально на нет сводящими его самцовое достоинство. И Катья благосклонно кивнула, королевской улыбки не теряя. Снизошла.

Они вызвали из детской Танью и отчалили. Фарид тоже ушел, с отвращением бросив оборзевшую газету на журнальный столик.

Близняшки влюбились в Альберто в первые же полчаса.

82

«Мать была вся в карьере, я ее почти не видела — от няньки к няньке переходила. Они часто менялись, ведь мы жили между Францией и Японией. Мать — из тех, кто делает не ребенка, а проект. Мне следовало дать отличное образование, чтобы я пошла по дипломатической линии, как отец. Он работал в японском посольстве в Париже. Учителя на дом приходили — к школе вдобавок, я их ненавидела. Игрушки мне покупали только развивающие, никаких плюшевых медведей. Когда я одна стала жить, пошла в магазин и накупила десятка два мягких зверей. Потом раздарила».

«А отец?»

«Отец был типичным японцем, человеком очень сдержанным. Как неродным. Разве что деда я считала своим другом. Он повар, научил меня премудростям кухни. А твой отец пьет? Дед из России привез убеждение, что русские пьют все поголовно».

Второй день идет переписка с Айко по скайпу. Нет, ни француженка, ни японка не позволят себе простосердечного «А твой отец пьет?» Кажется, она немного не от мира сего, Айко.

«Беда, что он злым от водки становится...» И само собой рассказалось, как давно в дом попал том манги, хентая; как отец, будучи подшофе, нашел рисунки-копии и изорвал.

«Моя мать тоже стыдится, что я рисую "эротические картинки". Запретила мне настоящей фамилией подписываться: у нее бизнес в Японии. Будто других Коимори в стране нет! Ну и я взяла девичью фамилию бабушки. *Айко Аоки* звучит как музыка. Не находишь?»

Последовал японский смайлик: ^_^. «А что до твоего отца, он ведь художник? Мог бы тебя понять...»

«Да нет. У него позиция: меня никто не понимает, что ж я-то буду напрягаться».

Айко ответила не сразу.

«Одинок и несчастен от этого?»

Такая простая мысль — а в голову не приходила. Отец несчастен. Его же вообще никто не любит. Ни одна душа. Да, сам виноват — но какое, должно быть, одиночество. Друзей нет (прилипала Храпунов не в счет). Дома когда-то противопоставил себя всем — жене, теще, дочери, — и эти трое сплотились, у них — весь холодильник, у него — одна полка. Они ужинают, а он придет на кухню, сядет в углу — курит, ворчит, привлекает внимание. Увидит батон колбасы на столе (только ей и питается) — сразу орать, не разобравшись: «Жрете мое?» — даже если она одна на кухне, Марина. Это «жрете» — как напоминание: ты к ним отошла. А что он делал, чтобы дочь с ним была?

«Айко, он всем жизнь отравил. Я при нем в детстве дышать боялась. Придумала: задерживаю дыхание — и становлюсь для него невидимой».

Никому этого не рассказывала.

Айко опять прилепила смайлик. «Ты отца за собой во Францию притащила... Пожалей его и отпусти».

Мама все повторяет: у нее сердце начинает болеть, когда отец по утрам выползает на кухню в трусах и драной футболке. Ноги тонкие, трясутся. Пьет молоко — с чего-то взял, что надо

стакан молока спросонья выпивать — чашка ходуном ходит. Плеснет на скатерть или на пол, уйдет — мама вытирает лужицу и жалеет его.

«Не умею я сострадать таким, как он».

«Я тебе как-нибудь расскажу про Синее Дерево. И ты сумеешь».

83

— Она? — Ноэль кивает на экран ноутбука. Марина отрывается от альбома. С появлением Айко она стала рисовать, иногда даже забывается про дамоклов меч префектуры.

— Ммм... люблю азиаток. Куколки такие. — Ноэль улыбается. — Говоришь, она весной приезжает?

Айко — Маринина ровесница, а выглядит лет на двадцать. У азиаток, похоже, нет возраста. Подростковые упрямые губы, челка, падающая на глаза ровной линией (косоглазие обеспечено, но «стричь не буду!»). Глаза — не узкие, а миндалевидные: полукровка. Длинные прямые волосы, невысокая, хрупкая.

— Натале, пытаешься ревность вызвать?

Прилетит Айко, увидит Ноэля и втюрится. У него же вагон обаяния.

— Какая ревность? Ты не ровен час к мужу ускачешь. Будто я не понял, почему ты поехала в Нуази.

— Потому что хотелось выйти отсюда. Я живу в чужом доме. Чужой жизнью.

— Ты хотела этого, не так ли? А знаешь, почему ты живешь чужой жизнью? Потому что своей боишься жить. Я тебе предлагал снять комнату в Париже.

— Ага, чтобы ты наездами появлялся!

— То есть ты решила мужика на ошейник посадить, так? Вот и платишь тем, что живешь ненастоящей жизнью.

— Я хотела быть с тобой. Чего проще?

— *Хотела...*

— Ноэль! И сейчас хочу, но я устала, понимаешь, устала от этой ситуации! Что если мне не дадут рабочую визу?

— А если дадут — ты будешь со мной из благодарности? Потому что зависишь?

— Считаешь, я тебя не люблю?

— Я этого не говорил, но, по мне, любовь выглядит иначе. У каждого свои градусы. Впрочем, у меня только один раз эти градусы совпали.

Да-да. Слышали. С итальянкой Клелией. Ноэль в неаполитанском кафе у нее адресок стрельнул, за час до поезда. Из дома послал письмо, завязалась переписка, каждый изливал душу. Идиллия длилась до тех пор, пока Клелия странным образом не исчезла. Но теперь ей вечный памятник, такое пугало для вновь прибывших, которым «до нее, как до неба».

— Пожил бы с ней, и она оказалась бы «приспособленкой» или кем там еще.

— Я не виноват, что у меня идеальное представление о том, какими должны быть отношения!

На днях припомнил давний разговор — о том, со сколькими она была по любви: «Я тебя до этого воспринимал как особенную! А ты...»

— Ты перестал спать со мной, потому что я не особенная?

Уже две недели отнекивается.

И страшно сказать про задержку месячных.

84

— Так чего ты ждешь? Купи тест.

— Ксень, я не буду делать аборт в тридцать три года.

— И не делай.

— Он же решит, что я нарочно.

Забавный такой финал. Просто исчезнуть. Неохота получить клеймо «Аннагуль-2». Но куда идти? А если дадут рабочую визу? Вернуться и покаяться? Есть еще вариант — с пузом в Новочебоксарск.

— Марин, не паникуй. Обещай, что купишь тест.

— Да уже купила...

Кинула его в пакет, в котором несла фрукты (надо хоть так одариваться). И «мамма» коробочку обнаружила, выгружая мандарины.

Тест отправился обратно в аптеку, с мсье Дель Анна. Потому что тесты — вещь ненадежная. Как раз завтра утром придет медсестра брать анализы у хозяина дома. Марина поднимется и сдаст кровь. Тут ошибки быть не может. И не надо спорить.

Упоминание про медсестру кольнуло Ксению. Она на днях ходила в местную больничку — в нянечки просилась. Отказали: чтобы за стариками судно выносить, она должна свободно французским, видите ли, владеть! А у самих персонала не хватает. Но, конечно, она, Ксеня, в шоколаде — по сравнению с Маринкой.

85

— Проходите, — мальчишка указывает на два кресла напротив стола из зеленоватого стекла. За окном капли дождя прыгают по воде канала Сен-Мартен.

Шли сюда с Денисом:

— Рассоришься с макаронником — будешь, как они, куковать, — Денис кивнул на палатки бомжей. Помолчал. — Да-а, чувство юмора у тебя отшибло.

Сегодня сдала кровь, надо ждать результатов.

Поль, выплывший из небытия, с удовольствием подкинул телефон знакомого адвоката. И вот — полупустой кабинет, совсем не похожий на логово мэтра Арфейера. Да и мэтром мальчишку не назовешь. Хочется по имени обратиться.

И все так легко. Состряпал несколько бумажек на компьютере, написал, что взаимных претензий нет.

— Сообщу, когда дату назначат. А насчет денег... Вы же от Поля? Если из рук в руки, я вам двести евро скину.

86

Счастье, счастье! Веронику переводят в Бордо! Да, посередине учебного года! Тамошней учительнице срочно надо в Нормандию переехать, все и организовалось. Квартира казенная. Карим грозил судом, да как он против Министерства образования попрет? Работа у Веро такая. Она девушка незамужняя, мобильная.

У Катьи теперь телефон звонит регулярно. Она и не скрывает: «А, Карим! Как дела?» — будто им есть что обсуждать. Заявила: «Это просто дружба», — ха-ха, дружба. Додружились бы до чего-нибудь поскорее.

Спросил Веронику, осторожно, — она одна собирается жить в Бордо или можно было бы, ну, не сразу, попытаться... вместе? Отшутилась. Что если переехать в Сен-Фуа-де-Лонга, как мечталось? До Бордо полтора часа ходу, в парижских пробках дольше простоишь. Только вот Катья все еще десятилетний вид на жительство ждет — могут прийти проверить, не липовый ли брак. Катье на языковых курсах рассказывали про одну француженку, которая за деньги оформила брак с белорусом, он с ней не жил, но для маскировки разбросал по квартире свои несвежие носки и футболки. А если тоже разбросать? С Катьёй оставаться сил нет, особенно теперь, когда Вероника одна. Нелегко ей будет с девчонками. Доказать бы Веро: вот плечо, на которое она может опереться. Но как?

87

«Если делаешь монохромный рисунок, без раскраски на компьютере, лучше коричневой тушью пользоваться».

«Я в фотошопе еще далеко не все умею... С волосами всегда мучаюсь».

«У Марго отличная холка. А почему ты не делаешь стрельчатое осветление? Это классика аниме».

У Айко сейчас на скайп есть время. Она периодически пропадает: когда гонка, работает по восемнадцать-двадцать часов в сутки: разбейся в лепешку, но продолжение манги выдай.

«Айко, я рисую одну историю, и мой друг говорит, что длинные волосы у героини — это банально, надо их "отрезать"...»

«Объясни ему, что манга — сплошная символика. У японцев ничто не просто так! ^_^ Ты-то знаешь, что это за символ — отрезание волос?»

«Кажется, знак отказа героя от жизни, которую он ведет?»

«Знак ухода в странствие, освобождения».

«Как в "Утэне"...»

«Девушка с розовыми волосами и тебе наступила на сердце? Прости, надо бежать...»

88

— Ха-ха! Дождались! Романо Проди подал в отставку! — из гостиной раздается победный голос мсье Дель Анна.

— Кто такой Романо Проди? — Марина только пришла, заглянула в кухню к «мамме».

— Итальянский премьер, левый, — махнула рукой мадам Дель Анна. — Марина, есть результаты теста. Ты... беременна.

Потянуть к себе непослушный стул, упасть на него и зареветь.

89

Матьё позвонил — Маринку искал. Она ему письмо накатала, не сообщив, что в Нуази больше не живет. Попросила некой Веронике помочь с переездом.

Оказалось, это подруга Воробья. Маринка встряла, мол, есть скаут-пионер, всегда готов, всю жизнь мечтал потаскать чужое барахло в выходной.

Матьё так и не спросил, кто от кого ушел. То ли в душу лезть не хотел, то ли ясно ему было.

90

«Вечером, вернувшись домой, я не готов даже говорить с тобой. Не смотри на меня так ласково. Да, знаю, это не та жизнь, о которой ты мечтала... Но увидишь, увидишь — ты увидишь, что все изменится. Может быть, не завтра, но однажды изменится».

Крутила песню Луиджи Тенко *"Vedrai vedrai"*. Это было так похоже на то, что происходило с ней. Да, ее маленький праздник закончился — ни клоунов, ни музыкантов, столы с грязной посудой, пол, усыпанный конфетти, тишина. Грусть. И сожаление. То ли она теряет человека, ставшего близким, то ли он не был близок.

Он еще говорит с ней — но это пустое. Как будто что-то пустое появилось между ними. Как будто протягиваешь руку, чтобы погладить зверька, а зверек отбегает. Будто опираешься на стену, а это не стена, а занавеска.

«Увидишь, все изменится» — у Тенко в голосе тоска. Потому что это лишь слова. Она бы изменилась, и все изменилось бы. Но как — если тебе не верят?

А те, с кем он расстался, тоже терпели его молчание, его едкие подколки? Понимали, что он просто подросток, которому нужно тепло? Думала сделать его счастливым — нет, он не счастлив с ней, но вот вчера сказал: «Я привязался к тебе», — и не уйдешь.

Да и куда идти?

91

— Ксень, я не понимаю, зачем она это сделала.

— А на реакцию твою посмотреть. Узнать, хищница ты или нет. Разревелась — значит, сын на этот раз связался с овцой, а не с акулой.

— Она так растерялась: «Марина, я пошутила! Тест отрицательный!» Шуточки...

— У тебя задержка на нервной почве. Слушай, Франсуа вернулся...

Ноэль лежал в гостиной перед плазмой. Родители уехали к Сесилии.

Только когда *их* нет, понимаешь, что ты в клетке. Когда *их* нет, ходишь по дому, не извиняясь внутренне за свое присутствие. Падаешь на диван в подушки — у-ух!

— Наталино, что смотришь?

Боевик с азиаткой в главной роли — она машет ногами, отправляя в нокаут все живое. Ноэль не отрывает взгляд от экрана:

— Я три года назад встречался с китаянкой, чем-то на эту похожа. Она десятым чувством понимала, что мне нужно, — ходила так, что я не мог глаз отвести, одевалась, как мне нравилось, говорила то, что я хотел слышать. Думаю, она на китайские спецслужбы работала — там, видимо, обучают этому всему. Наверняка ей поставили задачу выйти замуж за француза, чтобы остаться в стране. Не хуже тебя ревела, когда у нее вид на жительство истекал. Слушай, а ты случаем не сотрудничаешь с ФСБ?.. Ну ладно, шучу.

— У вас с матушкой прекрасное чувство юмора. Может, ты из-за этих подозрений со мной спать перестал? Не дай бог государственную тайну выдашь в порыве страсти.

Азиатка молотила здоровенного детину. Ноэль смотрел в экран.

— Я не могу. Я к тебе слишком тепло отношусь, чтобы спать с тобой.

92

«Айко, ты совсем пропала...»

«Работала, потом отсыпалась. Тридцать страниц в неделю сдаю в журнал. И мангу для ежемесячника пора было заканчивать. Но скоро передышка. ^_^ Я прилечу в середине мая, на недельку. Хотела предложить поработать... там мелочь, но тебе же надо набивать руку...»

«Конечно! Но почему я?»

«Не хочу время терять. А в Париже — ни одного мангаки рядом. ^_^ И ты интересна. Просто продать себя не умеешь».

«Мой друг то же говорит...»

И само собой разговор закрутился вокруг Ноэля.

«У него или все, или ничего. Или он спит с женщиной по любви, или — без любви. А если чувства подостыли, но еще тепленькие, он "не может" — получится, что с виду любит, а на деле пользуется. Я его понимаю, но...»

«Но это не та жизнь, которую ты хотела бы проживать?»

Да если бы только это... «Я не знаю, Айко, буду ли здесь, когда ты приедешь».

Айко выслушала, нарисовала свою «улыбку» с зажмуренными глазами: «Марина, в таких ситуациях я говорю себе одну фразу: "Все самое лучшее случается неожиданно"».

Еще Воробушек цитировал, когда Маркесом увлекся: «Не прилагай столько усилий, все самое лучшее случается неожиданно». Да, она где-то в самой глубине души верила: мироздание заботится о ней. Но откуда-то в голове вертелось: «Не рассчитывай все время на Бога, может быть, в этот раз Бог сам рассчитывает на тебя».

93

— Пришли, они пришли с проверкой! — Альберто возбужден. — «Здесь проживает такая-то?» Посмотрели на Катью, на меня, на Танью! Все, можно ехать в деревню! Предложил жильцам к Дельпару перебраться... хотя там чучела повсюду. Ночью встанешь — и упадешь с сердечным приступом... — Воробушек не дает слово вставить. — Спасибо тебе за парнишку, помог Веронике с переездом. Вот я думаю — парижскую квартиру сдать хорошо бы. Поговори с Катьёй, а? Пусть она съедет куда-нибудь.

— Воробушек, ну куда ей съезжать?

— Не знаю я! Только ты пока молчи — я еще на развод не подал. С нее станется — в полицию пойдет, скажет, верную жену из дома гоню...

94

— Айко сказала, ты со странностями.

— А! Ты на меня нажаловалась! Вот я тебя ни с кем не обсуждаю, хотя желающие есть.

Сидели в «Нуре», ливанском ресторане на авеню Марсо. Зеленое месиво из пряной травы, мясо на деревянных шпажках, белая несъедобная кашица, которую Ноэль уплетает за обе щеки.

— Желающие — это Алекс?

— Неважно. Я в семье всегда становился на твою сторону! А ты не ко мне идешь с проблемой, а к своей Ксении или еще лучше — к японке!

Ноэль раздражен. В такие минуты он выглядит особенно чужим.

— Потому что я не могу с этим идти к тебе.

— С чем именно?

— Со всем! Тебе что ни скажи — передернешь. Я устала, я хочу нормальных отношений.

— Ты сама их делаешь ненормальными! Ты впускаешь в нашу жизнь посторонних, потому что своей головой думать не желаешь. И повторяешь за этими посторонними.

— Они не посторонние.

— Кто тебе не посторонний? Японка, которую ты в глаза не видела?

— Представь себе!

— У вас, похоже, дело идет к роману. Как в этой мультяшке... «Утэне».

— Ноэль, прекрати. Ты что, ревнуешь?

— Наоборот. Всегда хотел посмотреть, как две подружки сексом занимаются. И разве я не говорил — делай, как тебе лучше?

— Ноэль! Да тебе все равно! Готов от меня избавиться, так и скажи!

— Все в порядке, мадам? — здоровенный ливанец вырос напротив столика.

– Да. Простите...

Ноэль молчал. Марина тихо произнесла:

– Я страдаю, понимаешь?

Улыбнулся:

– Да. Но когда ты страдаешь, это не глубоко.

Достала бумажный платок, уткнулась в него лицом. После паузы произнес:

– Я тоже плачу, только внутри. Но я не вижу глубины в наших отношениях. Чувствую, что именно я тут посторонний. Дерьмом себя чувствую. Ты идешь не ко мне, а к каким-то людям и слушаешь, как они меня поносят. А когда действительно любишь – не выносишь критики!

Марина высунулась из платка.

– Да ты меня отталкиваешь! Мне надо хоть к кому-то идти!

– Вот-вот. Я же говорю – у нас разные ценности, Марина. Перестань плакать, на нас смотрят.

95

По просьбе Айко Марина три персонажа прорисовала. И теперь ждет вердикта, замерев. Наконец в скайпе выпрыгивает строчка: «Мне нравится».

Гора с плеч.

«Теперь по существу...» Наверху, в кухне, бубнит голос Валентино. Они с Сесилией с визитом. На Северном вокзале заварушка, поймали безбилетника без вида на жительство (ой...), кончилось стычкой полиции с любителями побить витрины. В преддверии выборов как не обсудить такое в семейном кругу.

– Слышали, Сеголен заявила, мол, Саркози виноват, что к полиции уважения нет. Электорат на себя тянет!

– Он ей достойно ответил, – это мсье Дель Анна. – Сказал, что если она на стороне нелегалов и безбилетников, то это ее право...

– Подковырнул! – пробурчал Валентино.

Надо бы подняться к ним, но не хочется.

«Айко, как я тебе благодарна, что ты мне шанс даешь! Ведь пока что я просто убегаю так из действительности. От всего, что ранит, я заслоняюсь этими картинками. И будто меня нет. До меня не достать».

«Ты нашла вселенную, в которой тебе удобно. Я сказала бы: в которой ты счастлива, — но это будет неправдой. Потому что невзаправдашнее счастье не в счет».

«Айко, любое в счет. Даже рисованное. Счастьем не бросаются».

— Интересно, Байру объединится с Сеголен или с Саркози?

«Марина, для меня манга тоже была способом убежать из реальности. Во Франции, в школе, я была немного иной, японкой со странным именем. Когда ездила к деду в Токио, то и там не была своей. Трудно ребенку быть всюду чужим. Кстати, это дед мне мангу показал — мать запрещала ее в руки брать, считала, что от нее тупеют. И вот я тоже жила в грезах, пока они не стали моей профессией. Это примирило меня с действительностью. И позволило жить, как хочу, там, где хочу, делать, что хочу. Попробуешь?»

96

Весной площадь у «Трех Ступенек» ожила. Церковь уже не казалась угловатой — платаны зазеленели, скрывая ее очертания. Здесь же Марина обнаружила магазинчик с красками-кистями-холстами. Он соседствовал с сырной лавкой, где на витрине почему-то сидел тряпочный индюк с поникшим гребнем, а уместнее была бы ворона, та, что из басни... В здешней кондитерской на День святого Валентина продавали шоколадные сердца, напичканные драже, — банальщина, но Марина тогда купила Ноэлю. Обойдя площадь и заглянув в булочную (едва заплатив за выпечку с миндалем, откусываешь сладкий краешек), она отправлялась к речушке, бегущей от озера к озеру и уводящей далеко от авеню де Паж. Слушала кряканье уток,

переходила с берега на берег по большим камням. Отсюда она и позвонила в префектуру в первых числах апреля и узнала, что решение по ее вопросу принято.

97

— Марина, этому типу рыжие волосы не идут.

— Натале, это же ман-га. Тут символика, как в средневековой живописи. Рыжие волосы означают, что персонаж вспыльчивый. Если языка символов не знаешь, многого не поймешь. Вот отчего герой может упасть в обморок?

— Ну... если ударится лбом о столб.

— Это в западных комиксах — столб! Героя что-то поразит, вот он и хлопнется об пол. А видишь каплю пота? Значит, герой боится или нервничает. — Марина помолчала. — Мне завтра в префектуру за результатом.

— Элизабет с тобой отправить?

— Зачем?

— Как хочешь.

Ноэль уставился в телевизор.

— А если откажут? — Марина теребила в пальцах край пижамы — «мамма» выдала еще зимой, две одинаковые, на смену. С уточками. Ноэль смеялся, что от этих пижам у него наступит затяжная импотенция. Как в воду глядел.

— Если откажут, я напишу письмо Саркози.

— Ага. Денис сказал, что в Елисейском дворце перебоев с туалетной бумагой нет.

Ноэль резко повернулся.

— Ну так у тебя есть вариант. Когда развод? Через две недели? Вернешься к мужу, и все дела.

— Там кончено...

— А знаешь, почему кончено? Потому что он тебя подставил, не пошел заявлять, что вы вместе. Ты ему этого простить не можешь. А не то чтобы между им и мной ты выбрала меня. — Снова уставился в телевизор, но и десяти секунд не выдер-

жал. — Да! А если рабочую тебе не дадут, я так понимаю, от меня больше никакого толка, в твоем понимании.

— Гонишь?

Надо было бы прикрыть дверь — полвторого ночи. Но вставать не хотелось.

— Я тебя не гоню. Просто признай, что ты всех своих мужиков использовала.

— Я?

— Да, ты. У меня ощущение, будто я в клетке. Ты мне с самого начала стала ставить условия. Вроде того, что без брака не мыслишь отношений.

— Ноэль, в этой стране неочевидно их мыслить без брака!

— Дело не в стране, дело в тебе! Ты хотела, чтобы все было по-твоему!

— А ты? А ты не хотел, чтобы по-твоему было?

— Да я шел тебе навстречу! Зачем-то сюда привел!

— Да когда двое друг другу необходимы, они хотят быть вместе!

— Где хотят? У вас в России хотят? Так ты не в России! Здесь люди живут раздельно! По крайней мере первое время!

— Просто тебе, Ноэль, ничего не нужно! Ни семьи, ни ребенка!

— Вот-вот! Тебе требуется три короба обещаний, чтобы чувствовать себя в безопасности!

— Нет, не поэтому, а чтобы знать, что я дорога тебе!

— Обещания ничего не стоят! Сегодня есть они, а завтра их нет! Люди врут друг другу и самим себе!

— У нормальных людей чувства со дня на день не меняются! И что с того, что мне нужна стабильность?

— Вот ты и проговорилась! Ты ведешь себя как банальная самка! Ты в меня просто нож втыкаешь... Я не могу продолжать такие отношения!

— Я тоже. — Марина встала, взяла подушку, плед. — Спокойной ночи.

98

Тот же серый длинный коридор, по сторонам — двери. Первой идет жгучая брюнетка из Доминиканской Республики, за ней — скуластый азиат с волосами дикобразом, и следом уже Марина.

К автомату, выдающему кофе в карликовых стаканчиках, ноги не несут — как упала на сиденье, всё, пригвоздило. Завидно смотреть на доминиканку, которая быстро-быстро говорит в телефон по-испански и смеется.

Эту ночь раздельно провели, но уже не привыкать. Последнее время Ноэль принялся возмущаться, что «рядом дышат». «Я не могу не дышать...» — «А я не могу спать!» Когда впервые он ее в комнату «с котом» отправил, какая трагедия была! Она перерыла аптечку — валерьянку так и не нашла. С нервами в семействе, видать, все в порядке.

Вызвали доминиканку, настала тишина. Азиат читал газету, шуршал листами. Хотелось знать — будет та же стерва, что в прошлый раз, или бог милует.

Если дадут рабочие документы, за год надо найти «настоящую» работу. Может, у Айко есть связи...

Из двери высунулась мадам с прической «гнездо аиста».

— Нгуен? Селианов?

Азиат вскочил, и Марина вскочила. За столом была молоденькая девица.

— Садитесь, — стала рыться в стопке бумаги.

Вспомнилось: «Все самое лучшее случается неожиданно».

— В вашей просьбе отказано.

— Как?..

— Это работа не по профилю. Вы расстались с супругом?

Марина кивнула, но почему-то ответила «нет».

Девица замерла с папкой в руках.

— Нет или да?

— Да, но мы опять сходимся... Нам нужно время...

— Вы живете с мужем?

— Нет... мы хотели бы проверить наши чувства...

Заплатить Корто, чтобы он согласился перенести развод и притащился в префектуру. Это Ксенькина идея, только, по ее разумению, платить должен Ноэль.

— Проверка чувств законом не предусмотрена, — девица холодно улыбнулась. — Если вы не живете под одной крышей, значит, вы уже не муж и жена.

— И что мне теперь делать?

— Вы меня спрашиваете? — девица пожала плечами.

Марина вышла из здания префектуры — в лицо плеснул теплый ветер.

99

Каменная скамья на набережной укрыта тенью, но на край пролилось солнце. Марина села, прижала к себе сумку, зажмурилась. Зеленая вода волновалась: только что кораблик прошел. Набрала номер Ксении.

— Я тебе говорила, Денису надо заплатить. Он очень практичный.

— Не думала, что мы с ним до этого дойдем.

— Марин, я тоже не думала, что до этого дойду.

Лорен, дочь овоща, замуж собралась, орава родственников летит в Калифорнию. Папина новая жена в списках гостей не значится. А овощ и не пикнул.

— Да бог с ними, — выдохнула Ксения. — Что у тебя с Ноэлем?

Если неотрывно смотреть на скамью, видно, как утекает тень.

— Мне кажется, что уже ничего.

— Я придумала пословицу про них всех: «Им хорошо там, где нас нет».

Марина хмыкнула, помолчала.

— Через месяц я превращусь в нелегалку, если не уеду.

— Будешь говорить с Денисом?

— Куда я денусь.

100

— Марина, зайдите в гостиную.

Десять вечера. Болталась по набережной, пропиталась Сеной, как губка: тронешь — вода из глаз брызнет.

Вошла. Мсье Дель Анна сидел с каменным лицом. Приглушил звук телевизора:

— Хотел поговорить с вами, пока Ноэля нет. Я слышал вчера ваш разговор.

Дверь надо было прикрыть. Хотя какая теперь разница.

— Маринка-картинка! — Клелия стоит на пороге гостиной, в пижамке.

— Не ложится без тебя, — мадам Дель Анна ставит на пол тапочки с «мордочками». — *Metti le pantofole, Clelia.*

Марина помогает девочке сунуть ноги в тапки.

— Будем коти рисовать?

Но тут мсье Дель Анна спас, рявкнул что-то по-итальянски, и Клелия затараторила: *"Cinque minuti, nonno, cinque minuti solo!"* Она продолжала кричать свое «только пять минут» уже из спальни, куда ее увлекла мадам Дель Анна.

— Извините, что мы вас вчера разбудили.

Помягчевшее лицо мсье Дель Анна снова превратилось в маску.

— То, что вы разрушаете свое здоровье ночными посиделками, это ваше дело. Но мой сын работает в отличие от вас. И устраивать скандалы заполночь может только безответственная... — мсье Дель Анна замолчал, глядя сквозь Марину.

— Я...

— Если с Ноэлем что-то случится от недосыпа за рулем, я достану ружье и пристрелю вас.

Его можно понять. Дочь он уже потерял.

— С ним ничего не случится. Я ухожу.

Слезы лились, она ждала их весь день.

101

В одиннадцать Ноэль еще не вернулся.

Поднялась в гостиную. Свет был выключен. Заглянула в кухню:

— А мсье Дель Анна уже лег?

Едва спросила, как дверь ванной комнаты распахнулась, и мсье в синем байковом халате шагнул навстречу.

— Я хотела поблагодарить вас за все. Спасибо...

— Пожалуйста, — мсье Дель Анна помедлил и изобразил подобие улыбки.

Когда он исчез в спальне, из кухни раздался театральный шепот:

— Марина! Иди сюда!

И началось: «Куда ты пойдешь на ночь глядя?», «Он просто кипятится, это не со зла», «А Ноэль знает?»

— Знает, — почему-то ответила.

Мадам Дель Анна подошла, взяла за руку. У нее была сухая маленькая ладонь.

— Обещай, что будешь мне звонить. Мы же с тобой подружки?

102

Толстощекий индиец выдал ключ.

— Последний этаж, направо.

Ирония судьбы — она угодила в ту самую комнату, где поселилась, приехав в Париж. В «табакерку».

Винтовая лестница все такая же скрипучая, дверь по-прежнему перекошена. Открыла ее, включила свет: те же фиолетовые стены, полное дежавю. За окном в темноте угадывались серые крыши, прошитые на стыках, алюминиевые дождевые желобки, кирпичного цвета столбики каминных труб — стайки замерших на задних лапах сусликов: «Кто там? Кто там?» Где-то лежит рисунок с видом из окна.

Села на кровать. Час назад хотелось именно этого — остаться одной. Но одиночество оказалось слишком объемным. На мо-

бильном светились цифры: «00:00». Так нельзя. Надо позвонить Ноэлю. Марина отдернула покрывало, легла на подушку. Наволочка пахла старым чистым бельем. Прошло еще двадцать минут бесконечной тишины. Зазвонил телефон.

103

Солнце. Солнце! Забралось в «табакерку», сунуло нос в каждый угол, развалилось на кровати. Стены при дневном свете не фиолетовые, а нежно-сиреневые. И крыши за окном. И не слышно пылесоса, скребущего по кафелю. Свобода!

Разве так она представляла это расставание? Разве расставание бывает радостным? Почему ей хочется улыбаться — ведь всё полетело под откос? Марина откинула одеяло, встала, потянулась — на цыпочки подняло.

Значит, так: бумаги действуют еще месяц. Пока неясно, что делать, но можно начать со звонка Корто. И сколько денег ему предложить?

Да, Ноэль вчера позвонил. Двухминутный разговор ни о чем, легкое стеснение. Без прощаний обошлись.

Надо попробовать с мадам Бюиссон договориться — проживание в «Акации» за работу.

Самое лучшее случается неожиданно.

Вышла из душа, обернулась в большое махровое полотенце. И никакого тебе марш-броска с губкой! Сво-бо-да!

Крыша напротив окна лоснилась от солнечного света.

104

Мадам Бюиссон слушала, качала головой из стороны в сторону — казалось, что голова будет качаться, даже когда Марина замолчит. Но голова остановилась.

— Бедняжка моя. Да я столько работы тебе не найду, чтобы комнату заблокировать на месяц. Но ты не грусти. Если не зазорно, селись в подсобке. Правда, матраса для тебя нет... По-

стой... в «Икее» я видела недорогие: сосиска вакуумная, откроешь — шшух! — Мадам изобразила руками взрыв. — Сегодня Бен дежурит, на мотоцикле быстро обернетесь.

— Спасибо, мадам Бюиссон... А вы на мое место взяли кого-то?

Во-первых, да, а во-вторых, «у тебя права на работу нет, проверят — лопатой не отмахаешься!».

— Тогда я вам просто так помогать буду.

Бросила сумку в подсобке — на этой веревке она сушила бумаги Львенка тысячу лет назад... Вышла на солнце, набрала номер Дениса.

105

— Заходи.

Домофон пискнул, замок открылся. По этой лестнице Марина не поднималась тоже тысячу лет... Дверь в квартиру была приоткрыта.

— Я в комнате!

Катя сидела на диване нога на ногу, в облегающем коротком платье и туфлях на высоченных каблуках. Захлопнула ноутбук:

— Ты меня на пороге поймала. Этого олуха нет.

— Да я, собственно, к тебе.

Катя встала:

— Олух просил меня повоспитывать? Ладно, пошли чай пить.

Кухня, где столько с Воробушком переговорено было. Катя сыпанула заварку в чайник:

— Покупает самую дешевую, достало! От нее зубы желтеют! — Нашарила на полке пачку галет «Сен-Мишель». — Что, к Кариму меня ревнует?

Марина не успела ответить.

— Карим — настоящий мужик. Люблю арабов. Не то что эти дохлые французишки, — Катя закатила глаза и вывалила язык, изображая «французишку». — В нем такая энергия сексуальная... Мечтает, чтобы я к нему переехала. Его бабу услали

в Бордо, так он и рад. Ну, только по детям скучает. У него отличная зарплата, дом с садом, море рядом. Я привыкла жить у воды, я здесь задыхаюсь. У меня дача на Волге, а тут сплошные машины в морду газуют. И он не хочет, чтобы я работала. Мне «сежурку» на десять лет дали. Скоро свалю.

Разрешилась Воробушкова проблема с квартирой.

— Разведешься?

— Зачем? Это опасно, могут «десятилетку» отобрать. Если олух рыпнется — я на него в суд подам, на такие алименты нарвется, что мама не горюй. — Катя налила в заварочный чайник кипятку. — Ты-то разводишься?

— Не знаю.

И Марина рассказала, что звонила Денису, трубку не взял, труба с документами, собиралась денег ему предложить, вот только сколько?

Катя слушала, даже рот приоткрыла.

— Марин, ты что, дура — мужику деньги давать? Это они нам должны, а не мы им. Ладно, не дрейфь, будут тебе документы.

Марина улыбнулась:

— Ты что, их нарисуешь?

— Ага, нарисую, — буркнула Катя. — Смотри, как надо с мужиками разговаривать.

Ушла в комнату и вернулась с телефоном, в котором уже раздавались длинные гудки.

— Алло? Карим? Привет... — Голос Кати тек, как густой мед. — Можешь для меня сделать одну вещь?

106

Подвела Воробушка. Думать надо было, прежде чем ляпнуть, что он в деревню собирается уехать, а квартиру — сдавать... Катя аж подпрыгнула:

— Отлично! Я съеду при условии, что половину денег от сдачи он отдает мне. А что? Брачный контракт не подписал — сам олух. Нажитое — пополам! А не захочет делиться — в суд подам.

Марина уже стояла в дверях. В кармане лежал листок с номером мобильного телефона Карима. Ему следовало позвонить вечером, узнать, какие бумаги собрать.

— И не вздумай ему глазки строить.

— Да зачем мне. Слушай, Кать, ведь это противозаконно.

— Не беспокойся, он в местной префектуре шишка. — Катя победно улыбнулась. — А вообще, ты видишь, на что он ради меня готов?

107

Когда Марина спустилась этажом ниже, сверху раздался голос:

— Эй!

Задрала голову. Катя перевесилась через перила:

— Вообрази, эта бывшая баба Карима, как ее... Вероника — она сошлась с типом, который ей вселиться помог. Там все серьезно. Не знаешь, это достаточное основание для суда, чтобы не платить алименты?

108

У Бенжамена здоровенный байк «судзуки» — красный, глянцевитый, сбоку написано *"Bandit"*. На этом «бандите» практически лежишь. Лежишь и летишь. Вернее, лежит-летит Бен, а сзади Марина и матрас, который норовит выскользнуть из под мышки. А как хочется распахнуть руки...

На переходах Бен снисходительно косился на мотоциклы, подергивал коленом от нетерпения и жал на газ, едва загорался зеленый свет. Марина подняла забрало шлема: теплый ветер. Карим сказал, что в выходные будет в Париже, «подготовьте бумажки». И: «После выборов грядут большие перемены, гайки закрутят — но мы успеем. Вам повезло».

Матрас шшухнул, раскрываясь.

— Й-ех! — Мадам Бюиссон смотрела на процесс с восхищением. Потыкала пальцем: — Плотный! Марина, белье на полке в подсобке.

Бенжамен уселся за стойку с деловым видом, хозяйка кокетливо потрепала его по плечу и скрылась в своих аппартаментах. Оглянулся:

— У меня припрятана бутылочка «Сент-Эмильона»...

109

В «Акации» — полная демократия. В преддверии первого тура президентских выборов мадам Бюиссон внезапно охладела к правому Николя Саркози и перекинулась на «милашку» Франсуа Байру, он родился в Нижних Пиренеях, как и она. Бенжамен заявил, что голосовать не пойдет, ему политика до лампочки. «А что ты жрать завтра будешь, тебе не до лампочки?» — вскипела хозяйка. «Кошерное, только кошерное», — Бен принял смиренный вид. Адила стояла за социалистку Сеголен Руаяль насмерть. Мсье Бюиссон, муж хозяйки, был неравнодушен к националисту Ле Пену. Марину забавляло это разноголосье.

В субботу встретились с Каримом в кафе, Катя тоже подошла. Карим достал из портфеля бланк: «Подпишите». Вел себя сдержанно, явно хотел поскорее остаться вдвоем с Катей. Катя же все время говорила по-русски, почти не обращала на Карима внимания, и это его определенно злило. Стало страшно, что он передумает.

Марина махом проглотила кофе и ретировалась.

110

Ждала Дениса у лестницы здания Суда, что на Ситэ, окруженного высоким черным забором с золотыми наконечниками и с воротами в золотых финтифлюшках.

Явился — точь-в-точь такой, как в первый раз, когда гуляли по набережной Сены; только вместо белой рубашки — синяя.

Но это не тронуло. Так смотришь на фрукты из пластмассы — они как настоящие, а рука не тянется. Само все ушло.

В здании среди каменных стен задерешь голову — потолок далеко-о. Чувствуешь себя микроскопической. Коридоры, коридоры.

— Что у тебя с документами?

— Пока ничего.

— Макаронник не надумал подженироваться?

— Мы с Ноэлем расстались.

Денис хмыкнул.

— Я ж говорю — у вас, как у котов.

— На сей раз как у людей.

Молчание. Коридоры.

— Живешь где? У подружки и депрессивного старикана?

— В «Акации».

Молчание.

— В Новочебоксарск собралась или как?

Не ответила. От Карима вестей не было.

Денис резко остановился.

— Э!

Марина оглянулась.

— Стой. Если мы не явимся, заседание перенесут. Ладно, схожу с тобой в префектуру, продлишь «сежурку» на год. Потом сама выкручивайся.

111

— Брак объявляю расторгнутым, — судья захлопнула папку.

Вышли из кабинета. У мальчишки мэтра из-под адвокатской мантии комично торчали джинсы. Он пожал обоим руку и быстро пошел прочь по коридору.

Денис заметно повеселел.

— У меня с Тибидохом встреча, пойду поточу. Можешь присоединиться.

«Поточу» — знакомая «червячья» лексика.

— Куда идешь?

— От Ситэ подальше. Тут цены туристические.

И отправились — как когда-то — мимо Нотр-Дам по набережной.

Двое посторонних друг другу.

Шла, думала: делать «сежурку» в двух префектурах было бы опасно. Гонка за двумя зайцами может кончиться не наваристым супом, а жидкой баландой. Авось Карим не подведет. Да и Корто доверия нет.

— С Тибидохом у меня тоже развод. Он прознал, что я на конкурента работаю, — начал кулачки сжимать, Трибуналом угрожать. А я ему — ультиматум: плати все, что задолжал, а то тебе самому Трибунал светит. Он аж пятнами пошел.

— И где ты теперь работать будешь?

— Да подумываю напроситься обратно в «Систюд натюр». Матьё сказал, шансы есть. Сдам хату по-тихому и в Бордо перееду. Давно пора все тут похерить. Не смотри так, полторы сотни лет назад «похерить» значило «покончить». «Хер» — старинное название буквы «х», две зачеркивающие черты.

Как-то Ноэль назвал Дениса ходячей энциклопедией, а она поправила — сидячая. Кажется, это было в «Клозери де Лила». Всё проходит.

— Зато ты не знаешь, как правильно произносится слово «суши». Это нечто среднее между «суси» и «суши».

— Откуда информация?

— Айко Аоки сказала. Мангака.

— А-а... Ну вот «сусей» я бы поел.

112

«Дорогие мадам и мсье Дель Анна!

Хочу поблагодарить вас за все. За поддержку; за упреки, которые вы могли мне делать, но не делали.

Вы показали мне, что значит быть внимательным к другому, что значит щедрость.

Я вас не забуду. Знакомство с вашей семьей — одна из самых прекрасных вещей, случившихся со мной. Вы с Ноэлем посеяли во мне желание давать, и я буду ухаживать за этим зернышком: оно вырастет, оно принесет плоды. Я не смогу жить по-прежнему».

В отеле тихо. Новая ресепционистка ложится около полуночи, ей легче встать, чтобы открыть позднему постояльцу, нежели ждать. Половина второго...

Это письмо Марина неделю как готовилась написать. В Везинэ она заедет нескоро: все необходимое — с собой, а остальные вещи некуда забирать.

Перечитала написанное. Патетично. Но в ней с каждым днем растет сожаление. Почему она не помогала по дому, не была внимательной?

«Я хотела бы знать, что вы счастливы, все. Да, все: также Сесилия, Валентино, Изабель, Алекс, Энрико, ребятишки. Я никогда не встречала таких людей, как вы, и больше не встречу. Потому что их совсем немного.

Неизвестно, что останется от нашей связи с Ноэлем. Будем ли мы вместе. Сейчас мне нужно время и одиночество, чтобы выстроить себя. Вернее, чтобы построить заново. Стать свободной и сильной, достойной тех отношений, что были у нас в начале и которые мы разрушили. Спасибо за все. Я всегда буду вас любить, как умею.

С нежностью, Марина».

113

Когда Марина Бернару уроки давала, она часто проходила мимо миниатюрного цветочного магазина, стиснутого навесами кафе, — с удивительной вывеской *"Au jardin de Matisse"*. Что делает Матисс в названии цветочной лавки?

Иногда останавливалась, разглядывала нежные розовые орхидеи, белые королевские лилии с крупными салатовыми бутонами, оранжевые, малиновые, лимонные герберы, кремовые гладиолусы с красными пятнышками. Девушка-продавщица все

время собирала цветочные композиции, она была такая же хрупкая, как ее подопечные. И теперь Марина пересекла полгорода, чтобы именно здесь, в лавке «у Матисса», заказать букетик из роз и лилий, приложить письмо и попросить доставить на авеню де Паж в Везинэ.

Девушка была уже другая — синие глаза, красное платье. И правда цвета Матисса. Она говорила с пожилой ухоженной дамой, державшей на поводке обросшего пуделя, похожего на карликового барана.

Марина достала письмо, перечитала. Зачем она написала эту фразу: «Не знаю, будем ли мы с Ноэлем вместе»? Кончено же. Но это «кончено» касается только ее и того, другого человека. Как болезнь: лучше, когда окружающие не в курсе подробностей.

— Без конверта? — девушка в красном платье неуверенно взяла письмо в руки. — Подождите, у меня есть, красивый.

Она исчезла за дверцей в глубине магазина. Зазвонил мобильный.

— Марина? Это Катя. Представляешь, олух нашел жильца и заявил, чтобы я съезжала! А сам валит в свою деревню. Будет в этой дыре голубей разводить и трюфели вынюхивать, — Катя фыркнула. — Женится на свинье! Заявил мне, что все бабы — шлюхи. Я заехала ему по физиономии — мы с Каримом даже не спали! Я бы Каримку еще помурыжила, но жить негде. Он первого мая нас отсюда заберет.

— А я...

Ну вот и всё. Если бы у Карима получилось, Катя сказала бы.

— Как вам этот?

Девушка в красном протягивала конверт бледно-зеленого цвета из плотной бумаги. Марина кивнула.

— А ты приходи первого мая, поможешь собраться. Карим подъедет к полудню, заберешь у него свою «десятилетку».

— Катька, он... он что, сделал...

— А чему ты удивляешься? Да, знаешь, с олуха стрясти деньги за квартиру нереально. Озверел в последнее время. Я решила не связываться. Псих он и есть псих.

114

В «Акации» Марина подцепила предвыборную лихорадку: даже спросила у Ксении, за кого голосует Франсуа.

— За Сеголенку. Аргументирует тем, что она секси.

— Мадам Бюиссон порвала бы его в клочья... Ксень, как бы Карима отблагодарить?

Решили, что дорогой коньяк всегда пригодится. «Да он не пьет, мусульманин же. — Катя покрутила бутылку: — А давай я олуху отдам — будет прощальный подарок. Все-таки он тоже человек». Бутыль Катя оставила на столе в кухне: Альберто не появился.

С Айко несколько раз списались в скайпе. Она остановится у матери, а та летит в Токио и будет жить у Айко. «Я подгадала, чтобы с ней не пересекаться! ^_^»

Позвонил Поль, спросил, как прошел развод. Предложил в воскресенье после выборов прогуляться по Парижу. «На площади Конкорд устанавливают сцену. Будет шоу, если победит Саркози». — «А ты за кого голосуешь?» — «За шоу...»

Ноэль не справлялся, что с ней и как. А когда-то говорил: «Я готов умереть за тебя». Передумал! Мама его тоже не звонила: цветы и бледно-зеленый конверт поставили точку. Зачем нужна запятая?

115

На экране над головами сменялись цифры: «00:05, 00:04... 00:01», — и соткалось лицо нового президента.

— Сарко-о-о-о!!! — улица Боэси орала. — Мы победили! Победили!!!

Флаги метались — синее, белое, красное; прыгали лазурные надувные шарики с предвыборным слоганом Николя Саркози: «Когда мы вместе, все возможно». Один вырвался, ломанулся в небо. Марина с Полем протискивались сквозь толпу — Поль ткнул пальцем в помост, где стояли камеры и суматошились журналисты. Марина, смеясь, помотала головой: «Не слышу!»

— Сарко-о-о-о!!!!

Казалось, уши лопнут. Здесь, у штаб-квартиры партии Николя Саркози «Союз за народное движение», народ толпился от края до края мостовой, Поль отчаялся встретиться с приятелями: звонить бесполезно.

— Ладно, пошли на Конкорд!

Дотопали до Елисейских. Издалека было видно, что на самой красивой площади мира — так Ноэль говорил — устроен исполинский помост.

— Ой, телефон... — Марина запустила руку в карман джинсов. — Алё!

— Марина, здравствуй. Это мадам Дель Анна. Как у тебя дела?

Неожиданно.

— Хорошо... Вы рады?

— Ты про выборы? Мой муж даже выпил по такому случаю стопку коньяка.

Марина не знала, что ответить.

— Спасибо тебе за цветы.

— Это самое меньшее, что я могла...

— Ты когда свои вещи заберешь?

— Мадам Дель Анна, мне их девать некуда... Может, они пока у вас...

— Марина, у нас нельзя. Сними где-нибудь под Парижем бокс, как Лаура.

Квартирка, которую Лаура с румынкой делила, была совсем маленькой. Приходилось складировать барахло в боксе — клетушке на платном складе.

— Мадам Дель Анна, ну какой бокс... у меня и машины нет туда ездить...

— Вещи я сложу в целлофановые мешки. Пускай муж Ксении приедет и заберет. Давай?

— Я попрошу... — Марина колебалась: спросить — не спросить; и все-таки спросила: — А как Ноэль?

— Не знаю. Он дома почти не ночует.

Почему такое ощущение, что ее толкнули?

— Да, Марина, он уже перевернул страницу.

Почему кажется, будто в сердце вошло что-то острое? Для этой женщины отношения ее сына с русской девочкой были из области «дочитал — перелистнул». Нет, историю двоих никому не позволено называть перевернутой страницей! Ноэль так никогда не сказал бы. Не живите в чужом доме.

Поднялись к Триумфальной арке, сели под зонтиком кафе *"Georges V"*.

— Не переживай. Она тебя не хотела, и всё.

Стемнело. Народ тянулся вниз по Елисейским, Поль не выдержал:

— Ну хватит, пошли.

Его раздражали ее слезы на пустом месте, никуда идти не хочет, талдычит об эксе и его родичах. А к сцене уже не пробеpешься.

Она вернулась бы в отель, но с чем-то острым, засевшим в сердце, незачем оставаться наедине.

Площадь была оцеплена полицией. В динамиках звучал голос президента: «Мы напишем новую страницу в истории нашей страны!» Поль взял Марину за руку, потянул в толпу. «На этой знаменитой площади я хочу сказать вам... я вас не предам, не обману, не разочарую». На словах «не предам» толпа ликующе ухнула.

Стоявшие на сцене отображались на гигантском экране — Марина узнала Мирей Матьё с ее неизменной прической.

Над головами поплыла Марсельеза. Голосу Матьё вторила площадь. Пела девушка слева от Марины, двое ребят впереди, махавших флагами, и Поль на припеве не выдержал. Марина не знала на память слов, и различить их в этом гудении было трудно. Но она не ощущала себя чужой. Ей вдруг стало спокойно. Улыбнулась — вот и президент сказал: «Мы напишем новую страницу...» Зачем волочить за собой прошлое, как узник — ядро? Ведь не оно цепляется за тебя, это ты за него цепляешься. И стоит встать под звездное городское небо,

запрокинуть голову и принять в себя летящие над тобой голоса, десятки тысяч голосов, в которых звенит радость, как из глубины твоего «я» поднимется покой. И ты отпустишь вчерашний день.

Он был по-своему прекрасен. И он кончился.

IV

AQUA

1

Вдоль бульвара Жоржа Сёра жались друг к другу частные домики — будто выстроили их в ряд для коллективной фотографии, и крайние, боясь не войти в кадр, теснили тех, кто в середине. Марина остановилась напротив бледно-желтого, с белыми ставнями, — нажала кнопку звонка.

Никого. Айко прилетела и сразу в город поехала; к восьми обещала быть дома. В Токио пятый час утра... может, уснула? Наверно, лучше уйти. Но если она просто еще не вернулась?

Марина села на крыльце.

Днем получила эсэмэску с адресом в Нёйи, буржуазном уголке подпарижья, на острове Жатт, который Сёра прославил. Его картину Марина помнила до точечки — она когда-то увлекалась французским пуантилизмом — залитый солнечным светом берег реки и крадущаяся тень... Остров Жатт: конечная станция метро, мост через Сену, ступеньки, ведущие с моста в маленький парк. Садись у острова на носу и смотри, как река расходится на два рукава, бьется о бетонный берег. Два рыболова — дед и внук — сидят неподвижно, удочки длинные, уходят в небо. Птичий гомон... Пташка с рыжим брюшком и в шапочке цвета морской волны вертит черной иглой клюва, переступает тощими красными лапками. Повернулась спиной: там все голубое-синее... красавец-птиц, как звать — неизвестно.

Солнечный день.

Здесь же, в парке, — полтора десятка ульев. Пчелы спешат в домики, идут в лобовую атаку на тех, кто вылетает. Ма-

рина смотрит на их суету; шмель ударился в плечо, отскочил мячиком.

Чуть дальше — рыбный музейчик, там бассейн с рыбешками. Рыбешки задирают головы, складывают губы трубочкой: «Крошек! Крош-ш-шек нас-с-сыпь!» Одна, жирная, красная, размером со здоровенного карася, кажется, запросто уплетет полбагета.

— Не поверите, это золотая рыбка, — рядом вырастает служитель с бородкой клинышком.

— Золотая рыбка Матисса? — улыбается Марина. — Они же маленькие.

— Мы выловили ее в Сене. Кто-то выбросил, так она разъелась на вольных харчах!

Да-да. В известном фильме мать маленькой Амели Пулэн кидает с моста в реку несносную золотую рыбку по имени Кашалот, пытавшуюся свести счеты с жизнью, выпрыгивая из аквариума...

— Карликовые сомики, рыба-кот, осетры... — Дядечка с бородкой-клинышком тычет пальцем в рыбьи чучела с разинутыми зубастыми пастями. — А вот флоридские черепахи. Древняя бабуля отдала — они ее внуков переживут.

Три крупные тортилы греются на камне под лампой. После развода Корто исчез.

— Это зимородок, редкостный собственник.

Чучельце: рыжее брюшко, шапочка цвета морской волны.

— Семейная чета в радиусе двух километров гоняет сородичей, включая выросших птенцов. У нас на острове, правда, уживаются три пары: в Сене рыбки на всех хватает...

Скучно дядечке! Уходя, Марина заглядывает в бассейн:

— Пока, Кашалот.

До встречи с Айко два часа. Можно выпить чашку горячего шоколада в кафе на берегу. Дядечка сказал, что с террасы запросто увидишь плывущую нутрию.

2

Сидя на ступеньке лестницы частного дома на острове Жатт, Марина поймала себя на том, что волнуется. По скайпу не разговаривали, и сейчас Айко ограничилась эсэмэской. Да и фотографию не попросила — ей совсем не интересно, на что она, Марина, похожа.

Время к девяти. Никого.

Ожидание.

Айко — кто она? Просто строчки на экране компьютера. Иллюзия, мечтание. Ведь надо было навоображать, что выдастся работать с ней! Она же с сумасшедшинкой, Айко. Наверно, забыла о встрече. Сумасшедшинка обязывает.

Марина отстучала эсэмэс. Скоро стемнеет, и пойдет она домой. Размотала наушники *ipod*'а.

Мне всегда говорили — злодейка-судьба
Прочит ласку, но только на деле груба,
Счастье будто дает ни за что, задарма,
И ты тянешь ладонь, и ты сходишь с ума...
Но мне кто-то сказал, что ты любишь меня...

Мимо прошли две седовласые дамы с мопсом: шевелили ртами, как рыбы. В ушах жила только музыка, гитарные переборы, мягкий голос. Марина прислонилась головой к стене, закрыла глаза. Она не слышала, как щелкнул замок в двери. Не видела, как на пороге появилась худенькая девушка с мокрыми длинными волосами, в коротком шелковом халатике цвета беж. Девушка стояла и улыбалась.

3

— Сена...

За окном вода цвета глины, ветка, зацепившаяся за берег, — не получается у реки ее утащить. Айко заходит в гостиную, вытирая полотенцем волосы.

— Баржи видела?

Выстроились вдоль высокого берега, к каждой ведет лесенка. Наверху, рядом с лестницей, — почтовые ящики. Как жить в доме, который все время качает?

— Марина, я еще долго простояла бы в душе, если бы не эсэмэска. Почему не позвонила?

— Потому что ты никогда не звонила.

— Я придумывала себе тебя. И ты ведь тоже?

Марина кивнула. Айко мяла полотенце, улыбалась.

— Я тебя такой и представляла. — Подошла. — Только вот глаза... Золотые капельки на радужке... Их не придумаешь.

— Это с детства, — Марина отвела взгляд. — А ты совсем как на фотографии.

Айко хмыкнула:

— Тяжело быть публичным человеком. Как тебе здесь?

Все современное, никаких французскостей — каминов с зеркалами до потолка и буфетов из дуба. Широкий низкий стол мутного стекла, пуфики. Бар у стены. Высокая ваза в углу с восточной росписью: птицы на ветках, усыпанных белыми цветами.

— Твоя мама одна живет?

— Да. У ее друга сто квадратов возле Лувра, он сюда ехать не хочет.

— И правда, не желают французы жить вдвоем под одной крышей...

Айко смотрела на Марину прямо, спокойно так разглядывала.

— Жалеешь о Ноэле?

Марина отвернулась к реке:

— У меня было чувство, что я избавилась от обиды на него. Но оказалось, она все еще здесь. Хотя обижаться не на что.

Айко помолчала, кивнула на реку:

— Видишь вон ту ветку? Как она упрямо за берег цепляется. Отдалась бы течению, ушла б в путешествие — может, прибило бы куда, она бы корни пустила. Выросла бы в дерево. — Айко отошла от окна. — За старое цепляться проще. И ждать, что придет новое счастье и выманит тебя из прошлого. Но новое не

придет, пока не отпустишь то, что было. Два счастья вместе не уживаются.

— Да нет, тут только обида...

— Обида — это тень прошлого. Значит, оно до сих пор с тобой. Ты голодная? Я заказала суши, скоро привезут.

4

— Я напрочь забыла об этих рисунках.

Айко листает Маринин альбом.

— Ты не забыла. Это я когда-то рисовала в твоем стиле.

Айко резко поворачивается. Она молчит и смотрит на Марину в упор. И Марина ловит себя на мысли, что этот взгляд не смущает.

— Золотые капельки... я нарисую героиню с глазами как у тебя.

Айко снова утыкается в альбом. Марине хочется приподнять блестящую прядь волос, коснуться высокой шеи. Будто перед ней не Айко, а Анька. Как когда-то.

Звонок в дверь. Привезли суши.

5

Сидели на ковре за низким столиком мутного стекла, уставленным тарелочками и плошками. Айко, сдерживая улыбку, наблюдала за Мариной, мучившейся с палочками.

— Не любишь имбирь?

Перед новой порцией суши следует сжевать кусочек имбиря, чтобы подготовить нёбо к другому вкусу.

— Да ешь руками... — палочки у Айко в пальцах как живые. — Я привезла чай «матча» — знаешь?

Марина обмакивает в соус полоску лосося.

— Нет. Зеленый?

— Зеленый, но особенный. Его не заваривают, а смалывают, взбивают венчиком из бамбука и пьют с листьями. Кстати, в Токио уже полседьмого утра.

И в скайпе Айко иной раз обрывала разговор на полуслове.

— Я тогда пойду.

Уходить не хотелось.

— Да я не гоню тебя. Надо проект обсудить.

— Может, ты выспишься, и...

— Мангаки не высыпаются. Пошли.

Айко встала быстрым легким движением.

6

Она была ни на кого не похожа, Айко. От японки отличалась разрезом глаз — не узким, а миндалевидным — и еще чем-то неуловимым. «Нет, не наша», — сказал бы любой японец. «Не наша», — повторил бы европеец. Но даже не внешность ее била в глаза.

Первое впечатление: сидишь на ступеньках дома, заткнув уши ipod'ом, и чувствуешь, как плеча касается рука. Поворот головы — ш-шах! — будто теплой волной окатило. И не в том дело, что она красивая, Айко, — хотя и это — просто есть в ней что-то дурманящее. Черные с отливом волосы, длинные, тяжелые, как в рекламе шампуня, — она подколола их перед едой, открыв легкий пушок на шее. Челка, падающая на глаза ровной линией, которую она откидывает коротким движением. Упрямые подростковые губы — и привычка теребить уголок рта кончиком языка. Худенькие руки. Манера стремительно поправлять сползающий с плеча бежевый шелковый халат; шлепанье по полу босиком; танец палочек в тонких пальцах. Но главное — нечто, у чего нет названия, хмелящее. Будто бы это запах.

Да, будто бы она была запахом, Айко, — ни увидеть, ни притронуться, только почувствовать и потерять. И искать снова.

Эта неуловимость что-то напомнила Марине. Что-то далекое... А, да — «край плаща». Отель «Акация», ночь, Ноэль ушел, оставил по себе *настроение*. Так вот с Айко нечто похожее. Только этот «край плаща», он здесь и сейчас, хоть Айко и не уходила никуда. Но — странно — это не беспокоит. Знаешь: Айко

нельзя, немыслимо обладать. Как нельзя обладать запахом, выскользнувшим из флакончика с духами. Его можно только вдохнуть, удержать в легких; он проникнет в каждую клетку, и ты уже не забудешь его, не потеряешь. От этого — радость. Тебе легко дышится, тебе хорошо. Здесь и сейчас.

Как-то говорили в скайпе об отце, и Айко сказала: «Человек идет по жизни и несет в каждой руке по корзине. В одной сложены воспоминания. Во второй — надежды. Он заглядывает то в одну, то в другую. И проходя мимо цветущей сакуры, не чувствует ее запаха: слишком занят прошлым и будущим». После паузы спросила: «Марина, тебе вообще-то знаком запах сакуры?» — «Нет...» — «Вот видишь, прошла мимо со своими корзинами...^_^» Даже не верится, что Айко здесь.

— Помнишь, ты обещала рассказать про Синее Дерево? Чтобы я сумела отпустить отца...

7

В спальне первым делом натыкаешься на распахнутый чемодан, в котором Айко основательно покопалась. За окном темно, только вода Сены слегка светится, по крохам собирая свет фонарей. В комнате пустовато: шкаф с раздвижными дверцами мутного стекла и двуспальная кровать с шелковым покрывалом, усыпанным разнокалиберными подушками того же рисунка — ирисы на белом. У изголовья небесного цвета полутораметровая стеклянная лампа — как ваза. И над кроватью, по центру, — японская гравюра синей тушью. Классический сюжет: гора, обрыв, навесной мостик, одинокая ива, уронившая ветви. Человек на мостике. Дымка.

Айко достала пачку листов.

— Посмотри. Остальное — в компьютере.

Наброски к аниме — фильму, который Айко задумала на свой страх и риск. После того как мир пришел к экологической катастрофе, две героини попадают в прошлое и пытаются повернуть ход истории.

— Я подумала, может, и прав твой Ноэль — пускай одна из девушек отрежет волосы, не желая возвращаться в свое будущее. Поскольку вторая не хочет оставаться в прошлом, это станет одной из загадок: будут ли героини вместе?

— А они... вместе?

— Да я пока не решила. В прошлом они встретят парнишку, и одна из подруг в него влюбится. — Айко разворачивает большой лист в мелких квадратиках. — Я накидала общий план. Только раскадровки, без реплик.

Марина впервые видит неоконченную работу профессионального мангаки. Здесь уже есть многое: характер, движение... настроение. Айко говорит, показывает на экране компьютера зарисовки. Она посерьезнела и больше не походит на запах — нечто неуловимое и чудесное. Айко сейчас двумя ногами на земле, даже тембр голоса у нее изменился. Сможет ли она, Марина, так же? Наверняка Айко выбрала ее потому, что денег в проекте немного — помощникам надо платить.

Айко посмотрела на Марину через плечо, улыбнулась:

— Ты знаешь, что многие известные мангаки поначалу задники и второстепенных персонажей рисовали? Да, конечно, это будет небесплатно.

Как мысли читает. Марина смотрит на время: 23:40.

— Здорово. А карандаш ты обводишь тушью или на компьютере обрабатываешь?

Айко встает, идет в кухню. Бросает, не оглянувшись:

— Оставайся.

8

— Главное, не разлить чай на покрывало — эти ирисы дорогущие. Матери деньги покоя не дают, смотри — все белье шелковое.

Айко ныряет под одеяло, садится и берет чашку в руки.

— Что-то я мерзну. Наверно, от недосыпа. Как тебе матча?

Марина отпивает ярко-зеленой взвеси, кивает. Проводит рукой по подушке. Нежная гладкая ткань, прохладная.

Разговор по делу закончен. Айко умеет в минуту выбросить из головы то, что занимало. Сказала: иначе нельзя — с ума сойдешь.

— У меня в районе взвод мангак живет. В какое кафе ни зайди — сидят, корпят, тянут кофе. А ты отключиться пытаешься, с подругой встретиться... Ну и все, снова думать начинаешь, в блокнотик записывать на ходу.

— А ты сроки когда-нибудь срывала?

Айко пожимает плечом:

— Человеку творческому трудно укладываться в рамки. Я не исключение. Под конец работаешь круглыми сутками, и всё.

— И что ты делаешь, чтобы не заснуть?

— А, это любимая тема у мангак — ночные хитрости... я волосы мокрыми держу. — Айко делает глоток, ставит чашку на пол. — Знаешь, мне сны в виде манги снятся. Я там персонаж, и мангака решает сбросить меня со скалы в водопад. Я спрыгиваю с бумаги и убегаю от него — но оказываюсь в большом страшном мире, хрупкая, нарисованная... — Айко откидывается на подушки. — Как тебе удалось утрясти проблему с документами?

«Табакерка», солнце в окно, свобода.

— Я начала просто жить.

— Самое лучшее случилось неожиданно?

Айко опять стала той, что тронула ее за плечо на крыльце. Той, что сидела за низким столиком с танцующими палочками в пальцах, с подколотыми блестящими волосами. Она опять превратилась в запах. Она улыбалась.

— Да. Я дна отчаяния достигла. После начинаешь всплывать.

— А может, ты поняла, что не надо ничего страстно желать?

Марина не ответила. И Айко произнесла, теребя край покрывала:

— Будешь желать — тебе дадут. Но ты об этом пожалеешь. Как я когда-то.

9

В колледже детям из неполных семей выдавали годовой талон на питание. Айко жила в двух шагах от колледжа и обедала дома. Дома есть было скучно, и она не раз просила мать оплатить школьные обеды. «Я повариху держу для красоты?» — отвечала та. Тогда Айко задумала раздобыть заветный талон. Это просто: надо очень сильно захотеть, и желание сбудется. Еще дедушка Итиро говорил.

До конца учебного года оставалось четыре месяца, Айко с завистью ходила мимо столовой, где давали вкусняшки типа сосисок или картошки фри; твердила про себя желание. Потом наступили летние каникулы, ее отправили к деду в Токио. Там она и узнала, что умер отец.

Теперь она имела право на заветный талон.

10

— Айко, это просто совпадение.

— Совпадений не бывает. Мы заслужили все, что с нами происходит.

— В десять лет ты заслужила остаться без отца?

Айко приглушила свет, устроилась поуютнее.

— Сейчас я понимаю, что он меня по-своему любил. Но был слишком сдержан... мы почти не проводили время вместе. Я не знала, как с ним общаться. И хотя отец ни разу не поднял на меня руку, он и не протянул ее мне ни разу. Видно, мои эмоции относительно талона на сосиски и картошку фри были сильнее чувств к нему. Вот мироздание и услышало... Так что, может, я и заслужила.

— А что с ним случилось?

— Сердце.

Помолчали.

— Я с тех пор запретила себе *хотеть*.

Марина подумала, что *хотеть* — и значит заглядывать в корзину с будущим. А прожить от а до я состояние здесь и сейчас, уловить запах сакуры — часто ли ей это удавалось? Пожалуй, тогда удалось: Катя играет на пианино, а они сидят на диване с Анькиным отцом, и будто это — одна долгая минута, залитая музыкой и покоем, вечная. Еще было: дождь из ведра, дома никого — шерстяные носки ласково покалывают промокшие ноги; она сидит на полу и рисует упавшую вазу, рассыпавшиеся цветы: тишина, только карандаш шуршит и кот мяукнул. Еще моменты — короткие, — когда лежала головой у Корто на плече, смотрела на луну в квадрате окна.

Марина улыбнулась.

— А я *хотела*, чтобы ты ответила на мое первое письмо. И ты ответила.

Айко приподнялась, поставила локоть на подушку:

— Это не потому, что ты *хотела*. Потому что захотела я.

Об этом Марина не решалась заговорить. «Приключения Свиньи Марго» и правда неплохо вышли, но мало ли в Японии доморощенных мангак, которые хорошо рисуют?

— А... а почему ты захотела?

Наступила тишина. Айко смотрела будто бы с удивлением. Как если бы Марина не понимала очевидной вещи.

— Айко, у тебя огромный выбор помощников. И техника у них получше...

Айко перебила:

— Технике можно научиться. Но твоя несуразная свинья достовернее любого романтического персонажа. У нее не только копыта и пятак, но и сердце. У нее глаза живые. Такое может нарисовать только *мой* человек. — Айко опустила глаза. — Мой до печенок. Как если бы это была я.

Марина молчала.

— Я потому и не говорила с тобой по скайпу, не просила фотографии. Я «рисовала» тебя. Как если бы ты была персона-

жем. — Айко не поднимала глаз. — Марина, ты обо мне мало что знаешь. Я... я непригодна для нормальных отношений. Меня здесь нет.

— А как же запах цветущей сакуры? — Марина попыталась улыбнуться, но что-то удерживало ее от улыбки.

— Там, где я, нет запахов.

11

Марина стояла в ванной комнате, смотрела в зеркало.

Оказывается, не одна она с реальностью не дружит. «Ты жила в своих картинках, потому меня выносила», — сказал Корто. Именно «картинки» помогали ей выжить — дома, и когда Вадим пропал, и после истории с соседом — потом ведь два месяца из квартиры не выходила.

Воспоминание: сосед и его отпрыск-уродец, мелкий, прыщавый, вталкивают ее в свою нору на первом этаже. В коридоре — коробка, в ней полдюжины щенков — пищат, карабкаются друг на друга. Эти двое волокут ее через комнату, валят на кровать с пожелтевшим бельем, начинают срывать одежду. Молчат, сопят. Кроссовки стянули — она извивается, катается по вонючей простыне и задевает рукой стоящую у изголовья пивную бутылку.

Бутылка раскололась у соседа на голове, и он соскользнул на пол, развалился. Сын-уродец разжал пальцы. Марина вскочила, держа бутылочное горлышко с острыми краями. Мелькнуло молнией: «Если он его выхватит, мне конец». Бросилась в коридор, связка ключей торчала в замке. Сердце в горле колотилось: откроется ли? За спиной — движение. Выбежала на лестничную клетку, ломанулась босиком по ступенькам. Следом — топот. Даже если домчать до квартиры, дверь открыть не успеть: уродец на один лестничный пролет отстает. Сердце бесилось в горле, выстукивало: «Что делать, что делать...» Но тут гудевший лифт распахнул створки и явил толстуху, жившую этажом ниже Марины. «До-обрый день!»

Уродец встал как вкопанный, этот ее «до-обрый день» прозвучал из другого, человеческого измерения. «Здрасьте», — выдавила Марина. Уродец перевел на нее взгляд. Секунду они смотрели друг на друга, и страшна показалась не злоба в его глазах, а пустота.

Неизвестно, чем бы кончилось, не выбери отец уродца профессию ветеринара. «Мне бы коту слабительное...» — толстуха поставила на пол авоську, и Марина бросилась вверх, выдергивая из кармана джинсов упрямые ключи. Уродец что-то ответил, она промазала мимо замочной скважины, и все не попадала в нее, не попадала. Когда распахнула дверь, кот попытался по обыкновению выскочить на лестницу. Улетел с мявом в конец коридора.

Рассказать это матери она не решилась.

А собачий доктор выжил.

12

«Там, где я, нет запахов». Айко тоже живет на другой — рисованной — планете. Застряла меж двух миров: ни француженка, ни японка, всюду посторонняя. Как Анька, которая как-то сказала: «Чужая я дома», узнав, что у двух девиц в лаборатории на заводе ходит в «жидовках». Тогда она и об эмиграции задумалась.

— Я чуть не уснула, пока тебя не было, — Айко полулежала на подушке, прижимая к груди вторую, поменьше, и походила на девчонку, которая не может расстаться с детством — только вместо плюшевого медведя у нее в друзьях шелковая подушка с ирисами. Марина села на кровать:

— Ты из Парижа в Токио из-за работы уехала?

Ответ последовал не сразу. Айко, похоже, со сном боролась.

— Завалила выпускные экзамены в лицее, купила билет на самолет и улетела. О работе тогда речь не шла. — Айко поморщилась. — Но...

— Но?

— Но все к лучшему, — она погружалась в подушки, как в зыбучий песок, теперь одни глаза были видны. — В Японии я оказалась востребованной.

«Что-то тут не то», — подумала Марина, но Айко вынырнула из «песка», улыбнулась:

— Ты просила про Синее Дерево рассказать. Его выдумал мой дед-японец. И все из-за бабушки — он очень любил ее, она умерла до моего рождения. Деда я видела редко, только во время летних каникул, — тем важнее казалось то, что он говорил. Его Синее Дерево меня долго спасало... правда, от всего не спасло.

Айко замолчала, и Марина повторила за ней:

— От всего?

Но Айко не ответила, просто продолжила:

— Я ему жаловалась, что дети со мной не дружат. Я была дикой, молчала все время, они меня и избегали. А я еще больше замыкалась. Хотелось играть на переменах, но я уходила в класс и сидела одна, пока кто-нибудь не прибегал и не начинал меня задирать. У нас был один хулиган, он как-то забрался в девчоночий туалет и подглядывал за мной, а потом рассказывал, «какие у японки трусики» — мальчишки смеялись, а я не знала, куда деваться... Но Синее Дерево даже с ним меня примирило.

Марина хмыкнула:

— Примириться с маленьким дурачком или с отцом, отравлявшим жизнь, — не одно и то же.

— Если идешь своей дорогой, то — одно. Скажи, отец любил кого-нибудь до или после твоей матери?

— Да.

13

Марина наткнулась на это письмо, совершая несанкционированную вылазку в отцову комнату. Она маялась дома, не решаясь выходить из-за упырей с первого этажа. Прикрывалась затяжной простудой, а мама «догадалась»: депрессия, «разо-

шлась с кем-то», оставила в покое. И вот Марине вспомнилось, что работник советского посольства в Японии помимо сборника манги подарил отцу набор для каллиграфии, который отправился во тьму под кровать.

Деревянная коробочка с иероглифами на крышке. Марина дунула на нее, взметнула сноп пыли, чихнула и покинула место преступления с добычей в руках.

В наборе лежал свиток бумаги из рисовой соломы, «васи»; две кисти — большая и поменьше; тяжеленький сосуд и к нему чернила, «суми», — твердый брусок черного цвета: надо только водой развести.

Марина сидела на полу, разглядывала сокровище. Конверт, надписанный перьевой фиолетовой ручкой, на адрес мастерской, прицепился внутри к крышке, не сразу заметила.

Острый почерк... На штемпеле — дата ее рождения. Странное совпадение.

14

Полгода как Дмитрий обосновался в мастерской. Комнатушка на последнем этаже жилого дома в Чебоксарах казалась раем, хоть и без центрального отопления. Но рай и таким бывает — когда сбежишь из глуши-деревни, из-под надзора матери, вечно всем недовольной, и особенно тем, что денег в дом не носишь. Открываешь холодильник, и раздается вопль: «А ты туда что-то клал, чтобы брать?» Иной раз и не кормила. Или так — шарахнет на стол тарелку: «Жри, Пикассо!» Работал кое-где кое-как, денег хватало только на краски и холсты.

Под давлением матери попросился на свежевыстроенный Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат художником. Глупая идея — он по текстилю специалистом не был. Оформлять не хотели, но начальник отдела кадров поинтересовался: «Портреты умеете рисовать?» У начальника была большая семья, вся неопортреченная. Он-то спустя год и выхлопотал мастерскую, рай.

Тут, летом плавясь от жары, а зимой окопавшись возле обогревателя, Дмитрий писал. Он сошелся с Храпуновым, школьным учителем рисования, на славу великого живописца не притязавшим и не создававшим конкуренции. Более того, Храпунов подавал идеи, иногда безумные, но тем и интересные. Так, завидев в мастерской среди портретов, натюрмортов и пейзажей футуристическую картину, он выволок ее к свету, повторяя: «Наконец! Наконец-то!» По его разумению, черная луна на красном фоне и странные мрачные здания с кривыми окнами были как раз тем «искусством», которое «должно открыть многие двери». «Да я просто так нарисовал, — отмахивался Дмитрий. — Было настроение». Храпунов кипятился: «Ты дурак! Это твой шанс! Пейзажи любой выпускник художки малюет, а это — самовыражение!» Полтора года назад, зимой 1967-го, докатилась от Москвы до Чебоксар история с выставкой художников-нонконформистов, не продержавшейся и дня, но замеченной публикой. За январское воскресенье около двух тысяч человек увидели картины неформалов. У Храпунова в столице жил дальний родственник, который был знаком с типом, вхожим в дом к Оскару Рабину, участнику скандального вернисажа 1967-го. Идея Храпунова была такова: нарисовать с десяток футуристических картин, сделать с них фотоснимки — чтобы холсты не тащить — и отправиться в Москву, к Рабину. Посмотреть, что он скажет. Хорошо бы в их Лианозовскую группу войти. А там, глядишь, выставки, горькая слава бунтующего против системы артиста... «Вылет с комбината», — продолжил Дмитрий. «Тебе что важнее — зад начальника отдела кадров малевать или признание?!» «Мастерскую отберут», — задумчиво произнес Дмитрий. Но уже знал — в Москву поедет. Потому что Рабина знают, а его нет. А он лучше Рабина. Надо только собраться и еще картин нарисовать. Нонконформистских.

Вся жизнь его в тот день полетела под откос.

15

Оскар Рабин оказался худым приветливым человеком с бритой головой и в больших круглых очках. Дмитрий стеснялся, пил чай, отказавшись от вина, разглядывал столетний иконостас два с половиной метра в высоту. Тоже — рай. Сюда, в трехкомнатную квартиру на «Преображенке», семейство Рабина перебралось из лианозовского барака, где ютилось в комнате настолько сырой, что обувь покрывалась плесенью: барак когда-то строили для заключенных — прямо на земле, без фундамента. Слушая Рабина, Дмитрий подумал, что ему тоже недурно бы какие-нибудь мытарства пережить, для «биографии». Хотя мать-самодурка, холодная мастерская, провинциальная жизнь, работа на комбинате — все это не сахар.

— Вам надо показать свои работы Костаки.

Дмитрий очнулся. Костаки?

— Коллекционер, грек, живет в России, в канадском посольстве работает. По-русски говорит свободно, женат на советской... Как-то пришел ко мне в барак, выбрал две картины — спрашивает: «Сколько?» Я растерялся, выдавил: «Пятьдесят рублей... — и добавил: — Если для вас дорого, то я готов уменьшить цену вдвое».

Пятьдесят рублей! Начальник отдела кадров куда меньше платит.

— А он отвечает: «Ваши картины, дорогой мой, стоят гораздо дороже. Я не очень богат, но дам вам по сто рублей за каждую». На радостях подарил ему третью...

В эту минуту раздался звонок в дверь. И вошла Лидия.

16

На ней было кремового цвета платье мини — с короткими рукавами, глубоким вырезом и открывавшее ноги до такой степени, что Дмитрию в первую секунду показалось: девушка полуодета. И чулки — настолько тонкие, что можно подумать: ноги

голые. Долгие худощавые ноги в босоножках на высоких каблуках. А это платье — узкое, по талии, с еле заметной вышивкой того же кремового цвета... Такого материала на комбинате отродясь не видали.

И потом, только потом было ее лицо. Вылитая Анук Эме, от которой он потерял голову в день, когда повел какую-то девицу на премьеру «Мужчины и женщины» Клода Лелюша. Те же распахнутые брови, ресницы бархатистые, прямой нос. Жесткое выражение лица — ему это нравится. Но прическа не как у Анук, а модная бабетта, высокий начес из кофейного цвета волос.

Лидию привел вертлявый антипатичный тип. Но выяснилось, что он ей никем не приходится, так, приятель. Она стюардесса, интересуется неформальным искусством. «Не все *sky girls* — безголовые красотки, — Лидия игриво посмотрела на Оскара Рабина и добавила: — Всё неформальное меня пленяет. В жизни только одна вещь должна укладываться в рамки...» «Какая?» — улыбнулся Рабин, и Дмитрий внезапно взревновал. «Картина», — Лидия изобразила в воздухе прямоугольную раму, глядя Рабину в глаза.

В комнату вошла женщина. Рабин встал: «Валентина, моя жена». Лидия кинула на женщину короткий прохладный взгляд, повернулась к Дмитрию. Он все еще смаковал эти два слова, произнесенные с английским прононсом: *sky girl,* небесная девушка.

— А вы тоже художник или... так?

Дмитрий дергал из кармана фотографии картин, никак не мог вытащить.

17

Почему она сделала ставку на него? В Москве не нашлось молодых, свободных и талантливых? Впрочем, Лидия нечасто бывала в столице — мать с сестрой жили в Рязани, и после полета она ехала домой отсыпаться, чтобы снова исчезнуть на не-

сколько дней. Может, поверила в то, что нестандартные опусы (намалеванные за две недели) вытащат провинциала на поверхность? И ее вместе с ним...

Лидия усиленно учила английский — хотела прорваться на международные авиалинии, хоть и непросто это: помимо медкомиссии и экзамена по иностранному языку сто собеседований пройти надо — в парткоме, в политотделе, у секретаря парторганизации и еще Министерство гражданской авиации должно утвердить твою кандидатуру. Конечно, можно было бы охмурить иностранца и поднырнуть под железный занавес благодаря Джону, Тому или Николасу. Но иностранцы в Союзе кишмя не кишат, да и работа такая, что только с пилотами и остается время романы крутить.

Она приехала в Чебоксары в начале осени, уже холодало. Дмитрий гордо показывал ей Волгу, строящуюся ГЭС, и Лидия посмеивалась: «Ты патриот, что ли?» Ей, мечтавшей жить в Париже или в Лондоне, Дмитрий не решался ответить, что — да, патриот. Он любит эти просторы, эту неторопливую реку, он всю жизнь прожил в деревенском доме, носил воду из колодца — наклонишь жестяное ведро над лицом, и ледяная водица плеснет в рот, сведет зубы холодом. Он без конца может рисовать церкви, холмы, деревья, поваленные ураганом. И надуманные футуристические штучки ему до лампочки. Но как он мог заявить такое женщине, которая именно из-за этих картин поверила в него?

В мастерской Лидия включала обогреватель, сбрасывала одежду, забиралась на кровать, но к себе не подпускала — и он рисовал ее, как некогда Амедео Модильяни — Ахматову.

Ей было скучно молчать, и она говорила. Однажды бросила, разглядывая вытянутое из подушки перо:

— Через три года я рожу мальчика и назову его Вольдемаром.

Дмитрий застыл. Он хотел спросить, назначен ли уже отец Вольдемару, но не посмел. Просто как можно более равнодушно поинтересовался:

— А почему ты думаешь, что это будет пацан?

— Потому что у сильных рождаются мальчики, это неписаный закон, который в каменный век корнями уходит. А у слабаков — девицы.

Дмитрий хмыкнул:

— Твой отец, значит, слабак?

Лидия состроила презрительную мину:

— Ничтожество. Я его как-то видела — совсем спился.

Дмитрий отложил кисть, вытер пальцы тряпкой, сел на край кровати:

— Тогда у меня будет два пацана. Я-то сильный. И совсем не пью.

Хотел сказать «у нас», но не отважился. Лидия хихикнула:

— Ну это мы увидим... Не трогай меня холодными руками! Иди рисуй.

18

«Любил ли кого-нибудь отец до или после матери?» Сидя на полу перед набором для каллиграфии и переворачивая листки, исписанные острым почерком, Марина узнавала: не было до или после. Ее матери просто не существовало в жизни отца. Так, маячила на задворках. А была одна Лидия, которую могла бы потеснить только женщина с характером (да такой он не нужен). А мама вечно под него подстилалась, ужин к телевизору носила, вытряхивала пепельницы с горой окурков, одежду ему покупала на свои, никаких заданий по дому. Прислуга для гения.

«Что ты от меня все не отвяжешься? Твоей дочери уже три года. Предлагаешь к вам в Новочебоксарск переехать, посуду теще мыть помогать?» Слово «дочери» было подчеркнуто, Марина не поняла почему.

Дмитрий получил это — единственное — письмо от Лидии в день рождения Марины. Поехал в мастерскую поработать, обещал вернуться к пяти вечера с куклой, которую дочь давно выканючивала. Светка, жена, деньги на куклу выдала в последний

момент. Сколько раз он звонил Лидии в Рязань – никогда не заставал, потом Храпунов раскололся: она переехала в Москву, но телефона у нее нет. Непонятно, почему Лидия поддерживала связь с этим жалким типом – дружба у них завязалась еще в ее первый приезд в Чебоксары. Да какая дружба – просто через этого болтуна Лидия узнает новости о нем, Дмитрии. Никак контролирует – а вдруг неудачник прорвется-таки с выставками в ее дражайшие Париж и Лондон? И тогда... А что – тогда? Прибежит? Храпунов сказал, что она сошлась с пилотом, пилот женат – но сделал первый взнос в ее московскую кооперативную однушку. И тут Лидия своего не упустила. А пацана не родила. Пока что. Видать, пилот тоже слабак.

Сидел на кровати, смотрел на холст с начатым натюрмортом. Повторял: «К черту, к черту...» – слезы лились, он следил, чтобы не закапали письмо, написанное перьевой ручкой, фиолетовыми чернилами. Острые буквы... кажется: сомнешь листок – они проколют бумагу, в руку воткнутся. За куклой не пошел. Спустился в магазин, купил водки на все деньги. Сумерки сгущались, он пил – один, в тишине. Потом не помнил ничего. На следующий день Светка орала.

Лидия принялась тыкать в него словом «неудачник» после того, как он отказался напроситься на прием к американскому послу (куда был зван Рабин). Иностранцы взяли манеру принимать в посольствах советских неформалов, писателей и художников; КГБ на иноземцев давление оказывать не мог при всем своем недовольстве. Дмитрию это претило: тащить в Москву «художества» (ради Лидии еще намалевал), скитаться по углам, скрестись к Рабину, *просить* поддержки, *просить* провести на прием к послу, *просить* представить коллекционерам...

– Я слышала, у Рабина есть выход на Эрика Эсторика, ты хоть знаешь, кто это? Владелец знаменитой *"Grosvenor Gallery"* в Лондоне! Коллекционер! Ты что, так и будешь сидеть, лапки сложив?

– Не могу я, Лид... Просить, просить... – Дмитрий неуверенно хмыкнул. – «Сами предложат и сами всё дадут».

Лидия любила ввернуть цитату из нашумевшего романа Булгакова, вышедшего несколько лет назад в толстом литературном журнале «Москва», – но сейчас это ее не умилило.

– Нашелся Воланд! Эсторик в Чебоксары прикатит на дрезине! Вместе с Томсоном! На Димочку Воронцова любоваться!

– А Томсон, это...

– Томсон – американский посол, ты что, одичал тут совсем? – Пнула ногой стоявшие у стены холсты. – Кому нужны твои избушки-речки-деревца? Знаешь, как сейчас в столице рисуют? О Звереве слышал? Он окурками в холст тычет, прежде чем рисовать! Это модно! Это по-ку-па-ют! Неудачник и есть неудачник.

Его будто плетью хлестануло. Вскочил:

– Не смей меня неудачником называть! Никогда!

Лидия посмотрела насмешливо:

– Не-у-дач-ник.

И тогда он ее ударил.

19

Со Светкой началось с того, что она подобрала его, пьяного, на улице. Пить он не умел, но после ухода Лидии в этом деле преуспел. С комбината его два месяца как выгнали за прогулы, начальник отдела кадров, до ушей опортреченный, даже говорить не пожелал.

Он ведь и не знал, где она в этой Рязани живет. Да если и знал бы – бежать пресмыкаться? Лидия его только еще больше презирать будет. Сделать бы усилие, добиться, чтобы в москвах-парижах-лондонах о нем говорили, вот тогда... Сто раз перетирал с Храпуновым и осознавал: без того чтобы душой покривить, не обойтись. И кривить надо направо и налево. А у него денег даже на холсты нет, не то что на поездки в Москву и приличный пиджак. «Потому что ты спиваешься», – назидал Храпунов, но от стакана не отказывался.

На Светке он женился назло Лидии. И ребенка сразу сделал. До самых родов всем говорил, что будет пацан.

Через несколько лет шепотки пошли: неугодных высылают за бугор, КГБ делает им вызовы — кому в Израиль, кому еще куда. А бывает, что отправляют в турпоездку — и паспорт советский отбирают. С Рабиными так и поступили, семейство осело в Париже. Да, Лидия того и хотела — чтобы он помог ей из Союза удрать. Долго он этого не понимал, думал, что любила. Потому-то и столько писем написал, а в ответ одно получил... Храпунов клялся, что потерял с ней связь, но это больше не имело значения. Все ее портреты он сжег, ничего не осталось, ничего.

Маринка из своего Парижа звонила только матери, но однажды трубку взял он — и, преодолевая обиду (хоть бы раз поинтересовалась, как отец себя чувствует!), сказал: «Найди Рабина, вдруг поможет чем». Она в ответ фыркнула — себя в ней узнал: «Что его искать, у него мастерская напротив Центра Помпиду. Но я не хочу ничего просить». Еще добавила бы «Сами предложат и сами всё дадут!» На то он и Воланд, чтобы людям голову морочить.

20

— Мне кажется, отец меня никогда не любил, — Марина смотрела на Айко и думала: «Кожа как фарфоровая».

— Любить или нет — личное дело каждого. Я когда-то не могла примириться с мыслью, что матери до меня нет дела, что я для нее проект. Считала, что никому не нужна, кроме деда, который далеко... А потом пришло знание, что есть понятие дороги. Если тебе не по пути с отцом, дай ему идти, куда он хочет. У тебя своя дорога и своя жизнь.

— Да никуда он не хочет, хочет только водку пить... — Марине не нравился этот разговор. Что Айко может знать о том, как опухает у отца лицо после двух рюмок, как он унижает мать — только потому, что она ему это позволяет. Женщина, написав-

шая письмо острым почерком, наверняка не догадывалась, что он может быть *таким*.

— Он страдает, вот и всё, — Айко смотрела прямо сквозь свою ровную челку. — Он никем не стал, а мечтал; он потерял женщину, которую любил; он одинок. Отпусти его, если не можешь помочь.

21

У Синего Дерева ветви плакучей ивы. Они падают до земли — получается шатер из листьев, сквозь который можно смотреть на мир. Здесь, у ствола, всегда прохладно — легкая такая прохлада, приятная. И тишина. Айко ныряет сюда всякий раз, когда в мире становится неуютно. Только — так дед учил — это не бегство. Она смотрит сквозь тонкие ветки на детей, носящихся на перемене; на гроб отца; на противную бебиситтершу. Айко здесь, и ее нет. Звуки, что долетают сюда, не жалят, это просто шепот радио. Она играет в салочки, будучи «в домике».

— Синее Дерево — часть мира. Его чудесная часть... И тебе дано приходить сюда, когда пожелаешь.

Дед разговаривал с ней как со взрослой. И детские ее беды воспринимал как настоящие. Хотя нет, они и были настоящими...

— Я спрячусь у Дерева, меня никто не найдет! — Айко уткалась лбом деду в плечо.

Он тихо смеялся.

— Ты тоже часть мира. Бежать от него — бежать от самой себя.

Получалось, что она, Айко, и гадкий мальчишка, больно схвативший ее за волосы, — две детальки пазла, из которого складывается картинка мира. Если на мальчишку обижаешься, значит, как бы немножко обижаешься на себя.

— Глупо обижаться на себя, правда?

Дед умер два года назад. Но для нее он превратился в ветвь Синего Дерева.

22

— Ай, а почему Дерево — синее?

Айко потянулась, улыбаясь: сон прошел.

— Синее... или зеленое... особенное или обыкновенное. Ты знаешь, что в Японии синий и зеленый цвета обозначаются одной идеограммой?

— Нет.

— Да, вот такая странность. Правда, «ао» — скорее, синий цвет. Но зеленые овощи — тоже «ао». И зеленый свет на переходе...

Марина распахнула глаза.

— «Ао»? А что значит «ки»?

Айко улыбалась, уголки губ озорно вздрагивали.

— «Ки» означает «дерево».

23

— Европейцы норовят все объяснить логически. Например, «Айко» они переводят как «любимый ребенок» — поскольку «ай» значит «любовь», а суффикс «ко» — уменьшительно-ласкательный и применяется к женским именам. Для японца это просто две идеограммы, оказавшиеся рядом. Один француз както спросил: «А фамилия Судзуки переводится как "деревянный колокольчик" или "колокольчик на дереве"?» Я ответила: «Вам приходилось слышать деревянный звон?» — и господин принялся выяснять, зачем колокольчики на деревья вешают. Да просто две идеограммы угодили в одну фамилию — «судзу», «колокол», и «ки»...

— Ты говоришь «европейцы» — будто не относишься к ним и не прожила здесь семнадцать лет!

— Лучше бы не прожила, — Айко опустила глаза, ее рука разглаживала покрывало с ирисами.

— Это... из-за деда? Не хватало его?

— Дед тут ни при чем. Давай не будем об этом.

Замолчали. Марина легла на подушку, стала говорить, глядя в потолок.

— Знаешь, Айко, воистину человек не ценит того, чем владеет. Париж был твоим, и ты покинула его. Я мечтала жить здесь, и вот у меня десятилетний вид на жительство, а внутри... пусто. Хозяйка отеля поможет снять конурку, но что дальше? Рисунки мои тут никому не нужны, или мне кажется, что не нужны, — но от этого не легче. Кем мне работать? Я училась на компьютерного дизайнера, но не мое это. Нет в этом жизни. Для радости мне остаются только эти улицы, витрины, этот язык, эти лица — но они чужие. Я одна.

Айко смотрела на Маринин профиль, теребила уголок губ кончиком языка.

— Ну вот ты и освободилась от своих зависимостей. Или от любовей, что часто одно и то же. От любви к городу, к Ноэлю, к тому, другому...

— Его звали Денис.

«Его звали».

— Одиночество — это еще и свобода, — Айко скользнула взглядом по картине над кроватью. — Синее Дерево... оно дает свободу, но под его кроной ты одна.

— Я не хочу быть одной.

— Ты не хочешь быть свободной? — Айко хмыкнула. — Не стоило ли остаться с Ноэлем?

Марина резко повернулась.

— Айко... я не могла... Я не смогла, может, самого главного...

24

Оставила человека, к которому пришла учиться любить. И отдавать ее, любовь. Но как не оставить: стал невыносим. Всегда таким был? Или разочаровала она его? Лишь однажды купила ему любимого горького шоколада в лавке напротив церкви. Не хотела идти в кино на фильмы, которые выбирал он, «стрельбу и драки». Раздражалась на дурацкий пылесос... щедрости не

хватило взять в руки эту адскую машинку. Вот так претендуешь на чуткость другого, а сама не замечаешь, что не даешь ничего. Она такая же, как Корто. И с этим надо жить?

Марина не заметила, как Айко стала улыбаться.

— Не думала, что ты самоедка, — Айко подавила улыбку. — Это все излишняя патетика — «с этим надо жить»... А ты не живи. Ничто не мешает тебе действовать так же, как Ноэль. Он тебе рядом для этого не требуется. А то, что ты не смогла вернуть ему той же монетой... Ну так это он пришел в твою жизнь, чтобы что-то изменить, а не ты — в его. Знаешь, что у каждого есть свой ангел? Если не совершишь ничего ужасного, он тебя не оставит. И будет приводить к тебе нужных людей.

Да, если ничего не останется от Ноэля, значит, зря ангел старался. Кто знает, сколько сил ему стоило организовать это все: ее работу в «Акации», дежурство в ту ночь; вымотать Львенка, Ноэля сбить с дороги... И все для того, чтобы Марина узнала: есть другая жизнь.

— Ай, вот теперь мой ангел тебя мне привел.

Айко отвела глаза.

— Ошибаешься.

Марина подумала: и правда, с какой стати Айко должна помогать ей, вводить в профессию, квохтать над ней? Где она, а где Айко Аоки...

— Ошибаешься, Марина. Ты нужна мне.

25

— Айко!

Кристоф пересекает двор колледжа, останавливается, совсем близко. Берет золотой крестик, что лежит у нее в ямке между ключицами, тянет на себя. Цепочка впивается ей в шею.

— Отпусти! — она бьет его ладонью по руке.

— Ты разве не буддистка? — пальцы Кристофа разжимаются, скользят по груди.

— Обнаглел, что ли?

Айко разворачивается и идет прочь. Ей пятнадцать, Кристофу на год больше. Хамоватый тип. Невысокий, крепкий, волосы ежиком; особенно его пальцы противны — короткие и пухлые.

Спустя два дня она обнаруживает его в холле своего дома возле лифта. Он стоит, опершись рукой о дверь подсобки, где жильцы хранят велосипеды и коляски.

— Тебя правда Айко зовут? А чего имя такое странное?

— Отвали, — она вызывает лифт.

— Ты красивая, — Кристоф делает к ней шаг, прижимает спиной к стене. Кнопка лифта врезается в позвоночник. Пухлые пальчики сжимают грудь, больно.

— Отвали, я сказала, идиот! — она пытается оттолкнуть его, но он сцепляет рукой ее запястья, прижимается всем телом. Он не пытается поцеловать. Просто мнет ее ладонью, как пластилиновую массу.

Лифт приходит. Неизвестно, пустой или нет, — Кристоф ослабляет хватку, она пинает его коленом в живот. Двери лифта закрываются, разделяя их. Кристоф хватает ртом воздух:

— Я до тебя доберусь, сучка!

Проходит неделя. В колледже Айко иногда видит Кристофа, он перешептывается с приятелями, но держится на расстоянии. Она старается не оставаться одна; в дом входит только за кем-то. Но Кристофа в холле нет. Она думает о том, что он дурак и трус.

В воскресенье Айко возвращается от подруги в десять вечера, льет дождь. Стоит под портиком у входа, но никто не идет: все по домам или по гостям. Она заходит в холл, но свет включить не успевает.

26

Про то, что дочь уже полгода нюхает кокаин, Адель Коимори узнаёт от домработницы. Та нашла дневник Айко, сунувшись к ней под матрас. Странный дневник, исписан двумя фразами: «Я виновата, я виновата, я виновата» и «Простите, простите, простите». Рисунки в стиле манга, запрещенной в доме; и не

просто манга — хентай, гадкая порнография, откровенное насилие: перекошенное ужасом лицо девушки, заломленные руки, порванная блузка, щека, прижатая к велосипедной цепи, с капельками крови, додуматься же надо до такого. Рядом с девушкой — всегда двое, один невысокий, крепкий, волосы ежиком, а второго не видно, второй — только тень, черный заштрихованный силуэт. И часто рядом велосипеды, с чего бы.

Учителя заладили: переведите дочь в школу попроще, девочка у вас проблемная, не учится. Вот тебе и проект. Орала на нее — без толку. Молчит. Пришлось перевести, но и тут она одна из последних. Теперь еще кокаин и порнушка — полный набор.

Подумалось: Айко давно не носит золотые цепочку и крестик, сказала, что потеряла... Адель бросилась за шкатулкой, где драгоценности хранила, — так и есть, кольцо пропало с рубином, браслет с изумрудами, который муж на годовщину свадьбы дарил. Дверь хлопнула, домработница заглянула в спальню: «Пришла!» Не стоило при посторонних, но не сдержалась — схватила дочь за волосы, стала по щекам хлестать. Домработница-полька перепугалась, выскользнула за дверь.

Айко закрылась в своей комнате, но через минуту вылетела — бледная, всклокоченная, худая, круги под глазами. Шестнадцатилетняя девочка подсела на кокаин: отца нет, мать в разъездах, бабушка с дедом — в глубокой провинции. Если бы Гражина не полезла под матрас...

— Где мой дневник?!

Не крик, а визг. Ответила спокойно:

— Я еще не дочитала.

Айко достала из кармана канцелярский нож и полоснула себе по тыльной стороне руки.

27

Врач — седой, грузный, глаза усталые — смотрит пристально. Вышли из палаты.

— Мадам, вам известно, почему ваша дочь вскрыла вены?

— Это глупость какая-то, я нашла ее дневник, и...

— А вы в курсе, что она уже год вот таким канцелярским ножом себе на теле узоры рисует?

— Как... узоры? Какие узоры?..

— Вы действительно ничего не знаете? Вы с ней живете?

Адель кивнула.

— Я не всегда бываю дома... Я думала, она уже взрослая...

Врач дернул щекой — то ли от раздражения, то ли тик у него.

— Вы не поняли, что с ней случилось нечто, о чем она вам не говорит?

Адель пожала плечом:

— Вы хотите сказать, что я упустила дочь?

— Я хочу сказать, что девочке нужна мать. И курс реабилитации от наркозависимости. Останьтесь с ней до завтра. Она, как оклемается, попробует сбежать.

— Доктор, я не могу. У меня самолет в восемь утра.

Седой и грузный стоял и смотрел, не отвечая.

— Это очень важная встреча, я должна лететь. На сутки всего. Вы присмотрите за ней?

Врач не ответил, пошел по коридору. Адель толкнула дверь в палату. Айко, казалось, спала. Адель подошла, приподняла одеяло. Вздрогнула: маечка не скрывала беспорядочные порезы — на плечах, на грудной клетке — старые и свежие. Адель протянула руку, коснулась белого шрамика возле ключицы.

— Доченька...

Айко отвернула лицо, уткнула его в подушку.

28

На суде Кристоф держался с таким видом, будто не понимал, как здесь оказался. Он основательно подзабыл события двухлетней давности, столько воды утекло. Сейчас он поступил в *"Sciences Po"*, университет, о котором можно лишь мечтать: это его первая настоящая победа, если не считать того, что Клоэ согласилась с ним спать. А тут ему тычут в нос этой под-

собкой с велосипедами, да он забыл даже, как ее зовут, эту дурочку японскую. Ее из колледжа перевели, двоечницу. Не узнал бы, столкнись с ней на улице: волосы как пакля, серая какая-то, с такой в голодный год за сто блинов не согласишься. Только бы в универе слушок не прошел.

У судьи — старая баба с пожеванной физией — черная накидка, белая манишка, не кресло — трон. Рядом с ней за длинным столом еще макаки в манишках на тронах. Морды как на похоронах. Да ничего, мать наняла хорошего адвоката.

— Вы понимаете, почему оказались здесь?

Неуютно стоять перед этим столом, у макаки в манишке злобный вид.

— Э-э-э... нет.

— Вам приходило в голову извиниться перед истицей?

— Э-э-э... нет.

— Вы вспоминали о случившемся?

— Э-э-э... нет.

— Вы сожалеете о содеянном?

— Э-э-э... нет.

И тут японка пропищала: «Я во всем виновата, я виновата!» — с места, никто не спрашивал. Подумал — втюрилась, что ли?

— Вы его спровоцировали? — макака оживилась.

— Нет.

— Тогда в чем ваша вина?

— Я...

У адвоката глаза стали как монеты по два евро.

— Я... не знаю.

Видать, крыша поехала. Адвокат сказал, она снюхалась.

Адвокат чертов... За что ему бабки отстегивали? Присудили три года! Правда, два условно, и срок могут скостить за хорошее поведение. Гнить теперь из-за этой дуры! Прощай *"Sciences Po"*! Наорал на адвоката, он только отбрыкивался: за изнасилование несовершеннолетней пять лет дают, ты дешево отделался... Дешево! А Брюно вообще сухим из воды вышел — она в темноте его не разглядела, даже не уверена, был ли кто еще;

да наркоманке веры-то нет. Сдал бы Брюно — но адвокат сказал, хуже может повернуться.

29

Когда суд закончился, подскочила высокая брюнетка, открыла рот, но мать напустилась:

— Что значит «виновата»? Перед кем виновата? Перед этим жлобом?

Да при чем тут жлоб. Не было бы жлоба, если бы ангел от нее не отвернулся. А без ангела — никакой защиты.

— Айко, что ты несешь? Бред наркоманский — ангелы какие-то. Курс лечения коту под хвост? Признавайся — нюхнула? Я из тебя душу выну... .

— Простите... я хотела бы переговорить с вашей дочерью.

Брюнетка — из организации по помощи жертвам сексуального насилия. Она понимает, каково это: год терпеть унизительные допросы, выворачиваться наизнанку перед посторонними, доказывать, что не врешь, косые взгляды сносить... такое чувство, что снова насилуют.

— Ему мало дали, — брюнетка понижает голос. — Тебе нужна психологическая поддержка. Вот моя визитка. Приходи в наш центр обязательно.

Визитку взяла мать:

— Она сейчас к выпускным готовится. Если только уже летом...

Брюнетка пожала плечами:

— Думаете, в таком состоянии она сдаст экзамены?

— Этой истории больше двух лет. Можно ведь несколько месяцев подождать? Она безобразно учится.

И тут к матери подошла судья, отозвала. Брюнетка достала вторую визитку.

— Возьми. Звони, когда захочешь.

— Спасибо. Мне не надо.

— Тебе надо. Тебе надо заново научиться жить.

Посторонняя женщина будет учить ее, Айко, жить. Да еще и заново.

— Послушай, девочка. Хочешь, я тебе скажу, что с тобой происходит? — Брюнетка покосилась на судью, говорившую с матерью. — У тебя чувство вины. Ты презираешь себя. Чувствуешь себя грязной. Опустошенной. Ты как консервная банка, которую выпотрошили и выбросили. Ты одинока. И разбита — так, что не склеишь. Тебе кажется, люди носом чуют, что тебя коснулось насилие. Ты ненавидишь свое тело... Смеешься, разговариваешь... но тебя здесь нет.

— Замолчите!

— Девочка, только вскрытый нарыв может зарубцеваться!

Бросила на пол визитку, побежала прочь по коридору.

30

— Я завалила экзамены и улетела в Японию. Сказала себе, что больше сюда не вернусь. Десять лет тут не появлялась.

Теперь они обе, Марина и Айко, лежали и смотрели в потолок. Так легче говорить.

— А что с наркотиками?

— Я ж прошла курс лечения. Хотя, может, вернулась бы к ним, если бы не уехала. Знаешь, что я сделала первым делом в Токио? — В голосе у Айко мелькнула улыбка. — Я отрезала волосы. По закону манги.

— Начала с белого листа...

— Нет. С белого не начнешь. Я просто бежала от себя, как ты сейчас бежишь. До этого я жила в прошлом, а тут стала жить в будущем. Я очень много рисовала, пыталась доказать себе, что — не выпотрошенная консервная банка... Так меня задели слова той женщины. И когда мне сделали первый заказ на мангу, я начала обретать веру в себя. Правда, у меня не было друзей, никого не было, кроме деда. Я ни с кем не встречалась, рисовала целыми днями или смотрела мультики. Не кино — именно мультики. Потому что в кино были человеческие

отношения, любовные перипетии, а меня тошнило от всех этих самцов...

Марина улыбнулась:

— А как же Синее Дерево и толерантность?

— Синее Дерево помогает, когда идешь мимо... идешь своей дорогой... А вот если боишься подпустить кого-то — Дерево не помощник. Правда, я умудрилась влюбиться. Через пять лет жизни в Токио.

31

Сюйти Каэдэ владел маленьким, но процветающим издательством, публиковавшим исключительно мангу. Айко отправила ему рисунки, уже начиная отчаиваться их продать. На первых порах она стучалась в известные издательские дома; потом проштудировала список издательств средней руки... Там ей перепало несколько контрактов, но жить на эти деньги было нельзя. Да и скукота: рисуешь заказуху — каких-нибудь популярных персонажей. И вот Каэдэ-сан, он же господин Клён, если переводить с японского, вдруг живо заинтересовался ее художествами. Пригласил в кафе, куда явился в гавайской рубашке с пальмами и попугаями.

Это сразу расположило. Он по-свойски перешел на «ты» и представился по имени: Сюйти. Лет на десять старше, веселый. Длинные узкие пальцы, унизанные серебряными перстнями, забавно.

— Через полтора месяца сможешь выдать двадцать страниц?

— Через неделю могу...

Рассмеялся.

— Так рано не надо, — достал один из ее набросков: — Мне эта тема нравится.

Айко принесла работу спустя три недели. Сюйти одобрил, задумчиво постучал карандашом по столу.

— Знаешь... А нарисуй мне... что хочешь.

Так Айко и начала ощущать, что не консервная она банка. Через некоторое время ее заметил еще один издатель, и еще... Но на Сюйти она работать продолжала. Он был ей симпатичен — от него не исходило угрозы. Общалась с ним, как с подружкой, и не заметила, как стала нуждаться в нем.

Сюйти сообразил, что к чему, и как бы между делом позвал в кино. В суперкинотеатр развлекательного комплекса *"Mediage"* в Одайба. Одайба, «Радужный город», — район, выстроенный на отвоеванной у Токийского залива территории. Год как Сюйти переехал на этот искусственный остров, связанный с континентом восхитительным Радужным мостом. С моста можно романтически смотреть на залив и *Tokyo Tower*, скопированную с Эйфелевой башни, но на девять метров выше. У Айко должны всплывать приятные воспоминания о детстве и юности в далеком Париже. В кино и на мосту целовались, после позвал к себе, «показать первое издание манги "Новый Остров сокровищ" Осаму Тэдзуки».

Когда поднимались в лифте, стал в шею целовать — она вдруг забилась, слезы ручьем — и ну давай в кнопки тыкать, лифт останавливать. Сбежала, ничего не объясняя; подумал: «Неужто невинна в двадцать три?» Так ведь сама пошла, странная. Не разозлился, но решил не связываться. Она появилась спустя две недели, с невнятными извинениями, что-то бормотала — ничего не понял. Какой-то у нее негативный опыт был. Признаться, совсем не хотелось заниматься психо- и прочей терапией. Договорились, что отношения — только рабочие, но она вскоре исчезла. Через несколько лет ее имя стало довольно известным в своем жанре. На юри спрос не так велик, но тут она лучшая. Кстати, ему этот ее уклон сразу показался подозрительным — станет нормальная девушка лесбийскую любовь изображать? Впрочем, кому какое дело. Запомнил ее милой, диковатой, хорошенькой худышкой. Рад был, что первым открыл.

32

Прыгнула в поезд метро. Линия «Юрикамоме» — автоматизированная, без машиниста: сядешь у лобового стекла и летишь по мосту над Токийским заливом, где этих юрикамоме, озерных чаек, целые колонии. Смотришь за окно на усыпанный огнями Радужный мост — красные, белые, зеленые нити, — на ночной город, на темную воду залива — ненавидишь себя, стыдно перед Сюйти, а тошнота все стоит в горле: едва успеваешь пакет из сумки дернуть — вырвало бы на пол. Окружающие делают вид, что не видят. Наверно, думают: перепила.

Запах. Преследует этот запах. Галлюцинация какая-то — показалось, что в лифте странный знакомый запах, и — вспышка: подсобка с велосипедами и колясками, там нет вентиляции, душно, спертый воздух, слегка заплесневелый. Неоткуда взяться этому запаху в лифте токийской высотки, но — он уже схватил, липкий ужас. Не вырваться наружу, тело зажато между стенкой лифта и другим — чужим — теплым, дышащим, настойчивым. Тело, вспомнившее боль в запястьях, велосипедную цепь на щеке, и ту, другую боль; и самое, самое мерзкое — капли чужого пота, падающие тебе на лицо, пока ты плачешь.

Дома достала из ящика стола канцелярский нож. «Только вскрытый нарыв может зарубцеваться!» — а что делать, когда ты — целиком — и есть этот самый нарыв? Ведь думала, что — всё, всё прошло. Откуда этот гадкий запах, этот клейкий страх? Эта боль, этот стыд и ненависть к своему телу... Ревела, водила лезвием, смотрела, как красные капельки выступали, будто роса.

33

— Я тогда поняла, что не смогу быть с ним, ни с кем из *них* не смогу. Не хочу. Не могу. Знаю, что не все они, как... Все равно. Не могу. Поняла, что всегда буду одна. Мне казалось, я стала жить в будущем — но нет, прошлое за спиной стояло. А я сама была нигде, меня не было. Из этого виража я выйти не могла.

— А... дед?

— Дед, может, и догадывался о чем-то, но в Японии не принято в душу лезть. Я ведь долго была уверена, что виновата в смерти отца, что «продала» его за сосиски с картошкой фри в столовой. Считала, Кристоф появился, потому что мой ангел от меня отвернулся. Глупости. Ангелы не отворачиваются. Они прощают.

— Тем более что и прощать-то не за что.

— Да... думаешь, я сама сообразила? Черта с два. Мне Ори это долго и терпеливо внушала. И однажды я проснулась и поняла — свободна. Свободна от чувства вины. И, может быть, от прошлого.

34

Марине такая Ори не помешала бы. Старше и умнее. Она была с Айко каждый день, четыре года подряд. Без нее, может, и не сумела бы Айко пробиться. Не узнала бы, что жить в настоящем — возможно. Не захотела бы в нем жить.

— Это ее история — про корзины и запах сакуры.

Марина наконец оторвала взгляд от потолка:

— Ты же сказала: «Там, где я, нет запахов».

— Нет. — Айко головы не повернула. — Ори ушла и унесла с собой все запахи.

— Почему?..

— К мужу вернулась. У них был общий ребенок, дочка. Иногда Ори забирала ее к нам. Я рисовала ей... Из-за дочери Ори опять сошлась с мужем. Простила ему многое. И сказала, что это ее последний шанс построить нормальную жизнь. А у меня было чувство, что она — мой последний шанс.

— Муж не хотел, чтобы вы встречались?

— Он ревновал очень. Да незачем было хотеть или нет. Между Токио и Сендаем, где они живут, триста километров. Поезда ходят быстро, но... ни к чему это.

Марина облокотилась о подушку.

— Айко, посмотри на меня.

— Ори ушла, а через полтора месяца умер дед. Просто не проснулся. — Айко оторвала взгляд от потолка, но на Марину не перевела. — Это случилось два года назад, мне казалось, я все потеряла. У меня так мало было — два любимых человека, и они ушли. Пустой дом... и это длилось, длилось. А потом я получила письмо с твоими рисунками.

Айко, казалось, сделала колоссальное усилие — перевела глаза на Марину.

— И мне стало легче.

Марина молчала.

— Письмо с живыми рисунками. — Айко снова отвела глаза. — Я ведь из-за тебя сюда прилетела. Поедешь в Токио?

35

Белый шрамик на ключице. Тянешь с плеча шелковую ткань, и выглядывают другие — короткие, неприметные, у каждого — своя история, которую не надо знать. Тихий свет небесной лампы, синие ирисы.

— Ноги замерзли...

— Ныряй под одеяло...

Марина скидывает джинсы, кофту. Май, а ночью прохладно. Под одеялом — царство шелка. У Айко маленькие горячие ступни, прячешь в них свои «ледышки», сплетаешь коленки — так уютно сразу.

Нет ни прошлого, ни будущего. Ты здесь и сейчас.

Марина кладет руку Айко на живот, скользит по ребрышкам. Будто птичку, пестрого зимородка, стискиваешь, только ну очень большого. Хочется оградить его от всех кошек мира. Гордая неосторожная пичужка...

Марина касается губами шрамика на ключице, кладет голову на Айкину подушку, ныряет носом в ее волосы, пахнущие разнотравьем. Айко улыбается, не открывая глаз, — как если бы все силы израсходовала на этот разговор. Да, наверно, так и есть.

— Ай, а когда в Токио сакура зацветет?

— Отцвела уже в начале апреля...

— Теперь год ждать!

— Да это все туристическая романтика, — Айко поворачивается, прячет лицо у Марины между шеей и плечом.

— А как же ханами, праздник любования цветами? Я слышала, вся страна следит за тем, как сакура зацветает, сперва на юге, а потом через весь остров волна идет...

Марина переходит на шепот. Айко отвечает тоже тихо: сонное чириканье.

— Цветение сакуры — повод для пьянки. Японцы в пять утра места под деревьями занимают — спят в костюмах-галстуках на циновках. Если хочешь по службе продвинуться — выпей с начальником под цветущим деревом...

— Вот тебе и запах сакуры... — Марина улыбнулась. — А я хотела бы все-таки его узнать.

— Узнаешь, — Айко прижалась к Марине. — Я засыпаю... не могу больше.

— Спи...

— Ни прошлого, ни будущего... Сакура пахнет твоим телом... Не исчезай.

Марина слушает ровное дыхание спящей Айко.

Лампа небесного цвета едва освещает комнату.

А если настоящая радость — она вот такая? Ты не пытаешься надышаться ею, удержать ее в легких. Не боишься потерять: просто не думаешь о том, что будет. И то, что было, — не нужно тебе. Здесь и сейчас тепло и легко. Несет тебя волна, а может, ты уже сама — волна и катишься себе вдоль берегов, ни о чем не жалея, не сожалея, без ожиданий, без сомнений, без тревог, без снов.

Айко заглушает мотор, наваливается тишина.

— Ай, хоть теперь скажи, где мы.

— На Хоккайдо, в Немуро. Это самый север Японии. — Айко запускает пальцы в твои непривычно короткие волосы. — Дикие края. Можешь выходить.

Ехали от Саппоро, где в аэропорту взяли напрокат синюю уютную «тойоту». Выпрыгиваешь на землю — и здесь тишина, только птиц слышно. Небо затянуто от края до края, легкий туман.

Айко хлопает дверцей:

— Пошли.

Идете по серому гравию к небольшому буддийскому храму с красной крышей: уголки у нее загибаются, и кажется, что храм улыбнулся.

— А что за кусты такие красивые?

Вдоль дорожки — невысокий кустарник, нахлобучивший белые шапки из цветов. Глядя издалека, можно подумать — снег выпал.

Айко бросает небрежно:

— Сакура.

Ты останавливаешься.

— Как — сакура? Она же отцвела в апреле!

— В Токио — да. А сюда волна как раз к середине мая докатывается. Дальше ей идти некуда. Еще пара дней, и мы опоздали бы.

— Но...

— Теперь понимаешь, почему я с визой спешила? Хорошо, что в посольстве свои люди.

— Но... Айко... это все ради меня?

— Ты хотела узнать запах сакуры, — Айко улыбается вместе с буддийским храмом. — Правда, она здесь немного другая, чем в Киото или Токио. Не деревья, а кусты, но им больше сотни лет. Храм Сейрюдзи славится ими. Завтра-послезавтра она начнет облетать. Ветер поднимет вихри лепестков...

— Как в «Утэне».

Ты перешагиваешь через цепь-оградку, склоняешься к усыпанной белыми цветами ветке. Вдыхаешь. Замираешь. Оглядываешься. Айко смотрит на тебя, по-прежнему улыбаясь.

— Ай... но... она не пахнет! Она ничем не пахнет!

— Конечно. Это же пустоцвет.

— Но как же корзины с прошлым и будущим, запах цветущей сакуры?..

Айко кивает в сторону:

— Здесь до моря недалеко. Пойдем.

Туман, крики чаек, солоноватый ветерок. Пустынная дорога, забегаловка-развалюха с крабом на фасаде — ловят их тут в большом количестве. Топать в кроссовках по дороге, держась за руки, говорить.

— Когда Ори сказала про запах сакуры, я тоже не поняла. И она объяснила. Реальность — это черно-белая манга, и какими цветами ее раскрашивать — зависит от нас. Сакура не пахнет ничем, но никто не запретил тебе придумать ей запах. Если твой путь лежит сквозь облако цветущих деревьев — что проще: распахни глаза и улови запах, запах радости. А ты корзинами занят.

— Она так тебя к жизни возвращала...

— Она учила меня этой жизни радоваться. Радоваться даже тому, чего нет. Запаху сакуры. Придумываешь его, и всё.

— Придумываешь себе радость...

— И живешь в ней.

— Да, но тогда ты снова не здесь.

— Какая разница? Ты там, где хочешь.

Помолчали.

— Айко... а не окажусь ли я сакурой, запах которой ты просто выдумала?

Айко шагнула на траву у дороги. Потянулась, легла на спину.

— Устала баранку крутить... Не говори о будущем.

Морской ветерок путает ее челку. Ты ложишься рядом. Тишина, крики чаек. Тяжелое серое небо.

— Знаешь, тут, на Хоккайдо, есть полуостров Сиретоко. В переводе с языка айнов, аборигенов, это «край земли». Мы с тобой на краю земли, у моря, нас ожидает маленький отель, простой, потому что туристы здесь бывают нечасто. Еще нас ждут краб на ужин или рыбешка. Мы вдвоем и, кажется, счастливы. Это и есть наш запах сакуры. Он только наш, и пускай для других это все глупость. Распутство. Другие хотят иметь стабильную работу, свидетельство о браке — удобную жизнь, статус. Это их запах сакуры. Но счастливы ли они?

Ты молчишь, улыбаешься. Смотришь в небо — оно совсем рядом.

— А когда твоя мама улетает во Францию?

— Послезавтра.

Ты поворачиваешь лицо к Айко, у нее красивый профиль.

— И чем мы будем заниматься здесь два дня?

Айко возвращает улыбку:

— Чем хочешь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. TERRA
7

II. IGNIS
157

III. AER
249

IV. AQUA
369

Литературно-художественное издание

Кудесова Ирина Александровна

ТАМ, ГДЕ ХОЧЕШЬ

Роман

Заведующая редакцией *Е.Д.Шубина*
Редактор *А.С.Шлыкова*
Младший редактор *А.С.Портнов*
Технический редактор *Т.П.Тимошина*
Корректоры *М.И.Уланова, О.Л.Вьюнник*
Компьютерная верстка *Е.М.Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Женщина видит мир непосредственнее мужчин,
а значит пристальнее.
У читателя есть возможность убедиться в этом.**

Издательство АСТ представляет серию

ПРОЗА:
ЖЕНСКИЙ РОД

Нина Берберова	АККОМПАНИАТОРША
Нина Берберова	ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА
Алла Боссарт	ЛЮБОВНЫЙ БРЕД
Ирина Велембовская	ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ
Ирина Велембовская	НЕМЦЫ
И. Грекова	ЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ
И. Грекова	КАФЕДРА
И. Грекова	СВЕЖО ПРЕДАНИЕ
И. Грекова	СВОЕ СЧАСТЬЕ
И. Грекова	ТАКАЯ ЖИЗНЬ
И. Грекова	ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ
Наталья Ключарева	ДЕРЕВНЯ ДУРАКОВ
Ирина Кудесова	ТАМ, ГДЕ ХОЧЕШЬ

ПРОЗА:
ЖЕНСКИЙ РОД

Татьяна Москвина	ОНА ЧТО-ТО ЗНАЛА
Татьяна Москвина	ПОЗОР И ЧИСТОТА
Олеся Николаева	ТУТТИ
Ирина Полянская	ЧИТАЮЩАЯ ВОДА
Ольга Славникова	СТРЕКОЗА, УВЕЛИЧЕННАЯ ДО РАЗМЕРОВ СОБАКИ
Марина Степнова	ЖЕНЩИНЫ ЛАЗАРЯ
Елена Чижова	ВРЕМЯ ЖЕНЩИН
Елена Чижова	КРОШКИ ЦАХЕС
Елена Чижова	ЛАВРА
Елена Чижова	ПОЛУКРОВКА
Татьяна Щербина	КРОКАЗЯБРЫ
Елена Холмогорова	ГРАНИЦА ДОЖДЯ

Ирина Кудесова – прозаик, журналист, переводчик. Работает во Франции на телеканале «Россия», живет в Париже. Переводила с французского прозу Н.Саррот, Ф.Саган, стихи П.Элюара, А.Дюма, В.Гюго. «Там, где хочешь» – третья книга Ирины Кудесовой. В основе ее романов не простой поиск счастья, но экзистенциальная необходимость осмелиться на решительный шаг, который изменит всю жизнь.

Марина, молодая художница из провинциального городка, приехала в Париж – написать его крыши и улочки, выучиться на дизайнера... и, возможно, найти любовь. Парижская жизнь, как карусель, уносит ее от семейных скандалов и неустроенности, из ресторана на Елисейских Полях в бедные эмигрантские районы, от одного мужчины к другому, от полного отчаяния – к внезапной надежде...

Там, где хочешь... быть. «Там» не столько точка на карте, сколько состояние. «Там» тебе просто хорошо. Именно тебе: у каждого ведь свой рецепт радости. Правда, чтобы попасть в свое «Там», нужно пройти огонь и воду, полюбить Париж и цветущую сакуру.

ISBN 978-5-17-074556-2

9 785170 745562

www.ast.ru
www.elkniga.ru